

ARCHIVES DU PRINCE WORONZOW.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

МОСКВА.

—
1882.

А Р Х И В Ъ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ХХV.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

— — — — —

МОСКВА.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (М. КАТКОВЪ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГИ АРХИВА
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

	Стр.
I. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причи- ны перемѣнъ правлениія въ домѣ Романова.....	1
II. Духовное завѣщаніе князя Аникиты Ивановича Репнина, 1726 года.....	51
III. Письмо князя Никиты Волковскаго, мужа Аграфе- ны Петровны Бестужевой, шута при Аннѣ Ioannovnѣ, изъ Митавы, Сентября 4 дня 1727 года.....	59
IV. Реестръ отобраннымъ письмамъ, которыя между прочими взяты были въ Слѣдственную Коммиссію изъ до- ма бывшаго кабинетнаго министра Остремана и принад- лежать до Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.	60
V. Sur les événemens du règne de Jean III, et des régences du duc de Courlande et de la princesse Anne de Meklembourg; sur la révolution qui a placé l'impéra- trice Élizabeth sur le trône de Russie etc. De annis 1740—1748.	
a) Extraits. .	
1. 18 Октября 1740	81
2. 22 Октября 1740	82

	Стр.
3. 29 Октября 1740	82
4. безъ числа .	84
5. 1 Ноября 1740	84
6. 5 Ноября 1740	84
7. 8 Ноября 1740	85
8. 12 Ноября 1740 .	87
9. 21 Ноября 1740	87
10. 22 Ноября 1740	90
11. 26 Ноября 1740	90
12. 3 Декабря 1740	94
13. 13 Декабря 1740	94
14. 7 Января 1741	95
15. 14 Февраля 1741	96
16. 15 Марта 1741 .	96
17. 1 Апрѣля 1741	96
18. 4 Апрѣля 1741	97
19. 8 Апрѣля 1741	97
20. 11 Апрѣля 1741	97
21. 13 Мая 1741	97
22. 3 Июня 1741	98
23. 27 Июня 1741	98
24. 1 Июля 1741	98
25. безъ числа	99
26. 29 Июля 1741	99
27. безъ числа	99
28. 19 Августа 1741	99
29. 26 Августа 1741	99
30. 7 Октября 1741	100
31. 7 Декабря 1741	100
32. 9 Декабря 1741	100
33. 9 Декабря 1741	103
34. безъ числа	104
35. безъ числа . .	105
36. 12 Декабря 1741	105
37. 30 Декабря 1741	106
38. Безъ числа .	106
39. 27 Января 1742 .	107

	Стр.
40. 30 Января 1742.	107
41. 3 Февраля 1742	109
42. 15 Февраля 1742	110
43. 3 Марта 1742	110
44. Москва, 12 Апреля 1742	110
45. Москва, 14 Мая 1742	111
46. 14 Июня 1742	111
47. 7 Ноября 1742.	112
48. Петербургъ 5 Февраля 1744	112
49. Москва, 9 Июля 1744	112
50. Москва, 12 Июля 1744 .	113
51. Москва, 27 Июля 1744	114
52. 11 Декабря 1742	114
VI. Portrait du comte de Woronzow 1748.....	115
VII. État de la famille du duc de Brünswic 1748....	115
VIII. La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères	115
а) Дѣла Вѣнскаго двора. 1748 .	117
б) Дѣла Англіи. 1748 .	117
в) Дѣла Голландіи. 1748.	118
г) Дѣла Даніи. 1748.. .	118
д) Дѣла Саксоніи и Польши. 1748 .	118
е) Дѣла Пруссіи. 1748..	119
ж) Дѣла Франціи. 1748	119
з) Дѣла Швеціи. 1748.	119
и) Восточные дѣла. 1748	120
IX. L'arrêt et disgrâce du comte de L'Estoq, de avis 1748—1749.....	121
1. 23 Ноября 1748	124
2. 26 Ноября 1748 .	126
3. Безъ числа .	128
4. 30 Ноября 1748	129
5. 3 Декабря 1748.	129
6. 7 Декабря 1748.	130
7. 10 Декабря 1748.	130
8. 17 Декабря 1748.	132

	Стр.
9. 28 Декабря 1748.	131
10. 31 Декабря 1748.	132
11. 30 Января 1749	132
12. Москва, 20 Февраля 1749	133
13. Письмо Фридриха Великаго г-ну Аммону въ Гагу. Берлинъ, 11 Января 1749	134
14. Статья, напечатанная во Французскихъ и Флемандскихъ газетахъ. Берлинъ, 11 Января 1749.	136
 X. Предложеніе профессора Виллеборна Елисаветѣ Петровнѣ. Стокгольмъ, 24 Мая 1741....	137
XI. Переводъ съ Татарскаго письма Кель - Махомеда Уракова, содержащагося въ тайной канцеляріи. 1746..	139
XII. Доношеніе статскаго совѣтника Михаила Аврамова императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. 21 Ноября 1749. 149	
XIII. Прошеніе графа М. П. Бестужева-Рюмина. Ноября 1743.	160
XIV. Всенижайшее доношеніе оберъ-гофмаршала дѣйствительного тайного совѣтника графа Бестужева Рюмина. Изъ Дрездена, отъ (1) 12 Апрѣля 1749...	163
XV. Письмо графа М. П. Бестужева-Рюмина къ графу М. Л. Воронцову. Изъ Вѣны, Ноября (3) 14-го 1750. 166	
XVI. Изъ писемъ графа П. Г. Чернышова къ графу М. Л. Воронцову	
1. Октября 8 дня 1743 года. Берлинъ.	170
2. Ноября 5 дня 1743 года. Берлинъ.	173
 XVII. Извѣстіе, какимъ образомъ принятъ былъ въ Синодѣ нововыѣхавшій архіерей изъ Грузіи.	175
XVIII. О Грузинскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ.	178
XIX. Переводъ съ Грузинскаго письма къ Елисаветѣ Петровнѣ.....	179
XX. Письмо Грузинскаго митрополита Аѳанасія къ графу М. Л. Воронцову. Июня 9 дня 1754 года....	181
XXI. Реляція надворнаго совѣтника и резидента Обрѣзкова изъ Перы Константинопольской, отъ 26 Июня 1754	

	Стр.
года съ примѣчаніемъ канцлера графа Бестужева, обѣ опасности войны съ Турками.	183
ХХII. Дополненіе графа А. П. Бестужева императрицы Елизаветы о поимкѣ секретаря Д. В. Волкова, 5 Декабря 1754	200
ХХIII. Копія съ инструкціи, данной отъ канцлера Астраханскаго пѣхотнаго полка сержанту Григорію Головину, о поимкѣ Д. В. Волкова. Декабря 4 дня 1754 года.	201
ХХIV. О строеніи Зимняго дворца. Указъ Сенату. (1755).	203
ХХV. Докладъ обѣ иностранцахъ	206
ХХVI. Проектъ манифеста о вызовѣ иностранцевъ въ Россію.....	207
ХХVII. Карточный счетъ И. И. Шувалову.....	212
ХХVIII. Цѣль писемъ Неплюева къ графу М. Л. Воронцову.	
1. Оренбургъ, Генваря 27 дня 1754	214
2. Оренбургъ, отъ 13 Октября 1755.	215
Примѣчаніе. графа М. Л. Воронцова о Неплюевѣ.	216
Записка въ публичную экспедицію Коллегії Иностранныхъ Дѣлъ для высочайшаго извѣстія	216
ХХIX. Гетманъ графъ Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ, о Малороссійскихъ дѣлахъ. 1754—1755..	217
ХХX. Переводъ съ представленій Ея Импераціорскому Величеству отъ его императорскаго высочества великаго князя, поданнаго канцлеру въ 1-й день Февраля 1760 года оберъ-камергеромъ Брокдорфомъ о Голштіи.	
Въ С.-Петербургѣ, 27 Генваря 1760 года	226
ХХXI. Мать Екатерины Великой:	
1. Переводъ съ письма къ Ея Импераціорскому Величеству отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангальтъ-Цербской изъ Париза отъ 29 Апрѣля новаго стиля, полученнаго въ 16 день Мая 1760 года.	229
2. Переводъ съ письма къ канцлеру отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангальтъ-Цербской изъ Париза отъ 30 Апрѣля, полученнаго въ 16 день Мая 1760 года.	231

	Стр.
3. Конія съ письма къ канцлеру отъ действительного камергера князя Голицына, изъ Парижа, отъ 13 Апрѣля, полученного въ 16-й день Мая 1760 года.	233
4. Описание болѣзни принцессы Ангальтъ-Цербской.	235
5. Переводъ съ письма къ си императорскому высочеству отъ ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангальтъ-Цербской, изъ Парижа отъ 30 Апрѣля нового стиля, полученного въ 16-й день Мая 1760 года	236
XXXII. Ébauche du poetonit de C'imp. Élizabeth	239
XXXIII. Присяга Петру Третьему въ Москвѣ. (1761)	248
XXXIV. Представление графа М. Л. Воронцова императору Петру Третьему о необходимости конференціи	251
XXXV. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet 1762 .	255
XXXVI. Lettre de m-r Boudenaër à m-r Bergsma sur la révolution de 1762. С.-Петербургъ, 13 (2) Июля 1762.	264
XXXVII. Описание состояний дѣлъ во время государыни императрицы Елизаветы Петровны (соч. графомъ М. Л. Воронцовыи, въ Іюль 1762) .	272
XXXVIII. Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины Великой. (Незвѣстнаго сочинителя).	313
XXXIX. Вопросы Екатерины II-й и отвѣты канцлера графа М. Л. Воронцова о политическихъ дѣлахъ.	334
XL. Миѣніе графа А. П. Бестужева-Рюмина о классахъ Малороссійскімъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того миѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго.	340
XLI. Записка о Малой Россіи:....	350
О происхожденіи народа Малороссійскаго	350
Начало казаковъ Запорожскихъ	351
Откуда имя Малой Россіи?.	354
Причины отступленія отъ Польши Малой Россіи	354
О непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи.	357
О уменіи казаковъ и ненасолитыхъ войсковыхъ.	358

	Стр.
О ревизіяхъ.	359
О расхищении посполитыхъ дворовъ	361
О умаленіи казаковъ .	362
О правахъ Малороссийскихъ	365
О различіи правъ Малороссийскихъ	365
О неудобствѣ, что казаки съ посполитами перемѣшаны въ деревняхъ.	375
О вольномъ переходѣ	379
XLI. Своеволіе гвардейцевъ (1767):	
Письмо Екатерины II къ фельдмаршалу графу Бутурлину	382
отъ 9 Марта 1767. Москва	382
Рапортъ А. В. Олсуфьевъа отъ.	383
Въ 8 день Марта 1767 года	390
XLII. Отвѣты графа А. И. Бестужева - Рюмина на вопросные пункты Екатерины Великой. о политическихъ дѣлахъ.	
С.-Петербургъ, Іюля 27 дня 1762 г.	392
XLIV. Копія съ письма къ канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ секретаря Бакунина, отъ 26-го Ноября 1760 года, о Мангеймскомъ дворѣ и его владеніяхъ	400
XLV. Deux lettres de impératrice Caterine II à Stanislas Poniatowski, 2 et 9 août 1762	414
XLVI. Изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго:	
1. Proposition importante de Kayserling à moi.	426
2. Anecdote relative à mon élection	428
3. Mission de Nostitz	430
XLVII. Стихи Вольтера съ намёкомъ на возможность брака Екатерины съ Станиславомъ Понятовскимъ	431
XLVIII. Два частныхъ письма изъ времени Пугачовщины, 13 Августа и 1 Сентября 1774	432
XLIX. Два письма о Россіи и объ Екатеринѣ Великой, изъ бумагъ Рюльера	437
L. Письмо Сенака де Мелана объ Екатеринѣ Великой.	443
LI. Историческія черты и известія, касающіяся Екатеринѣ II-й	452

	Стр.
LII. Письма Екатерины II къ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой:	
Царское Село, 20 Июня 1782.	461
С.-Петербургъ, 6 Августа 1782.	462
С.-Петербургъ, 10 Февраля 1783.	463
С.-Петербургъ, 16 Февраля 1783.	463
Безъ числа.	464
С.-Петербургъ, 14 Февраля 1785.	464
Царское Село, 1 Мая 1788.	465
С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1790	466
Царское Село, 29 Июля 1790	466
С.-Петербургъ, 16 Сентября 1791	467
С.-Петербургъ, 3 Октября 1791	467
С.-Петербургъ, 19 Октября 1791.	467
С.-Петербургъ 11 Ноября 1791.	468
LIII. Донесеніе графа Ю. Ю. Броуна Екатеринѣ II о крестьянскихъ волненіяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ	. 469
Смилтенѣ, 15 Июля 1784.	469
LIV. Письма о конч. Шведскаго короля Густава III-го.	472
LV. Оправдательная записка барона Игельштрома (1794)	. 495
LVI. Свободныя мысли гражданина пожилаго и отечество свое любящаго	502

ОСНОВАТЕЛЬНО ИЗСЛЕДОВАННЫЯ
И
ИЗЫСКАННЫЯ ПРИЧИНЫ ПЕРЕМЪНЪ ПРАВЛЕНІЯ
ВЪ ДОМЪ РОМАНОВА.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНИЕ.

Я не намѣренъ теперь описывать здѣсь полную исторію Россійскихъ царей, императоровъ и императрицъ изъ все пресвѣтлѣйшаго дома Романова, но только покажу истинныя, и въ исторіяхъ недостаточно или неисправно изъясненныя, причины восшествія ихъ на престолъ. Въ послѣднюю мою бытность въ Санктпетербургѣ отъ 1761-го по 1765-й годъ старался я изслѣдоватъ ихъ съ неусыпнымъ стараніемъ и къ открытію безъизвѣстныхъ нашелъ случаи, которые рѣдко охотникамъ историческихъ наукъ встрѣчаются. Знаніки Россійской исторіи легко усмотрѣть могутъ, въ чёмъ мои донесенія отъ прежнихъ разнятся; ибо я не желалъ ни себя, ни читателей моихъ обременять опроверженіемъ ложныхъ повѣствованій. Я безъ сомнѣнія по сей части могъ и долженъ быть употреблять книги, но отнюдь не выправлялся и не приводилъ иныхъ, кромѣ которыхъ можно было истинными почесть источниками. Времена, по обыкновенію Россіянъ, назначалъ я по старому календарю, и имена старался выписывать такъ, какъ они пороссійски выговариваются.

Бишингъ.

§ 1.

Въ 20-й день Мая 1606 года единодушно царемъ и величимъ княземъ Всероссийскимъ избранный князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который изъ великокняжескаго произошелъ дома и ревностными коего стараніями первый Ложный Дмитрій свергнутъ, равно какъ и Россія отъ опасности папскаго и Польскаго ига освобождена, принужденъ быль не взыдя па оное, въ 17-й день Іюля 1610 года оставить престолъ и постричься въ монахи, а наконецъ выданъ онъ Полякамъ и умеръ въ Гостинѣ въ заточеніи.

Послѣ того царскій престолъ находился два мѣсяца празднымъ, и бояре управляли всѣми государственными дѣлами. Хотя они 17-го числа Августа избрали царемъ Владислава, сына короля Польскаго Сигизмунда; но какъ по приѣздѣ его въ Москву, Поляки частію нарушали, частію же не исполняли постановленыхъ при избраніи его условій, то Россіяне уже въ началѣ 1611 года стали помышлять свергнуть съ себя иго Поляковъ и избрать себѣ царя изъ собственной націи.

§ 2.

Сего выбора нельзя было прежде учинить, пока Поляки не были изгнаны изъ Россійской Имперіи, и особенно изъ столичнаго града онъя, причемъ прошло почти два года. Наконецъ, сіе желанное освобожденіе отъ Поляковъ во исполнявало, и собравшіеся въ Москвѣ чины Россійской Имперіи приступили въ 21-й день Февраля 1611 года къ выбору нового царя; однакожъ они возвели на Россійскій пре-

столъ не Шведскаго привца Карла Филиппа, который ласкался бытъ къ тому надеждою, по Михаила Федоровича Романова.

§ 3.

Сей былъ правнукъ Романа Юрьевича Захарина, котораго древній и славный дворянскій родъ оказалъ государству въ мирныя и военные времена заслуги въ знатиѣшихъ степеняхъ достоинствъ. Кашъ, родовое его помѣстье, лежалъ въ Юрьевской области, и въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ погребены всѣ его предки. Въ то время фамильные имена рѣдко употреблялись, по обыкновению называли по именамъ отца и прадѣда, при крещеніи данимъ. Романъ Юрьевичъ Захаринъ имѣлъ двухъ примѣчательныхъ дѣтей, а именно боярина Никиту Романовича Юрьева и Анастасію Романовну. Сія была первая супруга царя Иоанна Васильевича и мать царя Феодора Ивановича; а бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, скончавшійся 23-го Апрѣля 1586 года и имѣвшій въ супружествѣ Сузdalскую княжну Евдокію Александровну, оставилъ послѣ себѣ пять сыновей и четыре дочери. Бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ достопамятіе всѣхъ изъ его сыновей. Какъ Россійскіе, такъ и иностранные писатели исторіи повѣствуютъ, что умирающій царь Федоръ Ивановичъ назначалъ его своимъ наследникомъ престола, поелику онъ бытъ старшій сынъ брата его матери. Хотя онъ и не получилъ Россійскаго престола, однако за отличныя его качества, тѣлесныя и душевныя, любимъ и почитаемъ бытъ всею Россійскою нацією, по какой причинѣ новоизбранный царь Борисъ Годуновъ его весьма опасался. Вскорѣ потомъ сей нашелъ желанный случай его, купно съ

братьями, сестрами и зятьями, сослать въ ссылку, на вѣчное осудить заточеніе, и нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ казнить смертію. Федоръ Никитичъ Романовъ сосланъ въ монастырь св. Антонія Свирскаго въ Архангелогородской губерніи, гдѣ противъ воли своей постриженъ монахомъ и проименованъ Филаретомъ. Супруга его Аксинія Ивановна, дочь князя Ивана Петровича Сицкаго, пострижена монахинею подъ именемъ Марѣи и отправлена въ лежащую на той сторонѣ Онежскаго озера деревню, получивъ при томъ дозволеніе оставить при себѣ шестилѣтняго сына своего Михаила Феодоровича.

Все сіе происходило въ 1600 году. Первый Ложный Димитрій оказалъ еще сію заслугу дому Романову, что онъ въ 1605 году, по коронованіи своемъ, избралъ Филарета митрополитомъ Ростовскимъ, а супругъ его и сыну приказалъ пристойное давать содержаніе въ Ипатекомъ монастырѣ въ Костромѣ. Въ 1610 году Филаретъ, купно съ князьями Голицынымъ и Мезецкимъ, отъ собранныхъ въ Москвѣ бояръ и дворянъ отправлены депутатами къ Польскому королю Сигизмунду, который однакожъ всѣхъ трехъ плѣнниками отославъ въ Польшу. Великія несчастія претерпѣнныя Филаретомъ замѣнены ему чрезъ то, что, во время пребыванія его въ плѣну въ Польшѣ, сынъ его Михайло Феодоровичъ Романовъ избранъ царемъ и великимъ княземъ, который, вымѣня его у Поляковъ, пожаловалъ потомъ патріархомъ Россійскимъ, въ какомъ достоинствѣ онъ и умеръ въ 1633 году.

§ 4.

Сей новый царь и благополучный наладитель племени Россійскихъ монарховъ изъ дому Романова взялъ себѣ въ супружество въ первый бракъ, 19-го Сентября 1624 года,

киняжну Марію Владимировну Долгорукую, которая въ 16-й день Генваря 1625 года скончалась, а во второй бракъ Евдокію Лук'янновну Стрѣшневу; онъ скончался въ 12-й день Іюля 1645 года.

Наслѣдникомъ престола по немъ быль сынъ его Алексѣи Михайловичъ, который отъ двухъ супругъ многихъ достопамятныхъ дѣтей имѣлъ. Отъ первой, по имени Мары Ильинишины Милославской, было у него пять сыновей и семь дочерей, и отъ другой, по имени Натальи Кириловны Нарышкиной, только одинъ сынъ и одна дочь. Къ дѣтямъ отъ первого брака принадлежать царевичи Федоръ Алексѣевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, и царевны Софія Алексѣевна и Марія Алексѣевна; дѣти же отъ втораго брака суть: Пётръ Алексѣевичъ и Наталія Алексѣевна.

§ 5.

По немъ вступить въ правленіе четырнадцатилѣтній сынъ его Федоръ Алексѣевичъ, который, при восшествіи своемъ на престолъ, обнародовалъ манифестомъ, что умирающій отецъ его назначилъ своимъ наслѣдникомъ престола. Сей мудрый монархъ, который нашлучшія оказалъ намѣренія къ благоустроенію имперіи, и особенно одолжено ему государство за то, что онъ, по совѣщанію великаго министра своего князя Василья Васильевича Голицына, такъ названныя по одному изъ верховныхъ въ Россіи судовъ разрядныя книги отмѣнилъ и уничтожилъ, и крайне вредные для государства споры о преимуществахъ фамилій прекратилъ совершенно, сочтаялся бракомъ въ 18-й день Іюля 1680 года съ Агаѳею Семёновною Грушецкою, урожденною Полячкою: когда же она спустя годъ, умерла въ родахъ, то онъ въ

15-й день Февраля 1682 года вступила въ другой бракъ съ Мареою Матвѣевною Апраксиною (которая умерла 14-го Генваря 1716 года и которой братъ графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ быть великимъ адмираломъ), но при всемъ томъ скончался онъ 27-го числа Аврѣля 1682 года бездѣтень

§ 6.

Видя, что братъ его Иванъ Алексѣевичъ къ правительство-ванію неспособенъ, назначиаъ онъ, прежде своей кончины, брата своего Петра Алексѣевича, рожденного въ 20-й день Мая 1672 года, и слѣдовательно которому еще десяти лѣть возраста не было, наследникомъ престола. Но властолюбивая царевна Софія Алексѣевна, желая вступить въ регенство, старалась чрезъ посредниковъ своихъ бояръ Ивана Михайловича Милюковскаго, Александра Милюковскаго, Ивана Толстова и поаковниковъ Циклера и Озерова, подучить стрѣльцовъ (благоустроенное воинство, учрежденное царемъ Иваномъ Васильевичемъ) къ возмущенію, на которомъ они, по ея наставленію, многихъ знатныхъ особъ, воин ея сопро-тивлявшихся, побили. Сіе возмущеніе началось 15-го числа Мая и продолжалось три дня. Слѣдствіе отъ онаго было то, что царевичи Иванъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ объявлены вмѣсть царями, съ тѣмъ, чтобы и царевна Софія Алексѣевна равномѣрное въ правленіи принимала участіе. Цари коронованы 25-го числа Іюня, и хотя царевна Софія Алексѣевна была тоже правительница, однако жъ по 1687 годъ допустила она всѣ указы выпускать и издавать токмо отъ имени двухъ царей. Но въ означенномъ году начала и она подписываться подъ ихъ именами, и чаятельно около него времени вышли впервые золотыя и серебряные мон-

неты, на которыхъ съ передней стороны изображены грудные портреты царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а наоборотъ грудной портретъ царевны Софіи Алексѣевны съ короною на главѣ и со скіпетромъ въ правой рукѣ, а притомъ и съ надписью вокругъ: самодержица Большія и Малыя Россіи.

Сей образъ правленія продолжался до Сентября мѣсяца 1689 года, въ которомъ царевна Софія Алексѣевна лишилась своего регентства и принуждена была пойти въ монастырь. Поводомъ къ сему важному происшествію были слѣдующія обстоятельства. Когда царь Петръ Алексѣевичъ въ началѣ сего года, а именно 27-го числа Генваря, сочетался бракомъ, то онъ вскорѣ посаѣ сего положилъ памѣреніе присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ царевна Софія Алексѣевна обыкновенно предсѣдательствовала. Сія съ великимъ неудовольствіемъ взирала, что царь Петръ Алексѣевичъ началь здѣсть въ совѣтѣ, и какъ они оба отъ природы горячаго сложенія были, то перѣдко весьма жестокія между ними происходили словопрѣнія. Съ того времени царевна Софія Алексѣевна, возненавидѣвъ царя Петра Алексѣевича, положила памѣреніе его погубить. Новое происшествіе понудило ее къ скорѣйшему исполненію своихъ убийственныхъ замысловъ противъ его жизни. Въ 8-й день Июля оба царя поѣхали въ соборную церковь, желая посмотреть церковный ходъ съ иконою Казанскія Богоматери. Царевна Софія Алексѣевна тоже туда приѣхала; но какъ царь Петръ Алексѣевичъ не хотѣлъ, чтобы она тутъ находилась, то и родилась между ними сильнаяссора. Когда же царевна Софія Алексѣевна осталась при своемъ намѣреніи, то царь Петръ Алексѣевичъ, выѣхавъ изъ церкви, уѣхалъ обще со своею супругою и матерью въ село Кодоменское, лежащее въ семи верстахъ отъ

Москвы. Послѣ чего царевна твердо положила, чѣмъ скрѣе, чѣмъ лучше погубить царя Петра Алексѣевича, и ея повѣренный, по прозванию Щегловитой, котораго она въ 1683 году сдѣлала главнымъ надъ стрѣльцами начальникомъ, взялся произвѣсть сіе убійство въ дѣйство. Заговоръ быть совершенъ въ началѣ Августа мѣсяца, и около сего времени царь Петръ Алексѣевичъ перѣхалъ изъ Коломенскаго въ Преображенское подъ Москву. Туда, почю отъ 7-го на 8-е число, пришли четверо стрѣльцовъ, которые къ числу заговорщиковъ принадлежали, и открыли царю, что въ сію же почь хотятъ его, обще съ матерью, супругою и сестрою Наталіею Алексѣевною, погубить. По полученіи сего извѣстія царь неукоснительно со всею фамиліею и находившимися при немъ придворными особами уѣхалъ изъ Преображенскаго въ монастырь Св. Троицы, отстоящей въ 60 верстахъ отъ Москвы и огражденный крѣпкою стѣною, валомъ и рвомъ. Заговорщики, приступя къ Преображенскому, услышали, что царь уѣхалъ, и потому возвратились въ Москву обратно. Напротивъ того, къ царю Петру Алексѣевичу прїѣхали многіе знатные бояре, дворяне и солдаты, такъ что онъ никакого больше не могъ имѣть опасенія. Царевна Софія Алексѣевна, видя свой замыселъ испроверженъ, хотѣла принести оправданіе, и на тотъ конецъ просила у царя Петра Алексѣевича дозвolenія изустно съ нимъ пытаться. Но царь Петръ Алексѣевичъ не желалъ совѣтъ съ нею видѣться, а требовалъ, чтобы она приказала выдать ему Щегловитаго. Царь Иванъ Алексѣевичъ равномѣрно преклонялъ ее на то, послѣ чего Щегловитый выданъ царю Петру Алексѣевичу, признался въ своемъ преступленіи и казненъ. Подобнымъ образомъ наказаны также иѣкоторые стрѣльцы; но къ царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ послано повелѣніе, дабы она без-

замедлительно изъ царскаго дворца выѣхала и на всю жизнь свою переселилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ, будучи противъ воли своей пострижена монахинею, нанименована Сусаниною. Послѣ сего, 11-го числа Сентября, всенародно объявлено, чтобы впередъ, во всѣхъ публичныхъ указахъ и другихъ записяхъ, писать однихъ токмо царей Ивана и Петра Алексѣевичей, и симъ образомъ регенство царевны Софіи Алексѣевны окончилось совершенно.

§ 7.

Царь Иванъ Алексѣевичъ скончался 29-го Генваря 1696 года, и отъ супруги своей Прасковыи Федоровны Салтыковой, съ которой сочетался бракомъ 9-го Генваря 1684 года, оставилъ трехъ дочерей, а именно Екатерину Ивановну, рожденную 19-го Октября 1691 года, Анну Ивановну, рожденную 28-го Генваря 1693 года, и Прасковю Ивановну, рожденную 24-го Сентября 1694 года. Царь Петръ Алексѣевичъ сочетался бракомъ 27-го Генваря 1689 года съ первою супругою своею Евдокіею Федоровною Лопухиною, отъ которой 18-го Февраля 1690 года родился царевичъ Алексѣй Петровичъ, которой, будучи законной наследникъ престола, съ самого младенчества своего великую обѣщевалъ надежду. Но какъ его родительница, за нескромную ревнивость на обхожденіе супруга ея съ дѣвицею Монсъ, пришла въ немилость, которая слѣдствіемъ было заточеніе ея въ монастырь въ 1699 году, то и царевичъ, будучи отъ родителя своего вовненавидѣнъ, имѣлъ 26-го числа Іюня 1718 года весьма плачевной конецъ своей жизни, чemu виною главнѣйше бысть князь Меншиковъ, какъ о томъ императоръ Петръ II-й, много лѣтъ спустя, въ сообщенномъ отъ него къ некоторымъ

дворамъ извѣстіи объяснялся. Царевичъ Алексѣй Петровичъ имѣя отъ супруги своей Шарлоты Христины Софіи, урожденной принцессы Брауншвейгъ-Волфенбителльской, скончавшейся 20-го Октября 1715 года, двухъ дѣтей, а именно рожденную 23-го Июля 1714 года царевну Наталию Алексѣевну, и рожденнаго 10-го Октября 1715 года царевича Петра Алексѣевича. Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ къ себѣ послѣ бывшую вторую супругу свою Екатерину, уже въ 1705 году, и не токмо тогда, но и два года спустя потомъ привержена она еще была къ Евангелическо-Лютеранскому закону, и нарочно для иса построена была церковь въ Санктпетербургской крѣпости. Послѣ того приняла она Россійской Греческой законъ, родила царю 1708 года царевну Анну и 1709 года царевну Елизавету, въ 1712 году торжественно сочеталась съ нимъ бракомъ и 28-го или 29-го числа Октября 1715 года разрѣшилась отъ бремени цесаревичемъ Петромъ Петровичемъ, котораго царь Петръ Алексѣевичъ въ 26-й день Февраля 1718 года публичнымъ манифестомъ объявилъ будущимъ наслѣдникомъ престола; но какъ онъ былъ весьма слабаго здоровья, то къ величайшему прискорбію царскаго дома умеръ 25-го Апрѣля 1719 года.

§ 8.

Кончиною царевича Петра Петровича желанія и намѣренія царя Петра Алексѣевича испровергнулись. Хотя онъ, по причинѣ частыхъ болѣзнейныхъ припадковъ своихъ, считалъ полезнымъ и нужнымъ наслѣдіе престола въ своемъ домѣ утвердить, однако по всемъ обстоятельствамъ и признанамъ видно, что онъ желалъ также до кончины своей сохранить свободу и не быть связану въ разсужденіи произвольной пе-

ремъны. Почему онъ собственноручно сочинилъ учрежденіе о наслѣдствѣ, обнародованное 22-го Февраля 1722 года, въ которомъ постановилъ: «Что владѣющему Государю во всякое время предоставляется свобода кого онъ пожелаетъ назначить наслѣдникомъ престола, равно какъ, по усмотрѣнію неспособностей въ назначенномъ наслѣднику, его исключать и другаго избирать. Всѣ подданные его обязаны были учинить присягу въ той силѣ, что они означенное учрежденіе со наслѣдствѣ, въ сходствѣ котораго его императорскому величеству предоставляется свобода, равно какъ и его наслѣдникамъ Россійскаго престола, избирать по произволенію своему наслѣдника, или также, по усмотрѣніи въ избранномъ наслѣднику какихъ либо неспособностей, намѣреніе свое перенять и другаго кого пожелаютъ назначать, признаютъ за истинное и праведное, и имѣютъ таковому назначенному наслѣднику престола во всемъ быть послушны. и станутъ по кончинѣ его величества признавать его законнымъ наслѣдникомъ и своимъ государемъ и проч.» Во объясненіе сего закона о наслѣдствѣ архіепископъ Феофанъ Прокоповичъ, по высочайшему повелѣнію, сочинилъ особую книгу, которая въ томъ же году издана въ печати подъ заглавиемъ: *Право монарховъ въ самоизвѣльномъ назначеніи наследниковъ престола.*

§ 9.

Хотя царь или новопризнанный отъ всѣхъ державъ императоръ Петръ 1-й супругу свою Екатерину Алексѣевну и короновалъ 7-го числа Мая 1724 года въ Москвѣ съ великимъ торжествомъ, однако чрезъ сіе не постановилъ онъ еще ее наслѣдницу престола, по токмо оказаль ей почесть, какъ

то значится въ изданномъ о сей коронаціи манифестъ отъ 15-го Ноября 1723 года, за вѣрностное ея вспоможеніе на его походахъ и особенно на сраженіи при Прутѣ. Такожъ, предъ кончиною своею, воспослѣдовавшою въ ночи съ 27-го на 28-е Генваря 1725 года, не назначилъ онъ ни супруги своей, ниже другаго кого изъ своего дома къ наслѣдію престола. Хотя иные писатели и утверждаютъ, что императоръ не задолго до кончины своей избралъ супругу свою наслѣдницу престола, однако, еслибъ сіе точно истинно было, то бы безъ сумнѣнія объ ономъ было объявлено въ обнародованномъ въ 28-й день Генваря манифестъ, въ которомъ престольное наслѣдіе императрицы Екатерины не на изустномъ, ниже письменномъ постановленіи покойшаго ея супруга, но единственно на томъ основывается, что онъ въ 1724 году, въ награду за предпріятые ѿ ко благу Россійской имперіи геройственные подвиги, приказалъ короновать и миропомазать. Во истину, надлежитъ дивиться, что императоръ Петръ І не сохранилъ собственно изданного отъ него учрежденія о наслѣдіи престола, и причина чаятельно была та, что кончина его постигла въ нерѣшимости, прежде нежели онъ думалъ.

§ 10.

Супруга его Екатерина Алексѣевна хотя человѣколюбивымъ и милосердымъ сердцемъ своимъ снискала любовь отъ Россійской націи, однако сенаторы и другіе знатнѣйшіе вельможи имперіи предвидѣли напередъ, что по вошествіи ея на престолъ не будетъ она въ имперіи правительствовать, но правленіе предоставить наперснику своему князю Меншикову, котораго надменность и скучность была имъ нетерпима, и котораго они всѣ ненавидѣли, а особенно послѣ бывшій гене-

разъ-прокуроръ Ягужинской, коему императоръ Петръ I-й въ 1722 году, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Санктпетербурга въ Москву, для устроенія похода противъ Персіи, вмѣсто князя Меншикова, препоручилъ правленіе государственными дѣлами. Посему сенаторы и другіе вельможи согласились между собою возвести на престолъ внука императора Петра I-го, малолѣтнаго великаго князя Петра Алексѣевича. На сей конецъ съѣхались они 28-го числа Генваря рано поутру въ императорской дворецъ и къ сему собранію князя Меншикова не пригласили. Сей, находясь не задолго до кончины императора Петра I-го въ немилости, по по представительству императрицы 26-го числа Генваря паки прощенъ, работать съ крайнимъ усиліемъ, чтобы императрица Екатерина на престолъ была возведена. Онъ пошелъ въ тотъ залъ, гдѣ сенаторы и другіе вельможи собирались, но отъ стоящихъ предъ онимъ гвардіи солдатъ, по данному имъ повелѣнію, не впущенъ. И такъ возвратился онъ въ скрытности въ свой домъ, пославъ къ себѣ пригласить тогдашняго подполковника Преображенскаго полку Ивана Ивановича Бутурлина, и просилъ его, чтобы онъ въ самой скорости привезъ къ нему роту гвардіи солдатъ. Сіе было исполнено, и князь Меншиковъ пошелъ съ означенною ротою въ императорской дворецъ, выломавъ силою двери въ залѣ, гдѣ сенаторы, министры и генералы въ собраніи находились, и объявилъ императрицу Екатерину законною монархинею Россійской имперіи. Никто не ожидалъ такового отважнаго поступка, и никто не сопротивлялся; по всякомъ учинилъ императрицѣ въ тотъ же самый день присягу въ верности. Сіе известіе слышно мнюо изустно отъ господина генерала фельдмаршала графа Миниха.

§ 11.

Императрица, въдая довольно, сколько нація любила моло-
даго велиаго князя Петра Алексѣевича, изъвляла со своей
стороны равномѣрно весьма иѣжную къ нему склонность.
Старшаго дочь ся, великая княжна Анна, сочетана бракомъ
25-го числа Апрѣля 1725 года со владѣющимъ герцогомъ
Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ. 1726 года императрица
повелѣла учрежденіе о наслѣдіи престола императора Петра
I-го и изданію въ объясненіе оного книгу вновь напечатать
и, подтвердживъ то и другое манифестомъ отъ 21-го числа
Апрѣля, указала, чтобы оное въ воскресные праздничные
дни публично въ церквахъ читали.

§ 12.

Всякъ почиталъ малолѣтнаго великаго князя Петра Алексѣевича будущимъ наслѣдникомъ престола, и онъ былъ утѣхой и надеждою Россійской націи. Но положенное сочетаніе его бракомъ съ одною изъ дочерей князя Меншикова показалось для многихъ весьма подозрительнымъ; ибо хотя Вѣнскай дворъ иззвѣстилъ князя Меншикова, что онъ означенное
бракосочетаніеapiroбуетъ и подкрѣплять станетъ (поелику малолѣтнай великой князь быль сынъ сестры Римской императрицы), чрезъ что и понудилъ князя Меншикова постановить 6-го числа Августа 1726 года между Австрійскимъ и Россійскимъ дворомъ союзъ (которой въ послѣдующее время неоднократно быль подтверждаемъ и возобновляемъ, и стоилъ Россіи иѣсколько сотъ тысячъ людей и множество миллионовъ рублей), однако въ Россіи многие опасались слѣдствій такового брака, поелику довольно ясно предвидѣть было можно,

что князь Меншиковъ обратить тогда въ свои руки все правлениe имперiи, которое онъ уже имѣлъ подъ именемъ императрицы Екатерины съ самодержавною властiю. Но сей единствено причинъ многiя знатнѣйшiя особы охладѣли любовiю къ младому великому князю и объявили несправедливымъ, что дщери императрицы, великiя княжны Анна Петровна и Елисаветъ Петровна, въ разсужденiи наслѣдiя престола, обойдены. Графъ Девьеръ, оберъ-гофмейстеръ при упомянутыхъ великихъ княжнахъ, сильно злобствовавшiй на князя Меншикова (несмотря на то или паче за то, что онъ его зятемъ сдѣлался); равно какъ и тайный совѣтникъ Толстой и нѣкоторые другiе генералы при семъ случаѣ учинились несчастными. Князь Меншиковъ истребилъ всѣ затрудненiя посредствомъ духовной, отъ императрицы Екатерины подписанной прежде кончины ея, воспослѣдовавшей 6-го числа Мая 1727 года. Сiя духовная сочинена трудами Голштинского ministра графа Бассевича. Въ силу оной положено великому князю Петру Алексѣевичу вступить на Россiйской престоль и съ неограниченnoю правительствователь властiю, но до достижениe 16-ти лѣтъ возраста своего состоять подъ опекою великихъ княженъ Анны Петровны и Елисаветъ Петровны, герцога Голштинскаго и членовъ учрежденного въ 11-й день Февраля 1726 года Высокаго Совѣта. Буде императоръ скончается безъ наслѣдниковъ, то въ правлениe вступить имѣтъ великая княжна Анна Петровна съ своими потомками; по исходѣ сихъ великая княжна Елисаветъ Петровна со своими потомками, и послѣ сихъ великая княжна Наталия Алексѣвна. Объ великiя княжны, Анна Петровна и Елисаветъ Петровна, по силѣ упомянутой духовной, должныствовали сверхъ опредѣленного имъ приданова полу-чить каждая по одному миллиону рублей. Великой княжнѣ А. Архивъ Князя Воронцова ХХV.

Елисавета Петровна надлежало сочетаться бракомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, епископомъ Либекскимъ. Никоторая изъ коронованныхъ особъ, равно какъ и не исповѣдующая Греческаго закона не могла причастна быть Россійской коронѣ. Определеннымъ опекунамъ-правителямъ препоручено всемѣрное прилагать стараніе совершить бракъ между малолѣтнимъ великимъ княземъ и одною изъ дочерей князя Меншикова. Сверхъ всего того просить Римскаго императора о гарантіи сей духовной.

§ 13.

Петръ II-й объявленъ императоромъ въ 7-й день Мая 1727 года, и князь Меншиковъ переселилъ его изъ императорскаго дворца въ свой домъ, дабы въ полной содержать его собственной власти; но императоръ вскорѣ показалъ, что ии малѣйшей не имѣть къ бракосоченію склонности, и даже страшился онаго до того, что однажды сестру свою, великую княжну Наталію Алексѣевну у ногъ ея просилъ, чтобы она постаралась обрученіе его съ княжною Меншиковою разрушить, за каковую услугу обѣщалъ ей подарить свои золотые карманные часы. О семъ обстоятельствѣ разсказывалъ мнѣ графъ Лестокъ, который въ ту пору находился у своей невѣсты, камер-фрейлины при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, и стоялъ за ширмами, какъ молодой императоръ къ своей сестрѣ, въ томъ же пок^Ф находившейся, приселъ и обѣ упомянутомъ съ нею разговаривалъ, не вѣдая оба, что графъ Лестокъ при томъ былъ.

Въ 6-й день Июня 1727 года Петръ Второй торжественно обрученъ на младшей дочери князя Меншикова, княжнѣ Маріѣ; но примѣчено, что императоръ во время сего обряда ни

однимъ взглядомъ не удостоилъ свою невѣсту. Несносное властолюбіе князя Меншикова понудило герцога Голштинскаго и его супругу уже въ Іюль мѣсяцѣ сего года возвратиться въ Голштинію, да и вообще всѣхъ почти знатныхъ особъ привело въ уныніе. Сіи старались всѣми мѣрами чрезъ молодаго князя Долгорукаго, который сдѣлался любимцемъ у монарха и съ пимъ каждой день на охотуѣздилъ, возбудить гибель императора противъ князя Меншикова и его свергнуть. Почему сей въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и упалъ внезапно съ высоты величія своего, а чрезъ то рушился бракъ императора съ его дочерью. За симъ молодой монархъ попалъ въ руки князей Долгорукихъ, которые, отвлекая его отъ полезныхъ упражненій, возили ежедневно на охоту. Оберъ-гофмайстеръ его, тогдашній вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, сказалъ однажды со слезами послѣ бывшему генераль-фельдмаршалу графу Миниху: «Долгорукіе съ молодымъ монархомъ поступаютъ такъ, какъ будто хотятъ его жизни лишить». — Онъ закемогъ опасно горячкою въ Августѣ мѣсяцѣ 1728 года въ Москвѣ, гдѣ 24-го Февраля коронованъ. Хотя онъ и оправился, однако не надолго, ибо скончался 29-го Генваря 1730 года, будучи 30-го Ноября минувшаго года торжественно обрученъ на Катеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Прежде кончины его въ пользу сей невѣсты поднесли ему духовную, въ которой именно обозначены и определены были всѣ права и преимущества ея, приличествующія какъ императорской вдовѣ, включая кунно и наследіе въ правленіи. Онь безпрекословно подписалъ, но какъ послѣ его кончины члены Тайного Совѣта съѣхались для совѣтованія о наследіи престола, и отецъ императорской невѣсты увидѣлъ, что дочь его не будетъ допущена въ правленіе, то, возвратясь въ свой

домъ, бросилъ упомянутую духовную въ огонь. *Кончиною императора Петра II-го пресеклась мужская линія Россійскихъ царей и императоровъ изъ дому Романова.*

§ 14.

Во время пребыванія императора въ Москвѣ воспріялъ тамо свое начало Высокой Тайной Совѣтъ, состояцій изъ восьми особъ изъ знатѣйшихъ фамилій и которому Сенатъ и вѣсъ коллегіи и другіе присутственныя мѣста подчинены были. Россійская нація роптала па означенній совѣтъ и громко вопіяла, «что Россіяне пріобыкли быть управляемы самодержавнымъ государемъ, отъ которого ихъ жизнь и им'ніе зависятъ, а не восьми особами, которая пѣ другое чѣмъ сихъ собратія; что неизвѣстно, къ кому должно обратиться: если держаться одного изъ нихъ, то другіе семь сдѣлаются врагами. И потому желаютъ они подвластны быть неограниченному монарху». Невзирая на таковое со стороны націи возраженіе, Высокой Тайной Совѣтъ сдѣлалъ проектъ къ уничтоженію самодержавной власти и, согласясь между собою, пригласить на Россійской престолъ вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, дщерь царя Іоанна. Сложили они обязательство, которое надлежало ей подписать и въ силу оного обѣщать, что она намѣренна не иначе какъ по благоусмотрѣнію Высокаго Тайного Совета правительствовать, и безъ его согласія ни войны предпринимать, ниже миру заключать, ни податей налагать, ни важными достопочтѣствами жаловать, ни къ смертной казни дворянинамъ осуждать безъ совершишаго его изобличенія, ни вотчинъ его описывать, ни казенныхъ земель дарить, ниже вообще ни малѣйшаго чего изъ оныхъ не отдавать въ чужое владѣніе, и безъ

апробації Высокаго Совѣта ни въ бракъ вступать, ниже наследника назначать не станетъ. Троє изъ знатиѣшихъ особъ отправлены депутатами въ Минаву, для поднесенія герцогинѣ Курляндской Россійскаго скіпетра на вышеизображеныхъ условіяхъ, а именно со стороны Высокаго Тайного Совѣта тайный совѣтникъ князь Василій Дукичъ Долгорукой, со стороны Сената тайный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и со стороны генералитета генералъ-маіоръ Левонтьевъ. Анна Іоанновна приняла сіе предложеніе, а равно и сопряженныя съ онимъ условія, и въ 15-й день Февраля имѣла торжественный вѣздъ въ Москву. Но тутъ увидѣла она, что была чрезмѣрно ограничена и почитай ни въ чемъ повелѣвать не могла. Императрицѣ сіе не показалось, и вскорѣ потомъ нашлась партія подъ главнымъ начальствомъ князей Алексея Михайловича Черкаскаго и Ивана Юрьевича Трубецкаго, которые старались доставить ей власть самодержавную. Они отважились подать императрицѣ прошеніе слѣдующаго содержанія. Что хотя депутаты Высокаго Тайного Совѣта, при предложеніи ея величеству письменнаго обязательства обѣ отречениіи отъ самодержавія, всеподданійшее сдѣлали донесеніе, будто бы они приступили къ тому съ единодушнымъ согласіемъ дворянства и всяя націи, то однакожъ пынѣ, повергаясь къ стопамъ ея величества, осмѣливаются увѣрить, что они никакого съ членами Высокаго Тайного Совѣта не имѣли сношенія и соглашенія, и напротивъ того вообще все дворянство, духовенство и народъ желаютъ и просятъ, дабы ея величество соблаговолила принять правление съ тою же неограниченной властью, какъ ся предки. Императрица приняла сіе прошег съ всемилостивѣйше и, сдѣлавъ всѣ пужища для своей безопасности распоряженія, приказала 25-го числа Февраля членамъ Высокаго Тайного Совѣта

собраться во дворецъ и съ собою принести подписанное ю обзательство. Потомъ объявила она имъ съ благосклониымъ видомъ, что при поднесениі ей въ Митавѣ письмешаго для подписанія обзательства касательно отречеія отъ самодержавной власти подано увѣреніе, будто сіе совмѣстно со всеобщимъ желаніемъ и волею дворянства и націи; но какъ она нынѣ извѣстилась о противномъ тому, то и поставляетъ себѣ долгомъ означенное обзательство назадъ истребовать; что она прощаетъ всѣмъ принявшиимъ въ томъ участіе и отъ нынѣ намѣренна подданными своими по примѣру своихъ предковъ, какъ самодержавная государыня, управлять съ право-судіемъ. Послѣ сего, принявши упомянутое обзательство, изорвала оное въ присутствіи членовъ Высокаго Тайного Совѣта и многихъ другихъ знатныхъ особъ, конъ всѣ потомъ спокойно по домамъ своимъ разъѣхались.

Симъ образомъ Высокой Тайной Совѣтъ рушился; но императрица вскорѣ послѣ коронаціи, проходившей 28-го числа Апрѣля, вместо онаго учредила Кабинетъ, о чёмъ представленіе ей сдѣлано чрезъ генерала графа Миниха по проекту вице-канцлера графа Остермана. Сей Кабинетъ, въ сљдствіе поданнаго отъ графа Остермана предложенія, состоялъ сперва изъ него самаго и князя Алексея Михайловича Черкаскаго; вскорѣ потомъ императрица назначила также графа Миниха членомъ онаго, которой однажды, за многими другими препорученными ему дѣлами, старался сколько возможно удаляться отъ Кабинета, куда и приглашали его въ важнѣйшихъ токмо случаяхъ. Въ семъ Кабинетѣ производились наиважнѣйшія дѣла государственные, и отъ него посыпались указы Сенату и другимъ коллегіямъ. Чрезъ сіе пришелъ Сенатъ почти въ совершиенной упадокъ, ибо большая часть сенаторовъ отстали отъ онаго, негодяя на Кабинетъ;

напротивъ того, Кабинетъ во все правленіе императрицы Анны Іоанновны, зависѣль совершенно отъ воли и произволенія герцога Курляндскаго, потому что императрица неохотно сама занималась дѣлами государственными.

§ 15.

Уже въ первый годъ правленія императрицы Анны Іоанновны, или въ 1731 году, когда Португальскій инфантъ донъ Емануэль понапрасну терялъ время въ Москвѣ, пытаясь надеждою вступить въ бракъ съ самою Императрицею или съ принцессою Анною, принимали не рѣдко какъ графъ Остерманъ, такъ и генералъ-адъютантъ (послѣ бывшій оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде), вольность въ многоразличныхъ случаяхъ разсуждать съ императрицею о наслѣдіи престола, желая побудить ее принять пожизній къ тому мѣбры заботлаговременно. Императрица повелѣла имъ о томъ между собою посовѣтовать и мнѣніе свое представить. Спустя нѣсколько дней, объяснившись они тако: когда ся величество не соизволяеть решиться приступить къ браку, то не безполезно было бы, если бы она благоволила сестры своей Екатерины родную dochь принцессу Мекленбургскую Анну сочетать бракомъ съ чужестраннымъ принцемъ; изъ рожденыхъ отъ сего брака принцевъ имѣть ся величество по соизволенію своему назначить одного наслѣдникомъ престола, хотя бы при семъ право перворожденія и не было принятво уваженіе. Да же, полезно было бы, еслибъ императрица благоволила предписать, дабы вся имперія подъ присягою обязалась признавать того наслѣдникомъ престола, кто отъ ся величества назначенъ будетъ; изъ сего произойдетъ польза такая, что когда предстоять будетъ по ожиданію собственное

высочайшее ея на будущее время распоряженіе, то многія тщетныя помышленія внѣ и внутри государства уничтожатся и испровергнутся. Если при назначеніи къ наслѣдію престола не будетъ дано матери никакого надъ дѣтями преимущества, то всякъ считать будетъ, что оное учинено для слѣдующихъ причинъ: 1-е, что уповаютъ паки видѣть на Россійскомъ престолѣ мужескаго пола наслѣдниковъ; 2-е что не хотять допустить, чтобы принцесса, буде въ правлениі послѣдовать будегъ, воображала себѣ, что она, какъ старшая изъ племянницъ ея величества, ближайшее къ тому имѣеть право; 3-е, дабы не настояло опасенія, что охотнѣе и ревностнѣе желають присягнуть въ вѣрности восходящему, нежели заходящему солицу; и 4-е, дабы быть обеспечену отъ предпріятій и покушеній ея родителя, который, будучи, какъ всякому известно, человѣкъ беспокойный, не преминетъ дочь свою къ зловреднымъ подушать дѣяніямъ, могущимъ нарушить спокойствіе ея величества. Сверхъ-де того, известно, что Римскій императоръ подобное для своихъ земель сдѣлалъ о наслѣдіи учрежденіе. Буде ея императорское величество соблаговолить таковыя начертанныя мѣры принять ко благоприятности своей, то надлежало бы довѣренную и надежную особу послать къ нѣкоторымъ иностраннымъ дворамъ, для избранія принца въ супруги для принцессы. Императрица хотя и выслушала сіи представленія, однако въ дальнѣйшее по онымъ не входила разсужденіе, и когда графы Остерманъ и Левенвольде о томъ напоминали, то она отвѣтствовала, что дѣло сіе не уйдетъ, что принцесса еще молода и что не нужно торопиться сочетать ее бракомъ.

§ 16.

Императрица не имѣла о семъ дѣлъ никакого сношенія съ сестрицею своею герцогинею Мекленбургскою; но вѣроятно, что сія какое нибудь свѣдѣніе объ ономъ получила: ибо видали, что она нерѣдко со слезами просила императрицу, дабы она принцессу ея дочь взяла къ своему двору, приложила о ея воспитаніи попеченіе и повелѣла наставить ее въ Греческомъ законѣ. Она имѣла наилучшаго ходатая въ особѣ духовника императрицы, который равномѣрно старался ее на то преклонить. Наконецъ, графъ Остерманъ уговорилъ архіепископа Новгородскаго Феофана Прокоповича, котораго императрица особенно почитала, что и онъ представилъ монархинѣ дѣло о наслѣдіи престола необходимо-ужицкимъ и важнымъ; послѣ чего императрица рѣшилась приступить къ оному. Графъ Остерманъ въ самой скрытности сочинилъ манифестъ и формуляръ присяги касательно повиновенія къ предпріемлемому императрицею назначенню наслѣдника престола, въ сходствіе изданнаго императоромъ Петромъ Великимъ въ 1722 году учрежденія о наслѣдствѣ, и по подписаніи императрицею, напечатанъ онъ въ архіепископскомъ домѣ, куда придворная типографія была перенесена. По пачечатаніи императрица повелѣла, въ 17-й день Декабря 1731 года, созвать всѣхъ знатныхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ ко двору, и тутъ, при многочисленномъ собраніи, изъяснилась, что она заблагоразсудила съ нихъ и со всѣхъ подданныхъ своихъ взять присягу, на какой конецъ имѣютъ они съѣхаться въ соборную церковь и учинить оную по надлежащему обряду, чтѣ и исполнено того же дня и въ слѣдующіе.

§ 17.

Архієпископъ Новгородскій представилъ также императрицѣ о необходимости избрать супруга для принцессы Анны, почemu и повелѣла она вышеупомянутому графу Левенвольду отправиться въ Германию въ разыѣ дворамъ и изъ-подъ руки извѣдывать принцовъ для предложения монархинѣ избрать изъ нихъ супруга для принцессы. Едва лишь онъ изъ Москвы выѣхать, какъ гласнымъ учинилось, что чужестранные министры о сей тайнѣ сировѣдали. Левенвольде, по возвращеніи своемъ, выхвалилъ особенно маркграфа Карла Бранденбургскаго и принца Аントна Ульриха Брауншвейгъ-Вольфенбителльскаго Бевернскаго. Императрица избрала послѣдняго, пригласила его въ Россію и пожаловала полковничкомъ кирасирскаго полку съ пенсіею по пѣскольку тысячъ рублей. При всемъ томъ онъ не имѣть счастія поправиться императрицѣ, которая наче вкусомъ графа Левенвольде была недоволена. Между тѣмъ принцъ Аントнъ Ульрихъ, будучи ужѣ однажды въ Россії, старался прилежно Ѳздить съ поклонами ко двору, не взирая, что его принимали иѣсколько лѣть съ холодностію и что онъ даже долгое время не имѣть никакой надежды быть любиму и бракомъ сочеташу; поелику не токмо императрица колебалась въ первинности, но и принцесса не оцущала къ нему никакой склонности, хотя онъ и больше ей нравился, нежели принцъ Курляндскій Петръ, потому что происходилъ изъ древнаго княжескаго дома. Напротивъ того, принцессы пріятіиѣ было имѣть супруга изъ курфиршескаго Бранденбургскаго дома. Когда же оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде умеръ, и графъ Остерманъ, за суровой учиненіей ему отъ герцога Курляндскаго выговоръ при дворѣ, иѣсколько лѣть изъ дому не выѣзжалъ и ко

двору не являлся, отзываясь, что онъ боленъ ногами и ходить не можетъ: то и не осталось ни единаго человѣка, чтобы могъ подкрѣплять принца, такъ что о бракосочетаніи его почти совсѣмъ забыли, или по крайней мѣрѣ императрица неохотно обѣ ѿномъ говорила. Но Вѣнскій дворъ вступиль въ ходатайство по сему дѣлу, и Римская императрица ука-зала министру своему графу Остейну и резиденту Гохгольцеру просить герцога Курляндскаго, дабы онъ всевозможное со своей стороны употребилъ стараніе привести помянутое бра-косочетаніе къ исполненію, обѣщаю, во взаимствѣ того, стар-шему принцу его доставить Брауншвейгскую принцессу въ супружество, и сверхъ того 100000 ренхсталеровъ за нею въ приданое. Но какъ герцогъ таковое милостивое предло-женіе отрицалъ съ извиненіемъ, что его сынъ еще очень мо-лодъ, то и утвердились во мнѣніи, что онъ памѣренъ бытъ сына своего сочетать бракомъ съ принцессой Алиою, кото-рая и сама тожь думала и крайне на то негодовала.

§ 18.

Наконецъ, слабое состояніе здоровья императрицы побу-дило ее къ тому, что она однажды къ герцогу Курляндскому вѣщала: Ип единой человѣкъ ни малѣшаго виду не показываетъ и не помышляетъ о томъ, что миѣ надобно прин-цес'у сочетать бракомъ, хотя *уже и время. Правда, что принцъ миѣ не правится столько же, какъ и самой принцес-сѣ, по особы высокаго знатія не всегда по склонности соче-таваются. Какое бы слѣдствіе отъ того ни было, принцъ не будетъ никакого въ правленіи принимать участія; посему мало до того нужды, съ кѣмъ бы она въ бракъ ни вступи-ла; довольно, когда я отъ нея получу наследниковъ и Рим-

скаго императора избавлю оть огорченія, которое онъ имѣть можетъ, еслибы я отпустила принца оть двора моего. Подлинно, сей молодой принцъ кажется мнѣ весьма скромнымъ и покорливымъ человѣкомъ; посмотримъ, что графъ Остерманъ на то скажетъ». Призвавъ графа Остермана ко двору, объявилъ и разсудилъ онъ, что сіе намѣреніе весьма благоразумно и полезно, напаче что послужитъ къ успокоенію Римскаго императора при нынѣшнемъ его неудовольствіи.

И такъ, приготовленія къ сему торжеству бывъ неукоснительно сдѣланы, совершиенъ бракъ принцессы Анны съ принцомъ, тогдашнимъ кавалеромъ ордена Св. Андрея, генералъ-майоромъ и майоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку, въ 3-й день Іюля 1739-го года. Но, сказываются, принцесса проводила всю слѣдующую ночь одна въ прогулкѣ въ императорскомъ саду, и принцъ не имѣлъ случая въ сію ночь въ собственномъ разумѣніи довершить бракъ.

Слѣдующаго 1740-го года Августа 12-го числа разрѣшилась она оть бремени принцомъ. Тутъ вопрошалось, какимъ порядкомъ новорожденного принца въ церквяхъ провозглашать на моленіахъ и имѣть ли ему титулъ великаго князя? Императрица повелѣла потребовать на то мнѣніе оть графа Остермана, которой, вычершивъ первое, присудилъ другое. Молодой принцъ при крещеніи нареченъ Іоашомъ, и послѣ императрица взяла его къ себѣ во дворецъ.

§ 19.

Императрица, во время пребыванія своего въ Петергофѣ, поправилась нарочито въ своемъ здоровьѣ, но, возвратясь въ Санктпeterбургъ, впала паки въ изнеможеніе. Она изѣяснилась герцогу Курляндскому, сколько была озабочена въ раз-

сужденіи наследія престола и потому препоручила оберъ-
гофмейстеру графу Левенвольде съездить къ графу Остер-
ману и вопросить его, чѣмъ въ семъ случаѣ начать слѣдуетъ?
Онъ отвѣчалъ, что паче всего необходимо нужно, дабы ея
императорское величество соблаговолила наследіе престола
на твердомъ основаніи; что онъ не сумнѣвается въ
добрыхъ расположеніяхъ мыслей императрицы къ принцу
Іоанну, и въ таковомъ случаѣ нужно поступить такимъ же
образомъ какъ Петръ Великій сдѣлалъ, который назначилъ
малолѣтнаго сына своего наследникомъ престола. Императ-
рица, принявъ оное ко благоугодности своей, подписала 5-го
Октября 1740-го года на другой день напечатанной и обна-
родованной, грамотѣ Остреманомъ сочиненной, манифестъ,
которымъ (въ силу изданного отъ 5-го Февраля 1722 года и
какъ въ то время, такъ и послѣ въ 1731 году отъ всѣхъ чи-
новъ имперіи подъ присягою утвержденаго учрежденія о на-
следствѣ) объявила она сына родной племянницы своей, прин-
ца Іоанна, законнымъ наследникомъ престола, съ тѣмъ что
если онъ скончается безъ дѣтей, то другіе принцы, которые
отъ ся племянницы принцессы Анны съ принцомъ Аントономъ
Ульрихомъ рождены будуть, имѣютъ одинъ за другимъ по-
ступить въ наследіе Россійскаго престола. За симъ предле-
жалъ сице важный вопросъ къ разрешенію, а именно, кому
выбрать правленіе во время малолѣтства принца Іоанна. Гер-
цогъ Курляндской, положась на то, что генералъ-фельдмар-
шаль графъ Минихъ, кабинетскіе министры и другіе знат-
нѣйшіе чины имперіи просили его усилынѣйше принять ре-
гентство, и что всѣ именованныя особы не только изустно
утруждали большую императрицу свою просьбою, но также
письменно, отъ тринадцати особъ подписаныи, прошени-
емъ просили, дабы она благоволила герцога, во время малолѣт-

ства принца Іоанна, назначить регентомъ, отзыгался много-
кратно какъ къ вышеозначеніемъ особамъ, такъ и къ самой
императрицѣ съ просьбою, дабы сіе предпріятіе оставить. Но,
не взирая на то, императрица рѣшилась на послѣдокъ, по
усиленійшему прошенію министровъ, поданное ей отъ графа
Остермана просительное письмо подписать. (При каковомъ
письмѣ приложенъ былъ сочиненный отъ 6-го Октября, по не
прежде какъ 18-го числа того же мѣсяца обнародованный
манифестъ о назначеніи герцога регентомъ, и сей манифестъ
иначе называется также духовною императрицы Анны Іоан-
новны). Но подписаніи императрицею, графъ Остерманъ запеч-
аталъ все оное въ одномъ конвертѣ, а императрица отдала
его подполковнику Юшкову, дабы онъ положилъ въ императ-
рицы шкафъ съ бриліантами и ключи отъ онаго назадъ
ей возвратить.

§ 20.

Сие важное происшествіе требуетъ еще пѣкоторыхъ объ-
ясненій, которыя однакожъ почерпнуль я изъ исторіи и не
намѣренъ присоединять къ тому собственныхъ моихъ раз-
сужденій. Въ манифестахъ императрицы Елизаветы Петров-
ны отъ 28-го Ноября 1741 года и 22-го Генваря 1742 года,
возлагается вина преимущественно на графа Остермана и
графа Миниха, что императрица Анна Іоанновна назначила
принца Іоанна и будущихъ его братьевъ къ наслѣдію пре-
стола, причемъ о генераль-фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ осо-
бенно сказано, что онъ предъ всѣма старался правлѣніе Рос-
сійскою имперіею въ чужестранныя обрати- руки, и наче
всехъ способствовалъ, что герцогъ Курляндскій получилъ
регенство: поелику онъ, прежде и ревностіе другихъ, съ

нимъ переговоры объ ономъ имѣль, а равно и просить его и побуждать наиусильнѣйше. Равномѣрно въ послѣднемъ манифестѣ о президентѣ коммерцъ-коллѣгіи баронѣ Менгденѣ упоминается, что онъ крайнее прилагалъ стараніе, чтобы герцогъ Курляндской учился регентомъ; что онъ въ семь памѣреії многимъ ложное подавалъ увѣреніе, что, въ случаѣ, когда герцогъ Курляндской не получитъ регенства, то всѣ иностранцы должны будуть погибнуть, а что самому герцогу просить и искать того нельзѧ; что онъ первой сдѣлалъ предложеніе—просить императрицу Анну Іоанновну, дабы она назначила герцога регентомъ, и что онъ, по разсужденію съ фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, отъ имени всѣхъ чиновъ имперіи вышеизображенное прошесіе къ императрицѣ сочинилъ и принесеи Аппу преклонялъ, дабы она помянутому регентству не противилась и способствовала. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ разсказываетъ въ нѣкоторомъ сочиненіи, которое я самъ читалъ, что послѣднее предписаніе воли императрицы Анны Іоанновны составлено трудами графа Остермана и князя Черкасскаго, которые думали чрезъ то большее составить счастіе свое; что они совершенно поработлены были волѣ герцога Курляндскаго и все по его желанію дѣлали. Но я за подлинно вѣдаю, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Мышакъ, въ послѣднюю смертельную болѣзнь императрицы, изъ дзорца совсѣмъ не выѣзжалъ, и почти въ одномъ此刻и покой съ герцогомъ Курляндскимъ проводилъ, и что общественно считало, что между сихъ двухъ особъ тѣснѣйший состоялъ союзъ дружбы.

§ 21.

Императрица Аина Іоанновна скончалась 17-го Октября 1740 года. Герцогъ Курляндской въ тоже мгновеніе запечаталъ шкафъ съ бриліантами. Собравшіеся знатиѣйшие чини имперіи освѣдомлялись о послѣдней волѣ императрицы. Тутъ, распечатавъ шкафъ съ бриліантами, вынули изъ него такъ названную духовную покойной императрицы и, по прочтениіи оныя генералъ-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ, всѣ находившіеся при томъ министры и генералы подписали на мѣстѣ манифестъ, которымъ слѣдующаго дня отъ имени малолѣтняго императора Іоанна III-го о кончинѣ императрицы Анны Іоанновны и о распоряженіи ея касательно регентства (что изъ особаго приложенія состояло) въ публикѣ извѣщено. По силѣ сего распоряженія препоручено герцогу Курляндскому полное во всѣхъ частяхъ правленіе государствомъ, до того времени какъ малолѣтный императоръ достигнетъ 17-ти лѣтъ возраста своего. Буде же малолѣтный императоръ скончается прежде означенныхъ лѣтъ, то за герцогомъ имѣеть состоять регентство и во время малолѣтства его братьевъ, одного за другимъ послѣдующихъ; но когда герцогъ самъ пожелаетъ изложить регентство, то члены Кабинета и Сената, генералъ-фельдмаршалы и прочій генералитетъ обязаны общественное составить правленіе, которому и продолжаться до достижения совершиеннолѣтства узаконеннымъ наследникомъ престола. Если императоръ Іоаннъ со своими будущими братьями благовременно и безъ законныхъ наследниковъ скончается, или если иначе государство въ разсужденіи наследія престола не будетъ достаточно обеспечено, то регентъ, кабинетскіе министры, Сенатъ, генералъ-фельдмаршалы и прочій генералитетъ имѣютъ, съ общаго согласія и въ надлежащемъ

время, приступить къ совѣщанію о наслѣдіи престола, избрать и утвердить императора, котораго потомъ и признавать точно таєсь, какъ бы онъ отъ самой императрицы Анны Ioannovны назначенъ быль наслѣдникомъ престола. Симъ образомъ вовсе не помышляли больше о потомкахъ императора Петра I-го женскаго пола, отъ супруги его Екатерины Алексеевны, и о духовной оставшейся послѣ сей императрицы.

§ 22.

Герцогъ Курляндской, учинивъ присягу за свидѣтельствомъ генераль-фельдмаршала графа Миниха, вступилъ въ регентство. Онъ имѣлъ предсѣданіе въ Кабинетѣ, въ которомъ тогда, кромѣ графа Остермана и князя Черкасскаго, присутствовалъ также послѣ бывшій графъ и великой канцлеръ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, пожалованный отъ императрицы Анны Ioannovны, по представительству герцога, членомъ Кабинета, дабы онъ графу Остерману дѣлалъ перевѣсъ. Герцогъ-регентъ назначилъ родителямъ малолѣтнаго императора по 200.000 рублей годовой пенсіи на ихъ содержаніе. Но онъ въ самой первой день своего регентства извѣстился, что противъ него сдѣланъ заговоръ. По учиненному изслѣдованіи открылось, что одинъ отставной капитанъ имѣлъ съ графомъ Головкінымъ переговоръ о правѣ принадлежащемъ родителямъ малолѣтнаго императора на регентство, и что онъ отъ графа Головкина посыпалъ быль къ принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому, для разсужденія съ нимъ объ ономъ дѣлѣ. Къ сему заговору пристунили уже многіе офицеры, солдаты и другіе люди, между коихъ находился также секретарь (изъ Россіянъ) супруги принца Антона Ульриха, котораго сама принцесса Анна, какъ подозрительного члено-

въка, отослала къ регенту. Регентъ учредилъ собрашie изъ первыхъ двухъ классовъ особъ, въ которое явились также принцесса Анна съ своимъ супругомъ, и сей просилъ у регента прощенія, обязавшись клятвенно ни въ какіе впредъ не вступать противъ него заговоры.

§ 23.

Но герцогъ-регентъ не избѣжалъ чрезъ то своего паденія. Генералъ-фельдмаршаль графъ Минихъ обязался принцессѣ Аннѣ, супругѣ герцога Брауншвейгскаго, его арестовать, чтѣ и исполнилъ въ ночи съ 8-го на 9-е число Ноября 1740 года чрезъ своего генералъ-адъютанта Манштейна и чрезъ команду гранодеровъ; причемъ примѣчательно, что онъ пакануйъ того дня у герцога - регента обѣдалъ и, напавъ его задумчивымъ, старался развеселить своими разговорами. Манифестъ императрицы Елизаветы Петровны 22-го Генваря 1742 года гласить, что генералъ-фельдмаршаль графъ Минихъ герцога-регента свергнуль для собственныхъ и частныхъ своихъ видовъ, объявя употребленнымъ на то гвардейскимъ гранодерамъ, что они приступилъ къ сему предпріятію для того, что великая княжна Елизавета, обще съ племянникомъ своимъ герцогомъ Голштинскимъ, притѣснены; и что кого потомъ похотятъ они имѣть императоромъ, того и могутъ избрать, либо принца Іоанна, либо и герцога Голштинскаго. Какъ бы то ни было, я съ моей стороны скажу токмо, что регенерство герцога Курляндскаго непріятно было Россійской нації и продолжалось токмо 22 дни. 9-го числа Ноября отъ имени императора Іоанна сочиненъ манифестъ, 10-го напечатанъ и публично обнародованъ, въ которомъ изображены причины, для коихъ съ герцога Кур-

ляндского регентство снято и препоручено матери императора, принцессѣ Аннѣ, объявленной пынѣ великою княгинею Россійскою. Сія правительница имѣла потомъ желаніе фельдмаршала графа Миниха пожаловать генералисимусомъ; но когда онъ въ публичномъ дворѣ собрани отъ того отказался, утверждая, что упомянутое достоинство приличествуетъ герцогу Антону Ульриху, то регентша и объявила сего супруга своего генералисимусомъ Россійскихъ армій, генераль-фельдмаршала графа Миниха первымъ министромъ и шефомъ Кабинета, графа Остермана великимъ адмираломъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и членомъ Кабинета, князя Черкасскаго великимъ канцлеромъ и графа Головкина вице-канцлеромъ, и обѣихъ сихъ членами Кабинета. Графъ Остерманъ, въ послѣдніе годы правленія императрицы Анны Іоанновны, скрывался болѣемъ и сидѣлъ дома; но графъ Минихъ его опять на ноги поднялъ, и какъ онъ прѣѣхалъ паки ко двору, то сказалъ публично: *Теперь я въ состояніи опять работать.* Первый министръ раздѣлилъ государственные дѣла такимъ порядкомъ, что онъ самъ имѣлъ военные дѣла, графъ Остерманъ адмиралтейскія и иностранныя дѣла, а князь Черкасскій и графъ Головкинъ внутреннія государственные дѣла. Чѣмъ каждой по своей части выработаетъ, обѣ ономъ предлагали въ Кабинетъ, и по общемъ разсужденіи выпускали къ исполненію. Регентша никогда въ Кабинетѣ не присутствовала; даже всякия дѣла государственные были ей столь непріятны и тѣгостны, что она нерѣдко говоривала, что желаєтъ видѣть уже сына своего въ надлежащемъ возрастѣ, чтобы онъ самъ государствомъ править могъ. Первой министръ отвѣчалъ на сіе всякой разъ, что какъ она величайшая въ Европѣ правительница, то имѣеть токмо объявить свою волю.

которая неукоснительно исполнена будетъ, безъ всякаго ей обремененія.

Таковое высокое довѣріе и привязанность великой княгини Аинны къ первому министру было непродолжительно. Лишь токмо она, по его совѣщанію, постановила оборонительной союзъ съ королемъ Прусскимъ, какъ вскорѣ потомъ супругъ ея и всѣ кабинетскіе министры чрезъ Римско-императорскаго посланника маркиза де-Ботта и королевскаго Польскаго и курфиршескаго министра графа Линара, обратили ее къ противоположеннымъ намѣреніямъ. Словомъ, великая княгиня Аина приступила, не взирая на возраженіе со стороны графа Миниха, къ постановленному между Вѣнскимъ и Дрезденскимъ дворами союзу для ополченія противъ короля Пруссаго, и по сей причинѣ графъ Минихъ пизложилъ съ себя всѣ должности.

§ 24.

Изъ вышеприведенного манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 22-го Генваря 1742 года оказывается, что графъ Остерманъ, Головкинъ и Левенвольде, обице съ нѣкоторыми другими тамо именованными особами, имѣли между собою совѣщаніе, како великую княгиню Аину возвысить въ императорское достоинство и наслѣдіе престола обратить также на ся дочь. Чрезъ сіе самое великую княжна Елисавета Петровна, равно какъ и ся племянникъ герцогъ Голштинской, были бы больше отдалены отъ наслѣдія престола. Намѣреніе и было точно такое; ибо графъ Остерманъ и многіе другіе знатнѣйшии чины имперіи боялись великую княжну Елисавету Петровну. Но сія была любима почти всею Россійскою нацією и особенно лейбъ-гвардіи полками, какъ отъ

офицеровъ, такъ и отъ рядовыхъ. Она обратила къ себѣ всѣхъ сердца синехожденіемъ своимъ и привѣтливостію. Ни одного почти не проходило днія, чтобы она не была воспріем-ницею младенца у кого-либо изъ гвардіи, причемъ родителей богато награждала, или иначе гвардейцамъ милости оказы-вала. При дворѣ правительница Ани судили о томъ столь легкомысленно, что, услыша, когда она съ гвардейскими офи-церами и рядовыми разговаривала, всегда публично насы-хались и говорили, что Елизавета имѣеть сходницу съ Пре-образженскими гранодерами. Между тѣмъ правительница Анна имѣла нѣкое сокровенное предчувствіе, что великая княжна Елизавета надъ нею владычествовать будетъ; поелику однажды во время регентства своего, посѣтивъ се, оступилась она и упала у ногъ Елизаветы, и сіе обстоятельство toliko сдѣ-ляло впечатлѣніе въ ея сердцѣ, что она къ своимъ придвор-нымъ дамамъ (изъ которыхъ одна мѣръ о семъ пересказыва-ла) вѣщала: *мнѣ конечно должно будетъ уничижиться предъ великую княжною Елизаветою.* Словомъ, прежде ея паденія, предостерегали ее многократно отъ великой княжны Елизаветы Петровны; но она, отчасти упамѣніемъ, не хотѣла принимать надлежащихъ мѣръ для своей безопасности; отча-сти же не имѣла дару и духу на то рѣшиться. Хотя она вѣ-учиненная ей въ предосторожность представленія отвергала, однакожъ сіи заслуживаются здѣсь запомнить мѣсто. Я не стану обстоятельно описывать того, что Великобританской министръ Финкъ, за нѣсколько дней прежде восполдовав-шаго съ нею несчастія, объявилъ ей, что она будетъ свер-жена, если не предупредить того; но упомяну о другихъ слу-чаяхъ. Прежде ея паденія за нѣсколько дней, прѣѣхалъ оберъ-гофмаршаль графъ Левенвольде во дворецъ почью, когда пра-вительница уже въ постели лежала, и отдать ея камеръ-юн-

феръ (которая въ мою бытность въ Санктпетербургѣ была еще жива и изустно миѣ о томъ рассказывала) письмо, дабы вручить регентшѣ, которая, приказавъ принести свѣчу, прочитала оное и послѣ велѣла въ отвѣтъ сказать графу Левенвольду: не съ ума ли онъ сошелъ? 20-го числа Ноября получила она другое письмо, надписанное изъ Брисселя, въ которомъ не токмо предостерегали ее отъ великой княжны Елизаветы Петровны, но и напоминали, дабы она приказала арестовать господина Лестока, которой находился въ службѣ при великой княжнѣ Елизавете Петровнѣ. Два дни спустя послѣ того, было при ея дворѣ многочисленное собраніе, изъ котораго она въ вечеру, вышедъ въ свою комнату, приказала чрезъ баронессу Анну Аврору фонъ-Менгденъ (послѣ бывшую супругу графа Лестока) позвать къ себѣ отъ игры великую княжну Елизавету Петровну, чтобъ великое произвело во всѣхъ удивленіе. Когда великая княжна Елизавета Петровна пришла въ комнату, то правительница, вынувъ послѣдне упомянутое письмо изъ ящика, подала ей оное и павѣдывалась подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ. Великая княжна въ немалое пришла изумленіе, но опять ободрилась, когда правительница къ ней вѣщала, что Лестокъ часто юздитъ въ домъ Французскаго министра маркиза де-Шетардія, въ чемъ она по истиниѣ отпидалась и дѣйствительно опорила. При семъ ничего болѣе не произошло. Правительница (какъ-то одна изъ ея камеръ-юнферовъ мнѣ разсказывала) неоднократно послѣ въ Ригѣ и Динамитскомъ шанцѣ супругъ ея выговаривалъ, что она о сообщеніяхъ ей извѣстяхъ о намѣреніи великой княжны Елизаветы Петровны ему не открывала, и что она вообще не пеклась о своей и всея ихъ фамиліи безопасности: по она никогда въ томъ не рас-

каявалась и всегда утверждала, что лутчай перемъны нельзя быть какъ съ нею восноелъдовала, ибо-де чрезъ то отвращено всякое кровопролитіе.

§ 25.

Какъ послѣ бывшій тайный дѣйствительный совѣтникъ графъ Германъ Лестокъ, отъ сего времени, о которомъ я теперь пишу, важною учинилась особою, то и считаю нужнымъ вкратцѣ о немъ сообщить моимъ читателямъ. Сей мужъ родился въ Целль 29-го Апрѣля 1692-го года; въ Латинскомъ шатентѣ отъ 27-го Апрѣля 1744-го года, по сиѣ котораго отъ Римскаго императора Карла VII возвышенъ онъ въ графское достоинство св. Римской имперіи и ся наследныхъ земель, напечать я слѣдующую статью: «Какъ мы иззвѣстились, что предки Германа Лестока, Россійскаго императорскаго дѣйствительнаго тайного совѣтника, первого лейбъ-медика и директора Медицинской Капцеляріи и факультета, прежде сего обрѣтались жительствомъ во Франціи и имению въ Шампань гдѣ по наслѣднымъ владѣніямъ своимъ приняли позиціе Лестока Гельвека, и знатныя королю Французскому оказали заслуги, но по причинѣ вѣры оттуда изгнаны, и частію въ Апеннію и Голландію, частію въ Линебургъ обратились, и сперва Цельской, но послѣ Ганноверской и Англиканской службъ сеѧ посвятили; самъ же Германъ Лестокъ, прїехавъ къ Россійскому двору, состоять при немъ отъ 1713-го по нынѣшнее время, и во многоразличныхъ случаяхъ, особенно-же при нынѣшнемъ благополучномъ правлешіи, отличнымъ своими дарованіями, качествами и заслугами, не токмо при упомянутомъ дворѣ и въ своемъ отечествѣ, но также при иностранныхъ дворахъ громкую славу: то, во уваженіе

«сего жалуемъ мы и проч.» Пособіемъ сего благоразумнаго и вѣрнаго мужа великая княжна Елисавета Петровна возвѣдена на родительской престолъ, на которой она вѣроятно могла-бы вступить еще въ 1730-мъ году, еслибы, по совѣту господина Лестока, тогдась послѣ кончины императора Петра II-го, явилась въ Лефортовомъ дворцѣ, гдѣ упомянутой императовѣ скончался и множество знатнейшихъ особъ въ собраниї находились, и представила себя законною наследницею престола. Но въ ту пору не могла она на толь важный шагъ рѣшиться.

Теперь, въ регентство принцессы Анны, имѣла она двоякой планъ къ достижению своей цѣли. Первый тотъ, чтобы чрезъ пособіе Швеціи снискать престолъ, за что Шведскому двору чрезъ господина Лестока великая, но неопределеннная обѣщана надежда, которую толковали въ ту сторону, что великая княжна Елисавета Петровна, по восшествію своемъ на престолъ, возвратить Шведамъ всѣ завоеванныя отъ нихъ родителемъ ея земли, о чёмъ однакожъ она совсѣмъ не помышляла. Изъ доставшагося миѣ въ руки по случаю письменнаго мнѣнія барона Іоганна Пехлина усмотрѣль я, что въ тогдашнее время Шведской дворъ чрезъ министра Нолькена склонялъ Голштинскаго двора для услуги коронѣ Шведской и великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ подать помощь, не изъясняясь явственно о томъ, какое званіе молодой и еще малолѣтной герцогъ Голской Карлъ Петръ Ульрихъ имѣть будетъ, въ случаѣ когда въ княжна Елисавета Петровна на Россійской вступить престолъ; и какія приняты надежныя мѣры привести въ безопасность особу и благоденствіе принца, буде предпріятіе великой княжны Елисаветы Петровны неудачливой получить успѣхъ? Посему господинъ Пехлинъ и совѣтоваль герцогу-правителю, постороннимъ образомъ, не токмо истребовать на то нужнаго объ-

ясненія, но и памекнуть, что ихъ питомецъ не можетъ принять Греческаго закона, на чёмъ безъ сумнѣнія настоять будуть, когда онъ въ Россію пріѣдетъ: ибо съ одной стороны принцъ не находится еще въ такихъ лѣтахъ, чтобы по желанію своему выборъ дѣлать могъ, а съ другой стороны имѣеть онъ надежду, по благосклонному расположению имперскихъ чиновъ, отозвану быть на Шведской престолъ. Другой планъ великой княжны Елисаветы Петровны состоялъ въ томъ, чтобы 6-го числа Января 1742-го года, въ день трехъ святителей, при публичномъ освященіи воды, когда всѣ полки изъ Санктпетербурга по обыкновенію въ одномъ мѣстѣ собираются, будутъ, привлечь ихъ на свою сторону посредствомъ раздачи нѣкоторой суммы денегъ. О сихъ намѣреніяхъ вѣдалъ также Французской министръ маркизъ де-Шетарди, который мало-по-малу соудилъ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ слишкомъ 40000 червонныхъ, кои принималъ отъ него господинъ Лестокъ, и самъ изрѣдка къ нему въ домъѣздилъ, но при другихъ случаяхъ имѣть съ нимъ свиданіе. Прежде описанное открытие намѣреній великой княжны Елисаветы Петровны понудило ее приступить къ скорѣйшему выполненію оныхъ.

§ 26.

23-го числа Ноября, по возвращеніи ея изъ дворца въ свой домъ и когда господинъ Лестокъ о семъ важномъ произшествіи извѣстился, то началъ онъ помышлять о надежнѣйшихъ мѣрахъ спасти какъ вольность великой княжны, такъ и собственную свою жизнь. Онъ совѣтовалъ ей на другое утро переговорить съ регентиною и между прочаго ей сообщить, что онъ неоднократно просилъ обѣ отставкѣ своей, желая показать, что никогда и въ мысляхъ не держаль таковыхъ

покушеній, въ которыхъ его обвиняютъ. Между тѣмъ вышедшій въ то время указъ о выступленіи въ походъ въ Финляндію противъ Шведовъ нѣкоторымъ въ Санктпетербургѣ стоящимъ лейбъ-гвардіи полкамъ представилъ ему удобный случай предпріятіе великой княжны Елизаветы Петровны въ дѣйство произвѣсть. Онъ не могъ ни одного офицера склонить, но токмо посредствомъ денегъ и представлений согласилъ небольшое число Преображенскихъ гранодеровъ, для вспомоществованія великой княжнѣ. Между тѣмъ имѣлъ онъ въ своей власти нѣкоторыхъ лазутчиковъ, которые подробно извѣщали его обо всемъ, что при дворѣ регентши ни происходило, и особенно, гдѣ она каждую ночь спала (ибо столько была она обеспокоена, что то въ одной, то въ другой комнатѣ сыпала), и одна ли или въ бесѣдѣ ночь проводить памѣреніа, равно какъ и о другихъ подобныхъ тому обстоятельствахъ. Между сихъ лазутчиковъ находился одинъ музыкантъ, по прозванию Шварцъ, котораго потомъ императрица Елизавета Петровна пожаловала подполковникомъ купно съ пенсією, и еще другой по прозванию Гриштейнъ. Господинъ Лестокъ предназначилъ къ сему предпріятію ночь съ 24-го на 25-е число Ноября.

Въ вечеру, въ одиннадцать часовъ, пошелъ онъ къ маркизу де-Шетарди за деньгами, но не открывался ему, что сія ночь была назначена къ исполненію памѣренія великой княжны. Около полуночи спровѣдалъ онъ чрезъ своихъ лазутчиковъ, что при дворѣ регентши все спокойно и безопасно пребывали, и что караулъ стоялъ обыкновенный. И такъ, пріѣхавъ къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, уговариваль онъ ее приступить теперь къ положенному опыту, и немало труда ему стоило преклонить ее, потому что она не имѣла довольно бодрости духа. Наконецъ, ободрившись и совершивъ предъ

иконою Пресвятая Богоматери теплую молитву и обѣтъ, при-
чемъ и возложа на Лестока орденъ св. Екатерины, съла въ
сани, у которыхъ на запятки стали тогдашній ся камеръ-
юнкеръ и послѣ бывшій великой канцлеръ графъ Воронцовъ
и господинъ Лестокъ. Подкупленные рядовые отправлены
впередъ на гауптвахту Преображенского полка, дабы стоя-
щихъ тамъ на карауле гранодеровъ склонить на сторону ве-
ликой княжны и извѣстить ихъ о ея прибытіи. Великая княжна
Елисаветъ Петровна не имѣла при семъ случаѣ ни латъ, ниже
копья, какъ то въ разныхъ извѣстіяхъ увѣряли; но то под-
линно, что господинъ Лестокъ старался промыслить для нея
легкой грудной щитокъ, однако въ разсужденіи краткости
времени не досталъ.

§ 27.

Ирѣхавъ на полковой дворъ, великая княжна Елисаветъ
Петровна предстала паходившимся тамъ гранодерамъ, какъ
дщерь Петра Великаго и законная наследница престола, при-
чемъ гранодеры, признавъ ее, на мѣстѣ учинили присягу въ
вѣрности. Потомъ она была сопровождаема отъ гранодеровъ,
коихъ числомъ было отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, въ
императорской дворецъ. Пришедъ въ извѣстное отъ оного
разстояніе, высланы 75 человѣкъ впередъ для арестованія
графовъ Остермана, Миниха и Головкина. Остальная команда
пошла съ великою княжною въ императорской дворецъ. Тутъ
господинъ Лестокъ (который вездѣ, гдѣ ни находилъ барабаны
у солдатъ, разрѣзывалъ ихъ, чтобы никакой тревоги не было
сдѣлало) разставилъ караулы, чтобы запереть всѣ проходы,
а равно и удостовѣриться о паходившихся уже тамъ карауль-
ныхъ, которые никакого не чинили сопротивленія и даже

не вѣдали, съ какимъ памѣреніемъ все оное происходило. Онъ не приказалъ прежнихъ караульныхъ смѣнять, но приставилъ къ каждому солдату по одному гранодеру, дабы всячъ на своемъ мѣстѣ остался. Сіе совершино весьма удачливо, и потомъ великая княжна Елизаветъ Петровна пошла въ караулъю во дворцѣ, гдѣ солдаты учинили ей на колѣнъхъ присягу въ вѣриности. Воронцовъ и Лестокъ остались тутъ при ней, а тридцать человѣкъ гранодеровъ отряжены пойти въ верхъ и вломиться въ комнату, гдѣ регентина со своимъ супругомъ опочивала. Ворвавшись въ оную, опрокинули они по неосторожности почникъ, отъ чего въ комнатѣ глубокая тьма сдѣлалась. Внесши свѣчу изъ переднаго покоя, гдѣ одна служанка спала, понуждали они съ удивленіемъ пробужденную регентину встать съ постели. Она, накинувъ на себя одну токмо юбку, встала, и призванная изъ переднаго покоя служанка надѣла на нее чулки и башмаки. Сверхъ того повѣсила она на себя бархатную на собольемъ мѣху епанечку, и когда гранодеры ее уже повели, то попросила за стужею капоръ на голову, который и надѣла сама. Все сіе происходило въ великой тишинѣ, ибо гранодеры весьма тихо говорили, и регентина ничего болѣе не сказала, какъ токмо вопросила, можно-ли ей еще однажды повидаться со свою тетушкою, великою княжною Елизаветъ Петровною? Какъ ее уѣхали, то герцогъ супругъ сидѣлъ еще на постели. Двое гранодеровъ, взявши его подъ руки, окутали одѣяломъ и понесли внизъ съ высунувшими наружу босыми ногами въ сани, гдѣ покрыли его еще шубою. А послѣ вынесли его верхнее и исподннее платье. Потомъ обратились гранодеры въ ту комнату, гдѣ молодой принцъ Іоаннъ въ колыбели, и подлѣ него кормилица его, спали. Имъ дано было повелѣніе не пробуждать его, но дожидать, какъ онъ самъ проснется. Сіе по-

слѣдовало не прежде какъ чрезъ часъ, и дотолѣ стояли они всѣ вокругъ колыбели. По пробужденіи его, спорили между собою гранодеры, желая каждый изъ нихъ его несть. Принцъ плакалъ, и трепещущая кормилица поспѣшила сперва сама себя, и послѣ его, наскоро одѣть, взяла его къ себѣ на руки, покрыла своею шубою, и тако вмѣстѣ съ принцомъ поведена. Малолѣтнія принцессы Екатерина и баронесса Юліана Менгденъ, которая для надзиранія за принцомъ спала въ другой подлѣ его комнатѣ, равномѣрно уведены. Регентина, въ сходствіе выше описаннаго душевнаго качества своего, по-половинѣ и въ вечеру предъ симъ происшествіемъ, со своими придворными дамами много о томъ разговаривала, что сколь постоянно и бодрственно она сносить станетъ, если сдѣлается когда-либо несчастною принцессою. Чтѣ-же въ другихъ извѣстіяхъ упоминается, будто-бы баронесса Юліана Менгденъ въ ту ночь спала съ регентиною будто-бы великаго князя Елисаветъ Петровна сама въ спальню къ регентинѣ вошла и объявила ее своею плѣнницею, такожъ будто-бы регентина просила, чтобы никакого кровопролитія не воиспользовало, и проч. оное вообще неосновательно и ложно.

§ 28.

Всѣ вообще подъ арестъ взятые особы отвезены въ саняхъ, въ провожаніи солдатъ, въ домъ великой княжны Елизаветы Петровны и тутъ посажены въ разныхъ комнатахъ, каждый порознь. Когда великаго князя Елизавета Петровна, въ возвратномъ пути, проходила мимо дома маркиза де-Шетардія, то, по напоминовѣнію господина Лестока, послала одного изъ своихъ возвѣстить маркизу о благополучномъ исполненіи ея предпріятія, чemu маркизъ удивился. Прибыть въ свой

домъ и принявъ нужныя мѣры къ обереженію арестованныхъ, откланялся ей господинъ Лестокъ и пошелъ, въ провожаніи небольшой воинской команды, отъ имени великой княжны Елизаветы Петровны сообщить о перемѣнѣ правленія извѣстіе принцу Гессенъ-Гомбургскому (который о семъ дѣлѣ ничего не вѣдалъ), генералъ-фельдмаршалу графу Лессю и другимъ знатнѣйшимъ особамъ. Онь несовершенно довѣрялся генералъ-фельдмаршалу графу Лессю и потому напередъ условился съ бывшою при немъ воинскою командою о мѣрахъ, какія въ нужномъ случаѣ принять должно. Къ стоящимъ въ Санктпетербургѣ и около онаго полкамъ посланы солдаты съ повелѣніемъ собраться неукоснительно предъ дворцомъ великой княжны Елизаветы Петровны, нынѣшней ихъ императрицы. Какъ они собрались и неоднократно взглашали ура, то случилось, что императрица, взявши принца Іоанна на руки, носила по комнатѣ и цѣловала; молодой же принцъ между тѣмъ смыючись перепималъ ура солдатовъ, на что императрица вѣщала: «О ты невинный младенецъ, не вѣдаешь, чтò противъ самого себя ура кричишь».

§ 29.

Сверженная регентина обще съ своимъ супругомъ пробыли до четвертаго дни въ домѣ императрицы Елизаветы Петровны; однакожъ они разлучены были другъ съ другомъ, и герцогъ содержался въ темномъ покой. Прежде отправленія ихъ императрица приказала предложить принцессѣ обѣ испрошенніи милости у нея. Она просила дозволенія отпустить съ нею довѣренную ея особу, баронессу Юліану фонъ-Менгденъ, которую почитала больше, нежели супруга своего и дѣтей. Императрицѣ не полюбилась сія просьба, однакожъ

согласилась на оную. Герцогская фамилія была раздѣлена, и каждая особа порознь отвезена въ Ригу, и поелику везли токмо по почамъ, а днемъ останавливались, то не прежде пріѣхали въ Ригу какъ спустя около четырехъ недѣль. Здѣсь они заключены въ замкѣ и вмѣстѣ соединены. Тутошняго пребыванія ихъ было почти полтора года, и въ сіе время принцессы Ани разрѣшилась преждевременно отъ бремени четырехъ-мѣсячнымъ младенцемъ, при чёмъ несносишійшия претерпѣла мученія. Всѣ дѣти ея привезены въ Ригу спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея отѣзда изъ Санктпетербурга. Но прощестью полутора года всѣ пожитки ихъ были складены, и слухъ пронесся, что герцогская фамилія въ Германію отищена будетъ; но вмѣсто того отвезли ихъ въ Динаминской шанцѣ, и пожитки ихъ почти всѣ расхищены. Въ семъ шанцѣ разрѣшилась принцесса Анна отъ бремени принцессою, пареченою Елизаветою. Въ разсужденіи способности житія и хорошаго содержанія не имѣла герцогская фамилія ни малѣйшаго недостатка, ни въ замкѣ въ Ригѣ, ниже въ Динаминскомъ шанцѣ. Принцесса имѣла двухъ кормилицъ и двухъ горничныхъ дѣвочекъ, а супругъ ея одного камердинера и двухъ лакеевъ. Принцесса получила также Россійскаго священника для отправленія службъ по Греческому закону. Изъ Динаминского шанца герцогская фамилія отправлена сперва въ Ораніенбургъ, а потомъ въ Колмогоры, на островъ рѣки Двины, въ 80 верстахъ отъ Архангельска лежащій городъ, выключая принца Іоанна, который нѣсколько времени оставался въ Ораніенбургѣ, и наконецъ содержался въ Шлиссельбургѣ, до кончины своей. Принцесса Анна скончалась въ Мартѣ мѣсяцѣ 1746 года въ Колмогорахъ, въ родахъ, и тѣло ея привезено въ Санктпетербургъ и предано погребенію въ монастырѣ св. Александра Невскаго.

го. Плачевной конецъ принца Іоанна и какой былъ къ тому поводъ содержатся у каждого въ свѣжей еще памяти. Онъ заколотъ въ почи съ 4-го на 5-е число Іюля 1764 года въ Шлиссельбургъ и, спустя два дни, погребенъ въ Тихвинскомъ монастырѣ, лежащемъ въ 200 верстахъ отъ Санктпетербурга.

§ 30.

Императрица Елизавета Петровна вступила на Россійской престолъ 25-го числа Ноября 1741 года, о чёмъ того же дня манифестомъ обнародовано; за симъ, 28-го числа того же мѣсяца, послѣдоваль новой манифестъ, въ которомъ подробнѣе изображены причины, побудившія ее принять Россійской престолъ. Она основывала право свое главнѣйше на первомъ завѣщаніи родительницы ея императрицы Екатерины I-й, по силѣ котораго была она уже послѣ кончины императора Петра Втораго законная наслѣдница Россійскаго императорскаго престола, но пронырствами графа Остермана помянутое завѣщаніе утаено, и императрица Анна Іоанновна избрана Россійскою монархинею; что поисками сего же министра принцъ Іоаннъ объявленъ отъ императрицы Анны Іоанновны Россійскимъ монархомъ, и что когда его мать, по нарушеніи данной въ сходствѣ учрежденій императрицы Анны Іоанновны присяги, присвоила себѣ регентство, то Остерманъ и Головкинъ имѣли помышленіе принцессу Анну, еще при жизни ея сына принца Іоанна, помазать императрицею и наслѣдіе престола обратить на ея дочерей, а напротивъ того императрицу Елизавету Петровну совсѣмъ отъ онаго исключить. Для отвращенія сего непорядка, предупрежденія опасныхъ слѣдствій отъ онаго и доставленія себѣ самой без-

опасности, соблаговолила она, по всеподданійшему прошеш-
нию всѣхъ ея вѣрноподданныхъ и особенно лейбъ-гвардіи пол-
ковъ, вступить на отеческій престолъ. Коронованіе ея совер-
шено 25-го Апрѣля 1742 года въ Москвѣ, и въ 1743 году
наказаны по ся повелѣнію многія особы, покушавшіяся прин-
ца Іоанна и его мать въ прежнєе возставитъ состояніе. Меж-
ду сихъ были также иѣкоторыя знатныя госпожи, какъ-то
Наталья Лопухина, супруга генераль-поручика Степана Ло-
пухина, урожденная Валкъ, которая любовника своего, быв-
шаго оберъ-гофъ-майора графа Левенвольде, и графиня Анна
Бестужева, которая брата своего графа Михаила Головкина,
хотѣли освободить изъ заточенія.

§ 31.

Императрица Елизавета Петровна не оставила въ непро-
должительномъ времени нужное о будущемъ наследіи престо-
ла сдѣлать распоряженіе. Ибо она, призвавъ въ Россію сына
сестры своей Анны Петровны, Карла Петра Ульриха, вла-
дѣюющаго герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго, объявила его, по
принятіи имъ Греческаго закона и имени Петра Феодоро-
вича, великимъ княземъ и наследникомъ Всероссійскимъ, по
силѣ манифеста отъ 7-го Ноября 1742 года, которому во
всей Имперіи и учрежда присяга. Въ 1745 году сочетала она
его бракомъ съ преестественнѣю принцессою Софию Авгу-
стою Ангальть-Цербетскою, которая, по принятіи Греческаго
закона, въ 28-й день Іюня 1744 года, наречена Екатериной
Алексѣевной, слѣдующаго дня обручена за великаго князя и
манифестомъ отъ 5-го Іюля 1744 объявлены великою княгинею,
съ титуломъ ея императорскаго высочества. Миѣ за подлин-
но извѣстно, что императрица Елизавета Петровна, въ пер-

вые годы по восшествіи своеі на престоль, намѣрена была правленіе, по прошествіи двухъ лѣтъ, еще при жизни своей, препоручить великому князю, и къ тому концу приказала она построить неподалеку отъ Санктпетербурга на Невѣ рѣкѣ великолѣпной Воскресенской дѣвичій монастырь, гдѣ имѣла желаніе, по низложеніи правленія, быть настоятельницею. Но сего намѣренія она не совершила, равно какъ и монастырскаго строенія къ концу не привела. Напротивъ того, нынѣ царствующая Россійская императрица Екатерина II-я предопредѣлила въ 1764 году упомянутой монастырь на воспитаніе въ немъ дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей женска пола. Хотя императрица Елизавета Петровна возимѣла неудовольствіе и недовѣрчивость къ великому князю Петру Феодоровичу, отъ чего сей проводилъ иѣсколько лѣтъ въ великому ограниченіи, однакожъ она не заблагоразсудила приступить къ поданному ей отъ нѣкоторыхъ особъ совѣту, чтобы великаго князя отъ наслѣдія престола исключить: но великой канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ самъ впалъ чрезъ то въ 1758 году въ несчастіе. Напротивъ того, великой князь Петръ Феодоровичъ, въ 25-й день Декабря 1761 года, послѣ кончины императрицы Елизаветы Петровны, вступилъ на Россійской императорской престолъ безъ всякихъ помѣшательствъ и безмятежно.

КОНЕЦЪ.

Духовное завещание князя Аникиты Репнина, 1726 года.

Во имя Святаго, Единосущныя, Нераздѣлимая Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я рабъ Божій князь Аникита Репнинъ, памятуя смертный свой часъ, оставляю сей тестаментъ или завѣщаніе въ совершенномъ и здравомъ своемъ умѣ и памяти. Егда Божіимъ изволеніемъ грѣшная моя душа съ тѣломъ разлучится, благословляю дѣтей своихъ: князя Ивана—образъ Спаса Вседержителя въ кіотѣ серебряномъ, окладъ и вѣнецъ золотые, съ финифтью въ вѣнцахъ, а на поляхъ одинадцать камней, въ томъ числѣ четыре яхонта, шесть лаловъ, одинъ изумрудъ, а вѣнецъ обнизанъ бурмицкими зернами, а поля и оплечья жемчугомъ, въ прикладѣ два золотыхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой одинаковой.

Князя Василья—образъ Перукотворенного Спаса, окладъ золотой, вѣнецъ финифтью, обнизанъ бурмицкими зернами, да въ немъ четыре вставки яхонтовыя, въ томъ числѣ двѣ корки красныя, два яхонта лазоревые.

Князя Юрья—образъ Живоначальныя Троицы, окладъ и вѣнцы золотые, на поляхъ четырнадцать дробиницъ золотыхъ припускныхъ съ финифтью, две дробиницы съ литерами, прощущеныя финифтью, въ вѣнцахъ по два яхонта красныхъ, да по изумруду, поля обнизаны жемчугомъ въ срединѣ, вокругъ,

а сверху вполы, кють деревянный, оклеенъ бархатомъ чернымъ, затворы въ окладѣ серебряномъ.

Женъ ихъ, а своихъ снохъ, князь Иванову жену княгиню Мареу—образъ Молчанскія Богородицы, въ кють серебренномъ, вѣнецъ и окладъ золотой гладкій, на поляхъ окладъ и вѣнецъ обвѣзаны жемчугомъ, съ обѣихъ сторонъ къ вѣнцу не донизано на окладѣ, а на вѣнцѣ пять изумрудовъ, одинъ яхонть; на Спасителевомъ образѣ искра лаловая, другая изумрудная, все въ золотѣ; въ ставкахъ по краямъ четыре запонки золотыхъ, въ томъ числѣ въ двухъ по три искры, въ одной двѣ лаловые, одна безъ искръ и безъ верхорясы; на золотыхъ станкахъ жемчужныя въ три нитки, на каждой ниткѣ по два мѣста золотыхъ, въ прикладѣ трои серьги, въ томъ числѣ двои золотыхъ съ бурмистровыми зернами, у одной по пяти, у другой по два зерна, на серьгѣ трети двойчатки, на нихъ по четыре зерна, да по изумруду, да въ яхонтовой коркѣ на серьгѣ моңи за печатью въ бумагѣ; въ прикладѣ четыре золотыхъ, да панагея, жерельце низаное, въ срединѣ лаликъ, въ срединѣ два изумруда сквозныхъ.

Дѣтей его князь Ивановыхъ, а своихъ виучатъ: князя Петра—образъ Пафнютія Боровскаго, окладъ серебряный гладкій. Князя Сергія — образъ Николая Чудотворца, девка двувершковая, окладъ золотой и въ кють серебряномъ, два камня простые, зеленый да желтый. Князя Васильеву жену, ежели изволить Богъ быть, образъ Смоленскія Богородицы, окладъ и вѣнецъ золотые безъ цатъ. вѣнецъ обвѣзанъ жемчугомъ, въ вѣнцѣ Богородицыи и Спасителеви семи камней яхонтовыхъ, красные и лазоревые. Князя Юрьеву жену княгиню Клеопатру — образъ Смоленскія Богородицы, малая девка въ кють серебряномъ, вѣнецъ, поля и ризы золотые.

обнизаны жемчугомъ; а въ которыхъ мѣстахъ жемчугу нѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ залѣпло воскомъ; въ вѣнцѣ четыре камня, въ томъ числѣ два изумруда, да маѣтъ да алмазъ; запона золотая, въ пей девять искръ алмазныхъ, на поляхъ четыре запоны, въ томъ числѣ въ двухъ запонахъ въ срединѣ по искрѣ алмазной, въ одной три искры, а въ другой восемь, въ двухъ по семи искрѣ яхонтовыхъ, въ томъ числѣ въ одной изумрудная, да тридцать зеренъ жемчужныхъ на питкѣ особо. Сына его Юрьева, а своего внука князя Александра—образъ Знаменіе Богородицы, окладъ серебряный и риза литая, вѣнецъ съ карунью, въ вѣнцѣ три запоны алмазныхъ четыре зерна, да четыре изумруда, ожерелье жемчужное, въ срединѣ три изумруда.

Зятя своего князя Федора Петровича—образъ Алексея Митрополита, риза золотая литая, окладъ гладкій серебряный, по краямъ окладъ чеканный, а на дескѣ положено прорѣзной окладъ съ финифтью. Жену его, а свою дочь княгиню Анну—образъ Смоленскія Богородицы, окладъ серебряный чеканный, риза литая въ кіотѣ деревянномъ, па затворахъ святые въ окладѣ. Дѣтей ихъ, а своихъ внучатъ, князя Ивана—образъ Тихвинскія Богородицы, окладъ серебряный чеканный, убрусъ низаной. Князя Сергія—образъ Іоанна Предтечи, окладъ серебряный чеканий, вѣнецъ и цата, оплечья окладные же серебряные съ чернило. Княжну Парасковью—образъ Живоначальныя Троицы, въ окладѣ серебряномъ чеканиномъ, вѣнцы обнизаны жемчугомъ, па вѣницахъ и па цатахъ по шести камней, па всѣ четыре изумруды, восемь искръ лаловыхъ, бирюзъ пять; одной вставки въ вѣнцѣ нѣтъ, верхнія поля сверху обнизаны жемчугомъ. Княжну Дарью—образъ Смоленскія Богородицы, окладъ гладкій серебряный.

И которые святыя иконы, за благословенiemъ моимъ и сверхъ сего моего тестаменту, въ домъ моемъ останутся, и тѣми святыми иконами благословляю ихъ же дѣтей моихъ, князя Ивана, князя Василя, князя Юрья.

А имѣніе мое недвижимое, а именно дворы и деревни, въ наслѣдство отдаю сыну моему князю Ивану, а движимое помянутымъ моимъ дѣтямъ князю Василію и князю Юрью, по расписямъ за моею рукою, которая при моихъ пожиткахъ получены. Первая и вторая часть взять съ жеребья, которая кому достанется, попеже оныя равны суть. А которые мои пожитки и сверхъ помянутыхъ расписей въ Москвѣ али въ Питербурхѣ, и при мнѣ, и тѣ имъ же дѣтямъ моимъ князь Василію и князь Юрью раздѣлить поровну кромѣ серебряной посуды, обрѣтающейся при мнѣ, изъ которой полтретья пуда отдать наслѣдному моему сыну князю Ивану, а ему князю Ивану тое серебряную посуду полтретья пуда отдать, по особливому моему ему, наследственному моему сыну князю Ивану, завѣщанію, приложенному къ сему за моею рукою и за печатью; а до движимаго ему, наследственному моему сыну князю Ивану, дѣла нѣть.

А въ недвижимомъ моемъ имѣніи, а именно въ деревняхъ движимое: хлѣбъ, лошади, скотъ, живность останутся, а то раздѣлить на двѣ части наследственнымъ моимъ дѣтямъ движимаго моего имѣнія, а наследственному моему сыну недвижимаго моего имѣнія оставить въ тѣхъ деревняхъ семена въ житницахъ, а другія въ землѣ и съ природомъ отъ нихъ.

Такожь которые мои деньги есть въ домѣ моемъ въ Москвѣ и въ Питербурхѣ и при мнѣ золотыхъ и сѣмиковъ и Руской большої и мелкой монеты, и оныя взять помянутымъ же дѣтямъ моимъ князь Василію и князь Юрью себѣ, да имъ же дѣтямъ моимъ князь Василію и князь Юрью и съ служи-

тельми ихъ, буде дворовъ своихъ еще не будуть имѣть, жить на дворѣхъ моихъ, пока они дворы свои купятъ, токмо не больше двухъ лѣтъ.

Приданыя деревни, которыя я взялъ за женою мою княгинею Парасковьсю Дмитревною въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Пурецкой волости, въ четверти слободкѣ Макарьевской и съ купленными къ ней землями и со крестьянами по указу Ея Императорскаго Величества передаю въ наслѣдство сыну моему князь Василью. И которые люди и крестьяне были изъ той Нижегородской деревни переведены или собою перешли и поселены въ новой моей дачѣ въ Синбирскомъ уѣздѣ въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями и въ другихъ вотчинахъ до 723 года, и написаны въ подушномъ окладѣ, и въ оныхъ ему, сыну моему князь Василью, не вступаться и не взыскивать для того, что по вышеестественному Ея Императорскаго Величества указу, печатанному 725 года июня 10-го числа, надлежало мнѣ по смерти помянутой моей жены княгини Парасковьи Дмитревны взять изъ недвижимаго и движимаго ея приданаго имѣнія четвертую часть, но я того не взялъ; и хотя тѣхъ переведенныхъ крестьянъ и меньше четвертой части будетъ, и оное вмѣняю въ полное число четвертой части обоихъ имѣній, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ; чего ради и наследственному моему сыну князь Ивану больше того въ четвертую часть не требовать.

Такожъ которые люди и крестьяне и бобыли и ихъ дѣти изъ родовыхъ и выслуженныхъ дѣда и отца моего вотчинъ, которые по члобитью отца моего и по росписи въ Помѣстномъ Приказѣ за мною и за братомъ моимъ князь Андреемъ Ивановичемъ Репнинымъ росписаны, и изъ тѣхъ вотчинъ по смерти онаго моего брата, по раздѣлу моему съ его женою, а мою невѣсткою вдовою княгинею Татьяною Алексѣевою

достались ей, невѣсткѣ моей, подмосковное село Хупавна, Кашинское село Данилово; а она въ духовной своей написала тѣ деревни сыну моему князь Василю; и изъ тѣхъ подмосковній села Хупавны и изъ Кашинской села Данилова отданы за дворовыхъ монхъ людей въ солдаты, и въ другія мои деревни, которая належать наслѣдственному сыну моему, выведены или собою перешли до 723 году и въ подушной окладѣ въ тѣхъ деревняхъ написаны, и во оныхъ ему сыну моему князь Василю не вступаться и не взыскивать же. Ежели въ вышенаписанныхъ сына моего князь Васильевыхъ вотчиныхъ, въ подмосковной, въ Кашинской, въ Нижегородской изъ другихъ монхъ деревень есть люди, бобыли и крестьяне, которые до вышеписанного жъ 723 году переведены или собою перешли и въ подушной окладѣ въ тѣхъ деревняхъ написаны; и съ тѣми наследственному сыну моему князь Ивану учинить по тому же, какъ писано выше сего. А которые хлѣбные и столовые и прочие запасы и оброчныя и другіе денежные и всякие доходы помянутыхъ сына моего князь Василя деревень въ домъ мой были въ приходѣ и въ расходѣ съ другими моими доходы, ему сыну моему князь Василю ТОГО на наследственномъ моемъ сына князь Иванѣ не взыскивать же; понеже онъ, князь Василя, жилъ при мнѣ и въ моемъ домѣ и довольствовался всѣмъ отъ меня изъ моего дома. А движимое взятое за помянутою мою женой княгинею Нарасковьею Дмитріевною по росписи на шесть тысячъ рублевъ я изжилъ по смерти ся. И за то приданое помянутому наследственному моему сыну князь Ивану заплатить сыну моему князь Юрью шесть тысячъ рублевъ въ шесть лѣтъ, понеже оные наследники деревнямъ и пожиткамъ матери своей.

Долги, которые останутся на мнѣ по смерти моей, на которые явятся письма за мою рукою, платить все наследственному моему сыну изъ недвижимаго моего имѣнія. А ежели вышеупомянутыхъ долговъ брату своему князю Юрью и долговъ моихъ наследственной мой сынъ безъ продажи деревень или дворовъ заплатить не можетъ, и для той расплаты изъ недвижимаго своего наследства продать или помянутому брату своему князю Юрью по договору подъ закладъ отдать воленъ, пока получить свои деньги; токмо ему, владѣючи, не разорить.

Да послѣ меня останутся золотыя монеты: одна Польскаго короля Жигимунта Третьяго, которая дана блаженныя памяти дѣду моему боярину князю Борису Александровичу Репину, какъ онъ бытъ въ Польшѣ посломъ во сто червонныхъ, да который во время службы моей Его Императорскому Величеству мнѣ пожалованы, первая за вѣчный миръ съ короною Шведскою 722 году Генваря 28 дня въ пятьдесятъ червонныхъ, вторая при коронаціи Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской 724 году Мая 7 дня въ тридцать червонныхъ; третья въ память погребенія Его Императорскаго Величества 725 году Марта 10 дня, въ пятьдесятъ червонныхъ, и оныя взять наследственному моему сыну князю Ивану, понеже оныя надлежитъ имѣть всегда одному наследнику недвижимаго имѣнія въ память предковъ своихъ, яко недвижимое имѣніе въ родъ и родъ.

А когда по волѣ Божіей мнѣ случится смертный часъ, а притомъ кто изъ дѣтей моихъ одинъ или два будуть, по сему моему завѣщательному тестаменту учинить, кто изъ нихъ при томъ будетъ, и оставшіяся части пожитковъ моихъ, которые достанутся братямъ его, сохранить, и какъ они прибудутъ, отдастъ въ цѣлости при свидѣтельхъ.

И по сему моему завѣщательному тестаменту завѣщеваю и отечески повелѣваю, а притомъ прошу дѣтей своихъ, князя Ивана, князя Василья, князя Юрья въ началѣ имѣть страхъ Божій и поступать по заповѣдимъ Божіимъ, и между себя имѣть любовь неразвратную, и меньшей большаго да почитасть, какъ Святое Писаніе повелѣвастъ, и другъ друга въ нуждахъ и въ напастяхъ не оставлять, и во всемъ ссужать и помошествовать. И дабы, по сему моему завѣщательному тестаменту кому чтѣ повелѣно, исполнить подъ клятвою мою родительскою.

Сей тестаментъ писалъ по приказу генерала-фельдмаршала и кавалера князя Аникиты Ивановича Репнина, генеральной его канцеляріи копіистъ Семенъ Петровъ, Іюня 6 дня 1726 году. Азъ князь А. Репнинъ въ полномъ своемъ умѣ и разумѣ сей тестаментъ власною мою рукою подписалъ и печатью своею утвердилъ.

Сіе отца моего князя Аникиты Ивановича Репнина завѣщаніе я князь Иванъ Репнинъ подписалъ власною мою рукою, во увѣреніе сего по вышеписанному во всемъ содержать и исполнять безпрекословно обязуюсь.

Письмо князя Никиты Волконского, мужа Аграфены Петровны Бестужевой, шута при Анне Иоанновне.

Василій Михайловъ! По полученію сего моего письма, дожась княгинѣ, съѣзди въ Селявino и подряди до меня живодеровъ, чтобы въ зиму кормили собакъ; и прежде я къ тебѣ писалъ, чтобы борзыхъ убавить и гончихъ всѣхъ до меня держать и щенять гончихъ. Да живодеръ надобѣ къ Тройцѣ. Такоже стараніе имѣй, чтобы въ Селявинѣ сдѣлать конюшенной дворъ и конюшню.

Князь Никита Волконской.

Изъ Митавы, Сентября 4 дня 1727 года.

**Реестръ отобраннымъ письмамъ, которые между прочими
взяты были въ Слѣдственную Коммиссію изъ дома бывшаго
кабинетнаго министра Остремана и принадлежать
до Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.**

Въ сундуке № 31-й.

№ 1.

Разсужденіе на Нѣмецкомъ языкѣ, и съ него переводъ на
Россійскомъ, потребно ль было, по отборѣ Азова, Кубани
и Крыма, совѣтовать о заключеніи мира съ Турками и Тата-
рами, или еще войну продолжать?

Переводъ съ письма бывшаго генерала-фельдмаршала Миниха, писаннаго изъ Переокопи, отъ 17-го Іюля прошлаго 1736 году къ помянутому Остреману о военныхъ дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и о состояніи арміи.

Четыре письма блаженныи памяти государыни императ-
рицы Анны Іоанновны, да четырежъ письма благодаритель-
ныя за приложенное стараніе о супружествѣ принца Антона
Ульриха, а именно два отъ Карла герцога Вольфенбителль-
скаго, одно отъ бабки его Кристины Люизы, а четвертое отъ
министра ихъ Крама, да три письма отъ бывшаго герцога
Курляндскаго Бирона, писанныя къ нему, Остреману, на Нѣ-
мецкомъ языкѣ.

Копіи съ писемъ Миниховыхъ, писанныхъ къ бывшему
регенту изъ разныхъ мѣстъ прошлыхъ 1736, 737, 738 и
739 годовъ о военныхъ операціяхъ и о прочемъ, и притомъ

краткой экстрактъ о побитыхъ и раненыхъ, также и продолженіе журнала при арміи.

Копія съ отвѣтной грамоты Римскаго Цесаря къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о тогдашихъ поступкахъ въ Турсцкой войнѣ.

Двадцать шесть штукъ оригиналныхъ и копіи съ Миниховыхъ писемъ къ Остерману о дѣлахъ, происходящихъ при арміи.

Копія съ письма, писанного изъ Варшавы на Нѣмецкомъ языке прошлаго 1738 года къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о тогдашихъ дѣлахъ, и притомъ копія съ скретнаго приложения изъ Вѣны отъ 27 Сентября 1738 года подъ знакомъ.

Две копіи съ писемъ Густава Бирона къ брату его бывшему Курляндскому герцогу о военныхъ операціяхъ отъ 1-го и 8-го Августа 1738 года.

Копія съ письма Цесарскаго посла де Ботта къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о цесарскихъ военныхъ операціяхъ отъ 30 Іюля 1738 года.

Копія съ приложения подъ литерою А. о Константинопольскихъ вѣдомостяхъ отъ Турсцкой границы.

Копіи съ разсужденія Минихова на Нѣмецкомъ языке въ Киевѣ 27 Февраля 1737 года о учиненномъ набѣгѣ Турковъ и Татаръ въ Україну.

Представленіе Минихово, чого ради съ Цесарскимъ генералитетомъ на почтѣ чрезъ Каменецъ-Подольской корреспонденцію имѣть не надлежитъ.

Представленіе за подписаніемъ Миниховой руки, какимъ порядкомъ съ Турками генеральную баталію возьмимъ.

Копія съ письма Басевича о разныхъ матеріяхъ къ бывшему генералу-фельдмаршалу Миниху, изъ Вѣны отъ 29 Мая 1739 года.

№ 2.

Всѧкія разныя записки, посыльные къ бывшему кабинетному министру Остерману, о дѣлахъ изъ Кабинета по иностранной экспедиції.

№ 3.

1. Списокъ съ стараго списка Стобловскаго договора, 7125 года (1617).
2. Выписка о договорѣ прежнемъ и о пересылкахъ между Россіи и Швеціи, и за что прошедшая война началась.
3. Переводъ съ Свейскаго письма съ записи, какову дали Свейскіе послы Іюня въ 21 день, въ Кардисѣ (между Колыванью и Юрьевымъ) въ 169 (1661) году.
4. Списокъ съ дѣговорнаго письма, даннаго отъ Свейскихъ пословъ Кондратія Гильденштерна съ товарищи, 7192 (1684) г.
5. Списокъ съ грамоты, какова послана отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича къ Французскому Людовику королю въ 123 (1615) году съ посланикомъ Иваномъ Кондыревымъ съ товарищи, съ сообщеніемъ о избраніи и воспріятіи Всероссійскаго престола его царскаго величества и неправдахъ Польскаго и Свейскаго королей.
6. Списокъ съ обѣявленія, которое велѣно учинить въ Англіи барону Шаку въ 1714 году
7. Экстрактъ изъ выписки, какова дѣлана въ Польшѣ изъ привезенной вѣдомости съ Москвы о Свейскихъ дѣлахъ.
8. Списокъ грамоты съ подтвержденій и докончанной на Кардійской вѣчной мирной договорѣ, и Плюскос.
9. Посольское совершеніе и Московское возстановленіе, отправленное отъ царскаго величества къ Свейскому Каролусу королю съ бывшими въ Москвѣ Свейскими послы съ барономъ Яганомъ Бергельмомъ съ товарищи, въ 7208.

№ 4.

1. Часть журнала на Нѣмецкомъ яз. руки Остермановой о военныхъ дѣйствіяхъ съ Шведами, 1709 года.

2. Описаніе, поданное блаженныя памяти государыни императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ отъ тайного советника Савы Рагузинскаго, о чёмъ оғь, будучи въ Китаѣ, могъ провѣдать, а именно о силахъ и состояніи оного государства и о границахъ обѣихъ имперій, а паипаче, что проиходило между Россійскимъ и Китайскимъ (sic) имперіями съ 1680 года.

3. Журналъ вояжу галернаго флота капитана Марки Дубровина, какъ отправился отъ Астрахани до Хивы и до Бухары, и въ которыхъ городахъ и провинціяхъ какія войска и купечество, и какія въ нихъ руды и прочія вещи.

4. Исторія на Нѣмецкомъ языке, писанная о Россіи и о прошедшей Шведской войнѣ и о ея причинахъ.

№ 5-й.

1. Краткія выписки изъ министерскихъ писемъ и при нихъ приложенія, 1714 года.

2. Разные концепты и письма прошлыхъ годовъ.

3. Письма министерскія и другія, 1721, 1722 и 1723 год.

4. Письма дѣйствительнаго тайного советника Толстова и кабинетъ-секретаря Макарова изъ низового похода къ Остерману, 1722 года.

5. Дупликать съ грамоты къ Дацкому королю, отправленной Апрѣля 24 дня 1714 г., изъ Санктпетербурга, о бывшихъ военныхъ операціяхъ противъ Шведовъ, за подписаніемъ собственныя руки блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, и при той грамотѣ переводъ на Нѣмецкомъ языке.

6. Меморіи на Французскомъ языке о состояніи Европейскихъ дѣлъ.

№ 6-й.

1. Письма и приложения канцлера графа Головкина 1714 г къ государю императору Петру Великому и къ Остерману
2. Корреспонденціи Шведского почтмейстера Негельдорфа, который въ Россійскую службу домогался.
3. Письма Ягужинскаго и посланника Ланчинскаго.
4. Имянныя указы государя императора Петра Великаго, и письма канцлера графа Головкина къ Остерману, въ Ревель, и на онъя отвѣтныя, 1715 года.
5. Подорожная и прочія письма Остерману, при отъѣздѣ его въ Регенсбургъ.
6. Письма Шведскихъ министровъ, премеморія изъ Колле-гіи Иностранныхъ дѣлъ, 1722 г., допошениія въ оную Колле-гію; концептъ Русской съ Нѣмецкимъ къ Шведскимъ мини-страмъ того-же года; письмо и при томъ облигаціи на 3000 талеровъ, присланная изъ Стокгольма въ 1722 году для взя-тія съ города Риги.
7. Письмо и счеты Франца Попа изъ Гамбурга.
8. Реляція 1714 г. о полученной надъ Шведами побѣдѣ на морѣ Россіянами, и прочія обстоятельства.

Въ томъ же сундуке имъются книги Турецкія Констан-тинопольской типографіи, присланныя отъ тайного сов. Неп-люева, которая принадлежатъ до Государственной Коллекціи Иностранныхъ дѣлъ.

Реестръ отобраннымъ въ Государственную Колл. Иностр. дѣлъ надлежашимъ письмамъ, которые между другими графа А. Ос-термана письмами къ съдѣствію въ Комиссіи обрѣтались.

- № 1. Копіи съ рескриптовъ къ Цесарскімъ министрамъ, и отъ тѣхъ министровъ сообщенія, съ переводами, касающіяся до бывшихъ въ 1732 г. Польскихъ, Цесарскихъ, Россійскихъ, Французскихъ, Турецкихъ и Персидскихъ дѣлъ; притомъ же копія съ заключенного отъ Цесарскаго двора трактата съ курфирстомъ Саксонскимъ. Всего 98 штуки.

Подъ № 2. Разныя копіи на Шведскомъ языке, и притомъ переводы на Россійскомъ, которые во время Сейма, въ 1735 г. бывшаго, къ реляціямъ чрезвычайного посланника Михаила Бестужева приложены. Реляція отъ помянутаго министра и къ нему рескрипты. Письма къ графу Остерману, и письмо отъ барона Гейкина, и на оное отвѣтъ. Всего 16 штукъ.

Подъ № 3. Разныя представлениія Прусского чрезвычайного посланника барона Мардефельда о княжествѣ Курляндскомъ и о Польскихъ дѣлахъ, касающихся до возведенія курфирста Саксонскаго на Польскій престолъ, и о постановленіи съ ними договоровъ, и учиненные ему на оныя отвѣты.

Письма графа Ягужинскаго къ графу А. Остерману о пропускѣ чрезъ Прусскія границы войскъ Россійскихъ къ Гданскому, и о другихъ при Прусскомъ дворѣ обращающихся обстоятельствахъ; и къ нему отъ графа Остремана на оныя отвѣты. Такоже письма на Нѣмецкомъ языке къ Цесарскому министру графу Синцендорфу о тѣхъ-же дѣлахъ. Всего 38 штукъ.

Подъ № 4. Миниѣ о возобновленіи союза съ Пруссіею.

Разсужденіе о дружбѣ съ Цесарскимъ дворомъ.

Разсужденіе о Портѣ Оттоманской.

Ответъ Венгерскимъ министрамъ.

Предложеніе о учрежденіи на границахъ магазиновъ.

Миниѣ о соблюденіи Аустрійскаго дома и о прочемъ до того касающемсяся.

Промеморія Венгерскимъ министрамъ о Прусскихъ до Шлезіи касающихся дѣлахъ.

Ремарки на поданные отъ Венскаго двора насупротивные пункты.

Трактатъ о раздѣлѣніи Цесарскихъ наследственныхъ земель.

Записка, о чёмъ королевско-Польскій министръ графъ Линнаръ предлагалъ.

Записка, о чёмъ Прусский министръ баронъ Мардефельдъ предлагалъ.

Письмо короля Прусского къ фельдмаршалу Миниху.

Архивъ Князя Воронцова XXV.

Грамота къ королю Прускому о Шлезкихъ дѣлахъ.

Мнѹніе, какъ къ барону Кейзерлингу о морскихъ державахъ писать.

Экстрактъ изъ письма полученного изъ Яссы.

Письма къ графу А. Остерману отъ князя Щербатова изъ Лондона о дворянинѣ Третьяковѣ. Всего 17 штукъ.

Подъ № 5. Письма отъ полковника Даревскаго о Польскихъ дѣлахъ къ графу Остерману, въ 1733 году писанныя.

Письмо отъ Курляндскаго шляхтича Корфа къ нему же о публикаціи манифеста въ Литвѣ, писанное въ 1733 году.

Письма отъ полковника Лизена къ нему же о Польскихъ дѣлахъ, въ 1733 году писанныя.

Письма отъ гофрата Біелки къ нему-же о Россійскомъ войсکѣ, бывшемъ въ Польшѣ, въ 1733 году писанныя.

Переводъ сть письма графа Огинскаго, благодарительнаго, таожде и записка о Польскихъ вѣдомостяхъ.

Письма отъ старости Рудомино о его опредѣленіи посланникомъ отъ Республики въ Россію, писанныя къ нему же въ 1733 году.

Письма отъ Фалькенгагена о Польскихъ дѣлахъ, писанныя къ гофрату Біелки въ 1734 году. Всего 17 штукъ.

Подъ № 6. Письма отъ барона Кейзерлинга къ графу А. Остерману, писанныя въ 1732 году о Курляндскихъ дѣлахъ, и къ нему отвѣтъ.

Письмо отъ графа А. Остермана къ оберъ-рату Курляндскому о таможнихъ дѣлахъ.

Письма отъ оберъ-рата Сакена къ графу Остерману о Курляндскомъ дѣлѣ, въ 1733 году писанныя.

Письмо отъ Центровія о Курляндскихъ дѣлахъ къ нему же, въ 1732 году писанное.

Письма отъ Курляндскихъ шляхтичей Бокума и Клопмана къ нему же о Курляндскихъ дѣлахъ, въ 1733 году писанныя.

Королевско-Польский указъ къ Курляндскимъ оберъ-ратамъ. Всего 11 штукъ.

Подъ № 7. Реляціи князя Голицына, и къ нему указы о

Курляндскихъ дѣлахъ, въ 1732 и 1733 годахъ писанные.
Всего 10 штукъ.

Подъ № 8. *Реляціи* фельдмаршала Лессія, писанныя въ 1732 году, и къ нему *указы* о Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 6 штукъ.

Подъ № 9. *Грамота* къ примасу Польского королевства о Станиславѣ.

Манифестъ о Станиславѣ и о вступлении Россійскихъ войскъ въ Польшу

Рефлексіи о Станиславѣ въ избраніи его королемъ Польскимъ.

Экстрактъ изъ заключенного съ Польшею трактата отъ 1716 года.

Экстрактъ изъ трактата, заключенного между королемъ Шведскимъ и Станиславомъ Лепцинскимъ въ 1705 году.

Представление основательныхъ причинъ, по которымъ союзныя войска въ Польшу введены.

Письмо отъ графа А. Остермана къ примасу о баронѣ Таубе. Всего 9 штукъ.

Подъ № 10. *Проектъ* оборонительного союза между Россіею и Англіею, и съ онаго переводъ на Англійскомъ языке.

Ремарки, чего съ Россійской стороны отъ Англіи требовало по нѣкоторымъ пунктамъ.

Пункты о трактатѣ коммерціи, предложенные отъ Англійского министра Форбеса въ 1733 году.

Мнѣніе милорда Форбеса о сихъ пунктахъ.

Содержаніе трактата коммерціи съ Англіею.

Экстрактъ изъ письма къ резиденту Рондо, писанного въ 1733 году. Всего 8 штукъ.

Подъ № 11. *Грамота* къ королю Пруссскому на Нѣмецкомъ языке, и съ нея переводы, также пабѣло написанные, несостоявшіеся. Всего 6 штукъ.

Подъ № 12. *Приложенія* къ доношеніямъ Корфа и князя Голицына, состоящія въ манифестахъ, инструкціяхъ и письмахъ о Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 12 штукъ.

Подъ № 13. *Разсуждение о Швеціи*, выписанное изъ старыхъ дѣлъ. Одна штука.

Подъ № 14. *Мнніе о неготіації*, Англійскаго министра.

Ремарки о оборонительномъ союзѣ между Россіею и Швециєю.

Резоны, почему Швеція войну Россіи объявила.

Предложение о учиненіи къ Шведской сторонѣ всякихъ распоряженій.

Шведскій *Регламентъ* о товарахъ на Голландскомъ языкѣ.

Письмо отъ графа Сольмса о министерскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ брата генерала Кейта.

Письмо подъ пазваніемъ exhortatio ad nobilissimam Poloniae nationem, или увѣщаніе шляхетской Польской націи, и на оное отвѣтъ.

Копія съ реляціи каммергера Корфа.

Манифестъ о Шведской войнѣ.

Промеморія Венгерскихъ министровъ.

Письмо иѣкотораго Шведа къ своему пріятелю о начатой съ Россіею войнѣ.

Дедукція короля Польскаго о вступленіи въ Богемію войскъ его.

Сообщеніе отъ Миралема Турецкихъ вѣдомостей.

Письмо отъ верховнаго визиря къ хану Крымскому.

Копія съ реляціи каммергера Ланчинскаго.

Копіи съ писемъ генерала Румянцова къ каммергеру Ланчинскому. Всего 17 штукъ.

Подъ № 15. *Мѣтоиге* о установленіи коммерціи въ Левантѣ.

Письмо отъ воеводы Єраковскаго Любомирскаго.

Приложенія къ реляціи дѣйствительнаго тайного совѣтника Михаила Бестужева, къ № 56-му.

Доношеніе фельдмаршала Лессія о Шведскихъ дѣлахъ.

Письма о имперскихъ дѣлахъ, до избранія цезаря касающіяся.

О визитѣ маршала де Бель-Иля, отданномъ курфирсту Мейнцкому.

Предложение и мнение о Австрийскихъ дѣлахъ.

Донесение генерала Кейта о Шведскихъ дѣлахъ.

Переводъ съ нѣкотораго Турецкаго письма.

Разсужденіе о Турецкой войнѣ.

Допросная Записка о Турчанинѣ Гонзети.

Рѣчь сераскира Яни-паши.

Разсужденіе о Польскихъ дѣлахъ.

Сообщеніе Польскаго министра Лефорта.

Разсужденія о помощи Цесарской.

Разсужденія черныя о Цесарскихъ и Польскихъ дѣлахъ.

Разсужденія перебѣленыя о Цесарскихъ и Польскихъ дѣлахъ.

Берлинской трактатъ и грамота отъ цесаря.

Реляція резидента Гейнсона съ приложеніями. Всего 20 штукъ.

Подъ № 16. *Мнѣніе графа Головкина о разныхъ дѣлахъ.*

Мнѣніе его же, до вспоможенія Венгерской королевы касающееся.

Мнѣніе его же о разныхъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же объ отвѣтѣ Венгерскимъ министрамъ и о другихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о Французскихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о Англійскихъ и о другихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о вымѣривательной земель машинѣ.

Мнѣніе его же о генералѣ Левашовѣ, о баронѣ Бракелѣ, и о другихъ персонахъ.

Мнѣніе его же о секретарѣ Гейнцельманѣ, о Турецкомъ и Персидскомъ посланѣ.

Представленіе о Австрийскихъ и Англійскихъ дѣлахъ.

Письмо и мнѣніе графа Головкина о Шведскихъ дѣлахъ, до Россіи касающихся.

Мнѣніе его же о ассессорѣ Собакинѣ, о переводчикахъ Синявичѣ и Семенѣ Ивановѣ.

Письмо и мнѣніе графа Остермана о Шведскихъ дѣлахъ, до Россіи касающихся.

*Записка приказу кабинетнымъ министрамъ о Аустрійскомъ
дѣлѣ.*

Представленіе и мнѣніе о Аустрійскомъ домѣ и другихъ дѣлахъ, до Швеціи и прочихъ дворовъ касающіхся.

Резолюція Генеральнихъ Статовъ о Шведскихъ дѣлахъ.

Репортъ генерала Кейта о Шведскихъ манифестахъ.

Письма канцелярії совѣтника Христоскулея о Турецкомъ послѣ.

Разсуждение о состояніи Башкирского народа.

Разговоръ Этамадъ-хана съ студентомъ Чекалевскимъ.

Нѣкоторый проектъ о матросахъ.

Копія съ реляции князя Антіоха Кантемира.

Копія съ реляціи кн. Кантемира.

Копія съ реляціи посла графа Головкина.

Копія съ реляции барона Бракеля.

генерала Левандаля.

барона Кейзерлинга.

» каммергера Бутлера.

Партикулярные письма барона Кейзерлинга.

Партикулярные письма къ графу А. Остреману.

отъ канцеляріи совѣтника Неплюева.

» отъ статскаго совѣтника Вешня-
кова.

Партикулярные письма къ гр. Остерману (продолженіе).

» отъ генерала Леонтьева.

»   »   » генерала Румянцова.

»   » статского совѣтника Капіонія.

Реляція и замарки о кампанії Россійской арміи въ 1738 году.

Мніннє на поданнія оть генерала-фельдмаршала графа
Ессея представлєнія.

Краткое изопстie о имѣющихся съ чужестранными державами трактатахъ, и что къ тому принадлежитъ.

Разсуждение и известія о Персії.

Извѣстіе о Китайскомъ государствѣ.

Извѣстіе о Ризѣ Христовой.

Копія съ письма отъ статскаго совѣтника Каніонія.

Записка отпускаемъ къ барону Кейзерлингу.

Письмо отъ князя Кантемира о собакахъ Бассе.

Подъ № 17. *Описанія о Мунгальскихъ владѣльцахъ и о Китайскомъ государствѣ. 6 штукъ.*

Подъ № 18. *Письмо отъ Французскаго посла маркиза Вилленева.* *

Копія съ письма отъ барона Кейзерлинга.

Письмо отъ барона Кейзерлинга.

Письмо отъ короля Польскаго къ графу Остерману о графѣ Линарѣ.

Письмо отъ герцога Мекленбургскаго къ дочери своей принцессы Аппѣ о своемъ дѣлѣ.

Письмо отъ графа Бриля къ гр. Остерману о графѣ Линарѣ.

Письмо о нападеніи Пруссокомъ въ Шлезіи.

Письмо отъ барона Кейзерлинга.

Письмо каммергера Ланчіяскаго.

Письмо отъ резидента Голембовскаго.

Письма отъ дѣйств. тайн. совѣтника Михаила Бестужева, тутъ и приложеніе о Шведскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ графа Бриля.

Копія съ письма Турецкаго сераскира къ герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому.

Записка предложеніямъ отъ чужестранныхъ министровъ.

Копія съ реляціи князя Кантемира.

Проектъ къ трактату о дружбѣ и коммерціи между Россіею и Голландіею.

Копія съ письма отъ статск. сов. Каніонія къ гр. Остерману.

Письма отъ канцеляріи совѣтника Хризоскулея къ нему же.

Письмо отъ генерала Любраса къ нему же.

Письмо къ Венгерскому министру Ботта отъ Венгерскаго же министра Гатлея изъ Гаги о помощи Россійской.

Копія съ реляціи барона Кейзерлинга.

Письмо и разсуждение о заключенномъ между Швециею и Портою союзѣ.

Письмо отъ канцеляріи совѣтника Хризоскулея къ графу Остерману.

Письмо отъ воеводы Витебскаго Огинскаго къ нему же.

Письмо отъ секретаря Гейнцельмана къ нему же.

Письмо отъ беропа Мардерфельда къ нему же.

Церемоніалъ въѣзда и аудіенціи Цесарскаго посла маркиза Ботта.

Присяга нѣкотораго человѣка, именемъ Дильтобата. Тутъ же и цифры.

Подъ № 19. *Письмо отъ резидента Пенделя къ гр. Остерману.*

Письмо отъ герцога Брауншвейгскаго Людовика къ нему же.

» барона Кайзерлинга къ нему же.

» резидента Альценгейма къ нему же.

Письмо нѣкоторой персоны, именуемой Гобиля, къ нему же. изъ Пекина.

Письмо отъ полковника Дискау изъ Гданска къ нему же.

Копія съ письма отъ графа Миниха къ маркизу де Вилленеву.

Рѣчь, отправленная отъ сераскира Ясоль-наши и Колчака, въ бытность ихъ при дворѣ.

Благодарительное письмо герцога Брауншвейгскаго, по объявлениіи ему о супружествѣ съ принцессою Мекленбургскою Анною.

Благодарительное письмо именемъ брата его герцога Карла о томъ-же.

Письма отъ нѣкотораго именемъ Бейса къ нему графу Остерману о Шведскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ генерала Румянцова рекомендательное къ нему-же.

Роспись командированнымъ изъ Карлскроны кораблямъ, также галерамъ, и сколько людей на нихъ и командировъ.

Письма отъ генерала Любраса къ нему-же графу Остер-

ману о Кронштатской работе и о полкахъ тамо, такожъ о провіантѣ.

Содержаніе, о чемъ графъ Белиль Баварскому двору представлялъ.

Декларація, чѣмъ король Прусскої въ Шлезіи довольноствоваться хочетъ. Всего 19 штукъ.

Подъ № 27. Переплетенныя книги, а въ нихъ:

Переводъ съ Турецкаго листка къ графу Остерману.

«   тоже,

«   тоже,

Копія съ листа отъ него къ Турецкому визирю.

Партикулярныя письма къ Волынскому отъ графа Остремана, отъ бывшаго герцога Курляндскаго, отъ барона Шафирова и отъ тайного совѣтника Неплюева.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1700 г.

Копія съ межевой записи между Россіею и Портою отъ 1705 г.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1711 г.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1712 г.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1713 г.

Копія съ межевой записи между Россіею и Портою, отъ 1714 г.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1720 г.

Копія съ трактата между Россіею и Портою, отъ 1724 г.

Копія съ трактата между Россіею и Иранскимъ государствомъ, отъ 1735 г.

Копія съ трактата между Россіею и Персидскимъ шахомъ, отъ 1732 года.

Копія съ трактата между Россіею и Польшею отъ 7194 (1686) года.

Конвенція съ Римскимъ цесаремъ, отъ 1737 года.

Копія съ трактата между Россіею и цесаремъ, отъ 1726 г.

Переводъ съ сообщенія Цесарскаго министра графа Остейна, отъ 1736 года.

Инструкція опредѣленнымъ на конгрессъ съ Оттоманскою Портю Россійскимъ министрамъ.

Прибавокъ къ инструкціи опредѣленнымъ на конгрессъ Россійскимъ министрамъ.

Копія съ *полной мочи* Россійскимъ министрамъ.

Переводъ съ Латинской *полной мочи* отъ Римскаго цесаря опредѣленнымъ его на конгрессъ министрамъ.

Переводъ съ формальной *декларациіи* объ общихъ противъ Турукъ операціяхъ.

Переводъ съ даний графу Остейну *нотаціи* о помощи противъ Турукъ.

Цесарской *планъ* операціямъ.

Выписка о учившіхъ Россійскимъ подданнымъ съ Турецкой стороны обидахъ.

Выписка изъ трактатовъ съ Турками.

Выписка о противныхъ съ Турецкой стороны поступкахъ и обидахъ, къ Россійской имперіи показанныхъ.

Извѣстіе о *Татарахъ Нагайскихъ*.

Извѣстіе о аульныхъ Татарахъ. Всего выписокъ 5 штуку.

Подъ № 28. *Переплетенные книги*, а въ нихъ:

Протоколы и прочее, что происходило въ бытность на Немировскомъ конгрессѣ между Россійскихъ, Цесарскихъ и Турецкихъ полномочныхъ пословъ.

Реляціи и протоколы, что въ бытность на Немировскомъ конгрессѣ оберъ-егермейстера Волынского происходило.

Записка проходящимъ изъ Кабинета указамъ къ Россійскимъ министрамъ на конгрессѣ въ Немировѣ.

Партикулярныя *письма* отъ оберъ-егермейстера Волынского, изъ Немирова писанныя.

Выписка, какъ Запорожцы въ подданство Россійское приняты. Всего пять штуку.

Подъ № 29. *Письма* отъ графа Остермана къ кардиналу де Флери и маркизу де Виленеву о мистеріальныхъ дѣлахъ.

Церемоніалъ аудіенції Французскаго посла маркиза де-ла-Шетарди.

Представленіе Французскаго полномочнаго министра маркиза де-ла-Шетарди о аудіенці.

Проектъ трактата дружбы, коммерціи и навигаціи между Россією и Генеральными Статами.

Записка, что съ Шведскимъ секретаремъ посольства Лагерфлиртомъ, по объявлениі отъ Шведовъ войны, происходило.

Письма отъ покойнаго графа Ягужинскаго къ графу Остреману о разныхъ дѣлахъ.

Письмо къ королю Польскому отъ графа Остремана.

Письмо къ графу Остреману отъ резидента Шенделя о нѣкоторомъ человѣкѣ именемъ Филларѣ.

Письмо отъ графа Брюса къ графу Остреману о Турецкомъ послѣ.

Письма отъ бывшаго герцога Курляндскаго къ графу Остреману, и отвѣты на оныя.

Представленіе отъ протестантовъ о гоненіи оныхъ католиками.

Реляція, что прежде и при отправленіи торжества о заключеніи съ Швеціею въ 1721 г. вѣчнаго мира чинилось.

Рѣчь поздравительная Ея Императорскому Величеству съ заключеніемъ мира съ Портою.

Письмо отъ герцога Брауншвейгскаго къ графу Остреману.

Экстрактъ изъ письма короля Пруссскаго, сообщеннаго отъ барона Мардефельда.

Промеморія Шведскаго посланника Нолькена, чего онъ при отъѣздѣ своемъ требовалъ.

Рекомендательное письмо Англійскаго министра Финша о графѣ Кокенѣ (sic).

Письма отъ генерала Румянцова къ графу Остреману. Всего 19 штукъ.

Подъ № 30. *Записки* отъ его превосходительства тайного советника фонъ Бреверна, присланныя къ графу А. И. Остреману, въ 1740 и 1741 г. о разныхъ тогда происходившихъ дѣлахъ. Всего 59 штукъ.

Подъ № 31. Разные письма, проекты, доношения и репорты о дѣлахъ, адмиралтейству подлежащихъ. Всего 42 штуки.

Письма по вышепоказанному тридцать первому номеру для отдачи въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Секретарь Семенъ Мацневъ принялъ, въ 13 день Генваря 1742 года.

Рѣчь Французскаго посла маркиза де-ла-Шетарди, отправленная на аудиенціи въ 21 день Ноября 1739 года.

Представление Венгерскихъ министровъ о вспоможеніи Россійскомъ.

Письмо отъ фельдмаршала графа Миниха къ Хотинскому патрулю о статскомъ совѣтнике Капіоні, отправленномъ въ Константинополь.

Рефлексіи о пынѣннѣ состояніи Европейскомъ.

Сообщеніе барона Мардефельда о Шлезкихъ дѣлахъ.

Трактатъ оборонительный между Швеціею и Портою на Латинскомъ языке.

Доказательства правъ короля Пруссаго на иѣкоторыя княжества въ Шлезіи.

Вѣдомости на Голландскомъ и Французскомъ языкахъ.

Родословная таблица герцоговъ Брауншвейгскихъ.

Извѣстія, сколько папа Римскій войскъ имѣеть, также расписъ, количестве число въ Римѣ кардиналовъ, и откуда кто.

Письма отъ барона Кейзерлинга изъ Митавы о Курляндскихъ дѣлахъ.

Листъ отъ верховнаго визиря къ графу Остерману. Всего 20 штукъ.

Подъ № 20. Разныя сообщенія отъ 1732 и 1733 годовъ Саксонскаго посланика Лефорта о Польскихъ дѣлахъ.

Проекты къ трактату съ королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ.

Сообщенія цесарскихъ министровъ, и на оныя отвѣты о Польскихъ и Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 52 штуки.

Подъ № 21. Письма отъ князя Голицына къ графу Остер-

ману о Курляндскихъ и министерскихъ дѣлахъ, писанныя изъ Митавы въ 1733 году.

Подъ № 22. *Инструкціи* и реєкриоты къ покойному оберъ-шталмейстеру графу Левенвольду, и отъ него Левенвольда. *Реляціи* на Нѣмецкомъ языкѣ, съ переводами на Россійскій. Такожде *письма* его, въ 1733 году писанныя, въ бытность въ Польшѣ министромъ, о избраніи короля Польскаго. Всего 56 штукъ.

Подъ № 23. *Письма* къ графу Остреману отъ графа Миниха.
графа Вратислава.

- ›   стат. совѣт. Вешнякова.
- ›   тайн. совѣт. Неплюева.
- ›   городы Гданска.
- ›   агента Эрдмана.
- ›   агента Біелки.

Промеморія Цесарскаго министра графа Остейна о Россійскомъ вспоможеніи.

Выписки изъ сообщенныхыхъ Цесарскихъ писемъ.

Приложение къ реляціи посла графа Александра Гавриловича Головкина.

Промеморія Цесарскаго министра графа Остейна.

Манифестъ печатной на Польскомъ яз. о Польскихъ дѣлахъ.

Рѣчь Гданскихъ депутатовъ.

Письмо отъ д. т. с. Михаила Бестужева къ графу Остреману.

Записка о графѣ Завишѣ.

Роспись войскамъ короля Польскаго.

Письмо аббата Пальмерини.

Рѣчь короля Англійскаго къ Парламенту.

Письмо отъ графа Остремана къ печати хранителю Шовелину.

Декларація о Французскихъ войскахъ, взятыхъ Россійскими подъ Гданскомъ.

Записка объ отвѣтѣ къ примасу и министру Прусскому.

Копіи съ писемъ, къ королю Прусскому писанныхъ.

Подъ № 24. *Журналъ*, держанной при отправленномъ ка-

раванѣ въ Пекинѣ отъ агента Ланга въ 1731, 1732 и 1733 годахъ. Одна штука.

Доношение изъ конторы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о пріисканіи оригиналныхъ договорныхъ писемъ о разграничениіи съ Турками.

Копія съ инструмента разграниченія земель, произведенаго тайн. сов. Неплюевымъ и Турецкими полномочными въ 1740 году.

Копія съ доношенія генерала Левашова о строеніи новой крѣпости.

Минніе графа Миниха о разграничениіи съ Азовской стороны съ Портою Оттоманскою.

Ресстрѣкъ указамъ и сообщеніямъ, отправленнымъ по предложenіямъ тайшаго совѣтника Неплюева. Всего 8 штукъ.

Нодъ № 26. *Письма* партікулярныя къ графу Остерману отъ генерала Любраса объ осмотрѣ рѣки Воксы, и о Шведскихъ дѣлахъ.

— Отъ генерала Кейта о диспозиціяхъ при арміи, и о Шведскихъ дѣлахъ.

— Отъ генерала Румянцова о посольствѣ его въ Турецкую землю.

— Отъ ген. Репнина о разграничениіи съ Турками.

— Отъ генераль-маюра Апраксина о Персидскомъ посольствѣ.

-- Отъ покойнаго короля Польскаго Августа о присылкѣ ministra къ установленію ближайшаго соединенія, и отвѣтѣ на оное.

— Отъ дѣйств. тайн. сов. Михаила Бестужева о посланникѣ Нолкеннѣ.

Отъ генерала Любраса о ландкартахъ отъ князя Кантемира.

Вѣдомость изъ Бѣлграда о Туркахъ, отъ 1739 г.

О приемѣ Французскаго посла въ Кронштадтѣ.

SUR LES ÉVÉNEMENS
du
RÈGNE DE JEAN III,
ET DES
GENCES DU DUC DE COURLANDE ET DE LA PRINCESSE ANNE DE
MECLEMBOURG; SUR LA RÉVOLUTION QUI A PLACÉ
L'IMPÉTRICE ÉLISABETH
SUR LE TRÔNE DE RUSSIE
etc
de annis 1740 — 1748.

EXT R AITS.

1.

St.-Pétersbourg, ce 18 octobre 1740.

Je n'ai le tems que de dire en peu de mots très-humblement à v. m. qu'avant-hier à midi, contre toute attente, l'impératrice Anne vomit une quantité de sang, et son mal empira de plus en plus, en sorte qu'après de fréquentes conférences entre le duc de Courlande, le gén. feldmar. c-te de Munnich et les ministres du Cabinet, le c-te d'Ostermann y compris (qu'on a porté dans un fauteuil devant le lit de l'Impératrice) la disposition concernant la succession fut faite hier au soir, portant en substance: que la mortalité avait engagé l'Impératrice à nommer le prince Iwan grand-duc et son successeur, et après lui tous ses enfans mâles, ou en défaut de cela ses frères à naître de la princesse Anne. Elle autorise celui qui de cette tige restera le dernier en vie, de faire des dispositions ultérieures touchant la succession, en conformité de l'ukase de 1722. La princesse Élisabeth, la princesse Anne, le prince de Brunswick, les généraux, toutes les gardes, tous les ministres, les Collèges et toute la cour ont fait ce matin la prestation du serment au jeune grand-duc, et les

troupes l'ont fait avec de grandes démonstrations de joie, ayant dit: „C'est donc le fils de notre prince!“ Le duc de Courlande tomba dimanche passé en faiblesse et fut obligé de se faire saigner, mais depuis il a tenu fort bonne contenance. Présentement l'Impératrice se porte un peu mieux, et on espère encore qu'elle en pourra revenir. Son mal est une goutte remontée et une pierre dans les reins, à ce qu'on soupçonne. Je crois que la disposition par rapport aux régens du royaume ne paraîtra qu'après le décès de l'Impératrice, que le bon Dieu nous veuille encore laisser de longues années; car cette princesse est douée de fort grandes vertus et qualités.

L'on se flatte que le prince de Brunsvic sera nommé généralissime.

2.

St.-Pétersbourg, ce 22 octobre 1740.

Sa majesté l'Impératrice se porte si bien, qu'on la croit entièrement hors de danger. Elle a marqué une grande tendresse au prince de Brunsvic, qui est aimé généralement de toute la nation, et elle dit hier aux généraux, aux ministres et aux sénateurs qui furent admis à lui baisser la main, en leur montrant le jeune grand-duc: „Voilà votre maître futur; servez-le un jour aussi fidèlement que vous m'avez servi.“

3.

St.-Pétersbourg, le 29 octobre 1740.

Hier au soir, entre neuf et dix heures, sa maj. impériale de toutes les Russies est décédée, agée de 47 ans et 8 mois. Depuis quatre jours on a été certain

qu'elle n'en réchapperait pas, la goutte remontée, ses règles cessées et la pierre aux reins n'ayant permis d'en plus douter. et comme sa maj. impériale pendant son glorieux règne a eu des marques convaincantes de la fidélité à toute épreuve du duc de Courlande, de son zèle pour son service, de sa rare prudence et de son habileté, elle a déclaré, tant de vive voix que par son testament, son altesse sérénissime régent de l'Empire pendant la minorité de l'Empereur Iwan, et c'est sur ce pied-là que les généraux et plusieurs ministres ont prêté serment il y a déjà trois jours, exemple que le clergé, l'état civil et les gardes ont suivi aujourd'hui. On assure même que les gardes ont supplié feue l'impératrice de nommer le duc-régent, fardeau duquel son altesse n'a pu se dispenser après les fortes instances de sa bienfaitrice et des troupes.

On a lu en présence des ministres du Cabinet et du procureur-général Troubetzkoy une déclaration aux officiers et bas-officiers des gardes, par laquelle on leur annonce la mort de l'Impératrice, et les renvoie au serment prêté au grand-duc, et il est dit: qu'il ne prendra qu'à 17 ans les rênes de l'Empire; qu'en considération de l'attachement et des services utiles que le duc de Courlande a rendus à sa maj. imp. et à la gloire de la Russie, on le déclare régent; qu'il sera revêtu de toute l'autorité souveraine tant pour les affaires du dehors que pour celles du dedans, avec pouvoir de disposer de toutes les caisses. Enfin, après cette lecture faite, le feldmaréchal a dit à haute voix aux gardes: „Ferez-vous entendre ce qui vient d'être publié?“ Le silence a été l'interprète de leur consentement.

4.

On veut dire que la princesse et le duc de Brunsvic n'en resteront pas là, quoiqu'ils fassent bonne mine à mauvais jeu; s'ils sont bien conseillés, ils le prendront sur le ton qu'il faut, et cela étant ils démontreront sûrement le régent, et qu'auront-ils à craindre étant mère et père de l'Empereur?

5.

St.-Pétersbourg, ce 1 novembre 1740.

Avant-hier au matin, l'Empereur fut transporté au palais d'hyver de la manière suivante. Un escadron de la garde à cheval fit l'ouverture de la marche; le grand-maréchal comte de Loewenwolde, le grand-écuyer knées Kourakine et plusieurs chambellans suivirent à pied, et le duc-régent marcha immédiatement après eux, aussi à pied, devant la chaise à porteurs dans laquelle la nourrice était assise, ayant le jeune Empereur sur ses genoux. Après la chaise à porteurs vint le carrosse, où la princesse-mère se trouva avec madelle de Mengden, précédé de 8 laquais à cheval, et une compagnie des gardes à pied fit la clôture du train.

6.

St.-Pétersbourg, ce 5 de novembre 1740.

Comme on observe dans les prières publiques l'ordre suivant: 1) L'Empereur, 2) la princesse Anne sa mère, 3) la princesse Elisabeth et 4) le duc-régent, la princesse Elisabeth lui a demandé pourquoi on l'avait dégradée? Le duc-régent lui a dit pour bonne raison, que

du vivant de l'impératrice Catherine on l'avait nommée avant la grande-duchesse; mais que sous le règne de Pierre II la grande-duchesse avait été placée devant elle, et que c'était présentement le même cas.

Par l'ukaze tous les états ont conféré unanimement le titre de hoheit au duc-régent. On m'avait assuré que son altesse avait aussi donné la hoheit au prince de Brunsvic en lui parlant; mais à cette heure on vient me persuader qu'il y a eu un ordre d'affiché, suivant lequel il est enjoint à tout le monde de ne donner au dit prince que durchlaucht. Les états ayant outre cela jugé nécessaire que le duc de Courlande, comme régent, forme une cour exprès pour cette dignité, l'ont sollicité d'accepter à cette fin une pension annuelle de 300,000 roubles, à quoi son altesse a bien voulu descendre, pour être d'autant plus en état de leur faire du bien et de les récompenser. La dite altesse a: 1) confirmé toutes les grâces que l'Impératrice fit le jour que la paix avec la Porte Ottomane fut déclarée; 2) remis à la noblesse un tiers des arrérages de la capitulation, et 3) accordé la liberté à tous les galériens qui n'ont pas commis des crimes qui méritent la mort. Le conseiller d'état et secrétaire du cabinet Yakovlew et un adjudant prussien du duc de Brunsvic, et plusieurs autres personnes, ont été arrêtés.

7.

St.-Pétersbourg, ce 8 de novembre 1740.

Le duc-régent fit dimanche passé avec son éloquence ordinaire aux seigneurs russes qui lui faisaient la cour, une espèce de harangue, portant en substance: Que ce

n'avait pas été pour son plaisir, mais uniquement pour déférer et obéir aux pressantes instances réitérées et aux ordres de feu l'Impératrice, à laquelle il avait de si grandes obligations, qu'il s'était chargé du pesant fardeau de la régence, qu'il administrait avec toute la fidélité et toute l'attention imaginables pour rendre l'Empire Russien et l'état de chaque particulier heureux et florissant; qu'il n'aurait point de favoris et qu'il rendrait justice à tout le monde sans aucun intérêt ni vue ou inclination particulière, et qu'il les regarderait et chérirait tous comme ses frères. Il n'est encore avéré qu'il ait accepté les trois cent mille roubles par an.

Un imprimé concerne les grâces que son altesse sérénissime a distribuées au nom de l'Empereur, de même l'ukaze suivant lequel on doit donner dès à présent le titre de hoheit aussi au duc de Brunsvic, celui qui l'avait lu samedy dernier s'étant arrêté à durchlaucht et n'ayant pas lu le reste. Outre ceux que j'ai nommés dans ma précédente relation, on a encore fait mettre à la forteresse le oberdirecteur de la douane Iwan Danielewitch Romanschakow, les knèes Poutiatine et Argamakow, officiers aux gardes, et quantité de gens d'un moindre calibre, pour avoir parlé indécentement de la sage disposition de feu sa majesté impériale.

Le duc de Brunsvic et le duc-régent ont eu un entretien bien vif à cette occasion, et si l'on eût conseillé au premier de se montrer tel deux jours avant le décès de l'Impératrice, je suis persuadé que les choses eussent tourné tout autrement. On croit que l'ukaze concernant la régence n'a pas été signé de l'Impératrice, malgré ce qui suit.

8.

St.-Pétersbourg, ce 12 novembre 1740.

Le duc de Brunsvic, quoiqu'il plie, est toujours mal avec le duc de Courlande.

Le duc de Brunsvic s'est démis, à ce qu'on vient de me dire, de toutes ses charges, dans la persuasion que comme père de l'Empereur il ne saurait être sous le commandement de ceux qui sont au service de son fils; ainsi ce digne prince se bornera à l'agréable employ de procréer des empereurs pour la Russie.

9.

St.-Pétersbourg, le 21 novembre 1740.

Après que le duc de Courlande s'est cru bien assermi dans son posse, il a commencé à traiter tout le monde, et même la mère et le père de l'Empereur, avec une arrogance, fierté et manière méprisante, qui passent l'imagination, et ses exécrables desseins sont allés jusqu'à vouloir renvoyer la princesse et son époux en Allemagne et se rendre maître de la personne de l'Empereur pour en disposer selon ses vues et se mettre en suite lui-même, quand il le jugerait à propos, sur le trône. Comme, outre cela, il était brouillé avec le feld-maréchal pour n'avoir point voulu lui donner une place dans le Cabinet, ayant aussi pris en mauvaise part ses représentations sur ce que le régent faisait toujours baisser les drapeaux quand il passait devant les gardes (honneurs que le général-feldmaréchal ne croyoit appartenir qu'au Souverain), son excellence s'est entendue secrètement avec la mère de l'Empereur; car le duc de Brunsvic n'en a rien su qu'au moment

de l'exécution du projet, en vertu duquel son altesse impériale la princesse lui a donné un plein-pouvoir d'arrêter le duc de Courlande, dont le feldmaréchal s'acquitta admirablement bien, hier à trois heures après minuit. Car il entra dans le corps de gardes avec ses aides-de-camp, et dit aux officiers et soldats: „N'est-ce pas, mes frères, vous me connaissez? Vous m'avez vu à votre tête dans les combats; présentement il s'agit du service de l'Empereur, notre maître; voudriez-vous bien me suivre?“ Ils répondirent unanimement qu'ils étaient prêts d'obéir, surquois il s'écria: „J'ai ordre de me saisir de la personne du duc de Courlande, qui est un traître, un voleur“, et se mit à la tête d'une trentaine de soldats, entra dans la palais d'été et fit par son aide-de-camp général le lieutenant colonel Manstein enfoncer les appartemens du duc de Courlande, qui était au lit avec son épouse, sans se douter de rien. On prétend qu'il a fait toute la résistance possible, sans avoir des armes. Là-dessus on l'a lié et transporté presque nu, au corps de garde du palais d'hyver, où demeure la famille impériale. A son arrivée il y tomba de frayeur et de désespoir en défaillance, de sorte qu'on fut obligé, pour l'en faire revenir, de lui ouvrir la veine. L'après-midi, entre 3 et 4 heures, il fut mis, dépouillé de tous les ornemens, dans un schlafwagen à six chevaux, ayant à ses côtés m-r Lapoukhine, capitaine aux gardes et deux grenadiers, la bayonnette sur le fusil, et deux sur le derrière de la voiture, et envoyé au monastère d'Alexandre Newsky, pour y passer la nuit avec sa famille, excepté le prince héréditaire, qui est resté ici malade au lit, d'où ils iront à Schlusselbourg, pour y être enfermés. La duchesse doit aussi avoir été maltraitée sur ce qu'elle a voulu faire la

méchante. Elle a suivi son mari avec ses enfans un quart d'heure après, dans une pareille voiture, n'ayant pour toute suite que trois servantes, trois laquais et quelques cuisiniers. Le reste de sa cour est demeuré ici, et le médecin Smith a eu ordre de les soigner chemin faisant. Le général en chef Biron et le ministre du Cabinet Bestouchew furent arrêtés en même tems et transportés, à ce qu'on veut, à la forteresse susmentionnée. Le duc de Courlande ayant demandé la permission à la princesse d'entrer dans l'intérieur de la cour dans son schlafwagen, de crainte que s'il le faisait à la vue de la populace, il n'en fût mis en pièces, ce que son altesse impériale lui accorda, a peine eut-il atteint la Perspective que plusieurs milliers du commun peuple le suivirent, criant sans cesse: „....on-na mat“, mot injurieux, dont les Russes se servent à tout bout de champ. Chute terrible, laquelle ne lui serait pas arrivée si promptement, s'il ne s'était oublié envers la famille impériale, ou qu'il ne se fût privé par son imprudence, de son égide: je veux dire de l'amitié du général-feldm. c-te de Munnich, qui s'est conduit dans cette conjoncture en héros, comme à son ordinaire.

Hier au matin, son altesse impériale la grande-duchesse *Anne*, mère de l'Empereur, qui fait tout avec un air de majesté digne d'admiration, fut élue *régente*, comme le manifeste le porte, et se revêtit de l'ordre de St.-André. Aujourd'hui la princesse *Élisabeth*, tous les grands et les troupes lui ont prêté le serment de fidélité. Le contentement et la satisfaction de tout le monde en général sont inexprimables. Les soldats, en voyant paraître le duc de Brunsvic, ont poussé des cris de joie, en faisant voler les chapeaux en l'air. J'ai

oublié de rapporter qu'on a envoyé ordre d'arrêter le frère aîné du duc de Courlande à Moscou. On m'a assuré qu'on se saisira des biens du duc en Courlande pour se dédommager des sommes qu'il a tirées de cet Empire.

10.

St.-Pétersbourg, le 22 de novembre 1740.

Le duc de Courlande est avec son épouse et sa famille à Schlusselbourg jusqu'à nouvel ordre, et son frère et Bestuchew ont été transportés plus loin. Le général Charles Biron aura le même sort, et Bismark, qu'on fait arrêter, sera dépouillé de ses charges et renvoyé en Allemagne. Je sais présentement que le duc de Courlande a voulu éloigner ou se défaire d'une manière ou d'autre de la mère et du père de l'Empereur, pour se revêtir ensuite de la dignité impériale et forcer la princesse Élisabeth à épouser son frère cadet.

11.

St.-Pétersbourg, le 26 de novembre 1740.

Les particularités suivantes de la disgrâce de ce duc de Courlande sont authentiques.

La princesse étant à la fin lasse des menaces que le duc de Courlande avait faites plus d'une fois publiquement, savoir qu'il envoyerait la mère et le père de l'Empereur en Allemagne et prendrait le jeune Empereur chez lui, pour avoir soin de son éducation, elle invita, samedy passé, au matin, le gén.-feldmaréchal comte de Munnich, qui était venu lui présenter quatre cadets pour en choisir deux pour pages, dans son cabinet, et le conjura, en versant un torrent de larmes,

d'avoir pitié d'elle et de sa famille, de coopérer qu'elle pût se retirer avec son enfant et son époux, dans l'espérance qu'elle ne manquerait pas de trouver quelque coin dans le monde, où elle pourrait être à l'abri des insultes et cruautés de l'usurpateur, discours qui attendrit ce héros et l'engagea à dire à son altesse: qu'il sçavait bien un autre moyen plus avantageux pour la tirer de cette fâcheuse situation, et que pour cet effet il fallait arrêter le régent. A quoi elle répondit: „Comment cela se peut-il, le clergé, les ministres, la généralité et tout le monde en général lui ayant prêté le serment de fidélité?“ Mais il répliqua que cela serait son affaire, pourvu que son altesse voulût l'autoriser et garder religieusement le secret, et n'en rien confier à qui que ce fût qu'au grand-maréchal comte de Loewenwolde; ce qu'elle approuva. Cependant il ne fut pas de la confidence, son altesse n'ayant pas eu occasion de lui parler ce jour-là. En quittant le feldmaréchal, elle lui conseilla de se dépêcher, n'y ayant point de tems à perdre, et, pour prévenir tout soupçon, elle persuada un moment après son époux de faire la visite au duc, ce qu'il fit et retourna avec lui dans un même carrosse. Le duc de Courlande entretint alors la princesse beaucoup plus obligeamment qu'à l'ordinaire; mais elle trembla durant toute cette visite, comme une feuille de tremble. De là les ducs se rendirent au manège. La veille, le feldmaréchal et le c-te de Loewenwolde furent quelques heures chez le régent, qui était couché tout de son long sur un lit de repos, et le feldmaréchal ayant parlé de ses actions, le grand-maréchal l'interrompit tout d'un coup pour lui demander s'il n'avait point essayé ou fait d'attaque nocturne, ce qui pensa le déconcerter. Cependant, s'étant remis, il

répondit avec sang-froid, que oui. Toutefois, cette question frappa si fort le duc, qu'il se redressa brusquement et s'appuya sur sa main avec un air sombre et rêveur.—La nuit, entre 2 et 3 heures, le feldmaréchal se leva et se rendit chez la princesse, emmenant avec lui plusieurs officiers qui étaient de garde auprès de son altesse, après leur avoir tenu le discours que j'ai eu l'honneur de rapporter dans mes précédentes relations. La princesse n'oublia pas de les encourager à cette entreprise avec beaucoup de dignité et d'éloquence. Cela fait, son excellence se mit à la tête de ces officiers et de quarante soldats et marcha vers le palais d'été, et sachant que le régent avait ordonné une fois pour toutes à la garde, que si elle voyait paraître après dix heures du soir et avant sept heures du matin six ou plus de personnes attroupées, de faire feu sur eux et de les massacrer il eut la précaution d'envoyer en avant l'un de ses aides-de-camp pour avertir la garde de ne point faire du bruit; que la princesse allait venir, ayant à parler au régent; que les officiers eussent à se rendre devant le corps de garde et d'y faire rester le simple soldat; à quoi ils se conformèrent exactement. Sur ces entrefaites, le feldmaréchal arriva au lieu de la princesse, et répéta à ces officiers le même propos qu'il avait tenu une demi-heure auparavant à ceux du palais d'hyver. Ils se rangèrent à l'instant de son côté, en assurant qu'il pouvait disposer d'eux selon son bon plaisir. Là-dessus son excellence détacha son général-adjudant Manstein avec 20 hommes, pour se saisir de la personne du duc de Courlande, qui se trouva dormant avec son épouse en pleine sécurité, sans avoir fait fermer les portes de ses appartemens, et comme Manstein tou-

chait au côté de la duchesse, il demanda: „Où est le régent?“ Lequel s'étant evéillé en sursaut se leva à la hâte, et l'un de ses pieds s'étant embarrassé dans les draps, il tomba à terre; alors le général-adjudant se jeta sur lui. Mais le duc résista avec beaucoup de force, donna des coups de pied à Manstein, qui les lui rendit avec usure et lui fit mettre un bâillon dans la bouche, que les soldats accompagnèrent de mille coups et mirent sa chemise en mille pièces, le traînant ainsi presque nu à la chambre du corps de garde au palais d'hyver. Ensuite le feldmaréchal envoya le même général-adjudant et un autre adjudant pour arrêter le général Biron et le conseiller privé Bestuchew, ce qui fut exécuté sans difficulté.

Ayant de cette façon achevé heureusement son expédition sans pourtant avoir vu son prisonnier, il monta chez la princesse, et lui dit: *Wir haben den Vogel gefangen;* laquelle, transportée de joie, embrasse le feldmaréchal et le remercie avec les expressions du monde les plus obligeantes du signalé service qu'il venait de rendre à la famille impériale et à l'Empire.

Le feldmaréchal m'assura hier que le duc de Courlande, pendant les 10 ans et 9 mois que feuë l'impératrice a été sur le trône, avait tiré de cet Empire pour le moins dix millions de roubles. On dit qu'il est présentement accablé de tristesse. Il s'est comporté pendant ces trois semaines comme un homme auquel la tête avait tournée.

La duchesse de Courlande, voulant suivre en chemise son mari, lorsqu'on l'emménait au château, fut fort maltraitée par les soldats, et sa chemise déchirée en deux. Elle crut qu'on l'envoyait en Courlande, parce qu'elle avait eu la permission de tout prendre avec

elle. Elle a dit en partant qu'elle avoit cru possible que Dieu pouvait les faire mourir, mais non pas que le feldmaréchal pût être l'instrument du malheur et de la disgrâce de son époux. Aussi n'ai-je vu tout le tems que je suis dans ces contrées glaciales y régner une joye si parfaite et universelle. Durant la régence du duc de Courlande on avait posté des piquets dans toutes les rues et défendu au soldats et au peuple d'entrer dans les cabacques, maisons où l'on vend de la bière, du vin, du brandevin. Présentement il n'y a plus de piquets, les cabacques sont ouverts, et tout le monde peut dire ses sentimens sans courir aucun risque, parce que le gouvernement est sûr que généralement on est content.

12.

St.-Pétersbourg, le 3 de décembre 1740.

Le duc de Courlande ayant obligé l'impératrice, selon sa coutume, par force, à le nommer régent dans sa disposition, elle lui dit: „Biron, Biron, tu ne songes pas à ce que tu fais! Tu vas te perdre!

13.

St.-Pétersbourg, le 13 décembre 1740.

Le grand-maréchal c-te de Loewenwolde est celui qui a parlé le premier à la grande-princesse touchant le traité d'alliance qui est sur le tapis entre votre majesté et la Russie, et puis après le comte d'Ostermann en a fait de même. Elle leur a répondu qu'elle était prête à y mettre la dernière main, pourvu que le feldmaréchal, qu'elle voudrait ménager, lui en touchât un mot

comme premier ministre. Son altesse le duc de Brunswick me dit qu'il était entièrement dévoué à votre majesté non-seulement par rapport à l'honneur et l'avantage, mais aussi par inclination, et qu'il ne négligerait aucune occasion pour l'en convaincre.

J'ai des avis réitérés que la cour est intentionnée de faire revêtir un prince de Brunswick de la dignité ducale de Courlande. Le général-procureur Troubetzkoy est envoyé en Courlande pour y prendre possession des terres du ci-devant duc.

Jusqu'ici il est très-bien traité à Schlußselbourg. Il y a une vaisselle d'argent et des cuisiniers de la cour pour le servir.

14.

St.-Pétersbourg, le 7 janvier 1741.

Il est presque incroyable, mais pourtant très-vrai, que sous la régence de feuë l'impératrice, princesse aussi clémence qu'il soit possible de l'être, cinq mille et deux personnes ayent été mises à mort par la main du bourreau, et trente mille exilées: malheureux témoins de la cruauté du ci-devant duc de Courlande, et l'on voit par là à quel point ce barbare avait abusé de sa faveur et de son crédit. L'on dit que la grande-princesse a fait présent au général-feldmaréchal de cent mille roubles, pour récompense de ses signalés services et septante mille pour achever à bâtiir sa maison *). Outre cela, elle lui a encore donné une magnifique vaisselle d'argent.

*) Имѣшпее Морское Училище на Васильевскомъ острову

15.

St.-Pétersbourg, le 14 février 1741.

Il y a une commission nommée pour instruire le procès du ci-devant duc de Courlande, et l'on conjecture qu'il sera condamné à perdre la vie, étant convaincu du crime de lèse-majesté, de concussions et d'avoir faire périr une grande quantité de personnes innocentes. Mais il est certain que la régente lui fera grâce et le condamnera à une prison perpétuelle.

16.

St.-Pétersbourg, le 15 mars 1741.

Le général-feldmaréchal premier ministre comte de Munnich, ayant représenté à son altesse impériale que son âge, son manque de mémoire et ses infirmités, causées par les fatigues qu'il a souffertes, l'avaient mis dans un état qu'il ne pouvait plus suffire, de la manière qu'il le souhaitoit, aux emplois importants dont il était revêtu et honoré, il suppliait son altesse de l'en décharger et de lui permettre de sacrifier le reste de ses jours uniquement à Celui Qui lui avait donné l'être. Sur quoi son altesse impériale, ayant eu égard à ses instantes prières, lui envoya hier le grand-maréchal c-te de Loewenwolde et son frère le grand-maître, pour l'informer qu'elle lui accordait, quoiqu'à regret, sa demande.

17.

St.-Pétersbourg, le 1 d'avril 1741.

Aujourd'hui l'ordre a été signé touchant la pension annuelle de quinze mille roubles pour le général-feldm. c-te de Munnich, et il est allé aujourd'hui occuper son palais à Wassiley Ostrow.

Son altesse impériale la régente n'est plus tant aimée de la nation, parce qu'elle est toujours entourée par des Allemands, lesquels elle distingue beaucoup.

18.

St.-Pétersbourg, le 4 d'avril 1741.

Le ci-devant duc de Courlande sera dans peu transporté en Sibérie. Il y sera entretenu largement, et on lui donnera un pasteur luthérien, pour avoir soin de son âme et de celles des protestants qui se trouvent dans ce royaume.

19.

le 8 d'avril.

L'arrêt que le Sénat prononce contre le duc de Courlande le condamne à être puni de mort; mais la régente mitige cette sentence, et il finira sa carrière en Sibérie.

20.

le 11 d'avril.

Tout est présentement dans une grande fermentation. La favorite et le parti du feldmaréchal remuent ciel et terre pour le faire remplacer. La régente est entièrement portée pour lui, mais le duc de Brunswick et le c-te d'Ostermann s'y opposent de toutes leurs forces.

21.

le 13 may.

Le ci-devant duc de Courlande est encore à Schlossselbourg, et son altesse impériale la grande-duchesse régente a par compassion changé l'endroit de son exil

Архивъ Князя Воронцова XXV.

et l'a fixé aux environs de Tobolsk, climat bien moins rude que celui qui était l'autre demeure.

22.

le 3 de juin.

L'élection d'un nouveau duc de Courlande doit se faire le 13 de ce mois. Le ci-devant est encore à Schlusselbourg, et je crois qu'il y demeurera jusqu'à ce que sa dignité précédente soit conférée à quelque autre prince. Bestuchew est présentement dans une maison de paysan, dans un village à douze werstes d'ici, et il sera exilé sur une terre assez considérable pour le nourrir passablement bien. La régente lui a fait cette grâce en considération de son frère, qui est en Suède.

23.

le 27 de juin.

Le di-devant duc de Courlande a entrepris le voyage de la Sibérie, où il sera confiné pour le reste de ses jours.

24.

Le 1 de juillet.

Une partie de la noblesse de Courlande est du sentiment d'élire simplement pour duc le prince Louis; mais l'autre partie a opiné qu'il fallait que la noblesse encore envoyât une requête au roi de Pologne, pour supplier sa majesté de lui donner pour duc ce prince; en sorte que son altesse sérénissime sera infailliblement duc de Courlande, bien que son élection puisse être différée de quelques semaines. On meuble pour lui la maison du ci-devant général Gustave Buren.

25.

On nie toujours qu'on songe à faire le mariage de la princesse Élisabeth avec le nouveau duc de Courlande.

26.

Le 29 juillet 1741.

La grande-ducchesse accoucha, mercredy passé à 10 heures du matin, d'une princesse, qui portera le nom de Catherine Antonowna.

27.

On assure que le mariage du prince Louis avec la princesse Élisabeth n'aura pas lieu, tant parce que la famille impériale ne veut point de prétendant au trône, que par d'autres raisons.

28.

Le 19 d'août.

La cour se flatte que le roi de Pologne sera un jour à Fraustadt pour donner son approbation au choix que la noblesse de Courlande a fait du prince Louis de Brunsvic et de Lunebourg, et j'ai de bonne marque, que nonobstant la rareté de l'argent, la régente a envoyé 300 m. roubles à Varsovie pour mettre à la raison les Polonais, qui regimbent.

29.

Le 26 d'août.

Toute la nation est mal satisfaite de la régente de ce qu'elle n'a des yeux que pour la famille de Mengden. On prétend que les Suédois se pourraient servir de la princesse Élisabeth pour exciter des trou-

bles intérieurs et que pour l'empêcher, la cour commence sérieusement à faire le mariage de la dite princesse avec le prince Louis.

Le duc Antoine Ulric de Brunsvic est aimé assez généralement, et il le serait sans exception *).

30.

Le 7 d'octobre 1741.

La cour a été dans des frayeurs terribles, le jeune Empereur ayant été fort mal; mais à cette heure il se porte mieux. Je crois qu'en cas de mort la régente se serait fait déclarer impératrice sans contradiction, parce qu'apparemment son époux n'aurait pas voulu changer de religion.

31.

Le 7 décembre 1741.

Hier à six heures du soir, le gentilhomme de chambre prince Troubetzkoy vint m'annoncer de la part de la princesse *Élisabeth*, qu'elle venait d'être choisie pour *Impératrice* par ses fidèles sujets, et particulièrement par les gardes.

Depuis plusieurs mois cette princesse avait été sollicitée par les gardes de prendre les rênes du gouvernement; mais elle l'avait constamment refusé. Cependant les gardes ne se sont pas rebutées, et le bruit de l'approche de l'armée du comte de Loewenhaupt ayant occasionné avant-hier un ordre que 3 m. hommes des gardes devaient se tenir prêts pour marcher, sept grenadiers de Préobrajensky vinrent, la nuit, en informèrent la princesse, en la suppliant de ne plus tarder à se servir d'eux; car si on les éloignait, ils ne seraient plus en état de lui être utiles. Ces représenta-

*) Здесь фраза не окончена.

tions, jointes à un entretien fort vif que la régente avait eu le lundi au soir avec elle, dans lequel son altesse lui avait reproché qu'elle faisait traîner bien des choses contre elle par le sieur *Lestocq*, et que ces nouvelles étaient venues de Breslau, la déterminèrent à la fin à se rendre à leurs instances et à accepter leurs offres. Sur quoi elle se rendit aux casernes du régiment Préobrajensky, accompagnée seulement des dits grenadiers, d'un gentilhomme de chambre Woronzow, du sieur Lestocq et d'un musicien nommé Schwartz. En y arrivant, elle fit d'abord mettre hors d'état les tambours de faire du bruit, assembla à la hâte la compagnie des grenadiers, qui n'était pas (y compris les bas-officiers) de trois cents hommes, parce qu'il y en avait de détachés, et se mit avec un courage digne de la fille de Pierre-le-Grand, à la tête de ce petit corps, où il n'y avait pas un seul officier, et s'étant aperçue que les traîneaux faisaient trop de bruit, marcha ainsi à pied, de l'endroit où la Perspective commença jusqu'au palais d'hiver, où elle entra d'abord dans le corps de garde, et après avoir demandé aux officiers et soldats s'ils la connaissaient, et remarqué leur bonne volonté, elle leur déclara de quoi il était question, et envoya des détachemens de grenadiers pour se saisir de l'empereur alors régnant, de sa soeur, de la régente et du due son époux, qu'ils trouvèrent au lit couchés ensemble, et les transportèrent tous au palais de la princesse Élisabeth.

A l'aspect des grenadiers qui entrèrent dans la chambre à coucher, la régente s'écria: „Ah! nous sommes perdus!“ Dans le traîneau elle n'a proféré d'autre parole, sinon: Verrai-je la princesse?“ Jusqu'ici elle n'a pas obtenu cette grâce. Toute fois l'Impératrice la fait

traiter avec distinction et la fait servir de ses filles d'honneur jusqu'à l'arrivée de sa favorite, qu'elle a désiré d'avoir avec elle. Le prince Louis est en arrêt dans la maison de Gustave Buren, destinée au c-te Lynar.

Le maréchal c-te de Munnich, le c-te d'Ostermann, le c-te Golowkine, le grand-maître c-te de Munnich, le b. de Mengden et les frères Stréchnew, beaux-frères du c-te d'Ostermann, furent d'abord menés comme prisonniers dans le palais que l'Impératrice occupait comme princesse, et dans les maisons voisines; mais hier au soir le maréchal c-te de Munnich, le c-te d'Ostermann et le b. de Mengden furent transportés à la forteresse. Le grand-maréchal c-te de Loewenwolde, le chambellan Lapoukhine et les comtesses de Golowkine et de Iagoujinsky ont leurs maisons pour prison.

Sa majesté impériale ayant fait promettre aux grenadiers, en baisant la croix, de ne point user de rigueur avec ceux qu'ils allaient arrêter, il n'y a pas une goutte de sang de versée, et l'on prétend que sans cette précaution pleine d'humanité de l'Impératrice, le c-te d'Ostermann aurait été déchiré et mis en pièces; parce que la populace lui attribue la guerre avec la Suède, laquelle, autant que je sais, il a tâché d'éviter au possible.

Sa Majesté Impériale avait fait porter pendant la nuit les drapeaux des régimens des gardes au palais qu'elle occupait alors; mais le soir elle a pris possession du palais impérial. La joie est peinte sur le visage de tout le monde, et comme l'Impératrice est adorée de ses sujets, son établissement est aussi bien consolidé, comme si elle avait été dix ans sur le trône.

Les trois cents grenadiers qui se sont si fort distingués ont demandé pour toute grâce, que Sa M. Imp. se déclarât leur capitaine, et qu'il leur fût permis de prêter le serment de fidélité avant tous les autres sujets, tant civils que militaires, ce qui leur a été accordé. Elle a conféré l'ordre de Ste Catherine à la princesse de Hesse-Hombourg et a rendu le portrait de Pierre-le-Grand au conseiller privé de Bestuchew, qui sera placé dans le Cabinet.

Hier au matin, après que tout cela était achevé, l'Impératrice fit appeler le capitaine Didéron, Suédois et prisonnier, lui rendit son épée, et le régala d'une épée d'or, en lui disant: „Retourne en Suède et dis ce que tu as vu“ et au comte de Loewenhaupt, que „j'ai ordonné au général Keith de ne pas attaquer“.

32.

Le 9 décembre 1741.

Son altesse le prince Louis part demain de grand matin pour l'Allemagne, et il sera suivi dans vingt quatre heures par leurs altesse impériale, qui recevront une pension annuelle convenable, à ce qu'on dit, à leur rang.

33.

Le 9 décembre 1741.

Tout le monde est persuadé que le marquis de la Chétardie a eu connaissance de la trame, c'est pourquoi plusieurs de ces grenadiers qui ont fait le coup, tout indomptés qu'ils soient d'ailleurs, ont baisé les habits de ses laquais en s'écriant: „Ah, chers François! Que vous êtes de braves gens!“ Sous la régence ils étaient en exécration, et la cour avait défendu au

chirurgiens de soigner la maison du ministre, probablement pour empêcher que Lestocq, qui est chirurgien, n'y vînt sous ce prétexte. Le marquis de Botta et sa séquelle ont contribué, quoique indirectement, à la malheureuse catastrophe de la régente plus que personne, en la brouillant avec son époux, qui avait la faiblesse, malgré leur mésintelligence, de redire tout à son épouse, laquelle le communiquait dans l'instant même au parti opposé.

Le sieur Bestuchew doit avoir eu commission du c-te Golowkine, de composer un manifeste pour démontrer qu'il était d'une nécessité indispensable pour le bien des Russes, de faire couronner la régente comme impératrice.

34.

Je dois encore ajouter que cette entreprise a dû être exécutée il y a quinze jours, mais que l'Impératrice n'a jamais voulu y consentir, et elle a encore eu en dernier lieu de la répugnance à s'y résoudre; sur quoi ceux qui lui étaient attachés représenterent que tout étoit découvert, et qu'elle devait considérer que c'étoit der Finger Gottes qui empêchait le parti contraire de mettre la main sur elle, et qui lui montrait le moment qu'elle devait saisir, pour revendiquer ses droits, et après quoi ils la revêtirent d'une cotte de mailles; cependant étant en chemin, elle a été sur le point de retourner chez elle. Der kammerjunker, qui a été de sa suite, s'appelle Woronzow et épouse sa nièce, la Skawronska. Le 15, Lestocq est en très-grand crédit, de même que le musicien Schwarz; ces deux ont reçu depuis trois mois jusqu'à septante mille roubles de l'argent de la princesse, qu'ils ont employé tant pour

gagner les soldats, que pour mettre dans leurs intérêts d'autres personnes, en buvant avec eux ou perdant de l'argent au jeu contre eux. La femme de Madonis, musicien, qui est Géorgienne, élevée par la princesse Anne, et qui était par conséquent toujours avec elle, a rapporté tout ce qu'elle a fait au Schwartz; d'un autre côté, un valet de chambre du duc Antoine, Ulric, a confié tant et tout ce qu'il savait de son maître au même Schwarz, son altesse ayant eu l'imprudence de laisser la plupart des lettres et avis qu'il recevait sur la table, quand il allait passer la nuit avec son épouse. L'Impératrice a offert à Schwarz 50 m. roubles pour récompense, sans qu'il l'eût acceptée, demandant seulement de quoi se nourrir honnêtement. Pour Lestocq, il en aura, je crois, encore davantage.

35.

On prétend sçavoir avec certitude que la grande-duchesse a voulu se faire couronner impératrice le jour de sa naissance, et les domestiques du duc de Brunsvic viennent de recevoir ordre de se tenir prêts pour partir pour Riga. On croit que le duc et la régente seront renvoyés en Allemagne, de même que le prince Louis.

36.

Le 12 décembre 1741.

Sa Maj. Impériale a envoyé un courrier en Sibérie, avec ordre de faire mener le ci-devant duc de Courlande dans un endroit plus agréablement situé, avec la liberté d'aller à la chasse et de lui donner un entretien de prince (*ein fürstliches Unterhalt zu geben*). On dit que ses deux frères reviendront de la Sibérie,

37.

Le 30 X-bre 1741.

Sa Majesté Impériale fit présent au sieur de Lestocq de son portrait enrichi de diamans, et le nomma en même tems conseiller privé actuel, premier médecin de son corps et directeur général de tous les collèges de médecine. Son habileté et surtout le dernier signalé service lui ont mérité ces distinctions. On peut dire avec vérité, que c'est lui en quelque façon qui a placé l'Impératrice sur le trône. Le sieur Lestocq a eu 7 m. roubles d'appointements. La grande-duchesse et le duc Antoine Ulric de Brunsvic sont actuellement partis de Narva pour Riga.

38.

Il court un bruit, que l'Impératrice a changé de sentiment et conseillé au duc de Holstein de différer son voyage pendant quelque tems; il se trouve assez probable, parce que je ne conçois point quel bien son arrivée précipitée pouvait faire à l'Impératrice ou à l'état; car si ce prince reste protestant, il n'osera pas aspirer à la succession, et sa présence en Russie donnerait beaucoup d'ombrage à la Suède et au Danemark, et d'un autre côté s'il embrassait la religion grecque, il perdrait eo ipso son duché en Allemagne et deviendrait inhabile de monter sur le trône de Suède, et si après cela il prenait à l'Impératrice la fantaisie de se marier, il se verrait à la fois frustré de toutes ses belles espérances et privé de ses états. J'ajoute à cela que le duc, étant de la communion grecque, pourrait devenir un jour dangereux à l'Impératrice même,

39.

Le 27 janvier 1742.

Il me revient que le prince Louis partira incessamment, que tous les ordres étaient donnés pour cela, et s'il en avait été le maître, son altesse sérénissime serait déjà depuis plusieurs semaines en Allemagne. Il ajouta que si l'on avait suivi ses avis, la famille infortunée aurait continué son chemin d'une traite pour passer les frontières; que présentement Sa Majesté Impériale avoit résolu de ne la plus arrêter à Riga, et qu'elle avoit destiné douze mille roubles pour son voyage et six mille pour celui du prince Louis; qu'outre cela elle renvoyait à la princesse Anne tous les bijoux qui n'appartiennent pas à la couronne et ses habits magnifiques, au nombre de cent cinquante, dont il n'y avoit que dix qu'elle avoit portés; que des raisons d'état empêchant Sa Majesté Impériale d'accorder à son altesse (expression dont elle s'est servie) une pension annuelle, elle aurait toujours soin de lui faire tous les ans un présent considérable, duquel elle pourroit subsister honorablement.

40.

Le 30 janvier 1742.

La sentence faite par le Synode, le Sénat et les présidens et vice-présidens de tous les Collèges ayant condamné le *c-te d'Ostermann* à être roué, le feldma-réchal *c-te de Munnich* à être écartelé, et les *comtes de Golowkine* et de *Loewenwolde*, de même que le *b. dc Mengden*, à être décapités, l'Impératrice l'a changée ou mitigée d'une façon qu'il n'y a pas eu de sang de versé *). En conformité de quoi, hier au matin, les pri-

*) Замѣчательно величодуміе дочери Петра Великаго, при кровавой грубости тогдашнихъ учреждений. Личность этой великой Русской женщины еще мало оцѣнена исторіей; она спасла Россію отъ колонизациіи Нѣмцами, искателями приключений, и возвратила народный духъ.

sonniers d'état, comme on les nomme, furent transférés de la forteresse dans la maison où le Sénat s'assemblait autrefois, à Wassiley-Ostrow, devant laquelle on avait élevé un échafaud, sur lequel on porta le comte d'Ostermann et le plaça sur une mauvaise sellette de bois. Dans cette situation, on lui lut la sentence susmentionnée; puis les soldats le jetèrent tout de son long sur une planche, et mirent sa tête sur une souche ou tronc. Le bourreau lui ôta le bonnet et le mouchoir du col, le prit par les cheveux, et un autre bourreau tira le glaive ou plutôt la hache; sur quoi on crie: grâce! et les soldats le relèvent et le portent dans un misérable traîneau d'izweschick, et le ramènèrent dans la forteresse. Il n'a pas fait apercevoir la moindre peur, ni faiblesse, et n'a dit autre chose que: Rendez-moi mon bonnet, qu'il a remis sur sa tête, et secoué sa robe de chambre, pour en ôter la neige. Le lieu de son excellence est Bérézow, où le prince Menchikow et les Dolgorouckys ont été avant lui. Ses fils ont été faits capitaines dans des régimens de campagne, et l'Impératrice fera marier sa fille.

Le feldmaréchal *comte de Munnich* était proprement habillé comme à son ordinaire. Il sauta de son traîneau comme un jeune homme et entendit lire sa sentence au pied de l'échafaud, avec une fierté et fermeté admirable. Il fut reconduit à la forteresse de la même manière que le *c-te* d'Ostermann. Il est relégué à Pelym, dans la maison où le ci-devant duc de Courlande a demeuré. Son fils, après avoir donné une assurance par écrit de ne sortir jamais des états de Russie, est remis en liberté, et Sa Majesté Impériale lui donne une terre dans l'intérieur de la Russie, pour y passer tranquillement sa vie avec son épouse et ses enfants.

On a aussi annoncé aux autres leur sentence au pied de l'échafaud et les a ensuite transférés à la forteresse. *Le c-te de Golowkine* est envoyé bien en avant dans la Sibérie. *Le c-te de Loewenwolde*, honnête homme s'il en fut jamais, est confiné dans Péreslaw, où le général Bismark a été détenu, et le *b. de Mengden* relèvera le général Gustav Buren.

Les femmes ont la permission de suivre leurs maris, et les biens de tous sont confisqués indifféremment.

L'Impératrice se rendit hier de fort bonne heure à Czarska-Mysa, pour n'être pas ici pendant cette tragédie. Elle a fait la remarque que la punition de ces infortunés a eu lieu au jour que l'impératrice Anne fut élue, il y a douze ans, à son préjudice.

Un courrier a été expédié pour faire mettre en liberté *le ci-devant duc de Courlande* et toute sa famille, conjointement avec ses deux frères et le général de Bismark.

41.

Le 3 février 1742.

Le prince Louis partit hier à 7 heures du soir. Il n'a pas pris congé de l'Impératrice, parce que, à ce qu'il disait, il n'avait point de volonté, étant détenu ici malgré lui, et dépendant absolument des ordres de Sa Majesté impériale, mais que si elle avait jugé à propos de lui ordonner de venir à la cour, comme elle le lui avait fait connaître du commencement, il se serait acquitté de ce devoir avec plaisir.

Le duc de Holstein a dû arriver encore hier à Riga. Sa Majesté Impériale a défendu à tout le monde d'aller à sa rencontre, pour que personne ne le voye avant elle. L'amour qu'elle a pour son neveu est inexpprimable.

42.

Le 15 février.

Le jeune duc de Holstein-Gottorp arriva hier à une heure après-midi, incognito. L'Impératrice en fit éclater une joie extraordinaire. Un moment après on tira le canon du rempart de la forteresse et de l'admirauté.

43.

Le 3 de mars 1742.

Le conseiller privé actuel de l'Estocq m'a dit qu'en conformité du très-gracieux rescript de votre majesté il prenait la liberté de me charger de la supplier de sa part, de lui faire la grâce de placer dans ses troupes son frère le capitaine, qui avait servi plus de 20 ans avec distinction dans les troupes de Hanovre, d'où il n'est sorti que pour avoir eu quelques démêlés avec son colonel, nommé Monroy, et que bien que le droit avait été entièrement de son côté, les puissants protecteurs du colonel avaient trouvé moyen de le faire casser par une injustice criante; qu'il lui serait aisé de l'établir avantageusement en Russie, s'il ne s'était point fait une loi de n'y attirer aucun de ses parens, afin que personne ne puisse l'accuser de travailler pour ses propres intérêts et pour ceux de sa famille, et qu'il soit en état de dire ses sentimens à l'Impératrice avec d'autant plus de franchise. Son crédit est fort grand, et les honnêtes gens sont heureux de le trouver en place. Si votre majesté agrée, comme je n'en doute point, de lui accorder la grâce qu'il demande, il ne négligera assurément pas de la mériter.

44.

Moscou, le 12 avril 1742.

Sa Majesté Impériale ayant été un peu incommodée avant-hier, le conseiller privé l'Estocq a eu occasion de l'entretenir sans témoins quelques heures de suite: moments dont il a profité pour lui exposer l'état naturel de sa situation; que si elle n'y mettait ordre de bonne heure, elle se verrait réduite dans un instant à n'être Impératrice qu'en peinture, destituée d'autorité, représentations qui ont fait une forte impression. Il a aussi effectué que le conseiller privé de Munnich, auquel le Sénat avait résolu de donner sa démission, ne l'a pas reçue. L'Estocq espère d'engager l'Impératrice, après son couronnement, à retourner à l'improviste à Pétersbourg, en quoi il sera secondé par Kourakine, les Bestuchews et autres.

45.

Moscou, le 14 de may 1742.

Sa Majesté Impériale a honoré le conseiller privé l'Estocq de sa visite le premier jour qu'elle était de retour dans son palais d'été, lui disant qu'elle lui devait cette distinction le premier et préférablement à tous les autres.

46.

Le 14 juin.

Avant-hier le s-r l'Estocq donna à dîner à plusieurs personnes de distinction des deux sexes. Les ministres étrangers (excepté le mqs de Botta et le résid. de Hollande) en étaient. L'Impératrice y vint le soir à cheval, habillée en amazone. Je ne l'ai jamais vue si belle, depuis qu'elle est montée sur le trône. Elle s'y arrêta une couple d'heures.

47.

Le 7 de novembre 1742.

l'Impératrice, après avoir fait renoncer solemnellement à la religion luthérienne et embrasser le rite grec au duc de Holstein, son neveu, l'a déclaré grand-duc de Russie et héritier présomptif de la couronne, et lui a fait prêter hommage en cette qualité par tous les états de l'Empire.

48.

St.-Pétersbourg, le 15 de février 1744.

La princesse de Zerbst arriva avec la princesse sa fille hier au matin.

Moscou, le 2 de mars.

La princesse de Zerbst la mère gagnant de plus en plus les bonnes grâces de l'Impératrice, et la jeune charmante princesse la tendre affection de Sa Majesté Impériale, il n'y a plus à douter que le mariage projeté ne parvienne bientôt à sa maturité, d'autant plus que le grand-duc en est, comme de raison, éperdument amoureux.

49.

Moscou, le 9 juillet 1744.

La jeune princesse de Zerbst vient d'embrasser la religion grecque et d'être ointe dans l'église principale du Kreml, et les fiançailles se doivent faire demain dans la même église, avec toutes les solemnités possibles. Elle sera traitée d'altesse impériale et sa cour incessamment formée. L'Impératrice ayant changé de sentiment, la cérémonie s'est faite dans la chapelle du palais impérial, où, après avoir été ointe, elle a reçu la communion et a été nommée *Catharina Alexeievna*.

Sa Majesté Impériale, la princesse-mère et tous les assistans ont versé un torrent de larmes; mais la jeune princesse, qui avait pleuré tout son Saoul le matin, n'en a pas répandu une seule pendant eet acte solemnel, et s'est comportée en vraye héroïne. Elle a aussi prononcé la langue russe dans la dernière netteté; enfin elle fait l'admiration de la Souveraine, de son futur et de toute la nation. L'Impératrice lui a fait présent d'un très-beau collier et d'une très-magnifique agrafe de brillants, tout d'un grand prix.

Toute la famille impériale couchera cette nuit dans le Kreml; demain les promesses de mariage se feront dans la principale église, et elle sera déclarée en même tems *grande-duc^{esse} de Russie*.

50.

Moscou, le 12 juillet 1744.

Hier, jour de nom du grand-duc, toute la cour fut au Kreml en gala et les dames en robes. A onze heures et demie l'Impératrice se rendit à pied dans l'église principale avec le grand-duc, qui avait donné la main à la princesse Catharine Alexiewna, la princesse-mère, menée par le grand-maréchal de Brummer, et toute sa cour. Elle fut reçue à la porte par tout le clergé, ayant l'archevêque de Novogrod à la tête, qui fit un beau discours relativement aux fiançailles du grand-duc et de la jeune princesse, et à la nomination de la dernière de grande-duc^{esse} de Russie. L'Impératrice reçut les bagues de la main de l'archevêque et les échangea ensuite entre ce charmant couple etc.

Moseou, le 29 juin 1744.

Il y eut hier cour, et le baron de Neuhaus notisia à l'Impératrice, que l'empereur avait nommé les sieurs de *l'Estocq*, de *Brummer*, de *Woronzow* et de *Rozoumowsky* comtes du St.-Empire Romain.

51.

Moseou, le 27 juillet 1744.

Le comte de Bestouchew fut nommé grand-chancelier et le comte de Woronzow vice-chancelier.

Le 11 x-bre 1742.

Sa majesté prussienne confère l'ordre de l'Aigle Noire au lieutenant-général Woronzow, chambellan et favori de l'Impératrice de Russie.

Portrait du comte de Woronzow. 1748.

Le comte de Woronzow était le parti dominant dans les premières années du règne de l'Impératrice. Il avait été attaché à la cour de cette princesse sous le gouvernement précédent, et il avait eu le bonheur d'être dans le secret de la fameuse révolution qui l'éleva sur le trône; il fut aussi un des premiers à posséder sa confiance.

C'est de tous les Russes que j'ai connu celui qui m'a paru avoir le plus de noblesse et d'élévation dans la façon de penser. On ne peut pas lui refuser non plus les qualités les plus essentielles à la direction des affaires. Il a beaucoup de bon sens et, au défaut d'un esprit brillant, il a l'avantage de penser avec justesse et avec solidité; il est véritablement attaché à la personne de l'Impératrice. Il a de l'ambition, et il se voyait en passe de la satisfaire; mais il a eu le chagrin de se voir arrêté au milieu de sa carrière par l'homme de Russie qui lui avait les plus grandes obligations.

État de la famille infortunée du duc de Brunsric. 1748.

Les ténèbres répandues sur cette partie intéressante de l'Histoire Russe, ne permettent guères d'en marquer quelque chose de positif et de satisfaisant. C'est un secret qui n'est qu'entre la Souveraine et un petit nombre de confidents, et que ceux-ci n'oseraient trahir sans s'exposer. Tout ce qu'on en sait, c'est qu'on les a transportés à plusieurs reprises d'un endroit à

— 116 —

l'autre, pour dépayser le public; que le père doit être séparé de ses enfants, que ceux-ci sont au nombre de trois ou quatre, parmi lesquels il y a deux princesses, et que selon les avis les plus probables qu'on en ait, le jeune Iwan doit se trouver actuellement à Kolmogrod dans le voisinage d'Archangel. Toujours est-il sûr qu'il existe et qu'il a des partisans parmi ceux qui approchent le plus de l'Impératrice.

LA SITUATION DE LA COUR DE RUSSIE VIS A VIS DES PUISSANCES ETRANGERES.

1748.

Affaires de la cour de Vienne.

La cour de Vienne est actuellement la cour favorite. Il n'en était pas de même au commencement du règne de l'Impératrice; l'alliance étroite qui unit cette cour avec la maison de Brunsvic, et l'intérêt qu'elle avait à la soutenir, ne pouvait que la rendre suspecte à une Princesse qui avait élevé son trône sur les débris de cette même maison. Le chancelier, dévoué depuis long-temps aux intérêts de la cour de Vienne, avait des raisons particulières pour lui vouloir du bien; sa haine pour la France, qui voulait le culbuter, lui fit envisager la cause de la maison d'Autriche comme la sienne propre, et celle-ci, intéressée à mettre la Russie dans ses intérêts, n'oublia rien pour confirmer le premier ministre dans ces dispositions favorables.

*

Affaires d'Angleterre. 1748.

La cour d'Angleterre occupe le second rang dans l'estime du chancelier. L'objet du commerce forme une liaison toute naturelle entre cette cour et celle de Russie; mais ce même objet occasionne aussi des discussions et des chicanes.

Affaires de Hollande. 1748.

La République de Hollande, qui est entrée depuis quelques années dans toutes les idées de l'Angleterre, a aussi partagé son sort à la cour de Russie. De moitié dans les engagements, elle a participé à l'amitié et à la confiance du comte de Bestouchew.

Affaires de Danemark 1748.

La cour de Danemark est encore sur un assez bon pied avec celle de Russie, et l'on peut même dire qu'elle a des grandes obligations au chancelier, qui a trouvé moyen de calmer les justes appréhensions que lui donnait l'élevation de la maison de Holstein. L'antipathie de ce ministre pour la Suède lui fait envisager la cour de Copenhague comme l'amie de la Russie, et les intérêts du grand-due ne lui tenant que fort peu à cœur, il ne lui a pas été difficile de faire prévaloir la première de ces considérations.

Affaires de Saxe et de Pologne. 1748.

L'influence que la cour de Russie s'est procurée dans les affaires de Pologne, le service essentiel qu'elle a rendu au roi aujourd'hui régnant, en l'élevant sur le trône, et l'intérêt de ce prince à ménager son amitié, pour conserver la succession dans sa maison, forment des liens naturels entre les deux cours et celle de Saxe; on a trouvé moyen de les serrer, en gagnant le premier ministre par des présents, par des pensions et par une soumission à ses volontés.

Affaires de Prusse. 1748.

Il ne reste plus qu'à parler des puissances dont le chancelier trouve les intérêts opposés à ceux de la Russie.

Telle est entre autres sa façon de penser à regard de sa maj. prussienne, qu'il a trouvé moyen de faire goûter à sa Souveraine, malgré les dispositions favorables où elle était au commencement de son règne, et en dépit du système constant de Pierre I et de tous les souverains de Russie, qui ont toujours regardé l'amitié et la bonne intelligence avec la cour de Prusse, comme essentiellement liée avec leurs intérêts.

Affaires de France. 1748.

Personne n'ignore que l'Impératrice a les plus grandes obligations à cette cour, que c'est elle qui a fourni les moyens nécessaires pour l'élever sur le trône, et qu'elle n'a rien oublié du depuis, pour cultiver et conserver son amitié. Le renvoi du marquis de la Chetardie a été le premier trait par lequel le comte Bestouchew a signalé sa haine contre la France, et il a trouvé moyen d'y mettre le comble par la marche des 30 m. hommes. La cour de Versailles a enfin pris le parti de rappeler ses ministres.

*

Affaires de Suède. 1748.

Les intérêts qui divisent les cours de Suède et de Russie, sont d'une nature à ne pouvoir pas espérer qu'il s'établisse jamais une amitié sincère et durable entre ces puissances; mais on avait cependant lieu de se flatter qu'il régnerait une union extérieure et momentanée entre les deux nations, sous le règne d'une Princesse qui ne laissait pas que d'avoir quelques obli-

gations à la Suède, qui en est convenue elle-même plus d'une fois, et qui avait trouvé moyen de faire tomber la succession de ce royaume sur un prince qu'elle chérissait, et qui était en même tems le plus proche parent de l'héritier présomptif de la Russie.

Affaires orientales. 1748.

Les cours orientales pourraient tailler de la besogne à la Russie, si elles s'y prenaient comme il faut. Les Tures, séparés par des déserts immenses, ne sauraient lui faire beaucoup de mal dans une guerre ouverte, mais ils pourraient se faire craindre par le moyen des Tartares de Crimée. La Perse aurait plus beau jeu encore, et si Thamas-Kouli-Chan n'avait pas été arrêté par les Tartares montagnards, la Russie aurait vraisemblablement été obligée d'en venir aux prises avec lui. Le Contaisch, le plus puissant de tous les princes tartares, pourrait aussi donner de vives inquiétudes aux Russiens du côté de Sibérie et leur enlever assez facilement ce vaste pays, et dans tous ces cas le chancelier aurait été obligé de détourner son attention des affaires de l'Europe; mais il faut convenir que tout a conspiré jusqu'ici à faire réussir les desseins de ce ministre et à affermir son système. Le Contaisch, retenu peut-être par les Chinois, ou par d'autres raisons, est demeuré tranquille, quoique le fort qu'on a commencé à construire, pour l'empêcher de troubler le travail des mines de Kolywan, eut dû lui donner de la jalousie. La mort du fameux Schah-Nadir a jeté la Perse dans une confusion et dans des troubles qui semblent devoir tranquilliser la Russie pour plusieurs années de ce côté-là.

L'ARRRET ET DISGRACE DU COMTE

de

L'ESTOCQ.

de annis 1748 — 1749.

EXTRAIT DE 1747.

Le comte de Lestocq, ministre d'état et premier médecin. Personne n'ignore que l'Impératrice lui doit la couronne. Cependant cet important service affermit moins sa faveur que sa qualité de médecin. Cette Princesse, étant de l'opinion qu'elle mourrait s'il n'était plus auprès de sa personne, il a été son confident sans exception, et l'a tirée de plus d'un mauvais et douloureux pas: privautés qui lui ont fait usurper le droit de parler à Sa Majesté impériale sur un ton de maître, dont elle s'est plainte souvent au c-te de Brummer. Il est ambitieux, aime le vin, le jeu et les femmes à l'excès; d'ailleurs il a de l'esprit, est brave, ferme et incapable de changer quand il a épousé un parti.

EXTRAIT DE 1748.

Le comte de Lestocq a de l'esprit et une sorte de finesse: il connaît mieux l'Impératrice qu'aucun de ses sujets, et il ne lui manquait pour soutenir le rôle brillant qu'il a joué que du jugement et de la conduite; mais, dénué de ces qualités essentielles, il a perdu du terrain sans s'en apercevoir; il s'est vu insensible-

ment déchu de cette faveur distinguée dont il jouissait au commencement, et à voir aujourd’hui l’indolence, avec laquelle il supporte la diminution de son crédit, on dirait qu’il s’est épuisé de courage et d’activité dans la fameuse nuit de la révolution. La seule marque qu’il en donne encore, c’est qu’il déclame publiquement contre le chancelier, avec une liberté qui tient de l’imprudence. Il est, au reste, invariable dans ses principes et zélé serviteur de sa majesté prussienne. La reconnaissance que la Souveraine lui doit, et à laquelle elle ne saurait manquer entièrement sans trahir sa gloire, se soutient contre les traits de la jalouse et contre la haine de son ennemi juré, et je crois effectivement, qu’il n’a rien à craindre pour sa personne, tant que l’Impératrice sera sur le trône.

E X T R A I T S.

1.

St.-Pétersbourg, ce 23 novembre 1748.

Il se forme depuis quelques jours un orage contre le comte Lestocq, dont je suis impatient de voir l’issue.

Il avait remarqué depuis quelque tems, qu’on espionnait toutes ses démarches et qu’on le faisait suivre partout où il allait par un soldat aux gardes, déguisé en paysan, de sorte que le trouvant encore à ses trousses, il y a deux jours, dans la maison d’un marchand chez qui il dînait, il le fit arrêter par ses gens et le fit conduire dans sa maison. Il se rendit le même soir à la cour et en porta des plaintes à l’Impératrice, qui témoigna de la surprise et ordonna que le soldat en question dût être livré entre les mains de la chancellerie secrète. Je ne sais si cet homme, qui aura ap-

paremment été instruit d'avance, a pris le parti de faire quelque dénonciation à la façon des Russes, ou si le chancelier a trouvé moyen de donner une mauvaise couleur à cette affaire; mais on a arrêté en même tems le capitaine Chapizeau, qui fait la fonction de secrétaire dans la maison du comte de Lestocq, et qui lui est entièrement dévoué. Cette scène s'est passée mercredi dernier. Je n'ai pas vu le dit comte depuis, et je l'ai même évité pour ne point donner ombrage; mais j'ai su qu'on l'avait encore espionné le lendemain et qu'il a dit hier à quelqu'un, que le capit Chapizeau aurait un furieux interrogatoire à subir, et que lui-même avait eu le matin une explication assez ample avec la Souveraine, dans laquelle il n'avait pas dissimulé ses sentiments, circonstances qui me font juger que cette affaire est allée assez loin. Il a ajouté, à la vérité, que l'Impératrice lui avait promis toute satisfaction, mais il ne faudrait pas connaître cette Princesse pour faire grand fond sur une promesse pareille. J'aurais fort souhaité que le comte de Lestocq eût évité cet éclat; car, dès que les choses en sont venues une fois là, il est à craindre que les ennemis voudront pousser l'affaire, et s'il trouvait même moyen de convaincre l'Impératrice de son innocence et de la malice du chancelier, il n'arriverait vraisemblablement rien à ce ministre, qui aurait même la satisfaction d'avoir fait impunément un affront au c-te de Lestocq et d'avoir fait connaître par là à la nation son crédit, aussi bien que la faiblesse de son adversaire. Je ne crois pas à la vérité que l'Impératrice voulût s'oublier jusqu'au point d'abandonner un homme auquel elle a les plus grandes obligations, à la fureur de ses ennemis, mais ce sont de

ces secousses qui ébranlent l'édifice le plus solide, et il n'en faudrait pas beaucoup de pareilles pour le renverser.

2.

St.-Pétersbourg, le 26 novembre 1748.

Votre majesté verra à la suite de celle-ci la disgrâce de l'infortuné comte Lestocq. Il faut que cette intrigue ait déjà subsisté depuis quelques semaines, quoiqu'il n'en ait rien transpiré que dans ces derniers jours; car j'ai apris depuis qu'il a déjà été espionné et suivi depuis plus d'un mois, qu'il a eu plus d'une explication avec l'Impératrice, où il doit avoir déclamé sans doute trop imprudemment contre le premier ministre et contre son système, et qu'il y a eu des conférences nocturnes entre ce dernier et le général Apraxine, où l'on a juré sa perte et où l'on est convenu des moyens nécessaires pour y réussir. Je n'ai pas pu savoir jusqu'ici en quoi consistait le crime qu'on lui aura supposé, n'ayant ni pu, ni voulu en parler à personne dans ces premiers moments, où toutes les démarches sont enregistrées et où tous les gestes et regards mêmes sont observés et interprétés. Mais on soupçonne qu'il faut qu'il ait eu quelques liaisons secrètes avec la jeune cour et qu'il se soit compromis outre cela avec le grand-veneur, qui a soutenu le chancelier dans cette affaire, et qui lui a aidé à persuader à la Souveraine et à arracher son consentement pour arrêter cet honnête homme qui lui était si sincèrement dévoué, et qui lui avait donné des preuves si convaincantes et si peu équivoques de son zèle et de son attachement. C'est le général Apraxine qui s'est chargé

de la commission odieuse d'aller lui annoncer son malheur, et cette démarche s'est faite avec un éclat peu usité dans ce pays-ci, en plein jour et par un détachement de plus de 60 des gardes Préobrajensky, qui ont d'abord occupé toutes les avenues de la maison, toutes les portes et toutes les fenêtres. Pendant que cette scène se passait en ville, le chancelier était à la cour et ne perdait pas l'Impératrice de vue, pour entretenir, sans doute, par de nouvelles insinuations les premiers mouvements de sa colère, et pour empêcher que les remords ne se fissent sentir et ne lui arrachassent la malheureuse victime qu'il voulait immoler. On peut dire qu'il a réussi à cet égard comme à tout autre. On célébrait le même jour les noces d'une fille d'honneur de l'Impératrice, de sorte que les esprits, encore tout frappés de ce tragique événement, on fut obligé de se présenter quelques heures après à la cour pour y rendre compte de sa physionomie. Obligé d'y aller comme tout autre, je me composai de mon mieux, et j'eus du moins la satisfaction d'y voir le spectacle de dissimulation que la Russie seule peut fournir. Tout le monde y paraissait de bonne humeur, le bal était plus animé qu'à l'ordinaire, et les personnes les plus attachées au malheureux comte de Lestocq s'efforçaient de témoigner de l'enjouement. J'en remarquai à la vérité un petit nombre qui se trahissaient de tems en tems par quelques regards, mais cela ne duroit pas longtems, et l'on composait de nouveau les visages, comme si l'on avait joué une comédie. Enfin l'Impératrice parut elle-même dans tous ses atours, la joie peinte sur le visage, riant et parlant avec tout le monde. On eût dit qu'elle célébrait la fête de celui qui l'avait placée sur le trône. La journée d'hier s'est passée de la même sorte, si ce n'est que la

Sonveraine n'a pas paru, le chancelier s'étant enfermé avec elle, lui a apparemment extorqué ses derniers ordres; car je vis disparaître un moment après le général Apraxine, et j'ai lieu de croire que le comte de Lestocq a déjà été transporté le même soir à la forteresse ou en Sibérie. J'en juge ainsi par un mot que l'ami important me dit en se retirant: „notre ami, me dit-il la larme à l'oeil, est perdu“, et il ajouta tout de suite, qu'il se préparait à demander son congé. Je le conjurai de n'en rien faire, mais il me repliqua que la persécution était trop grande. Ce n'était pas le lieu ni le tems de pousser cette conversation, mais je me propose de la renouveler le plus tôt possible et de mettre tout en usage pour le détourner d'une résolution pareille.

3.

Le eodem dato.

J'ai fait la réflexion que dans le changement qui vient d'arriver ici il importait à votre majesté de faire maison neuve et d'avoir un ministre qui fût dans le cas de m-r de Goltz, qui n'eût aucune liaison avec le c-te de l'Estocq. J'ai tâché à la vérité de me conduire avec assez de circonspection pour mettre le chancelier hors d'état de se plaindre de moi; mais il seait néanmoins que j'ai eu des liaisons avec les amis bien intentionnés, et cela suffit pour me rendre odieux dans son esprit. Il y a d'ailleurs une autre circonstance et qui a achevé de me déterminer: c'est qu'ayant été invité la semaine passée par les deux correspondants de Splittgerber, il s'est trouvé par un hasard que je n'ai pas pu prévoir que j'ai passé dans l'espace d'une semaine deux journées avec le comte Lestocq et les

ministres de Suède, et que malheureusement il s'est trouvé, sans que personne de la compagnie l'ait su qu'après coup, que c'est en arrivant au dernier de ces repas que le dit comte a fait arrêter ce soldat déguisé qui l'espionnait.

4.

St.-Pétersbourg, le 30 novembre 1748.

Quant au e-te de l'Estocq, j'ai appris depuis qu'il n'a pas encore été transporté, comme on l'avait débité, mais qu'il est toujours dans sa maison. L'inquisiteur Schouwalow, qui est tout à fait dans les intérêts du chancelier, a partagé avec le général Apraxine le plaisir de lui annoncer son malheur. Quand il les a vus entrer, il doit leur avoir demandé ce qu'ils voulaient de lui, ajoutant qu'il savait qu'on avait résolu de le perdre, mais qu'on n'y réussirait pas. On lui a montré là-dessus des lettres, qu'il a nié être de lui. Voilà à peu près tout ce qu'on en sait.

5.

St.-Pétersbourg, le 3 décembre 1748.

Le comte de l'Estocq a été transporté la nuit de jeudi au vendredi à la forteresse, ce qui fait voir que son affaire tourne fort mal et qu'elle prend le grand chemin de la Sibérie. Une circonstance assez remarquable, c'est que sa femme a été transportée avec lui, preuve qu'elle est impliquée dans le crime qu'on lui suppose, et cette dernière particularité me ferait quasi soupçonner qu'elle a trouvé moyen d'entretenir quelque correspondance secrète avec sa soeur et avec la famille infortunée. Le capitaine Chapizeau doit avoir

reçu le knoute. Il y a apparence que ses dépositions n'auront pas peu contribué au malheur de son maître.

6.

S.-Pétersbourg, le 8 décembre 1748.

Je me trouve hors d'état d'ajouter de nouvelles circonstances à celles que j'ai eu l'honneur de marquer sur la disgrâce du c-te de l'Estocq. Cette affaire est toujours dans les mêmes termes. On a publié il y a quelques jours un ukaze pour sommer tous ceux qui auraient quelque chose à prétendre ou qui devraient au ci-devant Iwanowitch l'Estocq (ce sont les propres mots de l'ukaze) de comparaître dans l'espace de 8 jours. Cette seule particularité suffit pour faire voir que c'est un homme perdu!

7.

S.-Pétersbourg, le 10 décembre 1748.

Je suis fort tenté de croire que le chancelier n'a pas perdu de vue le dessein de renverser l'ordre de succession en Russie et de remettre le prince Iwan sur le trône après la mort de l'Impératrice; c'est là un plan qu'on lui a attribué de tout tems, et auquel la disgrâce du c-te l'Estocq, qui était fort attaché à H. aa. ii., donne un nouveau degré de probabilité.

8.

S.-Pétersbourg, le 17 décembre 1748.

Le malheur du c-te de l'Estocq a quelque connexion avec la jeune cour, et il faut nécessairement que le dit comte ait fait quelque confidence au grand-duc et à la

grande-duchesse, qui est parvenue à la connaissance de ses ennemis. Il me revient d'ailleurs que la Souveraine doit avoir dit, la larme à l'œil, qu'elle ne se serait jamais imaginé que le c-te de l'Estocq eût révélé une chose qu'elle lui avait confiée sous le sceau du secret le plus inviolable. Il se pourrait donc fort bien qu'on eût formé quelque plan pour changer ou modifier la succession, ou pour rompre le mariage du grand-duc, sous prétexte du défaut d'héritiers, et que l'Impératrice en eût fait la confidence au c-te de l'Estocq.

On assure que l'infortuné c-te de l'Estocq ne veut rien avouer. Une personne qui peut le savoir, doit avoir dit que c'était ni plus ni moins comme si l'on parlait à une bûche de bois, et il doit avoir ajouté que c'était un homme fort et robuste, ce qui veut dire apparemment qu'il a soutenu le knoute sans se trahir. Malheureusement il n'en doit pas être de même de sa femme et du capitaine Chapizeau, qui doivent avoir dit plusieurs choses à sa charge.

9.

S.-Pétersbourg, le 28 décembre 1748.

Concernant la disgrâce du c-te l'Estocq et les suites fâcheuses qui pourraient en résulter pour ses amis aussi bien que pour la jeune cour, votre majesté aura vu, par mes rapports précédents, que j'ai eu les mêmes craintes et les mêmes soupçons, et quoiqu'il ne soit rien arrivé depuis, je ne laisse pas que d'appréhender toujours.

J'avais espéré que cette malheureuse affaire serait terminée avant le départ de l'Impératrice, mais elle ne l'est pas encore. La commission subsiste,

comte est toujours, à ce qu'on dit, à la forteresse. Comme les commissaires se disposent cependant de partir pour Moscou, il y a apparence que le criminel y sera transporté aussi, à moins que l'Impératrice n'ait pris la résolution de l'envoyer tout de suite en Sibérie et d'assoupir son affaire. On assure qu'il n'y a rien à la charge de la femme, et qu'on lui permettra de retourner auprès de sa mère en Livonie, mais c'est une circonstance qui ne me paraît pas conforme aux maximes russiennes, et que j'ai peine à croire. Je suis persuadé, au reste, que la cour de Vienne a eu connaissance de tout ceci, et qu'elle travaille plus que jamais au rétablissement de la famille infortunée.

L'Impératrice de Russie a donné au général Apraxine la belle maison du c-te de l'Estocq, avec tous les meubles qui y étaient restés; car on en avait déjà emporté les effets les plus précieux dès le lendemain de son arrêt, et c'est la cour qui s'en est saisie.

10.

S.-Pétersbourg, le 31 décembre 1748.

Le c-te de l'Estocq est toujours à la forteresse, et le général Apraxine est parti avant-hier; ainsi je suppose que cette affaire pourrait dormir pendant quelque tems. On assure, au reste, que le dit comte persiste toujours à ne vouloir rien avouer, déclarant cependant qu'il était prêt de donner tous les éclaireissemens que l'Impératrice peut désirer de lui, si elle veut le faire comparaître devant elle.

11.

Pétersbourg, le 30 janvier 1749.

Les particularités concernant l'affaire du malheureux c-te de l'Estocq ne me laissent pas un moment douter

de l'authenticité de l'avis, et j'ai tout lieu de croire que son procès ait été déjà terminé avant que la cour soit partie de Pétersbourg, et que l'on n'a pas tardé après à le transporter en Sibérie; mais un article qui est sûrement destitué de tout fondement, c'est la publication qui doit avoir été faite de la sentence par laquelle l'infortuné comte est condamné à un exil pour le reste de ses jours, puisque l'on continue toujours à garder un profond secret sur cette affaire, et qu'il n'y a que fort peu de personnes qui en soyent instruites à fond. Ce qui le prouve encore plus, c'est que s'il était vrai que cette publication s'était faite on s'eût enfin avisé de traiter la chose avec moins de mystère. D'ailleurs, si jusqu'ici on ne peut que former des conjectures sur la véritable issue de l'affaire en question, encore moins peut-on apprendre quelque chose de positif du crime dont on accuse l'infortuné comte; mais je ne doute pas que l'affaire du marquis de Botta ne lui tienne lieu d'un des plus atroces, et par laquelle on l'accusera d'avoir grièvement offensé l'impératrice-reine.

12.

Moscou, ce 20 février 1749.

Il était naturellement à présumer que les ténèbres qui ont été jusqu'ici répandues sur l'affaire du malheureux c-te de l'Estocq se dissiperaient enfin, et qu'on y verrait un peu plus de jour à l'heure qu'il est; mais malheureusement toutes les peines que je me suis données et tous les soins que j'ai pris, pour en approfondir au moins quelque chose de positif, ne m'ont encore pu procurer aucune certitude à cet égard. On prétend qu'il est toujours à la forteresse et que le chancelier

c-te Bestuchew à prorogé si longtems la détention de cet infortuné dans cette prison. Car il n'y a aucun doute qu'on n'ait été déjà entièrement instruit avant le départ de la cour de Pétersbourg de tout ce qu'il y a eu moyen de lui faire avouer, en sorte que le chancelier ne devrait avoir rien de plus pressé que de le faire transporter au plus vite au lieu de son exile. C'est ce qui me paraît aussi la conjecture la mieux fondée. Pour les intelligences illicites que ses adversaires mettent à sa charge, je me tiens persuadé que les preuves qu'on en prétend avoir sont si faibles, que l'on n'a garde d'entrer dans aucun détail là-dessus, de peur de découvrir le mystère des iniquités de ses ennemis. Il sera de même des projets qu'il doit avoir formés contre le Danemark, et je crois que ce prétexte ne sera pas moins fort que tous les autres chefs d'accusation, n'étant pas vraisemblable que ce malheureux comte, vu la situation présente des affaires dans le Nord, y ait jamais pu songer, et tout ce qui peut apparemment avoir donné lieu à cette imputation, à ce que je m'imagine, c'est que le grand-duc lui ayant peut-être parlé de son duché de Holstein et Schleswig, qui fait d'ordinaire la matière favorite de ses discours, il peut y avoir lâché quelques paroles insensées, qui ont été rapportées et auxquelles on a donné une interprétation sinistre.

13.

Письмо Фридриха Великаго.

Au sieur d'Ammon, à la Haye.

J'ai reçu votre dépêche, et je ne suis nullement surpris des raisonnemens qui se répandent dans le

public sur les causes et les suites de la disgrâce de l'infortuné comte l'Estocq, et sur l'influence que cet évènement pourrait avoir sur ma situation vis-à-vis de la cour de Russie. Les gazetiers de Hollande et de Cologne semblent s'être donnés le mot pour me faire participer à cette catastrophe, et dans leurs feuilles écrites à la main et imprimées ils ont débité un si grand nombre de faux contes à ce sujet, avec tant de circonstances et d'un ton si assuré, qu'il n'est pas étonnant que le vulgaire en est ébloui, à quoi aura encore vraisemblablement contribué que l'on a appris en même tems la chute du comte susdit et le rappel de mon ministre à la cour de Russie. Cependant ces deux évènements n'ont absolument rien de commun, que la coïncidence de l'époque. La résolution de rappeler le comte de Finckenstein fut prise longtems avant que personne pût se douter de la disgrâce du médecin de l'Impératrice, et ce fut dans cette vue que j'envoyai à Pétersb. son successeur le baron de Goltz, dès le commencement de l'été passé. Aussi dans le procès qu'on vient de faire au c-te de l'Estocq, il n'y a été question daucune liaison, ni avec moi ni avec mes ministres, et les reproches qu'on lui a faits roulent sur des objets totalement différents. La chose ne tardera pas à se développer. En attendant vous ne ferez pas mal, dans l'occasion, de désabuser le public des faux bruits qui courent sur ce chapitre à mon désavantage, et de donner hautement le démenti à tout ce qui se débite sur les prétendues apparences d'une prochaine rupture avec la Russie, en le traitant d'inventions des gens malintentionés, à qui le rétablissement de la tranquillité publique pesait, et qui, au désespoir de ne pas la pouvoir troubler réellement, tâchaient de char-

mer leur chagrin en forgeant des avis qui leur présentaient de nouvelles brouilleries dans une perspective prochaine. A Berlin, le 11 janvier 1749.

14.

Article inséré dans les gazettes françoises et flamandes.

De Berlin, le 11 janvier 1749.

Comme on s'est aperçu que quelques gazetiers ont débité dans leurs feuilles que, lorsque le comte de l'Estocq fut arrêté par ordre de l'impératrice de toutes les Russies, on lui avait ôté l'ordre de l'Aigle Noire, et qu'on en avait remis les marques entre les mains du ministre de Prusse à Pétersbourg: on doit avertir le public que cette nouvelle est du même aloy que plusieurs autres qui ont été débitées à cette occasion et qu'elle est d'autant plus mal fondée que le comte de l'Estocq n'a jamais été revêtu de l'ordre de l'Aigle Noire, et que par conséquent on n'a pu l'en dépouiller ni le remettre au ministre prussien.

Предложеніе профессора Виллеборна.

Я нижеподписаній чрезъ сіе засвидѣтельствую и обя-
зуюсь, съ Божію помощію, открыть: 1-е) длину мѣста подъ
нашимъ меридіаномъ; 2) незнаемую еще понынѣ великую
южную землю; 3) масштабъ для градусовъ; 4) нововымыш-
ленный компасъ. Показанный подъ № 3 масштабъ мнѣ тотъ
пунктъ означить, на которомъ мѣстъ я въ свѣтѣ обрѣтаюсь,
спрѣчъ градусъ ширини и длины; а № 4-й покажетъ длину
мѣста, или главный меридіанъ по всякому всей селенной
кубусу. Балтійское море, кое предъ нашими дверьми нахо-
дится, намъ подлинное о томъ свидѣтельство и примѣръ дать
можеть и должноствуетъ. Однакожъ тотъ первой меридіанъ,
которой къ южной землѣ простирается, еще не открыть; но
ежели мнѣ то доказать, то одинъ корабль въ мое правленіе
дать надлежитъ; ибо такимъ, а не инымъ образомъ и спосо-
бомъ я людей удостовѣритъ могу, что то правда еже я о томъ
пишу. Я уже мужъ старой, однакожъ хощу и долженъ тотъ
страхъ на себя принять, которому такая первая поїздка под-
вержена, для показанія томъ правды. Я о моей жизни самъ
ручаюсь, что хотя я старъ, однакожъ въ пути морскою бо-
лѣзню не умру. Ежели потому Ея Россійско-Імператорское
Величество мнѣ одинъ корабль повѣрить соизволить, то я къ

тому готовъ: ибо сколь легко есть ради натуральной нужды куда ъхать, толь же легко и людей въ вышереченнюю еще незнамую южную землю привесть. Первая земля и берегъ, куда намъ приѣхать, есть Земля Жизни; тамо мы на берегъ выдемъ и статую Елисаветы въ славу поставимъ *), а по томъ мы назадъ побѣдимъ больше 1000 миль, пока паки пріѣдемъ подъ меридиональную линію, а оттуда прямою линіею съ кораблемъ и обрѣтающимися при миѣ людьми возвратимся и къ самому тому мѣсту пристанемъ, гдѣ Колоссъ Елисаветы пами поставленъ.

Ежели же я того не исполню, то пусть меня въ желѣза скуютъ и наижесточайшей мучительной смерти предадутъ. Сie мое обязательство и обѣщаніе предъ Богомъ и Его святымъ словомъ есть, какъ миѣ Богъ тѣлесно и душевно да поможетъ. А ежели я сie мое обѣщаніе въ дѣйство произведу, еже съ Божію милосердою помощію всеконечно учинится, то я напередъ вѣдать хощу, какое миѣ и моей фамиліи награжденіе за то будетъ.

Причина тому, что я къ Россіи обращаюсь, сія есть, что я вижу предъ моими глазами, коимъ образомъ мое отчество въ состояніи находится Россіею подкрѣпляемо быть, и что оно своего законнаго государя отъ нея получило. Нынѣ я свое прямое миѣніе написалъ, не сумнившись, чтобъ я вскорѣ милостиваго отвѣта на то не получилъ, и въ состояніе приведенъ не былъ, дабы существо моего дѣла, и что я чрезъ сie объявилъ, доказать, въ чемъ я и предъ Богомъ клянуся.

I. Виллеборнъ, профессоръ публичной.

Въ Стокгольмѣ 24 Maii 1741.

*) Въ подлинномъ написано: Colossa, каковъ въ старину у города Коринея поставленъ былъ.

**Переводъ съ Татарскаго письма Кель-Махомеда Уранова,
содержащагося въ Тайной Канцеляріи.**

1746.

Вашему Императорскому Величеству известно было, что генераль и кавалеръ Ушаковъ въ вигъ находился по причинѣ свойствѣ умершему генералу-лейтенанту Соймонову. Отъ бригадира Аксакова о нѣкоторыхъ Башкирскихъ дѣлахъ подано доношеніе, такожъ и отъ меня въ учрежденную комиссию доношеніе подано было. И въ томъ доношениѣ между инымъ Вашего Императорскаго Величества я нижайшій рабъ просилъ: ежели на меня бѣднаго о чёмъ въ Тайную Канцелярію подано доношеніе, дабы въ комиссию взято было.

По указу Вашего Императорскаго Величества, во время похода въ Швецию, подъ Выборгомъ, за учиненныя пѣ-которыя дѣла гвардіи сержанты и солдаты въ ссылку сосланы, о чёмъ Преображенскаго полку солдатъ Фароновъ и другіе разговаривали, а и слова ихъ записывались. И по той запискѣ для слѣдствія посланъ я въ Тайную Канцелярію прошедшаго Февраля 5-го дня. А помянутый генераль и кавалеръ Ушаковъ съ секретаремъ и протоколистомъ то дѣло хотя и правильно слѣдовали, однакожъ чаятельно,

что Уфинскаго уѣзду Башкирскій народъ оный генералъ обще съ Соймоновыимъ разорили, а какимъ образомъ, о томъ явно показано. А генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Шуваловъ, по его повизиѣ, что онъ еще совсѣмъ неизвѣстенъ, токмо ради нѣкоторыхъ причинъ съ генераломъ Ушаковыимъ меня бѣднаго бѣсвино и указу въ противность весьма тяжко мучили, объявя мнѣ, что отъ Вашего Императорскаго Величества такъ повелѣно. А какое мученіе мнѣ учинено, о томъ ниже сего усмотрѣть сонзволите, цѣ отъ ихъ поступковъ совершиенно жизни моей отчаялся. А оная Тайная Канцелярія, собственныхъ своихъ и другихъ нѣкоторыхъ худыхъ поступковъ опасаяся, чтобъ Вашему Императорскому Величеству обѣяніе учинено не было, чаятельно за то меня бѣднаго здѣсь содержать приказали. А помянутаго Соймона свойственникъ, генералъ и кавалеръ Ушаковъ, соединясь съ другими, Уфинскій уѣздъ какимъ образомъ разорили, о томъ къ Россійской имперіи въ близости находящіеся иностранныхъ земель патрды уже извѣстны, что Вашего Императорскаго Величества въ Россійской имперіи какіе непорядки чинятся, о чёмъ изъ нижеписанного извѣстными быть сонзволите.

1.

1735 года отъ разоренныхъ Уфинскаго уѣзду Башкировъ о началѣ ихъ замѣшательства доношеніе принято было Уфинской Провинціальной Канцеляріи канцеляристомъ Михайломъ Васильевыимъ сыномъ Безобразовыимъ, который по причинѣ того взять былъ въ вышеписанную Тайную Канцелярію и содержанъ быть тамо подъ карауломъ по 1740 годъ; а въ 1740-мъ году сосланъ онъ изъ той Тайной Канцеляріи въ ссылку въ Сибирь предписаннымъ генераломъ и

кавалеромъ Ушаковыимъ и бывшими тогда при немъ въ присутствіи товарищами. Въ тоже время и въ тѣхъ же годахъ помянутый Башкирскій народъ многократно съ новинною приходили и по указу за штрафъ лошадей платили, а отъ генерала Соймонова и отъ другихъ помощниковъ немалую тягость претерпѣли. А когда обѣ онъ Безобразовъ извѣстіе получили, что онъ Безобразовъ изъ Тайной Канцеляріи въ ссылку сосланъ, то генераль Соймоновъ изъ тамошнихъ вѣрныхъ Башкирцовъ иѣсколько людей, не присыпая сюда, казнилъ, и вѣшалъ, и разорялъ, изъ которыхъ иѣсколько человѣкъ памѣрены были сюда вхать и о помянутомъ разореніи доносить; но въ самое то время, когда въ Уфинскомъ уѣздѣ у Башкирцовъ замышательство было, нарочно въ уѣзды указы разослали, чтобы о учрежденіи регента и о возведеніи принца Гоанна Антоновича на государственный престолъ присяги чинили, и яко бы съ тѣми указами подъ посланныхъ съ уѣзду немалое число подъемныхъ лошадей собрать приказали и цѣною отъ десяти до пятнадцати рублевъ за лошадь, только платиль за каждую по два рубли.

Видя на такие поступки, Башкирскій народъ, по своему легкоумію, иѣкоторому пришлецу, который самъ себя называлъ ханомъ называемыи Карасакалу, о себѣ объявили, и иѣсколько тысячъ человѣкъ съ домами, съ женами и съ дѣтьми за границу въ Киргизъ-Кайсаки и къ Зенгорскимъ Калмыкамъ сѣжали и въ подданствѣ тамъ остались. Но приходѣ туды оныхъ Башкирцовъ Киргизъ-Кайсацкіе знатные люди чрезъ тѣхъ Башкирцовъ уведомились, какимъ образомъ генераль Соймоновъ Уфинской уѣздѣ разорилъ и въ другихъ дѣлахъ поступалъ; весьма тому удивлялися и разсуждали, какъ такие непорядки надъ старинными Россійской имперіи вѣрными подданными Башкирцами Россійскіе генералы учи-

нили: понеже никакой государь подданныхъ своихъ рабовъ такъ не разорялъ, а особливо Россійскій государь какъ въ державѣ своей находящимся, такъ и иностраннымъ людимъ всякую милость оказывалъ; того-де ради и мы Киргизцы подданство Россійское приняли, а по нынешнимъ-де обстоятельствамъ, когда ни есть и надъ нами токъ учинено будетъ, ежели будемъ въ подданствѣ у Россійской Государыни. И при томъ говорили, чтобы въ степной сторонѣ тишина пребывала, и отправили отъ себя къ Зенгорекому владѣльцу Галдану-Черепю посланца, и между собою помирились.

И въ 1745-мъ г. опы Киргизцы ходили по рѣкѣ Яику на лежащіе города, и тамо немалое число казаковъ и Россіянъ до смерти побили и много людей въ полонъ взяли. Опы же Киргизцы якобы между собою разговаривали, что Россійской-де имперіи нынѣ времена нѣть, а нынешняя-де Государыня стараго, славнаго и храбраго Вѣлаго Государя дочь, и опуюде дѣвицу Персидскій шахъ за себя въ замужество взять просить, и для того-де въ Москву и послѣ отправиль, а самъ со многимъ войскомъ подъ Дербентъ пошелъ. Оныя вѣсти слышаны чрезъ ушедшихъ Башкирцовъ изъ Киргизъ-Кай-сацкой орды.

А помянутый бригадиръ Акааковъ, видя тамошнее разореніе и такожъ по слышаніи оныхъ вѣдомостей, неоднократно въ Сенатъ писать и въ Кабинетъ дважды доносить, чтобы взять быль онъ ко двору Вашего Императорскаго Величества. И по тѣмъ его доношеніямъ какъ опь указу не получилъ, въ третій разъ съ доношеніемъ послать меня низайшаго раба съ такимъ приказаниемъ, чтобы какимъ-ни есть способомъ къ Вашему Императорскому Величеству посланное со мною доношеніе Вашему Величеству я подать, и о тамошнихъ поведеніяхъ, сколько я знаю. Вашему Ве-

личеству донесъ. И по высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу какъ помянутый Аксаковъ сюда взять, разореннымъ народамъ никакой помощи не учинилъ, такожъ и свои худыя дѣла не поправилъ и, видя тайнаго совѣтника Неплюева и товарища его Рычкова и вынужденаго генерала и кавалера Ушакова состояніе и поступки, что которыя Башкирскія дѣла пріискиваются какимъ либо ни есть способомъ, въ томъ отъ нихъ помышленство учиниться можетъ, и помянутаго Аксакова или меня бѣднаго такъ безвинно разоряютъ немилостивымъ безчеловѣчествомъ, чтѣ и въ свѣтѣ не слыхано, только ради того, чтобы Ваше Императорское Величество о разоренныхъ людяхъ извѣстны не были.

Да по причинѣ поданнаго отъ одного виноватаго плута старшины доношенія и представлениія о важномъ дѣлѣ, оная Тайная Капцелярія такъ худо разсуждаетъ; а какое оно дѣло, изъ представленія его извѣстно. А онъ старшина по доношенію Вашего Императорскаго Величества Уфимскаго уѣзду Сибирской дороги Карагабинской волости вѣриныхъ Башкирцовъ Алла Верди Сулбудова сына съ товарищи семи человѣкъ въ убийствѣ, во взяткахъ и въ грабежѣ безвинныхъ людей обвиненъ быль. И тѣхъ просителей поданныя письма и доношенія чрезъ меня бѣднаго переведены и поданы были. Какъ оныя такъ и другія дѣла его старшины и Неплюева вѣс въ учрежденной комиссіи явны, а тѣ дѣла ежели къ Вашему Императорскому Величеству дойдутъ, то можно будетъ изъ того видѣть, что они сами себя признали, яко имъ безъ отмѣнія оставлено не будетъ, и ради того о томъ представлениѣ учинили. А по силѣ публикованныхъ указовъ, по поданнымъ такихъ виноватыхъ людей доношеніямъ, не окончивъ ихъ дѣла, по другимъ резолюціи чинить не вѣрно. А помя-

иутаго старшины и другихъ людей дѣла въ учрежденной комиссіи слѣдуютъ, и не окончавъ тѣхъ дѣлъ, въ Тайной Канцеляріи меня бѣднаго допрашивали, а помянутаго старшины прорѣзости и вины отъ меня представленныя по силѣ указовъ не приняты; а ежели бѣ спросили безвинные и справедливые люди, то бѣ я, ни на что не взирая, отвѣтъ имъ учинилъ бы. А хотябъ и виноватаго человѣка доношеніе было, токмо такіе люди спрашиваются, у которыхъ сердитый и худой нравъ имѣется, о чемъ и Вашему Императорскому Величеству известно. А еще въ бытность мою при высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ, вѣдалъ о будущихъ своихъ худыхъ поступкахъ, что откровенны быть могутъ, отъ нетерпѣливости своей, какими словами меня грозилъ и бранилъ, о чёмъ Ваше Императорское Величество услыша выйтти соизволили; а потомъ, въ бытность же мою при дворѣ, онъ генералъ Ушаковъ по головѣ болѣю билъ при постороннихъ людяхъ. За великой интересъ Вашего Императорскаго Величества о другихъ дѣлахъ какъ можно мнѣ начать и отвѣтъ получить, и ко окончанію привести? О чемъ Ваше Императорское Величество по высочайшей милости лучше разсудить соизволите *).

2.

Вашему Императорскому Величеству известно, по моей записи въ Тайной Канцеляріи, по неправильному слѣдствію ничего учинить невозможно; понеже гвардіи солдаты правильно говорить не смѣютъ. Токмо изъ тѣхъ солдатъ одинъ

*) Сіи рѣчи въ переводѣ написаны на угадъ, колику можно было ихъ согласить къ разумѣнію, а въ оригиналѣ весьма темно недостаточно въ рѣчахъ написано, такъ что и разумѣть невозможно.

Преображенского полку солдатъ Фарафоновъ показалъ, что во время похода въ Швецію подъ Выборгомъ всей гвардіи приказъ отданъ былъ, чтобы, пороховые ящики оставя въ Выборгѣ, въ походъ пошли. И для принятія тѣхъ пороховыхъ ящиковъ уже сть лошадьми пріѣзжали; тоکмо лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ сержанты съ солдатами того приказу не послушали, и оспорили, и тѣхъ пороховыхъ ящиковъ не отдали, представляя, что безъ пороха какъ противъ непріятелей идти возможно. По той причинѣ оные сержанты и солдаты въ Выборгѣ подъ караулъ взяты и въ ссылку сосланы; а по какому дѣлу сосланы, о томъ-де не знаетъ. Да и сверхъ того о вѣкоторыхъ дѣлахъ показалъ, которыя и въ моей запискѣ написаны. А я, бѣдный рабъ, о великому интересѣ Вашего Императорскаго Величества стараніе мое прилагаю, а за то въ Тайной Канцеляріи едва живота не лишился. По вступленіи моемъ въ Тайную Канцелярію, на другой день генералъ Ушаковъ съ секретаремъ и протоколистомъ, по тому дѣлу ни о чёмъ не спрашивая, въ застѣнокъ взяли и, грозя побоями, спрашивали меня, что зачѣмъ я такую записку писаль, а при томъ генералъ и кавалеръ Ушаковъ ничего у меня не спрашивали. А потомъ того же Февраля 10-го дня оный генералъ Ушаковъ и генералъ Шуваловъ въ Тайную Канцелярію пріѣхали и о себѣ объявили, что Вашего Императорскаго Величества дѣла въ Тайной Канцеляріи имъ поручены и повѣрены, и ежели Вашему Императорскому Величеству имѣю я о чёмъ доносить, о томъ бы я имъ объявлять. И по выслушаніи отъ нихъ такихъ рѣчей, я, бѣдный рабъ, генералу сказалъ, что по силѣ указовъ генералу Ушакову слѣдовать меня не надлежитъ, и просилъ, чтобы повелѣно было Ушакову меня не слѣдовать, а повелѣно бѣ было въ томъ дѣлѣ меня слѣдовать.

генералу Шувалову или въ опредѣленной комиссіи, и меня бы предъ Ваше Императорское Величество представить. А потому чрезъ четыре или пять дней, при помянутомъ генералѣ и кавалерѣ Шуваловѣ, секретарь и протоколистъ сказали мнѣ, что я Вашего Императорскаго Величества на генерала и кавалера Ушакова подозрѣніе показалъ, а оно отъ меня не принято, такожь и предъ Ваше Императорское Величество меня представить не повелѣно, а какое дѣло имѣю я, чтобы здѣсь объявилъ; а ежели не объявлю, то жестокими и мучительными побоями бить буду. При которомъ случаѣ меня спрашивали, что Вашему Императорскому Величеству какое доношеніе я привезъ, и какое доношеніе на генерала Ушакова я подалъ, и въ комиссіи какія дѣла я имѣю и по выше-объявленному дѣлу къ одному негодному письму руку приложить принуждали. А я, нижайший рабъ, видя ихъ несправедливыя дѣла, на другой день лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку стоящаго на караулѣ господина поручика Дмитрия Матюшкина чрезъ унтеръ-офицера просилъ, что не возможно ли ему Вашему Императорскому Величеству обо мнѣ доложить мимо Тайной Канцеляріи, хотя чрезъ генерала-адъютанта. И за то меня въ желѣза сковали. А на другой день помянутые генералы и кавалеры Ушаковъ и Шуваловъ, прѣхавъ въ Тайную Канцелярію, по дѣлу моему ничего не спрашивая, сказали мнѣ указъ Вашего Императорскаго Величества и повели меня въ застѣнокъ и ноги ремнями завязали и сквозь кольцо ноги вверхъ подняли, а голову вънизъ притянули, и такъ меня держали и мучили, покамѣсть я съ ума рехнулся, и по спинѣ жестоко болѣно палкою били; токмо я отъ безумія ничего не чувствовалъ. А при томъ спрашивали, что Вашему Императорскому Величеству къ доношенію какія слова я имѣю, и кто меня научилъ

на генерала и кавалера Ушакова подозрѣніе показать. И по снятіи меня изъ застѣнка, при смерти я находился. Отдавъ меня въ руки палача, всякими мученіями мучили, и оттуда прямо въ канцелярію меня привели, и противъ доношенія вышеписанного старшины показанное подозрѣніе отъ меня не приняли, а подписатья приказали. И потомъ меня въ одну холодную, пустую казарму заперли, и изъ стоящихъ у меня на караулѣ солдатъ, нестерпя стужи, два человѣка заболѣли, и затѣмъ съ караула смынены и поставлены Семеновскаго полку четыре солдата безсмыни. А я отъ такой несносной болѣзни и по нынѣ руками по прежнему не владѣю, такожь и грудь заложило, что едва дышать могу и въ великой слабости нахожуся. А ежели оного дѣла Вашего Императорскаго Величества интересъ требуетъ, то бы Ваше Императорское Величество, мимо Тайной Канцеляріи, чрезъ другихъ повѣренныхъ персонъ слѣдоватъ повелѣли, изъ чего высочайшею милостію правду усмотрѣть соизволите; потому что вышеписанный солдатъ Фарофоновъ въ допросѣ показалъ, что приказъ отданъ былъ пороховые ящики оставить, а по регулямъ Вашего Императорскаго Величества такъ противъ непріятелей идти непристойно кажется.

Того ради, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу, дабы высочайше объявленныя Безобразова и старшинское дѣло, ради показанныхъ обстоятельствъ, по высочайшей милости изъ Тайной Канцеляріи повелѣни бѣ было взято въ учрежденную комиссию, отъ которой Ваше Императорское Величество, какъ о известныхъ дѣлахъ, такъ и о другихъ сущую правду усмотрѣть и окончать соизволите, такожь какъ изъ Уфы Безобразова такъ и старшину, ежели изъ комиссіи по нихъ не послано, о взятіи оныхъ послать повелите. О пзвѣстныхъ гвардіи сер-

жантахъ и солдатахъ, ежели Вашего Императорскаго Величества большой интересъ требуетъ, чтобы заподлинно о дѣлахъ ихъ вѣдать, дабы по высочайшей милости повелѣно было изъ Тайной Канцеляріи взять и съ повѣренными людьми при присутствіи Вашего Императорскаго Величества въ томъ походѣ у бывшихъ добрыхъ и старыхъ солдатъ подъ присягою спросить, то оные безъ всякой утайки сказать могутъ. А наче всего вѣрище былобъ, ежелибъ въ ссылку сосланныхъ сержантовъ и солдатъ по высочайшей милости сюда привестъ повелѣли, и ихъ бы спросить соизволили. А я, нижайшій рабъ, какъ предъ судомъ Божіимъ, такъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о выше-написанныхъ дѣлахъ доносилъ, и симъ моимъ доношеніемъ Вашего Императорскаго Величества великую особу утрудилъ. И ежели Ваше Императорское Величество чрезъ такие труды чѣмъ я прогибвалъ, все-подданнѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу о отпущеніи вины моей, и по высочайшей милости не имѣть на меня гнѣву. Я, нижайшій, въ такие допросы впалъ ради интересу Вашего Императорскаго Величества и чтобъ я безвинно и безъ пролитія крови остался. Такожъ и епѣ Ваше Императорское Величество прошу, дабы до окончанія извѣстнаго дѣла изъ такихъ недобромуысленныхъ рукъ я освобожденъ и отданъ бы быть для пропитанія въ руки милостиваго человѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, соизволите вѣритъ, что кромъ Господа Бога и Вашего Императорскаго Величества никого себѣ помощника не имѣю.

Вашего Императорскаго Величества всѣхъ нижайшій и бѣднѣйший рабъ

Кель Махомедъ Ураковъ.

9-го Марта 1746 года.

Д О Н О Ш Е Н И Е

статского советника Михаила Аврамова императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ *).

21 Ноября 1749 г.

Благочестивѣйшей, всепресвѣтѣйшей, державицѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ всемилостивѣйшей тайное доношеніе, о немъ же кромѣ Бога никто неизвѣстенъ, Его же нынѣ по милости Іисуса Христовѣ, за Божественною Его благодати помоцію, за молитвами и представительствомъ родшія Его Богоматери, небесныхъ спль и вѣхъ святыхъ, надлежить прочесть токмо единой, Богомъ избранной, Богомъ умудренной, Богомъ превознесенной Самодержицѣ нашей Всероссійской, Вашему Императорскому Величеству: тайна бо есть сіе доношеніе Божія великая и преславная, въ началѣ слѣдующая и принадлежащая къ вѣдѣнію и извѣстію токмо единой Вашему Императорскому Величеству, къ вѣчному, ближайшему Вашего Императорскаго Величества и всего Имъ Господомъ избраншаго и Вашему Императорскому

*) Подлинникъ писанъ церковнославянскимъ уставомъ. II. Б.

Величеству дарованнаго народа спасенію, въ славу же Его всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, въ честь всепречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, небесныхъ спасти и всѣхъ святыхъ. Аминь.

По благополучномъ Вашего Императорскаго Величества на природный отеческій свой престолъ вступленіи, въ прошломъ 1741 году Декабря 12-го дня, въ имяніомъ Вашего Императорскаго Величества указѣ напечатано: повелѣно тѣмъ Вашего Императорскаго Величества имяніемъ указомъ въ правлениі внутреннихъ и всякоаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи учиненныхъ родителя Вашего Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго и по кончинѣ Его Величества, при Ея Величествѣ Государынѣ родительницѣ Вашего Величества Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ней отъ владѣюющихъ Россійскимъ престоломъ состоявшихся указовъ вездѣ, во всемъ государствѣ, всякия дѣла вершить, изъемля тѣ, которыя съ состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. И онымъ повелѣно сдѣлать особливый реестръ и Вашему Императорскому Величеству объявить съ изясненіемъ, для чего имѣютъ бытъ оставлены.

И по сему Богомъ вдохновенному; смиренномудрому Вашего Императорскаго Величества имяніому указу и по вѣрной всеусердной рабской моей должности ко исполненію желаемая Вашимъ Императорскимъ Величествомъ во всемъ сущія Его Божія правды, имѣю собственными трудами моими написанную книжицу, о ней же, окромѣ Бога, никто отъ меня неизвѣстенъ, которую не въ указѣ, но къ благочестиивѣйшему, высочайшему, всемудрѣйшему Вашего Императорскаго Величества разсужденію, къ наилучшему же простот-

сердечной совѣсти моей обученію и утвержденію, всеусердно
желаю оную вручить Вашему Императорскому Величеству,
моля Его всемогущаго Бога, дабы благоизволить положить
въ сердцѣ Вашего Императорскаго Величества въ началь
оную книжицу въ тайности отъ меня единаго выслушать, и
аще чтò благонотребное Онь Господь Богъ Духомъ Своимъ
Святымъ вложить въ монаршеское Ваше сердце, изъ оныя
книгици припять, и къ соборному исполненію предать. Слава
Ему же, благихъ Создателю, Человѣколюбцу Богу; ибо хотя и
о многихъ, но и о единомъ человѣкѣ должно есть имѣти
напечатеніе, его же ради Христось умре. Сего ради весьма
боюся дарованный отъ Бога мнѣ талантъ въ себѣ единомъ
скрывать. Но въ началь во должности моей рабской оный
талантъ чрезъ сочиненную мною книжицу положить на-
мѣреніе Вашему Императорскому Величеству объявить.

Богомъ избранная, Богомъ умудренная, Богомъ превознесенная, Бога и правду Его любящая, благочестивѣшшая, все-
пресвѣтлѣшшая, державицѣшшая, великая Государыня Импе-
ратрица Елизавета Петровна, Самодержице наша Всероссий-
ская! Спаситель нашъ Господь Богъ Иисусъ Христось пре-
чистыми Своими рекъ усты: ищите же прежде царствія Бо-
жія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ. И по сему
сладчайшему Его Спасителеву гласу, аще повелѣній Его
Господнихъ послушаете о исправленіи изнемогающаго въ
православной вѣрѣ и о просвѣщеніи непросвѣщенаго всего
Имъ Господомъ Богомъ избраннаго народа, въ помощь Свя-
тыя Церкви, начатые истинные монаршескіе Величества Ва-
шего труды и подвиги усугубите. И пынѣ, пынѣ, отлагая
времени, паче и паче въ тѣхъ Божественныхъ духовныхъ дѣ-
лѣхъ мѣстоблюстителямъ Христовымя Святая Церкви хиро-
тонисаннымъ настырямъ всеприлежїйшую Вашего Величе-

ства подать помошь благоволите вскорѣ, и отъ Него Все-щедраго Человѣколюбца Бога во всемъ вся благая получить можете. Исполнить Господь вся прошенія твоя и дастъ ты Господь вся по сердцу твоему, и весь совѣтъ твой исполнить, и подастъ на невидимые и видимые вся враги твоя побѣду тебѣ и одолѣніе, и будетъ по милости Іисусъ Христовъ, а Божественною Его благодати помощю, за молитвами и представительствомъ родштія Его Богоматери, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, во всемъ твоемъ государствѣ миръ, радость итишина велія, умноженіе плодовъ земныхъ, и въ самомъ Христѣ по милости Его премилосердое, мирное, духовное во всемъ обогащеніе, и прилежными трудами и подвиги твоими правовѣріе, православіе и духовнаго, мирнаго, любовнаго, общаго житія зѣло, зѣло, зѣло умножится благочестіе, и воз-сияютъ правда, правосудіе и милость.

И съ симъ вся вышереченная предавъ во всемогущую къ намъ милосердую Его же волю Божію, съ нею же и остаюсь, пребываю Вашего Императорскаго Величества вѣрный рабъ

Михайло Авраамовъ.

*

Гдѣ же въ сей послѣдствующей книжицѣ о единомъ дѣлѣ дважды и трижды воспоминается, сіе къ нему Господу Богу и къ ближнему отъ любви рождается. Желаю всесердно Вашему Императорскому Величеству по всей вселенной со избраннымъ Богомъ народомъ вѣчнаго совершеннаго спасенія.

*

Въ поднесенной Ея Императорскому Величеству Ноября 21 дня сего 1749 года отъ статскаго совѣтника Михаила Аврамова книгѣ показуется:

Въ предисловіи о преждеподанномъ его краткомъ доношениі.

Листъ 3-й на оборотѣ. Чтобъ упоминаемыя во оной книжѣ доношенія въ началѣ токмо ему, Аврамову, единому предъ Ея Императорскимъ Величествомъ прочесть, и въ тайности отъ него изволила бѣ выслушать.

Листъ 11-й. О исправленіи изнемогающаго въ православной вѣрѣ и просвѣщенніи непросвѣщенаго народа по всей вселенной всѣхъ православныхъ христіанъ.

Листъ 15-й. Миѣніе свое объявляеть о учиненіи слѣдующаго исполненія.

ПЕРВЫЙ ПУНКТЪ.

Листъ 15-й на оборотѣ и 16-й. Сочинить и напечатать для всенародного спасенія о любовной, мирной должности пункты, и разослать и раздать всѣмъ туне.

Листъ 16-й на оборотѣ и 17-й. Умножить епархій и въ нихъ архіереевъ, такожь въ городѣхъ, и въ селѣхъ вездѣ святыхъ обителей и приходскихъ церквей и при нихъ іеромонаховъ и бѣдныхъ священниковъ.

Листы 18-й и 19-й. Учредить во всемъ государствѣ вездѣ при 3000 окружныхъ дворахъ пространныя страннопріемницы и къ нимъ тысячныхъ и прочихъ начальниковъ, которымъ имѣть сторожиламъ и пришельцамъ переписные книги и за ними смотрѣть, всѣль находятся въ любви христіанской.

Листы 19-й на оборотѣ, 20 и 21-й. Какое народу въ домѣхъ чрезъ приходскихъ священниковъ ученіе имѣть, вывѣдывая злой жизни.

Листъ 21-й на оборотѣ и 22-й. О противникахъ, кто пайдутся въ развратной жизни, великому архіерею извѣщать.

Листъ 22-й на оборотѣ. За ненправление Божественныхъ повелѣній входъ церковный запретить.

Тоже на оборотѣ. Отъ того же запрещенія не исключень и самъ той, иже діадиму на себѣ носятъ.

Листъ 28-й на оборотѣ. Для такого богоугоднаго дѣла быть при Ея Императорскомъ Величествѣ единому начальнику тайному действительному совѣтнику и именоваться ему государственнымъ правоохранителемъ.

Листъ 29-й. О немедленномъ окончаніи книгъ Библии, Кормчей, Ига Неудобоносимаго и прочихъ, Уложенія, исторіи родителей и государствованія Ея Императорскаго Величества и о правосудномъ распорядкѣ.

Листъ 35-й. Аще кто о чёмъ хотеть быть челомъ, прежде о своемъ дѣлѣ объявить отцу духовному и отъ него требовать совѣту и благословенія, и о штрафахъ неправымъ члобитчикамъ.

Листъ 36-й. Что по указамъ государевымъ во многихъ мѣстѣхъ сущаго исправленія мало бываетъ; притомъ же упоминается о неправыхъ судьяхъ, о злыхъ и малосмысленныхъ и безбожно съ зернио живущихъ людяхъ, чтѣ духовнымъ учениемъ отъ распространенія обителей исправится.

Листы 37-й, 39-й, 40-й и 41-й. Изобразивъ изо всякаго судебнаго мѣста треть лучшихъ судей и приказныхъ людей, отдавать въ монашескія обители наставникамъ, чтобы ихъ тамо для обученія правосудію содержали подъ карауломъ, въ постѣ, въ чтенії книгъ, и водить въ церковь ко всякой службѣ; а по трехъ мѣсяцахъ паки возвращать въ тѣ судебныя мѣста, и такъ поступать съ колебающимися и обращающимися въ лѣнности судьями.

Листы 41-й на оборотѣ 42 и 43-й. Впадшихъ въ смертные и во всякія вины и преступленіе отсылать во обители

для духовнаго исправленія и какимъ образомъ съ безбожниками и противниками церквей поступать.

ВТОРОЙ ПУНКТЪ.

Листы 45-й и 46-й. Всякаго званія жителей архіереямъ и приходскими священиками отиускать къ постриженію, странствовать, милостынею питаться, и въ работы съ пашпортаами, для того нарочно напечатанными.

Листы 47-й, 48-й и 49-й. Кто, ушедъ, пострижется, о таковыхъ взысканія не имѣть, а быть имъ свободнымъ, и о подобныхъ тому.

Листы 50-й и 51-й. О присягѣ, что оная хитрецами законопреступно подъ покрываломъ правосудія введена.

Листъ 71-й. () томъ же упоминается.

Листы отъ 52-го до 60-го. Притомъ же упоминаетъ клятву вѣщающимъ не вступати на праги церковные, и самому тому, иже діадиму на себѣ носяй.

Листъ 60-й. Присяга— страшное законопреступленіе.

Листъ 61-й. Проклятие гордящимся и преданные посты разрѣшающими.

На 61-мъ листѣ прикасена въ пей З-я страница. Духовные папи настыри за лѣнность о должностіи своей не брегутъ и сами собою соблазнъ подаютъ, и прочая.

Листъ 64-й. Привожденіе ко Святому Причащенню солдатъ полками предписуетъ за лукавый и хитрый подлогъ, введенныи по обычай Люторскому и Кальвинскому.

Листъ 68-й. Монашескій спасенія путь вынѣ сталъ затрудненъ и огорченъ, и можетъ по обычай Люторскому и Кальвинскому корень того монашества перевестись.

Листъ тотъ же. Проповѣдники Слова Божія—всезлобнѣйшая хитрость, напечатанная сатанинскимъ лукавымъ подлогомъ.

Листы 71-й, 72-й и 73-й. Введеніе лжи, неправды и всячаго непостоянства, блуда, прелюбодѣйства и піянства, уничтоженіе поста и монашескаго житія, наученіе чрезъ полицейскій распорядокъ руганію Христа и прочее до уничтоженія Божества приличное.

Листъ 75-й. Слѣдующихъ атеистичеству въ почтенныхъ достоинствахъ и во властяхъ быть попускаютъ.

Листъ 76-й. Чрезъ ростъ и прочее лихоиманіе попускается идолослуженіе.

Листъ 77-й и прилейка на ономъ. Идолъское служеніе, кумиры, иже есть писаніе нагихъ: Вирсавію, Сусанину, Венеру и прочихъ.

Листъ 78-й. Плясаніе, скаканіе, козлогласованіе, на пинзахъ пѣваемая и гудимая есть бѣсовъ вѣніе.

Листы 87-й и 88-й. ѩеофанъ названъ еретикомъ и противникомъ церкви за сочиненіе книжчищи о блаженствахъ въ согласіе Люторское и Кальвинское.

Листъ 103-й. Епископу подобаетъ быти чисту тѣломъ, учительну и кротку, защищать вдовицъ и сиротъ, и въ темницу безъ правды осужденныхъ.

Листъ 112-й на оборотѣ, 113-й и 114-й. Православныи царямъ и священникамъ исполняти Божественная преданія безъ соблазна, и какія за то отъ Бога воздаянія, а неисполнющими казни бывають.

Листы 117-й и 118-й. Папистовъ погрѣшеніе въ несогласіи съ нашою церковію, отъ нихъ же мняще многимъ упираются отъ вина любодѣянія; упоминая, что оное касается ма-

лѣйшю частю и нашихъ, иже купують рукоположеніе на маздѣ.

Листъ 118-й на оборотѣ и 119-й. Книга Кормчая въ настоящемъ сіе лютое волненіе потребна на гонящихъ церковь Папистовъ, и новыхъ Симоніанъ, и на Лютерановъ, и Кальвинистовъ и на прочихъ еретиковъ, показывая обѣ оной книгѣ, что она за общее наше вѣхъ вездѣ изнеможеніе имѣтъ мало дѣйствительна.

Листъ 119-й на оборотѣ и 120-й. Показываетъ, что въ настоящихъ училищныхъ Россійскихъ школахъ между самыми учителями о первородномъ грѣѣ въ зачатіи Пресвятаго Богородицы и о преданіяхъ и уставахъ церковныхъ давно настоитъ распра и разногласіе, происшедшія отъ ересіарха Феодоса и злохитраго еретика Феофана.

Листъ 133-й. Сей пунктъ для явственнаго усмотрѣнія выписанъ точно и прилагается при семъ. Оправдываетъ сочиненный оними Феофаномъ съ товарищи Духовный Регламентъ, и какимъ образомъ за подписаніе того Регламента Его Императорскoe Величество Петъръ Великій тогда, во время святаго литургіи, премъну въ здравіи своею имѣлъ.

Листъ 136-й на оборотѣ и 137-й. Чтобъ въ нынѣшнее благополучное время о сущемъ святаго церкви разумѣть духовному полному собранію соборному и тѣ, начатыя трудомъ родителей Его Императорскаго Величества, благія дѣла исполнить.

Листъ 144-й. Толкованіе благочестивыхъ царей о пособіи и помощи церквамъ, да не отъ еретикъ или отъ безчинныхъ членъвъ преобидими бывають.

Листъ 144-й на оборотѣ и 145-й. Сія труда его, Аврамова, книжица именуема: Зерно пшеничное житницы Христовой въ помощь къ Кормчей Книгѣ».

Листъ 153-й. Многіе, лѣнистю помрачився, подъ покрыва-
ломъ вѣры совершили отъ благочестія отпали; лицемъ явля-
ются яко христіане, а законопреступными дѣлами по житію
ихъ зѣло стали быть явны: посты святые развояютъ и проч.

ТРЕТИЙ ПУНКТЪ.

Листъ 174-й на оборотѣ 175-й. О монашескій Бя Импера-
торскаго Величества власти, какое попеченіе имѣть о пар-
ствѣніи своеемъ.

Листъ 177-й на оборотѣ и 178-й. Предписуетъ мнозиє свое,
чтобъ министры и прочія особы, чрезъ корреспондентовъ, вы-
возили себѣ изъ другихъ государствъ золотые и серебряные
сервизы, а за оные платить бы товарами: ревенемъ, поташемъ,
смолъчугомъ, саломъ, юфтию, мягкую руландию и хлѣбомъ;
а за тѣ товары Россійскому народу платить мѣдною
монетою.

Листы 179-й, 180-й и 181-й. Какимъ образомъ умножить
мѣдную монету, чрезъ что обѣщаетъ не во многое времѧ въ
государствѣ быть прибыльной монеты до многихъ миллио-
новъ, и возможно получить изъ Азіатскихъ и Европейскихъ
государствъ золота и серебра множественное число. Къ се-
му же прилично особое его, Аврамова, доношеніе въ той же
кнїгѣ, на 204-мъ листу

Листы отъ 183-го по 185-й. Объявляеть всенародныя нуж-
ды, на что именно потребна денежная сумма.

Листы отъ 185-го по 190-й. Чтобъ всѣмъ христіанамъ
имѣнія свои содержать обще; при томъ же изъясняеть
крестьянскія отъ податей изнеможенія и дабы ихъ въ подуш-
ной доимкѣ окупить, а наложить легчайшія даны и размно-
жать хлѣбъ.

Листъ 198-й. Имѣть духовное, мирное, любовное, общее, въ бракѣ любезное, вѣрное и воздержное, постное и произвольное, ищетное, тѣсное и прискорбное, чистое, христіанское житіе.

Листъ 201-й на оборотѣ и 202-й. За пужное признается избрать патріарха.

Попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ общихъ нашихъ ради, паки мало по малу возникли и паче прежняго со обычнымъ своимъ вымыслиеннымъ лукавымъ мощенничествомъ укрѣпляя, привели Его Императорское Величество, подъ сочиненіемъ ими и отъ нихъ названнымъ Духовнومъ Регламентомъ подпи- саться. Сочинителями того Регламента объявляется бывшаго Феодоса, такожъ Феофана и Гавриила архіереевъ и ихъ соглашенниковъ. И подъ тѣмъ монаршескія руки, страхомъ духовныхъ и мірскихъ особъ, безъ разсмотрѣнія открытоющихся во ономъ Регламентъ ихъ противническихъ наставлений къ нарушенію истиннаго святаго церкви разума, лукавыхъ всѣхъ вымысловъ принудили подписаться. Тогда явно открылся съ небесе гнѣвъ Божій, во время оно, въ самое совершение благодарственныя о томъ службы Божіи, во время святаго литургіи, во святой церкви Троицкой, явно стала измѣненъ Государь въ своемъ здравіи: опустились бо весьма тогда лица его скронія, и самый видъ лица его въ сущую скорбь измѣнился. Ей, ей, не лгу, но самую истину доношу; явно бо и сердечнымъ моимъ очамъ Богъ тогда открылъ во здравіи Его Императорскаго Величества совершенную въ наказаніе всѣхъ насть перемѣну.

Прошеніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая Императрица и Самодержица, всемилостивѣйшая Государыня.

По окончаніи дѣла богоугодной и непотребной бывшей моей жены, я въ надеждѣ былъ, что по невинности моей ко двору Вашего Императорскаго Величества возвращеніе буду подвергнуть себя къ ногамъ императорскимъ и словесно себя извинить, и день отъ дни оной высочайшей милости нестерпимо ожидалъ, но и по сіе время не воспослѣдовало. Того ради со всемилостивѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества позволеніемъ пріемлю дерзновеніе письменно изъяснить, коль мнѣ зѣло чувствено прискорбно и весьма печально, что по несчастливому моему супружеству невиннымъ образомъ Ваше Императорское Величество прогнѣвалъ, котораго столько высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостью взыскали сверхъ моихъ заслугъ и меритовъ, чего мнѣ болѣе желать невозможно; а именно, по возвращеніи моемъ въ отечество *), съ какою милостію Ваше Императорское Величество меня принять и вскорѣ посль того въ оберь-гофъ-маршалы при своемъ дворѣ всемилостивѣйше меня опредѣлить созво-

---

*.) Изъ посольства въ Швеціи. И. Б.

лили, потомъ при высочайшей своей коронаціи не токмо фамилію нашу въ графское достоинство всемилостивѣйше пожаловать, но и славнымъ орденомъ святаго апостола Андрея всемилостивѣйше удостоить соизволили—достоинство такое, котораго на свѣтъ чувственїе и пріятіе мнѣ быть не можетъ.

Всѣ Вашего Императорскаго Величества такія ко мнѣ знатныя и весьма отмѣнныя милости и достоинства въ сердцѣ моемъ врѣзаны и во всю жизнь мою изъ памяти моей не выдуть, умалчивая о томъ, когда я принялъ дерзновеніе требовать всемилостивѣйшаго позволенія жениться, съ какою милостью и матернимъ попеченіемъ позволилъ и мой говорь со особливою милостію и дистинкцію учинить всемилостивѣйше соизволили, а потомъ, съ какою магнификацію свѣту мою во дворцѣ отправить повелѣли, гдѣ Ваше Императорское величество сама высочайшею своею персоною, какъ во дворцѣ, такъ и въ домѣ моемъ со особливою ко мнѣ милостію и показаніемъ своего высокаго удовольствія всемилостивѣйше присутствовать соизволили. Все сіе въ свѣжей памяти у меня имѣется, и никогда мое всеподданнѣйшее рабское благодареніе и признаніе не прескучится; только о томъ отъ сердца соболѣзную, и весьма мнѣ прискорбно, что и она недостойная и неблагодарная той же высочайшей императорской милости причастна была. Всему сему я невинно предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшилъ, которая ея богомерскія дѣла, по силѣ публикованного манифеста, отъ чистаго моего сердца детестую и проклинаю. А между тѣмъ я бѣдной, ради двумъсячнаго сего злосчастнаго моего супружества, въ которомъ, отъ ея злого нраву и ревности, мало имѣть покоя, сверхъ всего того еще невинно за нее стражду; но во упованіи на всемилостивѣйшее ваше при-

родное великолюбие и въ свѣтѣ прославленную императорскую милость и милосердіе всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу милостивыми очами на невинность мою возвратить и обрадовать меня скорымъ дозвoleniemъ припасть къ монаршескимъ стопамъ вашимъ и полу вашу цѣловать. Я же въ прочемъ, въ высочайшую Вашего Императорского Величества всенижайшия себя предавъ милость и протекцію, со всеглубочайшою венераціею и всеподданнѣйшимъ респектомъ пребываю, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорского Величества всеподданнѣйшій и вѣрный рабъ

Г. Михайло Бестужевъ-Рюминъ.

Ноября 1743.

Всенижайшее доношеніе оберъ-гофъ-маршала дѣйстви- тельнаго тайного советника графа Бестужева-Рюмина.

Изъ Дрездена, отъ (1) 12 Апрѣля 1749 г.

По воспріятіи моего намѣренія другую сожительницу себѣ взять *), я еще въ Маѣ мѣсяцъ прошлаго 1747 года для испрошенія себѣ у Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго соизволенія и матерняго благословенія всенижайшее прошеніе къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше отправить смѣлость принялъ; но когда оное мое всенижайшее прошеніе назадъ ко мнѣ возвращено было, то я 8-го числа Сентября того же 1747 г. другое въ такой же силѣ отправилъ, но и оное равномѣрнымъ же образомъ, какъ и первое, назадъ ко мнѣ прислано. Посль чего иного мнѣ способу не оставалось, какъ самому мнѣ къ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества трону прибѣгнуть и со всеглубочайшимъ респектомъ, въ чёмъ тѣ прежнія мои всенижайшія прошепія состояли, припадь къ монаршескимъ стопамъ, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить, которую всеподданическую должность от-

---

*) Первая супруга графа Бестужева была сослана въ Сибирь за участіе въ заговорѣ маркиза Ботты.

П. Б.

11*

правленною отъ меня отъ 17 Ноября тогожъ 1747 году въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ всенижайшею реляцію я исполнить не упустиль; но и по сихъ порь никакой всемилостивѣйшей резолюціи не получилъ, ожидавъ оную съ самаго начала тому уже два года. И то молчаніе, въ которомъ та моя всенижайшая реляція оставлена, есть явнымъ знакомъ, что по ней о моемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи Вашему Императорскому Величеству не доклады-
вано, и дабы излишнимъ повтореніемъ онаго Ваше Импера-
торское Величество не утруждать, той же самой реляціи при семъ дубликать прилагаю, на которой Ваше Император-
ское Величество всеподданнѣйше прошу милосердными очами
воззрить.

Ежели бы съ самого начала Вашему Императорско-
му Величеству донесено было и противъ моего прошенія
несоизволеніе воспослѣдовало, тобъ я со всякою честію отъ
даннаго мною слова отстать могъ, чего однакожъ я отъ ве-
ликодушнаго Вашего Императорскаго Величества сердца и
матерней къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ любви и милосер-
дія никогда не ожидалъ и не ожидаю, толь паиняче, что я
не иного чего, какъ чтобы совѣсть мою успокоить, жизнь мою
честно окончать и по смерти предъ Создателемъ моимъ не-
постыдно предстать желаю. На такое законное мое желаніе
Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго сои-
звolenія съ терпѣливостью и со всякою должною сумисію
ожидалъ я даже до окончанія при здѣшнемъ дворѣ министер-
ства, которая терпѣливость не токмо человѣка моихъ лѣть,
но и молодаго на дерзновеніе намѣреніе свое исполнить при-
вела бы. Я же, яко всеподданнѣйшій Вашего Императорскаго
Величества, знающій должностъ свою рабъ, до самаго того
часу, которой судьбу мою окончать имѣеть, въ предѣлахъ

повиновенія оставался и, будучи вынужбълизъ моего въ опредѣленное мнѣ посольство отъѣзда, опасаяся народнаго моей репутаціи осужденія, а особливо дабы не дать Богу отвѣта за несодержаніе моего слова и полагаясь на Его святую волю и на высочайшую по ней Вашего Императорскаго Величества милость, по толь долгомъ терпѣніи, и давъ во первыхъ Всемогущему Богу на прошлой Христовыхъ Страстей недѣлѣ надлежацій долгъ моего христіанскаго благоговѣнія, и по исповѣданіи грѣховъ моихъ, а потомъ сподобившися Его животворящихъ таинъ, 30-го числа Марта съ невѣстою мою предь всевидящимъ Божескаго Промысломъ окомъ чрезъ обрѣтающагося въ Лейпцигѣ при Греческой церкви священника, которой, прѣхавъ оттуда, у меня въ домѣ божественные службы совершаю, законнымъ бракомъ сочетался.

И какъ я, такъ и жена моя припадаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прося сіе наше сочетаніе всемилостивѣйше апробовать, и ее въ вѣрныя Вашего Императорскаго Величества подданныя и въ всевысочайшую милость и протекцію принять, въ которыхъ мы себя наивсенижайше рекомендуемъ.

**Письмо графа М. П. Бестужева-Рюмина къ графу М. Л.
Воронцову.**

Сиятельный графъ, милостивый государь мой
Михайла Ларіоновичъ!

Надѣяся на вашу ко мнѣ дружбу, прилагаю при семъ ко-
пію со указу Государя Петра Великаго 1720 г., находя, что
сей указъ довольно служить въ пользу моего печального
дѣла, и вѣсль прошу оный, гдѣ надлежить, въ дѣйство доброе
въ пользу мою произвести. Вѣдая впротчемъ, что ваше сія-
тельство въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Кириломъ Григорьев-
ичемъ Разумовскимъ находитесь, которой и ко мнѣ мило-
стивъ является и о моемъ такомъ несчастливомъ приключе-
ніи сожалѣетъ, не соизволите ли ваше сіятельство ему сюю ко-
пію съ указу сообщить, съ нимъ посовѣтовать и его попро-
сить, дабы онъ вкупе съ его сіятельствомъ братцомъ своимъ
у Ея Императорскаго Величества высочайшую аprobacію на
мое супружество исходатайствовали. Истинно, милостивой го-
сударь мой, довольно претерпѣть, почти четыре года какъ
это дѣло тянется: пора и помиловать. Ежели противу чаянія
какимъ образомъ при дворѣ нашемъ донесено было, яко бы
здѣшній дворъ по здѣшнимъ этикетамъ затрудненіе чинилъ
жену мою на аудіенцію допустить, и тѣмъ бы толь болѣе

мое супружество уничтожить, то-есть самая вымышленная ложь и неправда: ибо я имъю вашему сіятельству за истину донести, что въ прошломъ году ея величество императрица-королева прислала своего камергера, а имяни барона Кетлера, къ женѣ моей съ комплементомъ, и притомъ повелѣла обнадежить своею милостю и сказать, что ея величество весьма сожалѣть, что жена моя по сю пору на аудіенцію допущена не была, и что какъ скоро наша всемилостивѣйшая Государыня Императрица супружество наше апробуетъ, то жена моя тотчасъ на аудіенцію допущена будетъ. Такое ея величества изъясненіе вышепомянутое лживое доношеніе, ежели бы оное въ существѣ было, совсѣмъ опровергаетъ; и могу сказать, что всѣ честные люди о моемъ такомъ несчастіи сожалѣютъ, развѣ кромѣ одного грубіана и гордаго графа Ульфельда, которой по разнымъ обстоятельствамъ, какъ я примѣчаю, во урожденіе нѣкоторымъ, причинною есть сему моему несчастію.

Паки надѣясь на вашу ко мнѣ особливую милость и дружбу, еще прилагаю прошеніе мое до его высокопреподобія духовника Ея Императорскаго Величества, нашего общаго отца духовнаго, которое, яко и мое всенижайшее доношеніе, при семъ приложенное, такъ и указъ Петра Великаго его высокопреподобію въ тайнѣ для прочитанія поднести, и ему по-рядочно, какъ сіе мое дѣло съ начала шло, растолковать, дабы онъ увидѣть мою невинность, и отъ какихъ людей все сіе я претерпѣваю, и за что. Ежели онъ сіе дѣло къ добру окончанію въ пользу мою доведеть, за такія его ко мнѣ старательства и труды, ваше сіятельство извольте ему обѣщать хотя до двухъ тысячи рублей или сколько вы заблагоизобрѣтете, болѣе или менѣе. Не можно ли стараніе приложить и чрезъ Анну Дмитріевну, и ей также за труды

обещать, сколько вы заслужите; да и мою услугу ей объявить можно въ братъ ея, котораго я съ великимъ трудомъ въ Польшѣ сыскалъ и въ Россію отправилъ. Не погибните, милостивый государь и другъ, что я васъ такъ утруждаю, надѣяся на ваше честное сердце. Потщитесь, сколь возможно будетъ, печаль мою въ порадованіе привести. Жена моя приняла смѣлость ея сіятельству графинѣ вашей, по присланному образцу, послать цветы, также ея собственныхъ рукъ работы кошелекъ. Мы оба вручаемъ себя въ неизмѣнную вашу дражайшую дружбу. Со искреннею преданностью, пока живъ, пробуду вашего сіятельства покорный и верный слуга

Г. М. Бестужевъ Рюминъ.

Изъ Вѣны. Ноябрь (3) 14 1750.

*

Всепокорно прошу его высокопреподобію пречестнѣйшему отцу духовнику мое совершенное высокопочитаніе за свидѣтельствовать и въ благосклонную его ко мнѣ милость напрѣпчайше поручить; при чемъ, какъ отправленное мое въ 1749 г. къ Ея Императорскому Величеству всеподданѣйшее доношеніе и состоявшійся указъ отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго его высокопреподобію прочесть дать, такъ и о происхожденіи безвиннаго моего дѣла ему все подробно сообщить. И понеже я къ нему, яко суще благоговѣйному и праволюбящему мужу, а моему по духу отцу, всенадежное прибѣжище пріемлю, то неизмѣнно уповаю, что его высокопреподобіе, безъ всякаго пристрастія, усмотря мою невинность и чинимыя мнѣ токмо единственно отъ своихъ близкихъ толь чувствительныя обиды, при удобномъ случаѣ Ея

Императорскому Величеству когда наединъ всеподданнѣише изъяснить, и по своему праводушію вспомоществовать не оставить, дабы съ нынѣшнею мою женою, съ которой уже близко двухъ лѣтъ живу, законно принятой нами во всемъ по чину Греко-восточныя Православныя церкви супружество всемилостивѣише апробовано было, и тѣмъ великодушнымъ показаніемъ отъ Ея Императорскаго Величества вновь всевысочайшей ко мнѣ милости, я свободиться могъ отъ продолжающейся моей крайнѣйшей печали, несносныхъ при настоящей престарѣлости сокрушительныхъ досадъ, и отъ того послѣдуемаго отчаянія. Въ семъ мнѣ возможную руку помощи подать его высокопреподобіе самимъ живымъ Богомъ умоляю, Которой, яко всесиленъ, за такую самую христіанскую добродѣтель и сущее благосердіе, всещедро его благословить по истиннѣ не презрить; а между тѣмъ, предавъ себя въ его теплыхъ молитвы, есмь и пребуду наивсегда со многимъ высокопочитаніемъ его высокопреподобія пречестнѣйшаго отца покорнѣйшій и послушнѣйшій по духу сынъ и слуга

Г. М. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ писемъ графа П. Г. Чернышова къ графу М. Л. Воронцову.

1.

Что ваше превосходительство вѣдать желаете, что какую маркизъ Бота здѣсь контенанцію имѣть, послѣ бездѣльного и нечестнаго своего при всевысочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни оказаннаго имъ поведенія, такожде и какими глазами меня видѣть могъ, и чтѣ онъ къ своему оправданію приносить: я на оное вамъ, милостивому моему государю, всенижайше донести имѣю, что помянутый Бота съ самаго того времени какъ здѣсь получена вѣдомость, что извѣстные его въ Петербургѣ злобные собесѣдники арестованы случились, то онъ здѣсь какъ въ воду впалъ, и столь видно печаленъ быть оказался, что оное здѣсь всѣми примѣтно случилось, хотя причину тому чтѣ оно ему приключило прямо здѣсь узнать никто не могъ. И съ той поры онъ вдругъ ото всѣхъ, съ кѣмъ онъ изъ здѣшнихъ знался, отсталъ; у меня же послѣ того самаго времени не токмо въ домѣ не былъ, но и гдѣ случались мы быть вмѣстѣ, то виднымъ образомъ и акибы взора моего боялся и отъ меня удалялся, и когда уже необходимо тамъ гдѣ нашлисъ, другъ другу что нибудь сказать

должны были, то онъ оно съ такимъ виднымъ амбара дѣлать, и какъ можно скорѣе оное кончить искалъ, что мнѣ оное его поведеніе нѣкоторый супсонъ хотя имѣть привело, токмо однакожъ я весьма удаленъ былъ думать, чтобы онъ въ разсужденіи того, что какъ не беззнатнаго характера человѣкъ и въ свѣтѣ происходилъ за недурака, въ такихъ злобныхъ и крайне неоснованныхъ глупыхъ дѣлахъ, какъ оное безответно имѣть нашлось, былъ наиглавнѣйшимъ участникомъ. И затѣмъ, изыскивая что тому прямая причина какъ его ото всѣхъ вдругъ случившееся удаленіе, такъ и со мною особливое столь странное обхожденіе быть можетъ, я къ нему со своей стороны подобное же обхожденіе оказывалъ, какъ и ко оному въ домъ болѣе не ѿадилъ. Съ полученнія же здѣсь публикованного манифеста причина тому прямая всѣмъ извѣстна сдѣлалась, которой я здѣсь какъ гдѣ надлежало, такъ и потомъ немедленно публичнымъ всѣмъ сдѣлалъ. И понеже послѣ того тотъ часть ему ко двору являлся заказано, то по оному примѣру не токмо королевы и здѣшніе министры, но и партикулярные здѣшніе всѣ со онымъ видѣться не хотѣли, и не могу вашему пре восходительству довольно описать, сколь генерально онъ какъ знатными, такъ и всѣми за его безсовѣстные извѣстные поступки здѣсь, по полученіи вышепомянутаго манифеста, детестиранъ нашелся. Воистину сказать могу, что имя его безъ брани никѣмъ не упоминается, и что въ томъ наипаче его Боту мортифировало (ибо онъ то вѣдалъ), что въ то время какъ реченный манифестъ сюда пришелъ, то не токмо въ домахъ во всѣхъ другаго разговора какъ объ ономъ не было, но и подлые люди, по улицамъ шедши, онъ манифестъ везде читали. Почему вы, милостивый мой государь, легко разсудить можете, что онъ съ того времія болѣе уже какъ съ нѣ-

которыми иностранными министрами въ съ тѣмъ не видался, и кромѣ какъ ко онъмъ (и оное въ то время, какъ зналъ, что у нихъ никого не было чужаго) не ѻздили. Хотя я уже послѣ того болѣе его не видалъ, однакожъ отъ тѣхъ, кто его видѣлъ, слышалъ, что онъ весьма опустился и неизрѣченно худъ сталъ; при всѣхъ же случаяхъ, когда ему о вышерѣченномъ манифестѣ кто говорить начиналъ, то онъ съ превеликою сиркоинекцію всевысочайшее имя Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни упоминалъ, съ тѣмъ пріобщеніемъ, что ему не то за главное прискорбно, что имя его въ манифестѣ съ злобными людьми упомянуто, но то, что такая всещедрая Государыня, которую онъ всегда и нынѣ баготворить, на него гиѣвна быть изволитъ; но что онъ надежду однакожъ имѣть оправданіе въ томъ чистое принести и безвинность свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ ясноказать. Сей вышеописанный его Ботовъ дискурсъ меня нимало не удивлялъ; ибо что же ему другаго кромѣ того нынѣ говорить? Отсюдова онъ четвертаго дни ввечеру въ путь свой до Вѣны отправился.

Двѣ превеликія бутыли, одна съ зеленымъ, а другая съ чернымъ чаями, которыя пожаловали вы прислатъ ко мнѣ изволили, я исправно получилъ, и воистину, милостивый мой государь, весьма должно чувствую тѣмъ показанное имѣющеое ваше ко мнѣ дружеское напамятованіе и милостивую ко мнѣ атенцію, за что наибязательнѣйше вашему превосходительству благодарствую. Оной помянутой чай такъ странно сюда привезенъ и столь хорошъ, что безъ эксажерациіи сказать могу, что лучше онаго здѣсь никогда не бывало, а нынѣ и подобного тому нѣть, и я для того какъ королевамъ изъ того малую часть поднесъ, такъ и нѣкоторымъ моимъ друзьямъ

тѣмъ презенты учинилъ, что отъ меня съ неописаннымъ благодареніемъ всѣми принято было, за что я вамъ особливо онуу облигацио имѣю.

Октября 8-го дня 1743 года. Берлинъ.

2.

За сдѣланное миѣ сообщеніе, что его королевское величество Прусское вашему превосходительству перстень съ своимъ портретомъ пожаловать прислать соизволилъ, вамъ все-покорно благодарствую и съ тѣмъ наипаче поздравляю: понеже оное есть знакъ особливой его величества къ вамъ имѣющѣй атенціи, къ чьему во увѣреніе служить то, что оной перстень для отданія вамъ къ Мардефельду посланъ королемъ прямо изъ своего кабинета, и о ономъ иже графъ Подвильскъ свѣдомъ быль.

Ежели въ Россію возвратитися имѣю, то оное вамъ, милостивый государь, напамятовать имѣю, что я по смерти моей теци писаль къ тестю моему Андрею Ивановичу *), по чьемъ я также увѣдомилъ мать мою (которая вашему превосходительству о томъ говорить отъ меня честь имѣла) что ежели онъ того желаетъ, чтобы я о возвращеніи моемъ въ Россію просился, то я оное исполнить не премину, ежели токмо предъидуще увѣдомленъ имѣ буду, что гдѣ мнѣ жить и чтѣ оно мнѣ на мое содержаніе милостиво пожаловать намѣренъ. Которые пропозиціи я особливо принять разсудилъ быть за потребно: ибо, имѣя домъ дѣтьми наполненный, тѣмъ порядкомъ какъ я прежде въ дому его до отъѣзда моего изъ Россіи жиль, болѣе не могу, но инымъ образомъ, или чтобы

---

*) Ушакову.

въ дому такое поведеніе подъ нимъ имѣть какъ обычай
дѣти въ отеческихъ домахъ имѣютъ. Но на оное я не ток
какое письмо отъ тестя моего самаго по сіе время, но
чрезъ мать мою о воспріятой его томъ что до меня касає
ся резолюціи не нахожусь ни въ малъ увѣдомленъ. Почеке
всепокорно прошу васъ, милостиваго моего государя, по ѿ
шему засвидѣтельствованію ко мнѣ милостиво о моемъ с
стояніи, въ которомъ я нынѣ нахожусь, разсудить.

Ноября 5-го дня 1743 года. Берлинъ.

Извѣстіе, какимъ образомъ принять былъ въ Синодѣ ново- выѣхавшій архіерей изъ Грузіи.

1) 10-го числа присыланъ отъ него Грузинской принцѣ Александрѣ Бакаровичѣ съ объявленіемъ о его титулѣ и съ требованіемъ резолюціи, когда дозволено будетъ явиться Синоду, на что ему и дозволено.

2) На другой день, то есть 11-го числа, прїѣхаль къ Синоду съ своею асистенцією въ четырехъ каретахъ, гдѣ по выходѣ изъ каретъ встрѣченъ былъ, по примѣру протчихъ архіереевъ, на крыльцѣ находящимся въ Синодѣ прапорщикомъ и препровожденъ до Синодальной залы, въ которой секретари при отправлениі дѣлъ бывають.

3) Въ той залѣ секретари, вставши отъ своего стола, приняліи его, и изъ нихъ однимъ провожденъ онъ въ камору, которая предъ присутствіеною палатою имѣется, гдѣ дань ему стулья, а между тѣмъ доложено о приходѣ его собранію.

4) По докладѣ введенъ былъ тѣмъ же секретаремъ въ присутственную палату, гдѣ члены сидѣли на своихъ мѣстахъ; и когда онъ сталъ подходить къ столу, то члены, при своихъ же мѣстахъ вставши, съ нимъ подходящими взаимно привѣтствовались.

5) По привѣтствіяхъ, члены паки сѣли на своихъ мѣстахъ, а ему приказано было предъ столомъ поставить особливой стуль, гдѣ онъ и сидѣлъ.

6) И понеже онъ кромѣ привѣтствія собою ничего Синоду представлять не начиналъ, то спрошеніе быть отъ членовъ, съ кредитивомъ ли какимъ въ Россійскую имперію прѣѣхалъ, по отправлениію котораго паки во свояси возвратится, или съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобы здѣсь въ Россіи остаться? На что онъ отвѣтѣлъ далъ, яко о томъ объявлено уже отъ него величкому канцлеру.

7) Но когда паки отъ Синода ему объявлено, ежели кредитивъ какой порученной имѣеть, до того Синоду никакого дѣла нѣть; а буде кредитива не имѣеть, то и Святѣйшему Синоду о причинѣ прибытія своего объявить его преосвященству слѣдуетъ; на что и объявлено отъ него, что онъ прѣѣхалъ съ намѣреніемъ тѣмъ, дабы остаться въ Россіи и просить о неоставленіи; почему онъ обнадеженъ высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію и отпущенъ.

8) При вышеписанныхъ всѣхъ обстоятельствахъ означенный нововыѣхавшій изъ Грузіи архіерей отъ Синода называемъ быль преосвященнымъ архіепископомъ, по примѣру выѣхавшаго въ Россію, въ 727 году, Халкидонскаго архіепископа Филоея (какъ значится въ Синодѣ), который его степенію старше, и по учиненной въ Синодѣ; прежде его прибытія, справкѣ съ Кормчею Книгою, съ Пандектами и съ описаніемъ Хрисанѣа патріарха Іерусалимскаго, на Греческомъ языкѣ, о всѣхъ, въ томъ числѣ и обѣ его епархіи, по которымъ положено поставляему быть отъ своихъ подручныхъ ему епископовъ единому въ Грузіи архіепископу, а не троимъ, (какъ нынѣ ихъ имѣется), и больше ему прерогативъ не показано.

9) Что же онъ, преосвященный, называется католикосомъ и въ народѣ обь немъ произносится, будто онъ патріархъ, того, какъ выше значить, по справкамъ нигдѣ не сыскалось; а именуются они отъ своихъ Грузинъ тѣмъ званіемъ по примѣру Армянскихъ патріарховъ, кои называются католикосами жъ, а по Россійскому діалекту значитъ «вселенскій». Точію въ Греко-Россійской церкви, кромѣ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, никого не признается; за тѣмъ и сему нововыѣхавшему преосвященному архіепископу сего страннаго титула давать и такого отмѣнного клобука посить, какъ нынѣ у него есть, Святѣйшій Синодъ за непристойность признаетъ.

10) И ежели онъ требовать будетъ позволенія о служеніи и представить о поставленіи и обь отлученіи отъ епархіи своей надлежащее свидѣтельство, то о отправленіи ему священнослуженія и о хожденіи по примѣру Россійскихъ архіереевъ имѣть быть разсужденено и доложено Ея Императорскому Величеству.

О Грузинскомъ митрополитѣ Аѳанасіи.

Въ 25 день Декабря 1752 г., прибывшій изъ Грузіи митрополитъ Аѳанасій съ княземъ Симеономъ Макеевымъ, начануи испрося себѣ время чрезъ племянника своего на-дворнаго совѣтника Грузинскаго князя Ампалахорова, былъ у вице-канцлера и вручилъ ему приложенный при семъ перево-дѣ съ просительного листа, съ которымъ онъ присланъ къ Ея Императорскому Величеству отъ Грузинскаго и Кахет-скаго царей Тей-Мурзы и Ираклія. Объявилъ притомъ, что при поданіи онаго Ея Императорскому Величеству имѣть онъ также поднести отъ помянутыхъ царей подарки, со-стоящіе въ ножѣ, золотомъ и каменями оправленномъ, да въ четкахъ жемчужныхъ. Просилъ, дабы о томъ Ея Импе-раторскому Величеству всеподданнѣйше доложено и исхода-тайствовано было, чтобъ онъ для поднесенія оныхъ Ея Вели-честву представленъ былъ. А попеже въ объявленномъ листѣ не все нужды, за которыми онъ митрополитъ сюда отправ-ленъ, подробно изображены, то сверхъ онаго поручено ему, и имѣть онъ обѣ оныхъ обстоятельно на письмѣ предста-вить. Вице-канцлеръ сказалъ ему на то въ отвѣтъ, что о всемъ вышеобъявленномъ не преминеть онъ Ея Император-скому Величеству всеподданнѣйше донести, и впредъ о все-высочайшемъ Ея Величества соизволеніемъ ему объявлено будетъ.

При семъ случаѣ отдалъ онъ присланный отъ помянутыхъ царей вице-канцлеру подарокъ: кусокъ Персидской золотой травчатой парчи и рундукъ Персидскій съ серебряннымъ позолоченнымъ наборомъ.

Впрочемъ для всевысочайшаго извѣстія Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше доносится, что при оныхъ Грузинскомъ митрополитѣ и князѣ Макеевѣ пріѣхало въ свитѣ Грузинцовъ духовныхъ и свѣтскихъ, дворянъ и служителей тринацдцать человѣкъ, и стоять здѣсь на Прѣснѣ на загородномъ дворѣ Тверскаго архіерея. А понеже сей дворъ весьма отъ города отдаленъ, то просить онъ митрополитъ, чрезъ помянутаго племянника своего надворнаго совѣтника князя Амилахорова, чтобы ему въ городѣ ближе другая квартира отведена была.

Въ концѣ на послѣдней страницѣ помѣчено своеручно вице-канцлеромъ:

Такова записка и съ переводомъ листа Грузинскихъ царей взнесена къ Ея Императорскому Величеству тогожъ 25 Декабря 1752 года.

Переводъ съ Грузинского письма.

Къ всеславному Божественному милосердію Твоему прибѣгши, въ свирѣпѣйшихъ волненіяхъ пребывающіе, рабы твои, съ трепетомъ дерзающе, нестерпимыя нужды наши предъ Твоимъ Императорскимъ Величествомъ изъявляемъ, и до земли поклонившися доносимъ священнѣйшему самодержавству Твоему, Божественная Мати всѣхъ христіанъ! Мы никакового не совершили служенія Богомъ славимаго и освященнаго вѣнценосства Твоего, по имя носимъ на себѣ Христово, Ты же Мати еси всѣхъ православныхъ и имѣши милосердое попеченіе о страждущихъ. Сія есть причина дерзновен-

ия нашего. Неисчислимая нужды и тѣсноты насть низайшихъ рабовъ Твоихъ, и безъ объявленія нашего, совершеннейше извѣстны духомъ святымъ сіяющему и благодатию преисполненному вѣдѣнію Твоему: сколь злое плѣненіе отъ давнихъ ужъ временъ насть и царство наше отъ царей языческихъ постигло, которымъ, грѣхъ нашихъ ради, праведнымъ судомъ Божіимъ преданы были, и оные тиранствомъ царствовали надъ нами. А понеже въ настоящее время сіе никто уже отъ невѣрныхъ царей господствуяй есть надъ нами, о томъ да извѣстуется свѣтлому небу разума Твоего. Нынѣ есть время избавленія, и день воскресенія нашего, аще не во вѣки отчаянію грѣхъ ради нашихъ преданы. Призри Христу подобнаго умиленія утробою, и положи руку Твою силну и высоку во избавленіе отчаянія нашего; понеже таковыхъ нестерпимыхъ бѣдъ никогда земля наша не видала, какъ точно извѣстно свѣтло судящему разсмотрѣнію Твоему, что царство наше окружено разными невѣрными народы, и непрестанно лѣто и зиму съ нами воюютъ, разоряютъ насъ, убиваютъ и плѣнять, и много сильнейше и множайше насть суть, и желаютъ разорить церкви святыя, истребить имя христіанства. Въ неже время соединились окружные враги наши, и собрались вкупъ князи ихъ, и клятву положили межъ себя по скверной книгѣ своей, да истребять народъ Грузинскій посредѣ, и вселятся роды Магометанскіе, и единогласны все да будуть. И какъ прегорькое извѣстіе сіе до слышанія насть, христіанъ, донило, въ сердцахъ печали огнь возжегся. И тако нынѣ намъ никакой надежды иѣсть, кроме помощи Животворящаго Креста и Твоего всеславнаго императорства Божественная порфиры покровительства. Сего ради теплѣйше припадаемъ, съ нами и всѣхъ христіанъ всеславная Предводительница православныхъ, и величество само-

державства Твоего слезно просимъ, отъ Исмаилитовъ на нась и на царства наша бываемыя горчайшія бѣды и плаѣненія отними и утиши, и по волѣ всемилостивѣйшаго самодержавства Твоего материе помози чадамъ Твоимъ, и повели лучшая. Хотя и рабы есми непотребны величеству Твоему, но христіане есми. Долгъ имаши, яко Мати христіанъ. Призри покровительствомъ на чадъ твоихъ, въ нуждѣ сущихъ и страждущихъ, и покрый нась покровомъ освященныя порфиры Твои, и сохрани нась отъ язычниковъ, яко святая воля Твоя есть. Еще же нижайше доносимъ, что нѣкогда отъ его величества блаженныя памяти дѣда Твоего царя Алексея Федоровича (*sic*) пріялъ отецъ мой царевичъ Николай изъ высочайшей его милости жалованную грамоту съ золотою печатью, которой списокъ предлагаемъ, и каковое обѣщали во время то служеніе его величеству по должности нашей, на ономъ и нынѣ крѣпко стоимъ, хотя грѣхъ ради нашихъ дѣломъ оказать не возмогли. Посланцы отъ нась пижайшихъ, для поданія прошеній нашихъ величеству самодержавства Твоего, преосвященный Аѳанасій митрополитъ Тифлісскій съ княземъ Семеномъ, и оные подать имѣютъ прошенія наша Величеству Твоему.

Письмо Грузинскаго митрополита Аѳанасія къ графу М. Л. Воронцову.

Высокосітельнѣйший графъ Михайла Ларіоновичъ

Милостивой государь!

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства милостивому государю и патрону во извѣстіе доношу, что сего Июня 7 дня, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ келю мою, въ знакъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости царямъ моимъ подарки: два мѣха собольихъ и четыре кус-

ковъ парчи присланы были, и князю Макееву притомъ быть велѣли, и въ пріемъ тѣхъ вещей заставили росписаться мнѣ со онимъ Макеевымъ въ обществѣ. И въ томъ меня смиреннаго только могли этимъ въ небытность вашего высокографскаго сіятельства обидѣть. И то чувствительно мнѣ. Ежели бѣ ваше высокографское сіятельство присутствіе въ Москвѣ имѣть изволили, то мои злодѣи того исходатайствовать не могли. И на ваше великодушіе уповаю, что асессору Абазадце, которой безъ всякой причины сталъ мнѣ злобствовать, со временемъ за то ему упущено не будетъ. Того ради вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя и патрона, всепокорно прошу обѣ отпускъ со мною до Грузіи, конвоемъ полицейской команды, капитана князя Гелованова, милостию резолюцію о томъ меня снабдить. Такожде, милостивой государь, въ конторѣ вашей повелѣть, чтобы меня обѣ отправленіи моемъ и ни въ чемъ безвременно не понуждать. А напередъ мнѣ и со свитою за три мѣсяца жалованье выдано, только по отбытии его сіятельства графа Алексія Петровича о томъ никакого понужденія еще не слышу. Впрочемъ о здравіи вашего высокографскаго сіятельства и всей вашей высокой фамили Господа Бога молить и просить всегда непрестанно пребуду. Вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя моего всегда покорный ко услугамъ митрополитъ Аѳанасій Тифлисскій.

Іюня 9 дня 1754 года.

**Реляція надворного совѣтника и резидента Обрѣзнова изъ
Перы Константинопольской, отъ 26-го Іюня 1754 г.**

По Высочайшему указу, я увѣдомилъ Порту о учиненной
сдѣлкѣ въ Запорожскихъ спорахъ, и ея за то удовольствіе
безсумнѣнно вящее-бы было, когда-бы подъ то время не со-
общилось ей о принятой Вашимъ Императорскимъ Величе-
ствомъ резолюціи строить въ Новой Сербіи крѣпость Святыя
Елисаветы. И хотя я предвидѣлъ, что она сіе съ непріят-
ностью услышитъ, но какъ оное когда нибудь необходимо
быть имѣло, то при томъ случаѣ, яко ей пріятномъ, о семъ
сообщить пристойнѣе призналь, а особливо для предупрежде-
нія, дабы ей посторонне не дошли прежде вѣдомости о дѣй-
ствительномъ строеніи, въ которомъ-бы случаѣ она конечно
наипаче раздражилась и нарѣвать причину возъимѣла, яко-
бы обѣщанное ей не додержано. Сіе дѣло, Всемилостивѣйшая
Государыня, здѣсь гораздо серьезнѣе учинило, нежели ожи-
дать резонъ былъ, которое доставило случай къ разнымъ
экспликаціямъ, отвѣтамъ и поступкамъ Порты. И какъ все то
цѣлагоуваженія заслуживаетъ, то дабы ваше Императорское
Величество, всемилостивѣйше разсмотря, пристойныя съ Вы-
сочайшими Вашего Императорскаго Величества интересами

мѣры взять повелѣть соизволили, пріемлю смѣлость все происшедшее съ подробностями всеподданѣйше донести.

Въ слѣдствіе вышепесеныхъ резоновъ, при сообщеніи Портъ о Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества енисхожденіи касательно сдѣлки между Запорожскими казаками и подданными Турецкими, запискою отъ 4-го Іюня предъявилъ я ей, что миѣ повелѣно Ближательной Портъ въ разсужденіи сосѣдственной дружбы сообщить, что мѣсто подъ крѣпость, которая по западную сторону Днѣпра построена быть имѣеть (какъ то ей нотою 21-го Августа 1752 года знать дано) избрано при вершинѣ рѣки Ингула, близъ устья впадающей въ оную рѣчки Туры, которая отъ границъ Турецкихъ разстояніемъ около тридцати часовъ и далѣе другаго города, зовомаго Архангельскаго, и оная чынѣшино весною строиться начата быть имѣеть.

Рейсъ-эфенди, разсмотря переводъ оной записки касательно новостроящейся крѣпости Святая Елисаветы, съ иѣ-которымъ жаромъ говорилъ: «Вотъ-де дѣло паружу вышло, и подавашняя Портъ известія, которыя я ложными быть предъявляяль, нашлися истинныя; сіе предпріятіе есть совершенно противно трактату, и конечно дружбу раздражить имѣеть». И по иѣкоторыхъ сему подобныхъ экспрессіяхъ, ходилъ къ визирю и, чрезъ полчаса возвратясь, сказалъ Пиню, что визиря видѣть случая не имѣль, и повторилъ прежде говоренное, прибавя, что когда отъ стороны Вашего Императорскаго Величества при границахъ крѣпости строить начинаются, то и Порта съ своей стороны тоже сдѣлаетъ.

Противъ сего я 6-го Іюня, при посланіи карты къ переводчику Порты, за Днѣпрскимъ мѣстомъ отмѣти на оной избранную ситуацію для лучшаго увѣренія Порты, что оная крѣпость не въ такой близости отъ Турецкихъ границъ, какъ

Портъ предъявляютъ, но внутри Имперіи быть имѣть, отвѣтствовалъ: 1-е, что я предъидуще Портъ даваемыя ей извѣстія о строеніи крѣпости близъ устій рѣкъ Ингула, Ингульца и Великаго Канара, ложными почиталъ, то самая истинная, ибо въ тѣхъ мѣстахъ подобнаго нѣтъ. Да и тоже правда, что и положенная на мѣрѣ крѣпость близъ Польскихъ границъ тогда не строилась, но токмо нынѣ мѣсто изобразить и строить начнется. 2-е, Помянутой городъ будетъ внутри имперіи вашего Императорскаго Величества и далѣе другаго издавна находящагося; потому не можно приписать, чтобы оно противъ трактату быть могло, да и шіже счастливо пребывающей дружбѣ; ибо каждый въ своихъ государствахъ диспонировать, по благоизобрѣтенію своему, власть имѣть; особливо-же тому почти съ два года какъ Портъ дружески дано было знать, что такой городъ и для чего построенъ быть имѣть, чemu тогда Блистательная Порта ни мало не оспоривала. И тако не можно понять, для чего сіе нынѣ иѣкоторое удивлениe или непріятность ей доставляетъ. Я оное въ резонѣ представилъ, яко наипристойнѣйшее средство оправдаться, что то предпринято невзначай и не скрытно отъ Порты, хотя тефтердаря тѣмъ много экспонировалъ: ибо небреженіемъ его, па доставленную отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора касательно сего дѣла ноту не реplиковало, но тѣмъ заставилъ его для собственнаго своего спасенія обице со мною содержать, что сіе трактату противъ быть не можетъ, какъ ниже окажется. 3-е, Ежели Блистательная Порта въ земляхъ своихъ крѣпость построить намѣрена, изъявъ токмо не позволенныя мѣста трактатомъ, то въ совершенной волѣ ея состоитъ. Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ никогда не опортировалъ, какъ то она видѣла при сообщеніи оному въ

1747-мъ году о строеніи Новаго Копыла, да и никогда не оспорить, будучи удостовѣренъ о двухъ истинахъ: первая, о истинности дружбы и взаимномъ желаніи ону культтивировать; вторая, что каждый государь воленъ въ своихъ государствахъ дѣлать то, что заблагорасудитъ, и никому въ томъ отчету дать не имѣть, выключая случай, когда какимъ трактатомъ обязанъ.

Пиній едва къ рейсъ-эфендію появился, оній министръ ему сказалъ, что ежели относительно города какой отвѣтъ отъ меня принесъ, то бы на бумагу положилъ, что Пиній и исполнилъ, и при разсмотрѣ перевodu касательно Новаго Копыла рейсъ-эфендій отозвался, что онай построенъ въ силу 3-го артикула мирнаго трактата; ибо когда ближе къ границамъ позволено, то само собою разумѣется, что въ отдаленіи па-испособище есть. И по возвратѣ отъ визиря, Пинію при предъявленіи отъ его стороны и визирскаго мнѣ поклона приказалъ объявить, что визирь такъ прежнія какъ и послѣднія мною доставленныя относительно сего дѣла письмы сличалъ, и рекомендуется мнѣ разсмотрѣть трактать, которой такожъ и Порта экзаминировать будеть и пристойной отвѣтъ дать не оставитъ.

Противъ сего я, спустя нѣсколько дней, а именно 9-го числа, Пинію велѣль въ разговорахъ переводчику Порты отозваться, что, прежде начатія онай крѣпости, трактать въ полномъ Вашего Императорскаго Величества двора совѣтѣ разсмотриванъ, и нимало не найдено, что бѣ оному въ противность быть могло, и когда Блистательная Порта безъ пристрастія разсмотрѣть похочетъ, то и сама о истинѣ увѣрится. Я никогда не думалъ, чтобы она дѣло едѣлать похотѣла изъ сего сообщенія, которое ей учинено единственно по соединенной дружбѣ, дабы она, будучи свѣдома со всею подлин-

ностю подаваемымъ ей ложнымъ вѣдомостямъ, толь меныше вѣрила и беспокойства принимала, а не для испрашиванія на внутреннія государства распоряженія ея позволенія: ибо Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ, сколько воздержень въ постороннія домашнія дѣла мѣшателья, только своихъ укашниковъ не терпитъ. Потому я никакого отвѣта не ожидаю, да и ниже поводъ къ тому доставленъ. Довольно быть можетъ одного рейсь-эфендиева четвертаго дни отзыва, что и Порта въ своей стороны такожъ крѣпость построить, увѣряя притомъ вновь нанточнѣйшимъ образомъ, что въ семъ дѣлѣ ничего того нѣтъ, еже-бы Портъ предосужденіе на- нести могло. Переводчикъ Порты сей мой отзывъ рейсь-эфендию донесъ; почему Порта, какъ видно, отчаясь меня предуспѣть склонить съ мнѣніемъ ся сообразоваться и Вашему Императорскому Величеству обѣ оставленіи онаго пред-пріятія всеподданѣйше представить, заблагорасудила адре-соваться къ Аглийскому послу Портеру и Римско-Император-скому интернунціусу барону Пенклеру.

9-го числа, извѣстные пріятели сообщили, что 7-го визирь, собравъ присланную ноту о семъ дѣлѣ, мои записки, трактать и географическую карту, быль у его салтанова вели-чества, и какъ слышно, его величество о строеніи крѣпости съ великимъ неудовольствиемъ увѣдомился, и приказалъ дѣло со всею прилежностью разсмотрѣть и съ подлинностью обна-дѣяться, имѣеть ли быть въ противность трактату. Вслѣд-ствіе чего 8-го числа предъ визиремъ, тефтердаремъ, рейсь-эфендиемъ, мехтупчіемъ и иѣкоторымъ Мехмедъ-эфендиемъ, почитаемымъ за разумѣющаго географіи, держали совѣтъ, рассматривая карту границамъ и мѣсто избранное подъ крѣ-пость, которое папили съ предъявленіемъ моимъ различно и трактату противно. Потому, читая послѣднюю мою записку,

оказывали между собою удивление, кромѣ тефтердара, которой то красиѣль, то блѣдиѣль, и коему рѣйсъ-эфенди, злостию для подысканія, давъ читать присланную отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора ноту, сказаль: «посмотри, ваше превосходительство, съ какою хитростью она составлена, которая тогда казалась яко бы никакой атенціи не заслуживала, по вынѣ видимъ, чего она стоитъ». Тефтердаръ, прочитавъ и ничего не отвѣтствуя, потребовалъ видѣть мои послѣднія сообщенія, и по рассмотрѣніи отозвался: «Надлежитъ объяснить ситуацію и разстояніе, и ежели то согласно съ увѣдомленіями, имѣющимися при Портѣ, то подлинно трактату и дружбѣ имѣеть быть противно; а ежели же такъ, какъ я предъявляю, противности оному быть не можетъ. Для вящаго же объясненія и удостовѣренія кажется пристойно было-бѣ, чтобъ Порта потребовала на сіе истолкованія отъ министровъ аліаторскихъ дворовъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и когда дѣло съ подлинностью объяснится, тогда Блистательная Порта со всею надежностью пристойныя мѣры взять можетъ». Рейсъ-эфендій хотя весьма много въ доказательство, что сіе трактату совершенно противно предъявлять, по верховный визирь, аprobувя тефтердарское мнѣніе, приказалъ помянутымъ министрамъ пристойной о семъ отзывъ учинить, и до рассмотрѣнія мнѣній ихъ мнѣ что либо говорить воздержаться.

По силѣ вышепредъявленного визирскаго приказу, 11-го Іюня Порта онымъ министрамъ нотами составленными въ равной силѣ отзвалась, а именно: предъявя имъ силу 3-го артикула мирнаго трактата, испрашивала дружескаго ихъ мнѣнія, что строеніе новой крѣпости между двумя пограничными (называя со стороны Вашего Императорскаго Величества быть Кіеву, а съ ея Очакову), взявъ въ разсужденіе вышепомяну-

тый артикуль и сличая съ регулями потентатовъ, достаточно или недостаточно дружбу помутить? Оное рейсъ - эфендій Великобританскому и Цесарскому переводчикамъ поручилъ, съ тѣмъ, что Порта дружескаго на то отвѣта ожидать будеть. Переводчикъ Порты къ нимъ при томъ отзывался, что въ дѣлѣ такого свойства какъ сіе, Порта должна да и намѣренна была адресоваться къ Французскому послу, яко гаранту; но сіе отмѣнила единственно токмо въ разсужденіи нынѣшнихъ Вашего Императорскаго Величества двора съ Французскимъ обстоятельствъ и спошений, требуя знать на справедливость ея предложеній мнѣнія самихъ аліаторовъ съ имперіею Вашего Императорскаго Величества, и продолжалъ, что Порта сіе въ явную трактата противность признается, да и никакой потентатъ стерпѣть не можетъ, чтобъ посреди мира и въ отдаленіи отъ границъ токмо на тридцать часовъ новая крѣпость строиласъ, чтобъ чистота дружбы потемнѣлся не имѣла; правда-де напередъ сего Портъ хотя и было сообщено, что къ полной сторонѣ одна крѣпость построена быть имѣетъ, но токмо такимъ образомъ, что Порта полагать не могла сему въ скорости воспослѣдовать, а къ тому же и уповала быть гораздо далѣе внутри имперіи Вашего Императорскаго Величества, нежели нынѣ видѣть принуждена.

Сей Порты отзыв Римско-Цесарскаго интернуціуса барона Пинклера привелъ было въ крайнее недоумѣніе, чтобъ дѣлать имѣль, и болѣе полагалъ на доношеніе ко двору его принять, въ чемъ я отсовѣтывалъ, представя, что симъ не токмо на самой справедливости основанное Вашего Величества предпріятіе сумнительнымъ сдѣлается, но и Порту толь вище ободрить при претензіи своей настойть. Великобританскій же посолъ Портеръ безспорно моего мнѣнія былъ, что имъ отвѣтствовать должно. И такъ по многимъ разсужденіямъ

и совѣтованиямъ, напослѣдокъ съ согласія моего Портъ письменно отвѣтствовали, въ которыхъ отвѣтахъ хотя нерѣшительнымъ образомъ (чего они и сдѣлать не могли, безъ оказанія себя быть парціальными), но токмо одними своими разсужденіями, по нѣкоторыхъ комплиментахъ и въ равной силѣ, предъявили, что по ихъ мнѣнію третій артикуль мирнаго трактата обѣимъ сторонамъ въ отдаленныхъ отъ Азова границахъ крѣпости строить вольность не отнимается, да и ниже дружбѣ противно быть можетъ: ибо дѣло взаимное, и Порта съ своей стороны тоже сдѣлать можетъ, когда заблагоразсудитъ.

Оные отвѣты Портъ доставлены 15-го Іюня, и рейсь-эфендей тогда ничего не отвѣтствовалъ; по 18-го, призвавъ Цесарскаго переводчика, говорилъ: «Знатно-де посолъ и интернунціусь отзыву Порты имъ учиненнаго не поняли, или понять не хотѣли; но Порта сіе происшествіе неотмѣнно почитаетъ быть такъ противно трактату, какъ и регулатъ между потентами», и притомъ Порта отозвалась, что она отъ искренности ихъ ожидаетъ, что о ней при респективныхъ дворахъ своихъ тѣмъ доброе употребленіе сдѣлаютъ. А Англійскій посолъ сообщилъ, что Порта ихъ сильно просила, дабы они респективные дворы ихъ склонили Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору представить, строеніе вновь начавшеся крѣпости, яко служащей къ непремѣнному раздраженію дружбы, оставить.

Я онымъ министрамъ примѣтилъ, что обязательство ихъ все иногда желаемому противное произвести можетъ; ибо ежели-бы офиціи дворовъ ихъ при Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества дворѣ успѣха своего на возьмѣли, то не токмо Порта наиболѣе-бы раздражилась, но и на оные дворы нарѣкать можетъ, яко бы не съ тѣмъ чисто-

сердечіемъ старались, какого она ожидать причину имѣла; однакожъ отъ того ихъ отклонить не могъ. Интернуціусь Пенклеръ изъяснилися, что меньше сдѣлать не можетъ, какъ Порту обнадежить, что со всею подробностію двору своему донесеть, что 21-го числа и исполнилъ, прибавя, что онъ надѣется все поправиться, и счастливо пребывающая дружба во всей ея цѣлости пребудетъ.

Содѣйствованіемъ въ семъ дѣлъ помянутыхъ министровъ я доволенъ быть причину имѣю, и не соизволите ли, всемилостивѣйшая Государыня, Высочайше повелѣть при дворахъ ихъ Вашего Императорскаго Величества удовольствіе сказать, что бы для переду много ихъ поощрить могло. При семъ же и то всеподданнѣйше доношу: онъмъ алчно видѣть желается, чтобы сей камень преткновенія изъ средины вынять былъ, и нѣсколько соболѣванованія оказывають, что Порта раздражена въ такое время, когда она въ наиполезнѣйшихъ сентиментахъ находилась, и хотя бы для имперіума Вашего Императорскаго Величества оная крѣпость самонужнѣйшею быть имѣла, то и тогда, по малой мѣрѣ для консiderаціи дружбы, предварительно начатія дѣла, надлежало-бъ съ Портю сноситься. Болѣе же всего они опасаются, чтобы сіе не привело Порту на ближайшее съ Франціею соединеніе, и чтобы оная не поступила даже и на союзъ съ королемъ Прусскимъ, о которомъ столь давно домогаются.

Порта, до полученія и по полученіи отъ помянутыхъ союзныхъ дворовъ министровъ отвѣтствъ, чрезъ три дни мнѣ о семъ дѣлъ ничего не говорила, да и я ни о чемъ не вызывалася; а 18-го числа, Пиній, будучи при Портѣ, предъявилъ, что отъ пріѣхавшаго курьера изъ Киева увѣдомился онъ, что ва отправленнаго отсюда прaporщика Соловкова въ Балканахъ воры изъ ружья стрѣляли, и просилъ, дабы пристой-

ные указы посланы были обывателямъ о безопасности проѣзжающихъ курьеровъ почеченіе имѣть. Переводчикъ Порты ему, Пиню, при томъ говорилъ, что наиглавицѣшее наше теперь дѣло есть вновь вздуманная строиться крѣость, и пока сей камень преткновенія изъ средины не выметется, то все не инаково, какъ за развращенное дѣло почитагь должно. Можно сказать, и сю крѣость инако почитать не можно, какъ чирей на здоровомъ тѣлѣ, отъ котораго античнъ огонь прикипнуться можетъ; Порта всегда наирачительнѣйшею была, не смотря на разныя происшествія, которыя ей нѣкоторое неудовольствіе доставляли, дружбу содержать; чтѣ же нынѣ будетъ, то не довѣдомо. И какъ въ мое время столько хлопотливыхъ дѣлъ счастіемъ моимъ окончено, то уповать причина была, чтобы толь важное, какъ сіе, яко противное трактату и регуламъ всѣхъ протентатовъ случиться не могло, и стоить ли, чтобы для прикрытия десяти казаковъ раздражить такую имперію, которая дружбу распространить завсегда тщательно прилежала, и прочее сему подобное, служащее во увѣреніе, чтобы строеніе новоначинающейся крѣости оставлено быть могло.

Примѣчаніе канцлера графа Бестужева.

Такой отзывъ переводчика Порты подлинно весьма продерзостенъ; ибо не его дѣло вступаться въ разсужденіе о надобности или ненадобности защищенія новопоселемыхъ здѣшнихъ подданныхъ; а толь меныше принадлежитъ ему настѣхатъ о малости числа оныхъ. Но когда Ея Императорское Величество Всевысочайше припамято-вать изволить все происшествіе сего Сербскаго дѣла съ начала до нынѣ, то пайдется, что ему весьма инакому быть надлежало. Первое о принятіи оныхъ предложеніе основано было па увѣренії, яко бы Вѣнской дворъ сихъ людей самъ охотно отъ себя выживаетъ, хотя толь часть потомъ само оказалось, что сіе совсѣмъ

ложно и неосновательно было. Канцлеръ и тогда, когда еще думало, что принятие Сербовъ никакого затрудненія не найдеть, однакоже всенижайше представляль, чтобы для поселенія отвести имъ земли по Волгѣ, болѣе нежели въ Украинѣ пространныя, не менѣе обильныя и плодоносныя, а еще болыше требующія населенными быть, къ отвращенію Кубанскихъ и Киргись-Кайзацкихъ пабѣговъ, и гдѣ, наконецъ, поселеніе ихъ и построеніе для нихъ хотя-бы двадцати крѣпостей отиходъ никакихъ споровъ не повстрѣчало. Но однакожъ всевысочайше повелѣно сему селенію въ за-Днѣпрскіхъ мѣстахъ быть, и все оное дѣло въ вѣдомство и распоряженіе Сената поручено. Оставляя всѣ уваженія въ сторонѣ, ревностно слѣдовано только тому, чтобъ генералъ-майоръ Хорватъ, болѣе по пристрастію и первой горячести къ пріобрѣтенію отличности, не жели по знанію дѣлъ или по благоразумію представляль. Отъ того произошли было непрѣятныя съ Вѣнскимъ дворомъ холодности. Отъ того многимъ Малороссіянамъ разореніе, и оное оными Польши населеніе: ибо для одного Серба выгонялось съ отведенной имъ земли нѣсколько цѣлыхъ фамилій, кои почти всѣ въ Польшу перешли. И, ежели можно присовокупить, то отъ того же, наконецъ, претерпѣль канцлеръ въ цѣломъ при дворѣ собранія тяжкой гибкѣ Ея Императорскаго Величества, когда по сенатскому о поселеніи оныхъ Сербовъ опредѣленію (въ которомъ имѧнио написано было, чтобъ оныхъ селить, уступая отъ Польской границы по двадцати верстѣ) Ея Императорскому Величеству обще съ вице-канцлеремъ докладывалъ, чтобъ тому опредѣленію въ означеннѣ его прямой силѣ бытъ; а Сенатъ, тотъ часъ разумѣя сего опредѣленія перетолковавъ, представилъ, что тѣмъ разумѣть надобно, что тому поселенію отъ границы не далѣе тѣхъ двадцати верстъ, ио какихъ и по какой границѣ бытъ, хотя весь свѣтъ изъ сенатскаго самаго опредѣленія никако понять не можетъ, какъ что уступая двадцать верстъ за оными уже селиться должно.

Отъ того времени начались по малу сбираться и хлоноты съ Турецкимъ дворомъ, которые нынѣ до такой серьезности дошли и отъ которыхъ худыхъ слѣдствій толь больше опасаться надлежитъ; ибо хотя Порта до нынѣ весьма малую или и никакой вѣры не подавала учиненныи ей отъ ея пограничныхъ командировъ и отъ

постороннихъ недоброжелательныхъ внушеніямъ, а особливо о приемлении въ Новую Сербію безъ разбору подданныхъ ея Волоховъ, Молдавцовъ, и другихъ: то однакожъ нынѣ, будучи уже весьма огорчена, не токмо основательнымъ слухамъ, но и всякимъ вымысленіямъ полную вѣру подаетъ, чтѣ злонамѣреныхъ ободрить къ раздраженію ея трудиться; такъ что и самое малое, что изъ сего опасатсѧ должно, будеть ея съ королемъ Прусскимъ соединеніе, о которомъ уже только лѣтъ интриги безплодно производилися, а нынѣ здѣсь мы сами орудіемъ того были-бы.

Слѣдствія того, а особливо помышляя о случаѣ замѣщанія Польскихъ дѣлъ, весьма ужасными быть кажутся, и однимъ словомъ зрелага тенерь размысленія и уваженія требуютъ. Но отъ просвещеній Ея Императорскаго Величества прозорливости утаиться не можетъ, какія противу того мѣры принимать, которыхъ ускореніе наиважнѣйшимъ во всемъ дѣлѣ пунктомъ есть, дабы все дѣло прежде успоконть, нежели недоброжелательнымъ время достанется симъ происшествіемъ пользоваться, чѣмъ во первыхъ показалась бы дружба Портъ, и предупредились бы союзники очью ихъ стараніямъ приписывать, и тѣмъ больше себѣ нежели здѣшнему списхожденію у Портъ мерить пріобрѣсти; а па противу того, въ случаѣ медленія, хотя-бы и все по желанію Портъ сдѣлано было, она посторонними внушеніями и сама собою такъ раздражена уже будеть, что и никакого списхожденія признавать не похочеть; посторонніе же припишуть оное тогда единой боязливости и нуждѣ, а отнюдь не тому, что Ея Императорское Величество, единственno для общей тишины и покоя, по ся природному благоутробію, па показаніе угодности спизойти изволить.

На сіе Пинію я отвѣтствовалъ. Ничто такъ не удивительно какъ сіе Порты беспокойство. Предвидущее уже доказалъ, что сіе ни трактату не противно, ни дружбу, когда право судить хотять, раздражить не можетъ. Переводчикъ Портъ репликовалъ: она уже и такъ раздражена, а чтѣ впредь будетъ, то Богъ знаетъ; сожалѣтельно-де токмо о томъ, что толь искренняя дружба за ничто мѣшается. Рейсъ же эфен-

дій потомъ Пинію говорилъ, что я думаю о главномъ дѣлѣ, т. е. о крѣпости. Пиній отвѣтствовалъ быть не свѣдому, и приказу не имѣть о томъ что либо говорить; но какъ ему кажется къ прежде-предъявленному едва ли что прибавить имѣетъ. На сіе оный мицистръ сказалъ: «И Порта о томъ не думаетъ и отвѣту не даетъ, токмо почитаетъ сей поступокъ совершиено противенъ быль: 1-е, трактату; 2-е, регулямъ всѣхъ потентатовъ, ибо никоторой терпѣть не можетъ, чтобъ въ средимирѣ при границахъ крѣпости строились, и онъ мнѣ иного не рекомендуется, какъ прежнее, т. е. разсмотрѣніе трактата» И съ тѣмъ Пинія отпустилъ, приказавъ мнѣ приняться. По выходѣ переводчикъ Порты, повторя рейсъ-эфендію сказанное, продолжалъ: подлинно-де обращающіеся въ дѣлахъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свѣдомы, но которые въ не употреблениіи и въ праздности находятся, то ипаково помышляютъ, и между всѣми народами праздные ищутъ упражненія, а особливо здѣшній народъ, который о томъ столько вздыхаетъ, спѣчъ о войнѣ. И одно токмо благонамѣреніе и искусство сидящихъ на рулѣ дѣлъ оной воздерживаетъ. Возможно ли же будеть сіе дѣлать впредъ, а особливо съ духовенствомъ, яко наисильнѣйшимъ корпусомъ, и который когда о семъ происшествіи спознаетъ, безсумнѣнно весьма возгорится, то предсказать не можно.

На все вышедонесенное я 21-го числа отозвался переводчику Порты, что говоренное имъ 18-го числа я пріемлю яко отъ пріятеля, и такъ ниже Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору о томъ донесу, на противу того и ему такожъ дружескимъ образомъ знать даю, что желаніе и попеченіе мое есть единое и надмѣрное: дружбу распространять и все мѣшающее изъ средины вынимать; но притомъ обнадежиться можетъ, что я никогда не усумнюсь

высочайше мнѣ предписанное исполнить и вѣ на истинѣ основанные пріятные или непріятные резоны со всею твердостю предъявить, въ какомъ бы то случаѣ быть ни могло. Что же касается до той неѣдомости, которая по мнѣнію его изъ сего дѣла родиться можетъ, то ему сказать имѣю, что Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ дружбу Порты завсегда тщательно культивировалъ, чemu неисчислительные опыты она имѣть, да и продолжать то намѣреніе; притомъ же и сіе ему знать дать удержаться не могу, что первоначальная Вашего Императорскаго Величества двора максима никого не страшать, да и никакихъ угрозъ не бояться, будучи въ совершенномъ состояніи государство и права свои защищать, а можетъ быть покушающихся предписывать и въ раскаяніе привести, и хотя, какъ всему свѣту известно, содержитъ пресильную армію во всякой готовности однакожъ притомъ и во обузданіи. Потому мнѣ весьма было удивительно слышать говоренное имъ Пинію и едва ли сіе средствомъ тишину одержать и желанія достигнуть быть можетъ. На сіе онъ, переводчикъ Порты, отозвался, что прежде говоренное имъ за какія либо угрозы взято быть не должно; ибо онъ на сіе поступилъ, яко благонамѣренный человѣкъ и свѣдущій о здѣшней конституції, колико Порту, такъ народъ, какъ и духовныхъ, которыхъ, ежели о семъ произѣдаются, безсомнѣнно много шуму надѣлаютъ, менажировать должно, и ни въ какомъ другомъ намѣреніи, но единственно токмо чтобъ отвратить могущія быть изъ того худыя слѣдства.

Посему 18-го числа рейсь-эфендій Пинію говорилъ, что часто помянутая новая крѣпость совершенно трактату противна; Порта такъ почитаетъ, да и завсегда почитать будетъ, тронувъ притомъ въ всکользь, якобы и союзныхъ державъ съ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества

дворомъ министры съ семъ съ Портою единаго мнѣнія, и когда-бы дружба въ конфедерациіи была, то предварительно начатія надлежало-бы сноситься о мѣстѣ съ общаго согласія, и ежели строеніе онай крѣпости продолжаться будетъ, то Порта не никаково какъ въ явное нарушеніе трактата возьметъ, и что больше сего сказать ничего не имѣть; а какъ благонамѣреніе мое сей Портъ уже известно, то она отъ меня ожидается, что я о всемъ томъ Высочайшему Вашему Императорскаго Величества двору наилучшимъ образомъ представлю. И съ тѣмъ Нинія отпустилъ.

По толь точномъ изыясненіи и не имѣя, чтобъ болѣе къ успокоенію ся предъявить, будучи все то употреблено, еже въ силахъ моихъ быть могло, и дабы всуе толь наиболѣе не раздражить, за напристойнѣе призналъ отъ всякихъ отзывовъ воздержаться до получения Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія, какимъ образомъ я дальнѣйше по сему дѣлу вести себя имѣю.

Многіе думаютъ, что беспокойство Порты не о строеніи онай крѣпости, но опасается народной молвы и бунту, когда о семъ разгласится, и какъ примѣщаются повелѣніе салтанское, чтобъ сіе дѣло пріятнымъ образомъ разведено было, не подавая поводу къ дальнимъ холодностямъ; и посланной къ хану вновь указъ о воздержаніи Татаръ доказательствомъ тому быть имѣть. До получения же известій, какимъ образомъ все сіе Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ пріиметъ, на мѣрѣ положили спокойнымъ держаться; а когда по желанію Порты не сдѣляется, то по имѣнію тѣхъ же каналовъ, хотя войны, какъ кажется, по несклонности салтанской, опасаться и не должно, но холодности конечно будутъ надмѣрныя, а особенно когда настоящій рейсъ-эфендей въ мѣстѣ своемъ удержится, и можетъ быть

Порта къ противной сторонѣ приближится, и на давно чинимыя Французскимъ посломъ домогательства склонится.

При семъ же, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше донести смѣость пріемлю: чтó болѣе сіе дѣло разсматриваю, то важнѣйшимъ его нахожу, взявъ въ разсужденіе съ одной стороны, что предпріятое предъ глазами пограничныхъ народовъ оставить иногда Высочайшее Вашего Императорскаго Величества достоинство не дозволить, съ другой же此刻и и продолженіе, какъ предвижу, многія непріятныя и весьма предосудительныя слѣдства навести можетъ; потому что Порта, будучи огорченою, не только къ противной сторонѣ ближе пристанетъ, и на чрезъ толь долгое время чинимыя Французскимъ посломъ домогательства о соединеніи съ Пруссікмъ королемъ и прочее снизойдетъ, а и того со всею надежностью предсказать невозможно, чтобъ и до явнаго размѣрия не дошло со всею салтанскою къ тому несклонностію: ибо и нынѣ происками злостнаго рейхсъ-фен-дія духи весьма уже раздражены, и когда онѣ въ мѣстѣ останется, а къ тому ежели паче чаянія такихъ же мыслей и визирь прилучится, то въ здѣшней имперіи нѣтъ ничего невозможнаго, и въ такомъ случаѣ отчего Боже, сохрани! едвѣди и на союзниковъ считать можно, которые иногда прининать могутъ, яко-бы отъ стороны Высочайшаго вашего Императорскаго Величества двора тому поводъ поданъ; а Порта, какъ примѣчается, уже и мѣры свои принимаетъ, чтобы въ случаѣ недовѣдомости она начинальницею почитаема быть не могла.

Хотя此刻и о семъ Порты есть мало резонабельное и беспокойство ея сущное, которое безсумнѣнно Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору удивленіе доставить имѣть; однакожъ, Всемилостивѣйшая Государыня, такого свойства, что елико мнѣ по вышепредъягленнымъ ре-

зонамъ слабѣйше кажется, препенебрегать не должно, но надлежитъ искать способа сей соблазнъ изъ средины вынять, къ чему напристойнейше и достаточноеише было-бы оставленіе начатой работы. Но ежели же сіе совершино для Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора невозможнымъ дѣломъ есть, однакожъ для успокоенія Порты и увѣренія союзныхъ державъ съ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества дворомъ, что отъ стороны Вашего Императорскаго Величества Порта конечно не заѣщлена, что пифудь сдѣлать должно и въ самонужномъ случаѣ, елико мнѣ скудоумно кажется, нѣсколько послужить можетъ, когда по точнѣйшемъ увѣрѣнїи о миролюбительныхъ Вашего Императорскаго Величества сентиментахъ и истинной склонности съ Портою продолжительно дружбу культивировать, отозваться всемилостивѣйше повелѣть соизволите, что начатіе строенія сей крѣпости, хотя будучи основано на неоспоримомъ правѣ, и Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ ниже когда представить себѣ могъ, чтобъ онимъ Портъ какое либо напмигѣйшее непріятство доставиться имѣло, но совсѣмъ тѣмъ для консiderаціи соѣдственной съ пею дружбы, и сіе охотно бы оставилъ, когда-бъ она дружескимъ образомъ, и какъ добрымъ соѣдамъ надлежитъ, безъ угрозъ и жару, о томъ отзвалась, а того меныше на трактатѣ требовало свое основывать имѣла, изъ котораго конечно того вывестъ не можетъ.

Симъ, елико мнѣ мнится, хотя ей ничего не обѣщается, однакожъ и надежда не совсѣмъ отнимается; а какъ къ тому времени осеннее время настать имѣеть, въ которое всякия работы пресѣкаются, то положить можетъ, что во угодность ея то сдѣлано; до будущей же весны дѣло позастарѣеть, и можетъ быть не съ толикою непріятностью слѣдимо будетъ.

Доношеніе графа А. П. Бестужева императрицѣ Елизаветѣ о поимкѣ секретаря Д. В. Волкова.

1754.

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Канцлеръ при семъ всенижайше подноситъ копію съ инструкціи, данной Астраханскаго полка сержанту, котораго онъ для ускоренія въ сысканіи ушедшаго секретаря Волкова, и по подозрѣнію, что взявъ онъ бланкетъ до Москвы, иногда дѣйствительно туда и поѣхалъ (еще до полученія чрезъ Александра Борисовича Бутурлина всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія объ отправлениіи за нимъ, съ командою гвардіи, брата его артиллеріи адъютанта) по большої Московской дорогѣ и въ Москву отъ себя послалъ. Но печаятельно, чтобъ его тамо нашли, потому что присланной между тѣмъ для отправленія къ канцлеру адъютантъ Волковъ еще и вчерась неотмѣнно на свое мѣсто, Ея Императорскому Величеству уже поднесенному, объявленіи утверждался, что, конечно, братъ его, секретарь Волковъ не въ Москву уѣхалъ. Но какъ вчерась же въ вечеру всевысочайше канцлеру повелѣно отправленіе его до дальнаго указа

остановить, то канцлеръ его у себя въ домѣ и держать приказацъ, а сегодня по-утру онай адъютантъ Волковъ съ присланнымъ отъ графа Александра Ивановича Шувалова офицеромъ въ препровождениі двухъ гранодеровъ отпущенъ.

5-го Декабря 1754 г.

Копія съ инструкції, данной отъ канцлера Астраханскаго пѣхотнаго полку сержанту Григорью Головину.

Понеже находящійся при моей канцеляріи секретарь Волковъ предъ нѣсколькими днями отсюда безъ вѣдома моего отлучился, а какъ извѣстно учинилось, что онъ путь свой въ Москву предпринялъ, то отправляешься ты съ двумя гранодерами вслѣдъ за нимъ и слѣдующес исполнять имѣешъ.

1) Щать тебѣ отсюда по большой дорогѣ въ Москву, и притомъ во всѣхъ деревняхъ и по всѣмъ станціямъ и харчевнямъ спрашивать, не проѣзжалъ ли помянутой секретарь Волковъ, котораго ты самъ въ лицо довольно знаешь, и въ прибавокъ къ тому еще сіе служитъ, что шуба съ нимъ большая велчья, подложена дикимъ камлотомъ, кафтанъ и камзолъ суконные бѣлаго цвѣту, шапка черная овчиная украинская, по которому платью его и примѣтать.

2) Буде ты въ дорогѣ услышаний о его проѣздѣ, то съ поспѣшиенiemъ за нимъ тебѣ слѣдоватъ, и когда его настигнешь, имѣешь его остановить и безъ всякаго огорченія назадъ его поворотить, и съ нимъ сюда обратно щать, присматривая за нимъ, чтобы онъ шагою или пожемъ себя не повредилъ, и для того оные тотчасъ у него отобрать. Буде же становеть онъ противиться, тогда можешь ты и силою его, яко бѣглеца, взять и сюда привезти, чего ради и двое гранодеровъ тебѣ приданы, также и находящіяся при немъ письма и деньги отъ него отобрать и подъ своимъ охраненіемъ везти.

3) Ежели ты, въ Москву пріѣхавъ, нигдѣ въ дорогѣ объ немъ не услышишь, то освѣдомиться тебѣ о немъ въ Москвѣ у отца его, и буде отецъ тебѣ его покажеть или скажеть, гдѣ онъ находится, то имѣешь ты, сыскавъ его, по вышеписанному сюда препроводить, а буде и въ Москвѣ объ немъ никакого слуха не будетъ, то возвратиться тебѣ сюда назадъ.

4) Для поспѣшенія въ дорогѣ дана тебѣ подорожная на двѣ подводы и денегъ тридцать рублевъ, которыя ты для ускоренія твоего пути употреблять имѣешь.

Декабря 4 дня 1754 г.

О СТРОЕНИИ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

(1755).

Указали мы генералу-лейтенанту Фермору нашъ въ Санктъ-Петербургъ Зимній Дворецъ строить, въ немаломъ пространствѣ, къ чему потребно великое число всякихъ матеріаловъ, такожъ мастеровыхъ и работныхъ всякаго званія людей, чтобъ все надлежитъ заранѣе заготовлять, такожъ мастеровыхъ и работныхъ всякаго званія людей собрать, въ чемъ во всемъ сильная помощь потребна, для которой мы указали нашему Сенату учинить слѣдующее.

1) Для заготовленія камня, на известь и на плиту въ фундаменты и на обжегъ кирпича и извести дровъ, такожъ и лѣсовъ ординарной мѣры и большихъ маштовыхъ, рѣки, видающія въ Волховъ и въ Ладожской каналь, такожъ и въ Неву-рѣку, Тосну, Мю и другія рѣки, по которымъ что можно достать, отдать въ вѣдомство канцеляріи о строеніи на три года, до будущаго 1758 году, чтобъ никто ни лѣсовъ, ни дровъ, ни камня тамъ на иные работы не заготовлять, кроме оной канцеляріи; а лѣсъ на строенія и на дрова, какъ въ Адмиралтейство, такъ и въ гошпитали и въ гарнизонные

полки потребное число безъ излишества имѣеть оная канцелярія отвесть. А заготовленные дрова и лѣса, которыми оныя рѣки загорожены, чиыбъ опыя ни были, взять всѣ съ пизу оныхъ рѣкъ въ канцелярію о строеніи; а въ тѣ мѣста отдать заготовленныя въ вершинахъ оныхъ рѣкъ, и чтобы никакая команда оныхъ рѣкъ лѣсами и камнемъ не занизала и тѣмъ выгону по тѣмъ рѣкамъ нашего казенного остановки учинено не было, о томъ публиковать нашими указами. А ежели самыхъ большихъ лѣсовъ, какъ маштовые, по тѣмъ впадающимъ въ Волховъ, въ Ладожской каналѣ и въ Неву, рѣкамъ не сыщется: то оные рубить по Волхову и по Метѣ, по Свирѣ и Сясь рѣкамъ, гдѣ сыщутся, позволить сколько потребно. А дубового лѣсу сколько наберется изъ забракованыхъ отъ корабельного строенія, и что новыхъ вырубить потребно будетъ, оные по мѣрамъ отъ оной канцеляріи на пристаняхъ отдавать и вновь рубить Адмиралтейской Колледгіи позволить.

2) Добрыхъ каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовыхъ, слесарей, столяровъ, къ мѣднымъ работамъ мастеровъ литейныхъ и чеканщиковъ, рѣзчиковъ, золотарей по дереву, живописцовъ, квадраторовъ и штукатуровъ, гончаровъ, какіе гдѣ есть казенные, а именно подъ вѣдомствомъ Военной и Адмиралтейской Колледгіи въ Кронштадтѣ, у канала, посланныхъ отъ ревизіи, на Охтѣ, на заводахъ оружейныхъ въ Туль и на Сестрѣ-рѣкѣ, въ артиллеріи и въ полкахъ полевыхъ и гарнизонныхъ, тѣхъ всѣхъ отдать по реестрамъ оной канцеляріи отъ строенія. А которые вольные изъ найму работали, тѣхъ, чиыбъ они ни были, изъ купечества, разночинцовъ и кои по нарядамъ къ панимъ работамъ высыпаны были изъ Москвы по реестрамъ же оной канцеляріи, всѣхъ, собравъ парядомъ, а не подрядомъ, выслать отсюду, гдѣ бѣ они ни были, для

чего отправить нарочныхъ изъ нашей лейбъ-гвардії офицеровъ, которыхъ мы повелѣли для того командировать. А которые работы потребны дѣлать въ Тулѣ и на Сестрѣ-рѣкѣ, тѣ всѣ по моделямъ, данныемъ отъ оной канцеляріи, велѣть дѣлать; а за работы такожь и высылаемыи по нарядамъ на проѣздъ и за работы жъ имѣеть платежъ производимъ быть съ довольствомъ отъ оной канцеляріи.

3) Для работъ при ономъ строеніи командривать три тысячи человѣкъ солдатъ изъ напольныхъ полковъ съ принадлежащими числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ съ перемѣною; да особливо для смотрѣнія надъ работами и къ приходамъ и расходамъ денежной казны и всякихъ матеріаловъ и для посылокъ къ отправленію всякихъ дѣлъ въ разныя мѣста изъ напольныхъ же полковъ оберъ-офицеровъ десять, унтеръ-офицеровъ десять же человѣкъ, за выборами полковыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ на все время строенія безъ перемѣны. Въ науку разнымъ мастерствамъ солдатскихъ дѣтей изъ гарнизонныхъ школъ, обученныхъ грамотѣ, читать и писать и ариѳметикѣ, выбравъ сто человѣкъ, отдать въ оную канцелярію отъ строеній.

4) Впрочемъ чего здѣсь и не написано, а канцелярія отъ строеній будетъ требовать отъ которой коллегіи, канцеляріи или губерніи и провинціи какаго исправленія или во ономъ вспоможенія, то все велѣть исправлять безъ остановки, безъ дальнихъ переписокъ. И повелѣваемъ нашему Сенату учинить по сему нашему указу и о всемъ, о чёмъ куды надлежитъ, послать наши указы.

Докладъ объ иностранцахъ.

Бригадиръ Лафонъ, въ пополненіе своего прежняго проекта о вызовѣ и приглашеніи изгнанныхъ за вѣру изъ отечества своего Французовъ ремесленныхъ и иного званія людей на поселеніе въ Россійскую Имперію, подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ объяснительное представление со миѳіемъ, чтобъ для толь лучшаго приласканія ихъ на такое поселеніе, какъ проектированый имъ манифестъ, такъ и тѣ кондиціи, на которыхъ оные Французы удобнѣе приняты быть могутъ, чрезъ газеты публикованы и повсюды обнародованы были.

Оное Лафоново представление въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ приглашеніемъ его, Лафона, прилежно разсмотривано, и потому проектъ того публикуемаго манифеста, сколько возможно было, на основаніи даннаго отъ Его Императорскаго Величества блаеженнаго и вѣчно достойнаго памяти Государя Петра Великаго, Мануфактуръ-Коллегіи регламента, сочиненъ и на высочайшую Вашего Императорскаго Величества апробацію при семъ всенижайше подносится. А при томъ отъ оной Коллегіи всеподданнѣйше представляется, соизволите ли Ваше Императорское Величество на такомъ основаніи привилегіи и выгоды помянутымъ выходцамъ Французамъ и иныхъ націй вольнымъ ремесленнымъ людямъ всемилостивѣйше ножаловать и высочайше повелѣть о томъ чрезъ газеты публиковать. И въ такомъ случаѣ, ежели Вашего Императорскаго Величества высочайшее на то соизволеніе будетъ, всемилостивѣйше указать оного бригадира Лафона съ порутчикомъ Паскалемъ въ Германію для исправленія того дѣла отправить и сходственno тамъ его инструкцію снабдить. А при такомъ отправленіи его, Лафона, опредѣлить ему на дачу онымъ выходцамъ по разсмотрѣнію его для вспоможенія въ выездѣ ихъ въ Россію и на другое необходимо-

случающіеся по сей комиссіи расходы сумму, состоящую въ десяти тысячахъ рубляхъ, да на дорожнія иждивенія выдать ему, Лафону, пять сотъ червонныхъ; а порутчику Паскалю двѣсти червонныхъ. И сверхъ того еще во все то время, сколь долго они, Лафонъ и Паскаль, въ Германіи для оной комиссіи пробудутъ, на тамошнее ихъ содержаніе (кромѣ окладнаго ихъ жалованья) давать имъ Лафону на мѣсяцъ по сту, а Паскалю по пятидесяти рублей, считая съ отъѣзду ихъ за границу.

А пошеже въ 6-мъ артикулѣ прилагаемаго при семъ проекта упомянуто, что и министры Вашего Императорскаго Величества, обрѣтающіеся при союзныхъ съ Вашимъ Величествомъ дворахъ, реченымъ выходцамъ для проѣзда въ Россію по разсмотрѣнію денежнное вспоможеніе давать будуть; того ради всеподданнѣйше представляется: не соизволите ли Ваше Императорское Величество на такія дачи десять тысячъ рублей опредѣлить и сюю сумму чрезъ вексели къ онымъ министрамъ перевестъ повелѣть?

Проектъ манифеста.

На учиненное намъ отъ нашего министерства доношеніе, что нѣкоторыя фамиліи ремесленниковъ, вышедшия недавно изъ Франціи, коихъ разность вѣры принудила оставить отечество ихъ, будучи понуждены въ иностранныхъ земляхъ искать себѣ убѣжища, всенижайше наась просили о дозволеніи имъ такой милости, дабы они могли въ которой либо части изъ земель нашего обладанія прибѣгнуть: мы, желая симъ несчастнымъ выходцамъ и всѣмъ другимъ вольнымъ людямъ, въ Европѣ разсѣяннымъ, какого бы они христіанскаго закона ни были, и которые никакого прибѣжища себѣ не имѣютъ, а свободу имѣть могутъ на житѣе переходить куда похотятъ, дать чувствовать дѣйствія нашей щедроты, министер-

ству нашему повелѣли отвести имъ мѣста на доброй и пло-
доносной землѣ, на рѣкѣ ли Волгѣ, недалеко оть столицы
нашей Москвы или въ другихъ, какъ лѣсными, такъ и про-
чими угодьями изобилынхъ и плодоносныхъ провинціяхъ на-
шихъ, и столько имъ дозволить привилегій, правостей и воль-
ностей, дабы они причину имѣли сознать наше намѣреніе
помогать въ ихъ недостаткахъ и, поправляя ихъ состояніе,
подать причину во всему жизнь прославлять славное наше го-
сударствованіе и благодаренія возсылать за нашу Императорскую
протекцію.

За сею публикацію внести въ тужъ газету слѣдующее
увѣдомленіе:

Сколь скоро министерство соизволеніе Ея Императорскаго
Величества Всероссійской получило отвести земли, какъ
для сихъ отечества лишающіхся Французовъ, такъ и для
всякаго, какъ выше упомянуто, ремесленника, свободу имѣ-
ющаго на житѣе переходить куда похочеть и желающа-
го пользоваться всѣми проиходящими отъ поселенія въ сей
Имперіи выгодностями, тотчасъ помышляло оно такую удоб-
ную персону пріискать, которой бы сіе поселеніе пору-
чить и, усмотря, что бригадиръ Лафонъ напоспѣшнѣйшимъ
къ тому есть, тотчасъ отправлены къ нему указы, чтобы
онъ, оставя при армії бригаду свою въ Украинѣ, ко двору
Ея Императорскаго Величества пріѣхалъ; гдѣ, по пріѣздѣ его,
на первый случай и пока впередъ еще полезнѣйшія учреж-
денія учтены быть могутъ, съ высочайшей Ея Император-
скаго Величества запробаціи постановлено слѣдующа конди-
ція дозволить:

1-е. Будутъ оные пришельцы пользоваться съ пріѣзду сво-
его въ Россійскія области всею вольностю исповѣданія вѣ-
ры своей, какъ сами, такъ ихъ потомки, и имъ позволится

имѣть церкви и пасторовъ своихъ, равно какъ такую же свободу въ вѣрѣ, какъ всѣ другіе въ Российской Имперіи живущіе разныхъ націй люди имѣютъ.

2-е. Возыムъютъ совершенную свободу, какъ отъ пошлинъ, такъ и отъ всякихъ податей чрезъ двадцать лѣтъ; такимъ образомъ, что весь плодъ всей ихъ работы имъ же въ пользу будетъ.

3-е. Учредяются комиссары, какъ отъ Ея Императорскаго Величества, такъ и отъ ихъ собственной націи, дабы они вообщѣ отправляли дѣла и обѣ оныхъ представляли въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ *).

4-е. Въ случаѣ ежелибъ кто впредъ пожелалъ о возвращеніи своеемъ изъ Российской Имперіи просить, ему тотчасъ паспортъдается щѣхать, куда самъ пожелаетъ.

5-е. Въ отводимыхъ имъ мѣстахъ подастся имъ всевозможное вспоможеніе такъ материалами, какъ и деньгами для построенія города.

6-е. Для поспѣшествованія выѣзда ихъ въ области Российской Имперіи къ пребывающимъ при союзныхъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ Всероссийской дворахъ Ея Величества министрамъ указы отправятся, сколько имъ денегъ давать, чѣмъ бы имъ по состоянію каждого на проѣздъ удовольствовать можно было. И такъ они могутъ къ нимъ адресоваться.

7-е. Ежели кто изъ вышепомянутыхъ, въ Российскую Имперію приходяющихъ, людей особливо себя предъявить и въ состояніи будетъ завести какую либо фабрику, чтобы напри-

---

*.) Назначеніе на Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе всенижайше предоставляемъ: въ которой Коллегіи имъ вѣдомымъ быть повелѣно будетъ.

мѣръ сукна, дражеты, саржи, фризы или другихъ рукъ парчи шерстяныя и щелковыя дѣлать, также и полотна ткать, то ему въ началь для заведенія такой фабрики учинена будетъ изъ казны Ея Императорскаго Величества денежнай ссуда безъ процентовъ, токмо бы они впредъ опую ссуду въ уреченные годы по частямъ обратно въ казну выплатили. А сверхъ того оный фабриканть награждены быть имѣть какъ на его персону, такъ и для потомковъ его, въ вѣчное владѣніе землею, содержащею въ себѣ пашню, отъ двухъ до шести паръ воловъ, съ толикими же семьями крестьянъ для земледѣльства, поелику сія вознамѣренная фабрика награжденія заслуживаетъ *).

8-е. Въ разсужденіи того, что называется вообще ремесленный человѣкъ, какъ шерстяной мастеръ, ткачъ и прочие, шелковыхъ, также мѣдного, желѣзного, стального, рѣзныхъ, токарныхъ и другихъ всякихъ мелочныхъ и крупныхъ работы мастеровые люди, которые сами особливыхъ фабрикъ завести не могутъ быть въ состояніи, то имъ пропитаніе и содержаніе давано будетъ чрезъ одинъ годъ съ приѣзда ихъ въ Россію.

9-е. Ежели нѣкоторые изъ тѣхъ пришельцовъ по какимъ особливымъ обстоятельствамъ еще другихъ кондицій и привилегій востребуютъ, и о такомъ своемъ требованіи представлять будутъ, то имъ тогда по обращенію обстоятельствъ въ томъ толь склонное рѣшеніе учинено быть имѣть, какого они отъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества праводушія надѣяться могутъ.

---

*). По всеподданнѣйшему Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ миѣнію, можно толикое небольшое число крестьянъ давать изъ находящихся въ близости къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя фабрики заведутся, изъ дворцовыхъ волостей изъ отписныхъ, буде какія случатся.

Въ окончаниі же всего того присовокупить и разсужденіе яко-бы отъ самого газетира происходящее:

По сей щедротѣ и милости Ея Императорскаго Величества, всякий рукомесленный человѣкъ не имѣть уже нужды искать счастія въ другихъ видахъ Европы мѣстахъ, ибо Россія представляетъ ему такія хорошаго положенія земли, какія только въ свѣтѣ сыскаться могутъ, и которыя такія преизрядныя и изобильныя паства производятъ, что всякие съѣстные припасы весьма дешевою цѣною покупаются, такъ что во всей Европѣ нигдѣ такой дешевизны, конечно, не имѣется.

Его превосходительство Иванъ Ивановичъ Шуваловъ долженъ мнѣ *).

ВЫИГРАНО:	РУБЛИ.
Въ фаро выигралъ у его превосходительства пять соть рублей.....	500
Въ Царскомъ Селѣ, какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста пятьдесят рублей.....	450
Съ нимъ же, какъ играли, выигралъ тридцать рублейъ	30
Съ нимъ же выигралъ триста сорокъ восемь рублейъ	348
Въ фаро выигралъ у его превосходительства восемь соть рублей....	800
Съ князь Петромъ Ивановичемъ Репнинымъ въ два тура выигралъ восемь соть девяносто рублей....	890
Въ дежурной въ ломберъ съ Хитровымъ пятьсотъ восемьдесятъ рублейъ.	580
Въ дежурной выигралъ у его превосходительства триста рублей..	300
Съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, какъ за него игралъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, триста пятьдесятъ рублей.....	350
Въ два тура выигралъ у его превосходительства пятьсотъ восемьдесятъ рублей.....	580
Еще выигралъ триста семьдесятъ рублей..	370
Да какъ были въ домѣ брата моего выигралъ сто девяносто рублей.....	190
Въ фаро въ дежурной выигралъ у его превосходительства шесть соть рублей..	600

*) Т.-е. графу Роману Ларіоновичу Воронцову. П. Б.

	Рубли
Какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста рублей.....	400
Въ Москвѣ 20 Декабря 752 году выигралъ у его пре- восходительства въ фаро тысячу двѣсти восемьдесятъ рублевъ.....	1280

П Р О И Г Р А Н О:

	Рубли.
Въ фаро проигралъ его превосходительству сто рублевъ.....	100
Въ ломберъ проигралъ его превосходительству въ Іюль мѣсяцъ четыреста пятьдесятъ рублей.....	450
Въ билліардъ пятьдесятъ рублей.....	50
По записному туру съ Ея Величествомъ двѣсти трид- цать рублей.	230
На имянинахъ его превосходительства Ивана Ивано- вича долженъ остался сто десять рублей..	110
За пѣтуха проигралъ десять рублей.....	10
За брата графа Ивана Ларіоновича сто пятьдесятъ рублевъ...	150
Въ имянины проигралъ пятьдесятъ рублей.....	50
Въ фаро проигралъ триста рублей.	300
Въ Москвѣ въ фаро проигралъ я шестьсотъ рублей	600
Получилъ я отъ его превосходительства сто рублей	100
Въ Москвѣ получилъ отъ его превосходительства три- ста рублей....	300
Да еще получилъ я сто рублей...	100
Да червонными отъ его превосходительства забрано и проиграно и переведенныхъ.....	720

Изъ писемъ Неплюева къ графу М. Л. Воронцову.

1.

Не безъизвѣстно вашему высокографскому сіятельству, что въ прошломъ 1750 году отправленъ отъ меня небольшой караванъ въ Индію для пробы съ здѣшними Татарами, о ко-торомъ я думалъ, что пропалъ; но на прошедшей недѣлѣ сего Генваря въ караванѣ нѣкоторые наши, возвращающіеся изъ Хивы, также Хивинцы и Бухарцы, сюда прибыли и при-везли золота, серебра, товаровъ, кромѣ камней, всего на двѣ-надцать тысячи рублей. Не столько я каравану радъ, сколько тому, что помѣшанный въ прошлой осени путь, по прило-женнымъ отсюда стараніямъ, очистился; потому надежда къ большему есть. Чрезъ тѣхъ прибывшихъ я увѣдомилъ, что вышеозначенные Татара изъ Индіи выѣхали благополучно и до Меки доѣхали, а оттуда чрезъ Туркію возвратятся. Хотя весьма сіе не дорога; но понеже въ томъ караванѣ всѣ Маго-метанцы, то видно, что, профитуя оказію, ъздятъ по сво-ему суевѣрію для поклоненія ихъ богомерзкимъ чтилищамъ.

Нурали-ханъ Киргизской зимуетъ внизъ по Яику нынѣ съ большею частію своихъ улусовъ, между Казачьева и Гурь-ева городковъ. И впрочемъ здѣсь все благополучно.

Всепокорнѣйший и предолжающій слуга

Иванъ Неплюевъ.

Изъ Оренбурга, Генваря 27 дня 1754.

P. S. Его превосходительству любезному вашему братцу Роману Ларіоновичу покорно кланяюсь, и чрезъ сie доношу, что человѣкъ его подрядился къ поставкѣ вина слишкомъ на 3000 ведеръ, цѣною по сороку по семи копѣекъ ведро. Цѣна, кажется, авантажна, чтò мнѣ знаемо довольно.

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сiятельства милости дерзаю приложить одинъ пакетъ къ зятю моему Михаилу Купріановичу Лушину, о вѣрной пересылкѣ котораго покорно прошу; ибо включены пѣкоторыя вѣдомости по землянымъ дѣламъ Новгородскихъ моихъ деревень.

2.

Изъ Оренбурга, отъ 13 Октября 1755.

Ваше сiятельство соизволите усмотрѣть изъ доношеній моихъ, что въ Башкиріи нынѣ поусмирѣло; токмо отъ Киргизъ-Кайсацъ съ бѣглыми Башкирцами беспокойства и пакости продолжаются. Желаю господину Тевкелеву преуспѣянія, и все, яко подчиненной, по его требованіямъ, надобное ль что или нѣтъ, исполнять простираюсь. А въ самомъ дѣлѣ мнѣ состояніе Киргизъ-Кайсацкаго народа не токмо отъ Бакунина, но и самого его Тевкелева понятно; но все то оставляю, токмо чтобъ желаемой успѣхъ былъ, чего и я желаю, и на томъ основаніи ему споспѣшествую.

Хотя старъ и слабъ нахожусь, но настоящія суеты меня сокрушили и въ вящую слабость привели. Но когда Божіими судьбами то къ моей должности принадлежить, тому повинуюся, сколько Его всемогущей помочи мнѣ подастся и смысла до послѣдняго моего издыhanія въ пользу Ея Императорскаго Величества и интересовъ стараться не премину, какъ и долженъ.

Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

Изъ сего письма усматривается, что посылка г-на Тевкелева въ Оренбургъ иѣсколько беспокойства причинила, и можетъ быть, г-шъ Неплюевъ думаетъ, что благополучное окончаніе Башкирскихъ дѣлъ будетъ больше причленено въ услугу г-ну Тевкелеву, нежели ему. Хотя присутствіе дѣйствительнаго тайного советника Неплюева въ Оренбургѣ весьма нынѣ нужно, токмо по довольно дозволенной и испытанный его вѣрности и искусству въ штатскихъ дѣлахъ, онъ истинно для важнейшихъ государственныхъ дѣлъ больше здѣсь нуженъ, о чемъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшее намѣреніе есть онаго къ дѣламъ здѣсь опредѣлить.

Записка въ публичную экспедицію коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для Высочайшаго извѣстія.

Ея Императорское Величество соизволила вице-канцлеру словесно указать, чтобы пріѣхавшаго сюда извѣстнаго Татарина Нагайца, не задерживая болѣе здѣсь, отправить такимъ порядкомъ, какъ Ея Императорскому Величеству отъ Коллегіи поданъ докладъ, которой послѣ подписать и съ Высочайшею апробациею возвратить соизволить; того ради, въ силу сего Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, имѣеть быть немедленно учинено надлежащее исполненіе.

25 Октября 1755 года.

ГЕТМАНЪ ГРАФЪ РАЗУМОВСКІЙ И А. В. ОЛСУФЬЕВЪ.

Въ этихъ пререканіяхъ любопытна борьба представителя Малороссії (который опирался на силу своего брата при Государынѣ) съ молодымъ Великороссіяниномъ, недовѣрчиво относившимся къ гетманскимъ правамъ и попыткамъ обособленія. И. Б.

Копія съ своеручного записа¹ного голосу и своеручныхъ же помѣтъ церемоніймейстера Олсуфьева на оригиналъныхъ листахъ, поданныхъ отъ гетмана къ высочайшему лицу Ея Императорскаго Величества.

1754—1755.

На подачу въ Сенатъ присланнаго ко мнѣ въ концептѣ доношенія по дѣлу Крыжановскаго и Грска Юрьева во удовольствіе его сіятельства господина гетмана согласиться я не могу, пока, переговоря съ Иваномъ Осиповичемъ *), не представляю его сіятельству вице-канцлеру моихъ резоновъ, по которымъ, какъ мнится, отбывательства и уклоненія отъ должно-послушнало исполненія по Высочайшему именному указу ни для какихъ представлений гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ пуримъромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимос отъ апелляцій итъ его рѣшенія исключеніе утверждать (съдовательно, въ чемъ захочетъ, указъ не повиноваться) поводъ получитъ. Адамъ Олсуфьевъ.

---

¹) Пуговищниковымъ. И. Б.

На листъ отъ 3-го Декабря 1754 г.

Примѣтить должно, что и въ семъ листѣ упоминается о *Миргородскомъ полковнике Остроградскомъ*, котораго его сіѧтельство господинъ гетманъ, не имѣя къ тому отнюдь никакой власти и дозволенія, въ противность прежніихъ и послѣдняго въ *Мартъ* мыслящъ нынешняго года при докладѣ отъ Коллегіи состоявшагося Высочайшаго Ея Императорскаго Величества имяннаю указа, самъ собою въ полковники произвелъ: слѣдовательно въ непремѣнное по онymъ имяннымъ указамъ исполненіе о поправленіи сего несходства стараться всемѣрно должно.

•
Примѣчаніе гетмана.

Гетманъ посланнымъ въ Коллегію листомъ къ лицу Ея Императорскаго Величества себѣ собственно никакого удовольствія не просилъ, а донося о справедливости дѣла, просяль удовольствія обидимому, съ показаніемъ, что Грекъ Юрій дерзнулъ Ея Императорское Величество утруждать своимъ чelobit'емъ облыжно: ибо онъ просилъ гетмана дѣло его рѣшить здѣсь, чего однакожъ ни по какой мѣрѣ безъ разоренія многихъ невинныхъ людей учинить было невозможно, такъ какъ въ дѣлѣ о томъ явствуетъ; тѣмъ больше, что Грекъ оказывается въ дѣлѣ своемъ неправъ. Въ чемъ нынѣ и Правительствующій Сенатъ съ представлениемъ гетманскимъ согласно поступилъ, а не такъ какъ Олсуфьевъ того требовалъ.

Господинъ Олсуфьевъ, сверхъ должности своей, съ немалою обидою сей толкъ наводить, что гетману ни для какихъ резоновъ, то есть, хотя бы-де Грекъ и не правъ былъ, дозволять не надобно по его представлениямъ тѣкатъ, дабы-де гетманъ, который и безъ того отбываетъ и уклоняется отъ по-

слушанія указовъ монаршихъ, поводъ паче не взялъ не повиноваться своей Государыни.

Гетманъ, имѣя въ памяти неизреченныя милости монаршія, которыми онъ не по заслугамъ, но единственно по неизреченному Ея Императорскаго Величества великодушію обогащенъ, не можетъ никогда столь подлыя мысли и неблагодарное сердце къ своей всемилостивѣйшей Самодержицѣ имѣть, какъ оный Олсуфьевъ его описывается. Сие паче всего чувствительно гетману, что сей противу его зломъ дышущій человѣкъ приписываетъ ему злоухищренные поступки, то есть, *како бы гетманъ отбываетъ и уклоняется вымысленно отъ повиновенія имянныемъ Ея Императорскаго Величества указамъ, и прои., чѣмъ самимъ видимо онъ Олсуфьевъ старался затмить гетманскую вѣрность, признаніе и вѣчную благодарность за всѣ оказанныя милости Ея Императорскаго Величества, и тщился, какъ видно, съ какимъ ни есть злымъ своимъ намѣренiemъ, гетмана записать въ Коллегіи непокоривымъ, вѣроломнымъ рабомъ Монархинѣ своей, чтѣ всего въ свѣтѣ несноснѣе. Ибо гетманъ лучше желалъ бы умереть, нежели когда либо быть подобнымъ такому человѣку, какого Олсуфьевъ въ своемъ записанномъ голосѣ представляеть. И то самое свое зло противу невиннаго гетмана старался для достопамятства вѣчною своей руки запискою оставить въ Коллегіи.*

*

На оригинальномъ листу отъ гетмана отъ 28 Ноября 1755 приписано собственною рукою церемоніймейст. Олсуфьева:

Понеже по собственному же его сіятельства г-на гетмана показанію изъ собираемыхъ въ скарбъ войсковой доходовъ опредѣлена въ оной изъ таможенныхъ сборовъ сумма 48147

рублевъ 85 коп., которую повелѣно употреблять на указные расходы; а изъ прежнихъ доходовъ вслѣдствіе того разныи неуказныи расходамъ выбыть надлежало, напримѣръ производившееся жалованье изъ скарбу войсковоаго совѣтнику Теплову, архитектору Ринальди, капельмейстеру, трубачамъ: того ради въ резолюцію на сіе доношеніе, какъ мнится, надобно отписать къ его сіятельству, чтобъ и на сіи бригадиромъ Делатуромъ требованныя исправленія отпускать изъ сей же на скарбъ войсковой опредѣленной суммы; а по окончаніи года, въ силу прежней грамоты, прислалъ бы надлежащиі всѣмъ расходамъ подробный счетъ, изъ котораго, буде усмотрятся какіе недостатки, то по тому впредъ размотрѣніе и опредѣленіе учинены быть могутъ.

Примѣчаніе гетмана.

Совѣтникъ Тепловъ по имянному Ея Императорскаго Величества указу отправляетъ при гетманѣ многія дѣла, положенные по его гетианскимъ чинамъ и должностямъ, и потому что Ея Императорское Величество на прошеніе гетманское указать изволила быть ему совѣтнику при немъ для его гетманскихъ дѣлъ; слѣдовательно онъ Тепловъ не въ отставкѣ, но въ службѣ Ея Императорскаго Величества дѣйствительно находится, за которую и жалованье то получаетъ изъ скарбу Малороссийскаго, которое бы онъ, яко совѣтникъ, бывъ прежде въ Академіи (откуда и взяты) по штату могъ получать. Олсуфьевъ, не любя совѣтника Теплова, въ немалую обиду гетману толкуетъ по своей прихоти указъ имянной и наводить, яко-бы онъ Тепловъ службы Ея Величества никакой не отправляетъ, хотя и вѣдѣется совершенно, что ему совѣтнику Ея Императорское Величество, изъ особливой къ гетману ми-

лости, быть при немъ указала. Церемоніймейстеръ Олсуфьевъ ищетъ всѣми образами гетману предъ цѣлымъ свѣтомъ досады показывать, то и симъ случаемъ пользоваться въ его обиду не оставилъ. Архитекторъ Ринальди выписанъ по контракту изъ Италіи для строенія города Батурина, которое быть должно по силѣ имяннаго указа; но сіе потому безъ дѣйства остается, что скарбъ войсковой недостаточенъ къ строенію города, о чёмъ представлениe отъ гетмана сдѣлано. Только о таковыхъ дѣлахъ Олсуфьевъ не упоминаетъ. Четырехъ трубачей и литаврщика гетманъ не понимаетъ, откуда власть береть Олсуфьевъ отрѣшать отъ гетманского достоинства, когда между прочими клейнодами государи жалуютъ гетманамъ на ихъ персону и литавры. Что же Ея Императорское Величество, изъ особливой Высочайшей милости къ нынѣшнему гетману, особливо богатые клейноды пожаловать изволила, въ томъ числѣ и литавры не мѣдныя, но серебряныя съ богатымъ уборомъ: то гетманъ для почтенія къ особливой милости монаршой сію музыку военную учредилъ изъ музыкантовъ знающихъ, которымъ и жалованье нѣсколько большее яко войсковымъ изъ скарбу далъ, и ливрею пристойную сдѣлалъ. Олсуфьевъ, выискивая всѣ способы гетману досады дѣлать, для единаго ругательства гетману сіе на оригинальномъ листу своеручно приписалъ.

На листѣ отъ 3-го Мая 1755 года.

Уже въ грамотѣ упоминается о полковнике Миргородскомъ, который однаждѣ, *въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольнъ въ тотъ чинъ произведенъ*.

Примѣчаніе гетмана.

Что гетманъ двухъ выбранныхъ народомъ въ полковники Малороссийскіе, не описывается, собою опредѣлилъ: то учинено въ силѣ данныхъ гетману законовъ, которыхъ Олсуфьевъ не знаетъ, а пишеть больше отъ своей ненависти къ гетману. И для того гетманъ не уповасть, чтобъ и докладъ о семъ дѣлъ Ея Императорскому Величеству былъ правильно отъ Коллегіи учиненъ; потому что Олсуфьевъ, по страсти противу гетмана, выправки не дѣлалъ, въ чемъ гетманъ всегда готовъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ изъясненіе принести и оправданіе. Олсуфьевъ по своей злобѣ того только ищетъ, чтобъ гетмана передъ цѣлымъ Малороссийскимъ народомъ обругать, когда разжалованы будутъ бунчуковой товарицѣ Дараганъ изъ полковниковъ Кіевскихъ, а обозный Остроградскій изъ Миргородскихъ, тѣмъ наипаче, что первый изъ сихъ есть зять гетману родной. Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила Высочайшею своею рукою конфирмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по проискамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то пигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбираются временемъ изъ сальныхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать Высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами Великороссийскими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману доаволено будетъ опредѣлять. Но тогда же порядокъ будетъ требовать и того, чтобы производить по старшинству, а выборы народные вовсе отставить яко не сходствующіе съ чинами регулярными.

Впрочемъ господинъ Олсуфьевъ въ вѣчную обиду и поношеніе приписалъ своеручныя помѣты мимо гг. канцлера и вице-канцлера на оригинальныхъ гетманскихъ листахъ и употребилъ слова язвительныя и презрительныя къ гетману, то есть: *самоволъно, самопроизволъно*, и что будто *гетманъ ту власть, которая единственно Монарху принадлежитъ, себѣ похищаетъ*. Сіи неумѣренныя отъ Олсуфьева произношенія тѣмъ больше чувствительны, что они на оригинальныхъ листахъ гетманскихъ рукою Олсуфьева (не болѣе яко въ бригадирскомъ чинѣ состоящаго) къ гетману, по высочайшей Монаршей милости въ Фельдмаршальское уже достоинство возведенному, приписаны самовластно и безъ дозвolenія господь повѣренныхъ министровъ, которые помѣты въ вѣчное посрамленіе гетману въ Коллегіи остались и въ Правительствующій Сенатъ нынѣ перепесены, ежели всемилостивѣйшая Государыня своимъ матернимъ милосердіемъ отъ нестерпимой сей обиды гетмана защитить не соизволить и всѣ оныя записки и помѣты своеручныя Олсуфьева не повелить уничтожить.

Церемоніймейстеръ Олсуфьевъ, съ того времени какъ въ Коллегію членомъ опредѣленъ, непонятно изъ чего поводъ взять при всѣхъ случаяхъ въ Коллегіи письменныя истолкованія о мнѣ дѣлать, которые не только во вредъ самому мнѣ, но и наслѣдникамъ, родившимся отъ меня, остались въ Коллегіи вѣчнымъ доказательствомъ моего яко бы примѣченаго уже вѣроломства ко всемилостивѣйшей моей Государынѣ, а именно: даетъ свои голосы письменно ихъ сіятельствамъ, канцлеру и вице-канцлеру, не только въ непочтительныхъ противу меня терминахъ, но въ крайне вредительныхъ, то есть: яко бы я *дѣйствительный уже похититель власти, принадлежащей единственно Монарху, и яко бы я стараюсь*

осякими вымышленными образами удаляться отъ повиновенія Ея Императорскому Величеству. Сверхъ того на листахъ, которые въ Коллегію я всеподданнѣйше пишу къ лицу Ея Императорскаго Величества, своеручныя подписанъ самъ собою, безъ дозволенія господъ канцлера и вице-канцлера, резолюціи высокомѣрныя, повелительныя и въ злостныхъ и язвительныхъ терминахъ составленныя. Да и Высочайшее достоинство Ея Императорскаго Величества того терпѣть не можетъ, чтобъ церемоніймейстеръ, мимо вѣдома канцлера и вице-канцлера, яко повѣреннѣйшихъ особъ, самъ собою, своеручно подписывалъ на листахъ (прямо къ Высочайшему лицу монаршему всеподданнѣйше писанныхъ отъ гетмана и всего войска Малороссійскаго) резолюціи, по своему произволенію, гетману и цѣлому народу, толь наипаче составленныя въ язвительныхъ и бранныхъ терминахъ, которые не токмо предосудженіе мнѣ вѣчное дѣлаютъ, яко сохраненные будучи въ архивѣ коллежской, но и всему моему потомству и племени. Ибо по симъ Олсуфьеву своеручнымъ голосамъ и помѣтамъ на оригиналъ листахъ гетманскихъ ничего иного не останется на будущее время о нынѣшнемъ гетманѣ разсуждать, какъ то, яко бы уже моя въ гетманствѣ невѣрность къ своему государю дѣйствительно была примѣчена, и отъ того я быль предудерживанъ.

Таковые поступки церемоніймейстера Олсуфьева, по долговременному терпѣніи моему и по многимъ текущимъ дѣламъ, а напослѣдокъ и по учиненнымъ докладамъ Ея Императорскому Величеству, безъ показанія прямыхъ обстоятельствъ (о которыхъ или по злости ко мнѣ, или по какой иной страсти, онъ Олсуфьевъ выправокъ не дѣляетъ надлежащихъ и праведныхъ) привели меня чрезъ долгое время въ несказанныя затрудненія, а напослѣдокъ печали и чувстви-

тельныя болѣни, которая и Ея Императорскому Величеству, яко милосердой ко всѣмъ матери, самой видимы и извѣстны.

Сего ради нынѣ, отъ нестерпимости моей, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу отъ помянутаго церемоніимейстера Олсуфьевъ меня, всеподданнѣйшаго раба, обронить и дѣбы поведѣно было всѣ голосы и помѣты своеручные его Олсуфьевъ, клонящіеся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилости-вѣйше уничтожить. Честь, мнѣ пожалованная уже единожды, въ горестномъ нынѣ состояніи останется, ежели предохраненія высочайшею милостію Ея Императорскаго Величества не будетъ отъ неутолимой злобы ко мнѣ и посягательства церемоніимейстера Олсуфьевъ; и я не уповаю болѣе сохранить моего здоровія, видя себя и всю отъ меня происходящую фамилію столь ложными подозрѣніями въ вѣрности присяжной предъ Ея Императорскимъ Величествомъ оскорблennуу, доколѣ правосудно защищень не буду. О семъ прошу, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всемилости-вѣйшей моей Государыни и покровительницы, желая притомъ имѣть счастливый моментъ персонально допущенъ быть къ лицу Ея Величества и просить работѣнно правосудной обороны.

Переводъ съ представленія Ея Императорскому Величеству отъ его императорскаго высочества великаго князя, поданнаго канцлеру въ 1-й д. Февраля 1760 года оберъ-камергеромъ Брокдорфомъ *).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Съ совершилишими признаніемъ и удовольствіемъ получилъ я милостиво сообщенія мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества, чрезъ его сіятельство канцлера графа Воронцова и его превосходительство камергера Шувалова, копіи съ заключеннаго между Французскимъ и Датскимъ дворами въ 4-й день Мая 1758 года трактата, и присовокупленія къ оному императрицы-королевы Венгерской, такъ же и словесныя по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества присовокупленныя декларациіи не певолить меня въ разсужденіи обмѣна наследственнаго моего герцогства на графства Ольденбургское и Делменгорстское.

Понеже симъ трактатомъ оказывается, что Датской дворъ непремѣнно остается при взятыхъ единожды памѣреніяхъ, то и почель бы я можетъ быть сей проектъ страннишими, есть ли бы не предваряли онаго учиненныя мнѣ предъ тѣмъ отъ онаго чрезъ ministra его графа Линара предложенія. Безпокойство умертило бы меня, ежели бы благоволеніе и материя Вашего Императорскаго Величества любовь, коихъ я и домъ мой толико знаменитыхъ опытовъ имѣемъ, не приводили меня въ бѣзпечіе отъ противныхъ интересамъ и славѣ моей умысловъ.

Я совершенно увѣренъ, что Августѣйшая Дщерь Петра Перваго, шествующая съ толикою славою по стопамъ родителя своего, не дезaproбуетъ никогда твердости, основанной на законныхъ и непоколебимыхъ причинахъ, сходственныхъ

*.) Чистая копія поднесена Ея Величеству иъ 3-й день Февраля 1760 года.

съ великими сего славнаго монарха дѣда моего, вѣчно достойныя памяти, памѣріями, которыя всегда къ тому клонились, чтобы въ имперіи имѣть при Балтійскомъ морѣ владѣнія; но притомъ и справедливость мнѣ отдать изволите, вѣря, что я къ приемлемымъ Вашего Императорскаго Величества обязательствамъ надлежащее уваженіе имѣть буду въ ласкательной надеждѣ, что Ваше Величество изволите меня оставить въ нынѣшнемъ моемъ состояніи, буде бы критическая обстоятельства не позволили оного поправить.

Въ сей усердной и съ совершенійшею ко всемилостиивѣйшей моей Теткѣ преданностию соединенной довѣрности, смѣю я ожидать удобнаго времени къ произведенію моихъ правъ на герцогство Шлезвигское, котораго покойной мой родитель, близъ полу вѣка тому, лишенъ. Важность сей потери и состояніе дома моего (и при высокомъ моемъ предопредѣленіи, довольно еще горестное) дѣлаютъ воспоминаніе сей жестокой напасти чувствительнѣе, нежели чтобъ, сколько ни есть, прекратить стараніе о поправлениі сего неоцѣненнаго вреда, когда случай къ тому представится.

Когда Ваше Императорское Величество въ заключенномъ съ Датскимъ дворомъ 10-го Июня 1746 года трактатѣ гарантіи и требованія мои на герцогство Шлезвигское не оспоримыми признать, а нынѣ всемилостиивѣйше объявить изволили, что повиновеніе мое Высочайшей Вашей волѣ съ интересами и славою мою согласовать имѣеть: то конечно и не удастся Ваше Величество подать мнѣ помощь къ возвращенію толь неправедно похищенаго у родителя моего.

Когда нынѣшия бѣдственная война, Германію терзающая кончится, тогда надѣюся увидѣть благополучное время моего возстановленія. Даруй Боже, чтобъ оное близко было! Свѣтъ съ воздыханіями ожидастъ мира, сего драгоценнаго дара отъ

благотворящихъ Вашего Императорского Величества руки; а я желаю еще, чтобы сверхъ того Ваше Величество соизволили прекратить бѣдствія моего дома, коихъ жалостное воображеніе терзаетъ сердце мое. Французской и Вѣнской дворы обѣщали, правда, З-мъ артикуломъ вышесозначенаго трактата 4-го Маія 1758 года Датскому справедливой и достаточной эквивалентъ въ такомъ случаѣ, когда я на представлennой обмѣнѣ не поступлю; но къ вицему въ Сѣверѣ утвержденію мира не будетъ конечно ни Вашему Императорскому Величеству, ни союзникамъ Вашимъ не доставать въ способахъ къ доставленію оному двору замѣны, есть ли оной продолжить отказывать въ возвращеніи мнѣ того, что справедливо какъ въ возстановленіи моемъ, такъ и достаточномъ удовлетвореніи.

Я пребываю съ несравненнымъ почтеніемъ и униженностию,

Всемилостивѣйшаго Государыня!

Вашего Императорского Величества

всенижайшій и всепослушнѣйшій племянникъ и слуга

Петръ.

Въ Санктпетербургѣ, 17 Генваря 1760 года.

МАТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

1.

Переводъ съ письма къ Ея Императорскому Величеству отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангалтъ-Цербской изъ Парижа отъ 29 Апрѣля новаго штиля полученнаго въ 16 день Маія 1760 года.

Чувствительнѣйшая печаль, пришедъ по несчастію въ немилость Вашего Императорскаго Величества, и надѣяніе, что Великая Княгиня возъимѣть стараніе привести Ваше Величество на милосердіе въ мою пользу, побудили меня поручить ей главнѣйшіе мои интересы; но, не получая никакого извѣстія, я по справедливости почитаю себя оставленною отъ всѣхъ и отягощенной долговремяными и жесточайшими печалями и сокрушеніями. Я претерпѣваю въ чужестранной землѣ наиужаснѣйшее несчастіе, и устрашающая меня безпрестанно смерть даетъ только время на разсужденіе о послѣдующемъ отъ того ужаса. По полученіи письма отъ господ. канцлера, который уведомилъ меня о моемъ несчастіи, одержима будучи жестокою болѣзнью, а нынѣ припадкомъ, произшедшими отъ сиѣдающей меня печали, болѣе двухъ мѣ-

---

*) Письмо это было предсмертное; весною этого года принцесса Гоанна Елизавета скончалась въ Парижѣ. П. Б.

сяцовъ съ превеликою трудностію вставаю съ постели и принуждена у простыхъ и неискусныхъ лѣкарей искать помощи, которую подать мнѣ отказались доктора мои. Употребляя только лѣкарства сихъ лѣкарей за лучшее и послѣднее средство, имѣя же при томъ какъ духъ, такъ и тѣло терзаемое превеликими печальми, о которыхъ я и упоминать не могу, ирѣемлю смиренность ожидать и всепокорнѣйше просить у Вашего Императорскаго Величества утѣшения, въ которомъ, какъ я надѣюсь, великодушное Ваше сердце при толь горестномъ и жалости достойномъ состояніи умирающей принцессы (которая напредъ сего Вашими милостями по Вашему милосердію и всегдашнему благоволенію удостоена была) отказать не можетъ.

Всё мое желаніе состоитъ только въ томъ единомъ, чтобы Ваше Императорское Величество даровали и обратили ко мнѣ паки милостивое Ваше сердце, чего по преданности моей къ освященной Вашей особѣ и иочтенію къ Вашей державѣ не недостойна. Ваше Величество, по своему великодушію, отпустили бы вину и самой преступницѣ, еслибы видѣли, въ какое привело меня сокрушеніе письмо вашего канцлера, ко мнѣ вашимъ имянемъ писанное. Естьли бы могли вѣдать, въ какія оное мучительныя привело меня обстоятельства, то конечно бѣ Ваше Императорское Величество едва ли воздержались бы и сами отъ пролитія своихъ слезъ, каковы я притомъ проливала. По жалостному Вашему сердцу я не сумнѣваюсь, чтобы несчастіе мое того въ вѣсъ не возбудило.

Естьли Ваше Императорское Величество находите принципы моего поступка недостаточными, то желаніе мое есть учреждать пынѣ себѣ по Вашему соизволенію, равно какъ и мое здѣшнее пребываніе. Пусть сіе будетъ опытомъ крайняго моего усердія исправить то что Вамъ было неугодно, и

подвигнуть Ваше Императорское Величество къ дарованию
иаки Вашихъ ко мнѣ милостей. Одно только мѣниє, что Ваше
Императорское Величество недовольны мною, столько
мнѣ неспосио, что я не могу оного терпѣть, и что не могу
инако утолить горестную отъ того печаль мою, какъ прямо
изъявляя Вамъ искреннее мое сокрушеніе и прося единой
милости не допустить до того, чтобы при такихъ печальныхъ
мысляхъ не постигла меня смерть, къ которой я приближаюсь.
Я не памѣрена Ваше Величество утруждать, ни приводить
Васъ въ жалость описаніемъ неизвѣстныхъ отъ моихъ дѣлъ
безпокойствъ, которыя таковы, что и вообразить не можно.
Я много должна стараніямъ чужестранныхъ въ томъ, что
предупредила неспосибѣшее угрожающее мнѣ безчестіе; а
всего мнѣ горестнѣе то, что не могу я за то имѣть воздать
мою благодарность. Меня нынѣ сокращаетъ сія единая пе-
чаль, что прогибала Ваше Императорское Величество, и я
прошу только прийти въ сожалѣніе и принять въ разсужде-
ніе, сколь велико оная дѣйствіе во мнѣ производить, и сколь
горестно мнѣ будетъ, естьли въ оной же скончаю дні мои.
Я не желаю другой милости кромѣ сей, чтобы Вы съ мило-
сердіемъ принять изволили, такъ какъ прежде въ счастли-
вѣйшия времена, мою покорность, повиновеніе ко всѣмъ Ва-
шимъ повелѣніямъ, усерднѣйшую мою преданность и глубо-
чайшее почтеніе, съ коимъ я до послѣдняго моего изыха-
нія пребуду. Елизабетъ.

2.

Переводъ съ письма къ канцлеру отъ ея свѣтлости вдовствующей
принцессы Ангалтъ-Цербской изъ Парижа отъ 30-го Апрѣля, полу-
ченного въ 16-й день Маія 1760-го года.

По полученіи письма, писанаго отъ вашего сіятельства
ко мнѣ именемъ Ея Императорскаго Величества, здоровье

мое столь было худо или, лучше сказать, жизнь моя находилась въ такой опасности, что я не въ состояніи была ни изобразить вамъ проишедшей мнѣ отъ того печали, ни утѣшнія, которое подало мнѣ учиненное вами обнадеживаніе объ усердіи вашемъ показывать мнѣ пѣкоторыя услуги, чemu я видѣла потомъ многіе опыты падь тѣми, коихъ я вамъ рекомендовала, за что и приношу вамъ мое благодареніе. Желаніе мое увѣрить Ея Императорское Величество о совершенной моей преданности столь велико, что, не взирая на нынѣшнее мое состояніе, которое препятствуетъ мнѣ самой къ вамъ писать, я однако не преминула оную ей засвидѣтельствовать, и поручила Великой Княгинѣ, которой прошу подать сей пакетъ, повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества. Имѣя же великую надежду на ваше ко мнѣ усердіе, я не сумниваюсь, чтобы ваше сіятельство не соизволили, купно съ ея высочествомъ, совершенно удостовѣрить Ея Императорское Величество о моемъ почтеніи и преданности, и о точномъ наблюденіи ея повелѣній, которыя желала-бы я знать, дабы могла оныя исполнить, и чрезъ то пріобрѣсти себѣ прежнюю ея ко мнѣ милость. Я хотя не надѣюсь долго оною пользоваться, однакожъ сіе было-бы мнѣ утѣшніемъ передъ смертю и облегченiemъ посреди всѣхъ ужасныхъ моихъ зло-ключеній. Конечно бы вы сказались, естьли бы свидѣтелемъ были моихъ мученій и всѣхъ печалей, соединившихся съ моимъ болѣзнию. Сіе зрѣніе столько-бы возбудило вашу ревность, чтобы вы ни на минуту не позабыли сего обстоятельства до тѣхъ поръ, пока-бы оное не премѣнилось; а сего ожидаю я отъ вашего попеченія и покорно ваше сіятельство *прошу исходитьайствовать, чтобъ Ея Величество позволила вамъ ко мнѣ отписатъ, что гнѣвъ ея преданъ забвенію, и что она со-*

изволяется о томъ мнѣ знать дать *). Я не прошу о ея благодѣяніяхъ, но только желаю, чтобы болѣе не быть у нея въ немилости, и мой духъ будетъ спокоенъ, есъли вы мнѣ исходатайствуете сіе благополучіе. Вы можете быть увѣрены, что сія ваша услуга столь для меня будетъ велика, что оная навсегда на сердцѣ моемъ изображенна пребудетъ, и прошу быть удостовѣреннымъ о моей за то благодарности и искреннемъ почтеніи, съ коими я есмь

Елизабетъ.

3.

Копія съ письма къ канцлеру отъ действительного камергера князя Голицына, изъ Парижа отъ 13-го Апрѣля, полученного въ 16 день
Мая 1760 года.

Изъ прежнихъ моихъ вашему сіятельству дозвольно извѣстно, что я не токмо по пріѣздѣ моемъ сюды, ея свѣтлость княгиню Ангалть-Цербскую нашелъ здѣсь въ весьма худомъ состояніи ея здоровья, но и что потомъ день ото дни оная еще слабѣе прежняго становилась, а вчерашияго вечера ея свѣтлость, которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ, и по истинѣ жалостно было ее видѣть, нарочно меня къ себѣ призывасть изволила, и со мною въ цѣлой памяти и здравомъ разумѣ говорила съ немалою прискорбностю, что она чувствуетъ, что конецъ ея жизни приближается, при чёмъ она *едва небезутышина остается, да и не можетъ спокойно умереть, даже не увѣрена будетъ, что Ея Императорское Величество, отъ коей она многими мило-*

*.) Когда я, по повелѣнію Вашего Величества, письмо мое столь много печали ея свѣтлости приключилъ, всенижайше прошу милостиво повелѣть, чтобы по требованію ея свѣтлости могъ утѣшительно обнадежить о высочайшей Вашего Величества къ ней милости и благоволенія. Но собственная грамота Вашего Величества навсевершеннѣйшимъ успокоеніемъ лутче всѣхъ другихъ съ свѣтлости служить будеть. (Примічаніе канцлера графа Воронцова).

стями, благодѣяніями и неизреченою щедрості взыскана была, ей великодушно отпустить соизволить все то, почемъ она несчастіе имѣла оной гнѣвъ на себя навлещи, о чёмъ она крайне сожалѣть, и въ томъ признается не въ иномъ какомъ видѣ и не упоминая нимало о своихъ оставляемыхъ дѣлахъ, но единственно приносить свое повиновеніе по искренности ея сердца и должностному респекту къ толь великой Государынѣ *), которое все поручила миѣ пакрѣпко и со многой просьбою вашему сіятельству подробнѣ донести. А притомъ изволила миѣ отдать приложеннїй при семъ пакетъ къ вамъ, милостивому государю моему, со включенными въ немъ грамотами къ Ея Императорскому Величеству самой, и къ ея императорскому высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ, чаятельно касающіяся до сей же матеріи, о которыхъ просила, чтобъ изволили ихъ такожъ при удобномъ случаѣ поднести **). *И какъ она съ жадностію ожидаетъ на сіе желаемаго отвѣта, и особливо чтобъ вышеозначенное порадованіе ее застать могло еще живу, того ради рекомендовала миѣ сіе отправить отъ сюды съ нарочнымъ куріеромъ немедленно.* Что жъ, надлежитъ до ея свѣтлости домашнихъ дѣлъ и расположений обо всемъ оставающемся по ней, то уповательно онос отъ нея поручено будетъ Шведскому министру бар. Шеферу, которой всегда знакомъ былъ въ ея домѣ и во всю ея свѣтлости бытность здѣсь всякую ей угодность и услуги оказывалъ.

---

*) Для совершенного обрадованія и успокоенія ея свѣтлости не соизволите ли Ваше Императорское Величество милостивою грамотою отозваться, о сочиненіи оныя буду ожидать Высочайшаго повелѣнія. (*Прим. канцлера*).

**) Переводы съ сихъ грамотъ присемъ подносятся, и всенижайше испрашивается повелѣнія, соизволено ли будетъ отдать ея высочеству, чтобъ безвременно не прикаручить ся высочеству беззокойства и печали. (*Прим. канцлера*).

При семъ включаю описаніе ея болѣзни, и какія средства ко излѣченію оной употреблялись чтò я получилъ оть доктора, которой ея свѣтлость пользуетъ.

4.

Описаніе болѣзни ея свѣтлости принцессы Ангалтъ-Цербской.

Послѣ разныхъ припадковъ, ея свѣтлость начала чувствовать превеликую боль какъ прежде, такъ въ самое время и послѣ обыкновенныхъ кровей; наконецъ, имѣла она непорядочную лихорадку, которая удержана кинкиною. Послѣ сего болѣзни ея свѣтлости стали умножаться, а въ прошломъ Декабрѣ мѣсяцѣ доктора, кои ее пользовали, нашли ея свѣтлость въ такомъ состояніи, что они мало имѣли надежды о ея выздоравливаніи, ибо усмотрѣли они въ ней водяную болѣзнь съ жаромъ, жаждой и почти безперерывною болію въ животѣ, который причиною были послѣдовавшей всегдашней безсонницы. Урины чрезъ одни сутки было нѣсколько унцовъ, которая весьма густа и красна была, а на низъ имѣла она небольшое число матерій, цвѣтомъ сѣроватымъ.

Помянутые доктора заключили, что отъ припадка (которой на подобіе подагры произошелъ отъ худаго употребленія кинкины) учинились запоры, кои причинили терзаніе въ нервахъ, и отъ того послѣдовало печальное состояніе ея, толь паче, что находится она въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ престаетъ теченіе кровей, которыя она изрѣдка имѣла, а наконецъ чрезъ три мѣсяца и совсѣмъ того лишилась. Почему они употребляли бalsамическія, гуммическія и мыльныя лѣкарства для укрѣпленія сухихъ нервовъ, разводительныя и умягчательныя для пресѣченія запора, и понуждающія урину для истеченія накопившейся воды. Съ три мѣсяца находилась ея свѣтлость столь здорова, что они великую имѣли надежду

о ея выздоравливаніи, и вся сія страшная болѣзнь обратилась въ опухоль, которую они почли бытъ *лодеръ*, и находили ону величиною противъ кулака и весьма чувствительную, и потомъ оказался припадокъ подагры, который продолжался чрезъ двѣнадцать дней. Оный сперва быль въ плечѣ, а потомъ опустился въ пальцы, кои опухли и покраснѣли.

А между тѣмъ какъ ласкались надеждою, чтобъ сію опухоль разорвать, то оная подагра миновала, и вскорѣ по томъ ея свѣтлость по малу въ прежнюю болѣзнь впала, хотя помянутые способы, молошная пища и все отъ докторовъ съ успѣхомъ употребляемы были для привлеченія на время подагры.

По непорядочной съ начала сей болѣзни продолжающейся лихорадкѣ, опасаются доктора, чтобъ не было въ опухоли супураціи, въ разсужденіи того, что до оной за болю дотронуться не можно. Впрочемъ, по продолжающейся болѣзни, слабости и безсилію, которая ежеденно умножается безъ всякой перемѣны болѣзни къ лучшему, доктора въ крайнемъ опасеніи находятся о жизни ея свѣтлости.

Доктора, пользующіе ея свѣтлостью, суть слѣдующіе: Гереншурнъ меньшой и Де-ла-Сонне, который докторомъ королевы.

5.

Переводъ съ письма къ ея императорскому высочеству отъ ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангалтъ-Цербской, изъ Парижа отъ 30-го Апрѣля новаго штиля, полученнаго въ 16-й день Маія 1760 г.

Либо примѣръ Ея Императорскаго Величества, или политика есть тому притчиною, дражайшая моя дочь, что вы ко мнѣ не пишите, и повидимому не много старанія о моихъ дѣлахъ прилагаете. Но пора уже чувствовать сію любовь,

которую я завсегда отъ Вашего Императорского Высочества ожидала. Дѣла мои, по дружбѣ того пріятеля, о которомъ, помнится мнѣ, я въась увѣдомила, не столь много меня обезпокоиваютъ, цо меньшой мѣрѣ даютъ мнѣ нѣсколько срока, которой, какъ по всему видно, можетъ продлиться долѣе, нежели жизнь моя. Наибольшая моя печаль состоить теперь только въ томъ, что я не имѣю отъ вѣась извѣстія, и отъ сына моего не получала писемъ съ самаго Генваря мѣсяца. Ещѣ же, при нынѣшихъ худыхъ обстоятельствахъ, весьма прискорбно мнѣ и то, когда вздумаю, что лишаюсь прежней милости Ея Императорскаго Величества, и что отъ вѣась не имѣю отвѣта на многія отправленныя отъ меня къ вамъ нѣжныя письма. И о семъ прошу вѣась еще, не оставить такую мать, которая при смерти, и подать мнѣ пѣкоторое утѣшеніе, дабы я не умерла съ тою печалію, что вами, яко дражайшею мою дочерью, вовсе оставлена и лишена милости такой Государыни, которую я паче всего почитаю и коей я искрѣннѣйше предана. Прошу поднести сіе письмо Ея Императорскому Величеству, и въ разсужденіи худаго моего состоянія исходатайствовать у Ея Величества хотя единое для меня милостивое слово, о удостоеніи кото-раго я нимало не сумиѣваюсь: ибо Ея Императорское Величество за великое поставляетъ себѣ удовольствіе дѣлать людѣй счастливыми, и потому не безъ жалости увѣдомится о моихъ злополучіяхъ. Желала бѣ я, чтобы вы сами могли видѣть все то, чѣдѣ я претерпѣваю, и тогда бѣ конечно не дожидались того, чтобы я вѣась просила; но единственное сожалѣніе побудило бѣ вѣась болѣе нежели мои письма. И естьли бы знали все то, что со мною случилось, и извѣстны вамъ были всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ я находилась, тебѣ состояніе мое подаваемыми отъ вѣась утѣшеніями могло часто быть

облегчаемо. Но теперь, когда уже медики предали меня шарлатанамъ, и я одержима крайнею болѣзнию, не остается мнѣ болѣе желать, какъ только бѣ чрезъ васъ пріобрѣсти себѣ опять милость Ея Императорскаго Величества, а до того времени не можетъ духъ мой быть спокоенъ: ибо чрезъ то всѣ мои желанія исполнились бы, и вы учинились бы достойнѣйшю благословенія, которое чаятельно даю я вамъ въ послѣдній разъ, желая притомъ всегдашняго вамъ здравія и постояннаго благополучія. Почитайте и будьте завсегда вѣрны и преданы Ея Императорскому Величеству и великому князю, вашему супругу, и наблюдайте всѣ ваши должности; вспоминайте же иногда и о матери вашей, которая васъ сердечно любила и которая при концѣ своей жизни сожалѣвъ только о томъ, что не могла съ вами видѣться и при васъ умереть. Извините меня предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, что я письмо мое къ ней такъ худо писала; ибо за опухолью всего моего тѣла не могла того лучше учинить.

Елизаветъ.

EBAUCHE DU PORTRAIT

de Sa Majesté Impériale Élisabeth Petrowna, Impérafrice et Souveraine
de toutes les Russies etc. etc.

Cette princesse par sa naissance est des plus illustres. Ses ayeux ont tous été de grands monarques, qui ont régné glorieusement. La nature lui a donné les plus belles inclinations. Ses sentimens sont tous nobles et élevés. Elle a l'âme pleine de douceur et de fermeté, et quoique ce ne soit pas mon dessein, y trouvant même de l'impossible, de bien exprimer ses grandes qualités, je puis dire en général qu'elle peut être mise en parallèle avec tout ce que l'antiquité et l'histoire fournit de plus accompli. Elle est grande et bien faite. Elle a une mine douce et majestueuse, qui ne manque jamais d'inspirer dans tous ceux qui la voyent l'amour et le respect. Elle est une des plus grandes beautés de notre siècle. Elle efface, selon moi, les attraits de celles qui prétendent en avoir de très-brillants. Ses yeux sont parfaitement beaux, le doux et le grave s'y mêlent agréablement. Leur puissance s'étend sur des nations entières, qui sentent le pouvoir qu'ils exerceent sur les coeurs. Sa bouche est petite et vermeille, et la nature lui a été libérale de toutes

les grâces dont elle avait besoin pour être parfaite. Par un de ses souris elle peut s'acquérir une infinité de coeurs. Ses ennemis même ne sauraient résister à ses charmes. Ses cheveux sont d'une belle couleur. Elle en a beaucoup, et il n'y a rien de plus beau que de la voir avec cette belle tête riante. On ne saurait déterminer si elle est plus ravissante quand elle paraît sans poudre ou quand elle est poudrée. Ses mains sont faites pour plaire, pour porter le sceptre et pour être admirées, joignant la belle proportion et l'adresse avec la blancheur si bien que l'on peut dire que les spectateurs sont toujours ravis quand cette incomparable princesse se fait voir, soit à sa toilette, en public, à table ou au bal. C'est là où elle surpasse toutes les personnes qui ont jamais le mieux dansé; car elle s'en acquitte, quoique avec assez d'embonpoint, avec une légèreté et grâce inimitable. Sa gorge est belle, son teint d'une vivacité extraordinaire à l'épreuve de la chaleur et du froid. Le tour du visage et tout son assemblage fait une physionomie charmante, et il est impossible que le plus habile peintre la puisse représenter au juste et en exprimer les grâces, la douceur et la vivacité. Elle n'est pas esclave des modes, mais elle s'habille bien. Elle est propre autant que personne au monde, on peut même dire curieuse de belles choses, parce que naturellement elle aime à être bien mise. Elle le fait avec choix et discernement, et dans la grande variété le bon goût règne et domine toujours.

Comme Dieu est notre principe et notre fin et qu'une princesse chétienne ne doit être estimée que selon la mesure des vertus qui se manifestent en elle, il est juste de parler en premier lieu de sa piété. Elle a un

grand respect pour la loi de Dieu. Elle donne sans cesse des marques de dévotion et de charité. Ces vertus se sont accrues en elle avec les années. Elle est infatigable dans l'exercice de ses dévotions. Les voyages, les incommodités, les veilles, les chagrins, les divertissements, les affaires mêmes ne lui ont jamais pu faire interrompre les heures qui y sont destinées. Elle a une confiance en Dieu, qui est extraordinaire, et c'est sans doute cette confiance qui lui a attiré tant de bienfaits et de bénédictions divines. Elle est exacte à observer les jours de jeûne, et on lui a souvent entendu dire à ce sujet que les souverains de la terre doivent obéir aux commandemens de Dieu et de l'église plus ponctuellement que les autres chrétiens, parce qu'ils sont obligés de servir d'exemple à leur peuple.

La vertu de notre auguste princesse est solide sans être farouche. Elle est modeste, sans être choquée de l'innocente gaieté, et son exemplaire pureté pourrait servir d'exemple à toutes les autres personnes de son sexe. Elle croit facilement le bien et n'écoute pas volontiers le mal. Les médisans et rapporteurs ne font sur son esprit nulle forte impression, et quand une fois elle est bien persuadée en faveur des gens, il est difficile de les détruire auprès d'elle. Elle a l'esprit galant et goûte cette galanterie, qui, sans blesser la vertu, est capable d'embellir la cour. Elle désapprouve infiniment les manières rudes et inciviles. Elle est douce, affable et familière avec tous ceux qui l'approchent et qui ont l'honneur de la servir. Sa bonté la convie de souffrir les petits comme les grands, mais toujours avec discernement. Car ce tempérament de douceur qui fait qu'elle ne rebute personne et ne lui permet pas de faire des rudesses à qui que ce soit, n'empêche

pas qu'elle ne sente sa gloire et qu'elle ne discerne parfaitement bien ceux qui font leur devoir, en lui rendant ce qui lui est dû, d'avec ceux qui lui manquent de respect, d'égards et de reconnaissance. Elle a un esprit brillant et en même tems très-naturel et rien d'affaffecté. Elle parle bien; sa conversation est agréable. Elle entend raillerie et ne prend jamais rien de travers, et les conversations délicates et spirituelles lui donnent du plaisir. Elle juge des choses sérieuses selon la raison et le bon sens, et dans les affaires elle prend toujours le parti de l'équité et de la justice par ses propres lumières et connaissance de cause. Pour se mettre mieux au fait, elle ne se contente pas de les faire lire, référer et d'écouter, mais elle veut voir et juger par elle-même, et pour cet effet elle se donne la peine de lire tout et de voir par ses yeux.

Son tems lui est trop précieux pour l'employer à la lecture des livres, mais sa grande pénétration et la connaissance qu'elle a du monde et l'expérience qu'elle a des affaires et des intrigues des cours, répare bien ce qui pourrait lui manquer du côté des livres, et si elle ignore une partie des histoires des tems reculés, elle en sait d'autant mieux celles du siècle présent.

Pour se délasser des soins et peines que lui donne le gouvernement du vaste empire que Dieu lui a confié, ses récréations favorites sont en hyver la chasse des coqs de bruyère et en été les promenades à cheval. Elle a raison de les préférer aux amusemens frivoles qui sont la ressource ordinaire des personnes de son sexe, comme les jeux de cartes et autres. A la chasse elle tire avec une justesse et contenance admirable. Aux promenades elle manie son cheval avec tout autant de hardiesse que d'adresse. Les écuyers mêmes

l'admirent; elle surprend tous les autres, et on ne saurait s'en faire une juste idée sans l'avoir vu. Revêtue de l'uniforme de sa compagnie du corps et le casque de grenadier en tête, la majesté et l'amour qui résident en elle ne se font pas moins remarquer alors que dans sa plus grande parure et étant ornée de la couronne impériale; on n'entend partout où elle passe que des acclamations et des cris de joie. On la juge digne non-seulement de commander la compagnie choisie dont elle est le capitaine, les régiments des gardes à pied et à cheval, dont elle est le colonel, mais l'armée la plus nombreuse. Descendue de cheval, le cavalier le plus beau qu'on puisse voir, cause de nouveaux sujets d'admiration: jamais personne de son sexe n'a eu une marche plus ferme et plus assurée; jamais de plus belles jambes n'ont soutenu un plus beau corps, et jamais dans un corps plus sain n'a habité une âme plus saine, qui n'a rien de faux ni dans le coeur ni dans l'esprit *).

Cette digne fille de Pierre-le-Grand aime à faire bâtir, et cette passion qu'elle a héritée de son auguste père lui sert encore d'une louable occupation. Au premier coup d'œil elle découvre les défauts, le beau et le parfait de toutes sortes d'édifices. Elle donne elle-même l'idée de ceux qu'elle fait élever; elle en fait la distribution et ordonne les meubles avec un goût et discernement admirable.

La grandeur d'âme de cette auguste princesse, qui la met au-dessus des grandeurs terrestres, fait qu'elle

*) C'est le comble des souhaits, selon Juvénal. Pierre Premier savait le passage du poète latin, où se trouvent ces voeux, qui est assez long, par cœur, et c'étaient ses vers favoris: les plus beaux de la 10-me satire.

est parfaitement indifférente pour tout ce qui sent la vaine gloire et qu'elle n'est possédée d'aucun désir d'étendre sa domination. Sa naissance et sa vertu l'ont élevée au plus haut degré auquel puisse aspirer un mortel, et son héroïsme l'a mise en possession de ce qui lui était dû à l'égard de l'une et de l'autre. D'ailleurs elle tient tout le reste peu digne de ses désirs. Elle n'a pas les mêmes sentiments sur l'amitié. Elle en honore peu de personnes, mais celles, à qui elle donne quelque part dans ses bonnes grâces, se peuvent flatter d'être sincèrement aimées. Elle entre avec compassion dans les chagrins de ceux qui souffrent. Ceux pour qui elle a de la bonne volonté trouvent en sa douceur de la consolation, et ses oreilles paraissent attendries et si attendries au soulagement des misérables, qu'on voit clairement que son cœur y prend part. J'ai été tentée quelquefois, je l'avoue, d'oser l'accuser qu'elle n'est pas assez touchée de l'amitié qu'on a pour elle. Mais comme les souverains entendent de tous un même langage et qu'il est difficile de discerner la vérité d'avec la flatterie, le mensonge et l'artifice, il est très-excusable de ne se pas laisser aisément persuader et d'être sur ses gardes quand il s'agit d'une chose qui de sa nature est si fort sujette à caution et dans laquelle on peut si facilement prendre le change. A l'égard de ses ennemis, elle se vengerait peut-être et serait capable de porter bien loin son ressentiment selon la vivacité de son tempérament et en ayant les moyens en mains; mais la raison et sa conscience la retiennent. Elle se met rarement en colère; la passion ne la domine pas, elle n'éclate par aucun bruit indécent à une souveraine qui, commandant un empire, doit savoir se commander elle-même; mais si elle se

fâche, c'est toujours par de fortes raisons. Cela se découvre à ses yeux, et si elle le fait connaître par des paroles, ce n'est que pour ramener ceux qui se sont égarés et départis de leurs devoirs.

Cette grande princesse est naturellement libérale; elle est même capable (généreuse comme elle est) de donner avec profusion, et en différentes occasions elle en a donné des marques, suivant les mouvements d'un cœur magnanime, compatissant et charitable. Aussi ne paraît-elle jamais être incommodée de ceux qui osent lui demander du secours dans leurs nécessités, et ce qu'elle leur donne, elle le donne avec joie.

Ceci me conduit à considérer encore plus particulièrement dans cette admirable princesse ce qui fait la gloire principale de l'homme et ce qui répand sur son caractère le plus grand éclat. Plus je m'attache à approfondir le sien, plus je me trouve convaincu que les vertus du vrai christianisme y marchent de pair avec les avantages du sang. Elle est aussi recommandable par sa piété sincère dans la pratique de la religion, que par son attachement inviolable à ses principes. Elle est assidue aux offices ordinaires de son église par une dévotion sans fard qu'on admire en sa personne dans toutes occasions qui se présentent; elle donne un exemple dont les cours n'ont que trop de besoin. Sa religion se fait connaître par les effets naturels du véritable christianisme, par la compassion, la bienveillance, l'égalité d'esprit, la tranquillité du cœur, en un mot par tous les devoirs d'une charité active qui se répand sur chacun sans distinction. Comme de toutes ses vertus il ne peut résulter que le caractère le plus aimable, aussi le voit-on briller dans toutes ses actions. L'affabilité de sa conversation fait dissiper la

erainte que doivent naturellement avoir ceux qui ont l'honneur d'être admis à sa présence, et l'on s'attache avec plaisir à une personne d'un si haut rang qui a la condescendance de se rendre agréable par un enjouement sans légèreté et par un tour d'esprit exempt de tout ce qui a la moindre apparence d'un naturel malfaisant et qui marque avec évidence la bonté du coeur, et on peut dire sans exagérer que cette admirable princesse a tous les talents ensembles tant pour le corps que pour l'esprit, qui peuvent charmer et s'approprier les coeurs et rendre en même tems sa conversation utile et agréable. Car, comme avec les agréments qui résident en sa personne elle a le goût exquis pour tout ce qui regarde les beaux arts et qu'elle possède plusieurs langues, son discours ne se renferme pas dans les bornes accoutumées de la conversation, mais elle sait avec une grâce peu commune l'appliquer à toutes les occasions qui se présentent et entretenir d'une manière qui enchante les personnes les plus polies de différentes nations.

Il est inutile que je m'étende davantage sur ce que personne n'ignore; il n'y a qu'une voix là-dessus, et les étrangers aussi bien que les naturels du pays savent et éprouvent tous les jours avec quel charme et quel tour agréable elle propose ses sentiments sur les affaires épineuses aussi bien que sur les plus ordinaires de la vie. C'est un effet que doit nécessairement produire son heureux naturel, la délicatesse de son esprit, la belle éducation par laquelle elle a été cultivée dès ses plus tendres années et sa grande pénétration pour connaître le caractère d'un chacun.

Ce serait une témérité à moi de vouloir comprendre dans cet abrégé toutes les beautés et vertus émi-

nentes qui composent le caractère de cette incomparable princesse. Le but que je me suis proposé dans cette ébauche est uniquement de faire connaître l'idée que je conserve et conserverai toujours de mon auguste souveraine, et de faire comprendre en même tems le bonheur dont jouissent la Russie et les sujets de cette magnanimité et illustre princesse, sous un gouvernement si juste, si doux et si tranquille, et comme, en digne fille de Pierre Premier, elle suit en tout les glorieuses traces de ce grand monarque. On peut regarder l'heureux règne de Sa Majesté Impériale formé sur le modèle du sien, avec justice, comme la partie la plus essentielle des bénédictions célestes sur ce vaste empire.

Присяга Петру Третьему въ Москвѣ.

(1761).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, всемилостивѣйшій Государь!

По высочайшему Вашего Императорского Величества повелѣнію, отправленъ я, всеподданѣйшій, въ Москву для объявленія благополучнаго Вашего Императорского Величества восшествія на Всероссійскій прародительскій императорскій престолъ. Всѣдѣствіе онаго высочайшаго указа, пріѣхавъ сюды въ ночи на 31 число минувшаго Декабря, вѣдѣль я повѣститъ всѣмъ духовнымъ первѣйшимъ особамъ, генералитету, присутствующимъ здѣшней коллегіи членамъ, военно-служащимъ и всѣмъ мѣщанамъ, чтобъ собрались того жъ 31-го числа, въ 9 часовъ утра, по объявленію, въ церковь Успенія Пресвятаго Богородицы, для принесенія усерднѣйшихъ молитвъ, какъ о многолѣтномъ Вашего Императорского Величества и высочайшей императорской фамиліи здравіи и счастливѣйшемъ государствованіи, такъ и для учиненія въ вѣрности присяги. По собраніи въ помянутый соборъ всего духовенства, генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, всего знатнаго дворянства и мѣщанства, читанъ быль сенатскимъ секретаремъ, во первыхъ, Вашего Императорского Величества манифестъ о восшествіи Вашего Императорского Вели-

чества на Всероссійскій императорскій престолѣ, а потомъ о вѣрной Вашему Императорскому Величеству службѣ присяга, которая отъ всѣхъ бывшихъ въ томъ соборѣ говорена была въ слухъ, и отъ полковъ стоящихъ въ парадѣ на площади собраны были штабъ и оберъ-офицеры, и принесены знамена при обрѣтающихся командахъ, главномъ командирѣ, Московскомъ коменданти, генералъ-маіорѣ царевичѣ Грузинскомъ, и при мнѣ; тѣмъ же секретаремъ всѣмъ военно-служащимъ чтенъ былъ высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ, который и во всей Москвѣ публикованъ, и всѣ отъ меня обнадежены высочайшими Вашего Императорскаго Величества монаршими щедротами и милосердіемъ. А съ какимъ искреннѣйшимъ усердіемъ и съ какою всенародною радостію и удовольствіемъ сіе все происходило, того, всемилостивѣйшій Государь, довольно словами изобразить я не въ состояніи. Соборная Успенская церковь и прочія въ Кремлѣ соборныя церкви едва могли вмѣстить толикое множество народа; всѣ солдаты и весь на площади находившійся безчисленный народъ, отъ радости восхищенные, обще возглашали: «да здравствуетъ великий нашъ Государь Императоръ Петръ Федоровичъ!»

Послѣ сего совершились божественная литургія и благодарный молебень, по окончаніи же онаго происходила пушечная пальба изо ста одной пушки, а вкругъ собора въ парадѣ стоявшіе полки, въ томъ числѣ лейбъ-гвардіи отъ четырехъ полковъ здѣсь находящаяся команда и отставной лейбъ-гвардіи жъ баталіонъ, штабъ и оберъ-офицеры, а также и артиллерійская команда и армейскіе, которыхъ было числомъ 1945 человѣкъ, троекратно палили изъ мелкаго ружья бѣглымъ огнемъ; городъ весь иллюминованъ былъ три днія сряду, и цѣлый день производился звонъ.

Въ первой день сей общенародныя радости трактованы были у меня въ домѣ все здѣшнее вышней степени духовенство и генералитетъ и всѣхъ присутствующихъ мѣстъ члены, и знатное дворянство; на другой день штабъ и оберъ-офицеры какъ оставшейся здѣсь команды гвардіи и отставнаго гвардіи жъ баталіона, такъ артиллерійскіе и армейскіе, на третій день все знатное Московское купечество и содержатели Россійскихъ фабрикъ.

При семъ имѣю всеніжайше Вашему Императорскому Величеству донести, что въ то краткое время, а именно, съ Декабря 31 дня по 3 число сего Генваря мѣсяца, у присяги было 22,345 человѣкъ, какъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ и всякаго званія людей; а присяга еще и нынѣ въ превеликомъ множествѣ непрерывно продолжается.

Въ заключеніе сего всѣ здѣсь живущіе вѣрные Вашего Императорскаго Величества подданные всеніжайше припадаютъ къ всеосвященнѣйшему и милосердому Вашего Императорскаго Величества престолу, и я съ ними повергаюсь къ высокомонаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ со всѣмъ нижайшимъ благоговѣніемъ. До скончанія моей жизни есмь и пребуду,

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ *).

---

*) Кто именно, не означено: бумага эта сохранилась въ современномъ спискѣ. П. Б.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ТРЕТЬЕМУ.

Всенижайшее отъ канцлера Его Императорскому Величеству представление.

Ваше Императорское Величество, даннымъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣль указомъ, Всеysочайше повелѣть изволили, что отнынѣ для управления политическихъ и военныхъ дѣль никакого особливаго Совѣта или Конференціи не будетъ, но всякое дѣло въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣтъ, и въ слѣдствіе того соизволили поручить на попеченіе коллегіи возвратной походъ корпуса графа Чернышова.

Сие Высочайшее Вашего Величества повелѣніе будетъ исполняемо по крайней силѣ и разумѣнію, а притомъ достойно и праведно превозносить съ благоговѣніемъ монаршее Вашего Императорскаго Величества намѣреніе, прямо великаго Самодержца достойное, чтобы всѣ дѣла управлять собственнымъ вашимъ трудомъ и руководствовать вашимъ просвѣщеніемъ. Согласное сему намѣренію исполненіе не можетъ послужить, какъ къ распространенію Вашей славы, къ умноженію знатности и почтенія имперіи и къ благополучію вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ.

Въ семъ разсуждении не настоить, всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно никакой надобности продолжать Конференцію или учредить другой Совѣтъ подъ именемъ какое бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, и я крайне удаленъ что либо такое Вашему Величеству представлять, чтѣ бы противно было вышеизображеному монаршему намѣренію, а имяюще всѣ дѣла своимъ трудомъ управлять; но, почитая главною и существительною всеподданнѣйшою должностю содѣйствовать сему великодушному о пользѣ и славѣ имперіи Вашей попеченію, обязаннымъ себя находу всеподданнѣйше представить:

1-е. Что генеральныя дѣла Европы въ такую теперь призѣ пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ, а съ перемѣнною системы и во всѣхъ распоряженіяхъ великия перемѣны дѣлать. Но я со всею истиною могу донести, что сю новую систему составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предумотрѣть, что слѣдствія предосудительного или вреднаго пропасти могутъ, и всѣ распоряженія согласно тому учредить, не можетъ ни Сенатъ, ни Иностранныя Коллегія, паче же

2-е. Когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ Коллегіями Иностранныю, Военною и Адмиралтейскою: то во первыхъ, секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласія разногласные Вашему Императорскому Величеству доклады.

3-е. Буде же, напротиву того, Вашему Величеству угодно будетъ прежнюю ли Конференцію, или какой тому подобный Совѣтъ, хотя на столько времени возставить, пока настоящее

смѣщеніе дѣлъ въ объясненіе придетъ, и потому сходствен-
нѣйшая соизволенію и интересамъ Вашего Величества система
установлена, и во всѣ мѣста постановленія даны будутъ:
то, во первыхъ, Ваше Императорское Величество, присутствуя
въ такомъ мѣстѣ все сопряженіе главныхъ дѣлъ, менѣе будетъ
затрудненія, а несравненно больше способы и времени все
собственными Вашими очами видѣть и все собственнымъ Ва-
шимъ трудомъ управлять. А притомъ я почти напередъ увѣ-
ритъ смѣю, что чрезъ краткое время Конференція приложи-
ми трудами и ревнительнымъ исполненіемъ монаршой Вашей
воли удостоится Высочайшей Вашего Величества аппробаціи
и довѣрности, какъ я и теперь предъ Вашимъ Император-
скимъ Величествомъ по чести и съ чистотою совѣстю спра-
ведливо засвидѣтельствовать могу, что управление ся по сю
пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерд-
нымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотиче-
скою къ Вашему Величеству вѣрностю, да и не сдѣлала
онять здѣшнему двору нареканія ни отъ кого, но паче слу-
жила къ пріобрѣтенію оному у всѣхъ дворовъ почтенія. А
въ противномъ случаѣ, всегда довольно времени будетъ и
паки подобной Совѣтѣ отмѣнить, толь больше, что тѣмъ ни
Сенатъ, ниже которая коллегія пимало силы своей не теря-
ютъ: ибо пріемлемыя Вашимъ Величествомъ въ Конференції
намѣренія будутъ лучше и согласно съ системою объясняе-
мы, а точное исполненіе всегда тѣмъ же присутственнымъ
мѣстамъ принадлежать будетъ.

А прежнимъ ли министрамъ въ Конференціи быть, или кого
еще опредѣлить угодно будетъ, то зависитъ единственно отъ
Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благоизо-
брѣтенія.

Впрочемъ не могу я оставить, чтобъ не повторить еще у Вашего Императорскаго Величества всепреклоннейшей моей просьбы о статскомъ совѣтнике Волковѣ, который усердіемъ своимъ, тщаніемъ и особливымъ въ политическихъ дѣлахъ искусствомъ достоинъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости. По недостатку въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ членовъ, не соизволите ли Ваше Императорское Величество, по прежнему моему нижайшему представлению, определить его въ оную, а притомъ, какъ въ награжденіе за службу его, такъ и для лучшаго впредъ ободренія обрадовать повышениемъ чина, съ прибавкою къ нынѣшнему его жалованію по двѣ тысячи рублей на годъ?

R E L A T I O N

de la révolution arrivée en Russie le 9 juillet (28 juin) et suivants 1762, dans laquelle l'empereur Pierre III fut détrôné par l'Impératrice son épouse, qui monta au trône avec le nom de Catherine II.

Le jour du 9 juillet (28 juin), environ huit heures du matin, l'Impératrice, incognito, dans une petite calèche à deux chevaux et accompagnée de deux officiers subalternes et une servante, arriva à Pétersbourg de Peterhoff, où, on dit qu'elle était aux arrêts dans son palais depuis la nuit du sept juillet (26 juin) et d'où elle s'était sauvée par une fenêtre, et descendit dans le quartier du régiment des gardes de Izmaïlowsky, dont l'hetman était colonel. De là elle passa dans l'autre du régiment de Préobrajensky, où elle manda le régiment des gardes à cheval (dont le prince Georges était le colonel) et le corps d'artillerie, qui fut suivi par le reste des troupes, convoqua aussi le Conseil de l'état ecclésiastique et d'autres gens de considération, en même temps qu'on faisait les nécessaires dispositions dans l'église de Casan, qui est la principale, où S. M. devait prêter son serment ordinaire. Cette église est dans la même rue que ma maison. Des démarches si

promptes et si urgentes, avec leur nouveauté, causaient une confusion inexplicable.

Entre neuf et dix du matin j'entendis un bruit et une révolution inopinée, et curieux de ce qui se passait, je vis l'entier régiment des gardes à cheval courir sans ordre et précipitamment à l'enceinte du palais d'été, qui reste vis-à-vis ma maison, et qui fait la résidence du grand-due Paul Petrowitz *). La troupe qui était sur le point de monter la garde dans le même palais fut poussée par la célérité de ceux qui venaient, et se choquant ainsi les uns contre les autres, plusieurs chevaux et cavaliers tombèrent par terre, sans pourtant arrêter la course de ceux qui arrivaient, ou empêcher qu'ils passassent par dessus d'eux. Pas un des chevaux n'avait la croupière, pas un des soldats n'était peigné, la plus part à demi habillés, et beaucoup sans chapeau. Ce régiment entra dans le palais avec la même précipitation qu'il était venu du quartier, et ne pouvant pas entrer tous à la fois par la grande porte, enfoncèrent les murailles du jardin, qui sont de bois et se formèrent tout à l'entour du palais.

En même tems et avec la même rapidité passaient devant ma maison et par les voisinages les gardes à pied suivies de quelques chariots de munition. Tous marchaient sans être ni peignés, ni ayant chapeaux. Des uns n'avaient ni souliers, ni bottines, des autres sans uniforme, et avec eux des chevaux qui avaient démontés leurs cavaliers. Cependant tous avaient leur fusils, leurs bayonnettes, leurs sabres et leurs cartouchières. Les uns préparaient et chargeaient leur fusils

---

*) На месте нынешнего Инженерного Замка. Тутъ Павель родился, тутъ же была и его кончина.

chemin faisant, et les autres, pour arriver plus vite, se mettaient sur les charrettes des paysans, qu'ils rencontraient dans les rues. On voyait la gaieté dans les visages de tous; ils dirigeaient leur marche vers le palais neuf de pierre *), et ils s'assemblèrent aussi, proche de l'église de Casan et du palais, plusieurs ouvriers, artisans et paysans armés de leurs hâches.

En suite de ces mouvements des régimens des gardes à cheval et à pied, je vis sortir du palais d'été, entre dix heures et demie, par la porte du jardin, un vieux carrosse à quatre chevaux mal en ordre, avec deux cochers et un laquais en livrée, couleur de plomb, et qui paraissaient appartenir à quelque officier, environné de plus de 500 gardes à cheval commandées par le colonel Mélessino, lieutenant-colonel des bombardiers du corps d'artillerie. Dans ce carrosse allait le grand-duc en bonnet de nuit et déshabillé, en compagnie de son gouverneur le général Panine et du chambellan Teplow, qui le conduisirent de bon pas à l'église de Casan, où l'impératrice sa mère l'attendait; et la fonction du serment faite, ils sortirent de l'église et se mirent dans un carrosse misérable tiré par deux pauvres chevaux blancs, accompagnés de S. M. I. et de son altesse comte de Rozoumowsky, hetman d'Ukraine, du directeur-général de l'artillerie Villebois et plusieurs autres.

Dans cette retenue l'impératrice et le grand-duc arrivèrent au palais neuf de pierre. Dans la grande place qui est au devant étaient toutes les gardes à pied et à cheval. Dans ce même palais les généraux et les autres du premier ordre de l'état prêtèrent immédia-

---

*) Нынешний Зимний Дворецъ.

Архивъ Князя Воронцова ХХV.

tement serment à l'impératrice comme souveraine de toutes les Russies, et au grand-duc comme son successeur, selon la coutume et avec les cérémonies ordinaires. Tout de suite S. M. I. et son altesse se présentèrent aux troupes et furent proclamés et reconnus. Ils leur prêtèrent serment de fidélité avec l'ordre et formalités accoutumées et avec la plus grande réjouissance, qui fut suivie par les acclamations du peuple, par les fêtes et applaudissements généraux.

Pendant cette fonction et environ midi passa par la rue de la Prospective et devant ma maison un régiment de cuirassiers entièrement habillés et avec ses armes; mais les chevaux n'avaient point de crupière; ils marchaient à trot et à galop vers la place du palais pour reconnaître la nouvelle souveraine comme les autres, et une demi-heure après un piquet de ce même régiment fut détaché pour prendre ses étendards qui étaient dans le palais d'été, et les apporter au palais neuf de pierre, ce qui fut exécuté aussi par le reste des troupes de la garnison. On chanta depuis le Te Deum dans la chapelle du palais, et l'impératrice et le grand-duc furent accompagnés au palais d'hiver *) dans un carrosse magnifique et y restèrent une grande partie du jour en public, assis sur une fenêtre qui donnait à la rue principale.

Pendant toute la matinée grand train d'artillerie a passé pour le palais neuf, et beaucoup d'officiers à cheval ont couru d'un côté à l'autre, et environ trois heures du soir, quand toutes les fonctions devaient avoir été terminées, on fit jouer toute l'artillerie. et

---

*) Нынешний домъ Елисеева у Полицейского моста, между Большою Морской и Мойкою.

ensuite furent détachés différents piquets de cavalerie pour garde de la ville.

Dans tout ce qu'on a dit jusqu'ici il n'est arrivé point de malheur, et une grande joie a étalé dans toute la troupe et le peuple et même entre les plus misérables paysans. L'impératrice harangua la troupe, la noblesse et le peuple, leur promettant un règne paisible et à peu près comme celui de l'impératrice Élisabeth.

Le prince Georges d'Holstein fut arrêté par un officier de son propre régiment, et ayant voulu faire quelque résistance a été un peu maltraité. Bien assuré et entouré de soldats on le fait passer dans une chaise volante à un appartement du palais, mais dernièrement on l'a renvoya chez lui sous de bonnes gardes.

Le même a été le sort du prince de Holstein-Beck, gouverneur-général de Pétersbourg, et on dit encore de quelqu'un autre. Le lieutenant-général de police baron Korf fut aussi arrêté, mais ayant pris immédiatement le nouveau parti, l'impératrice même de sa main lui rendit son épée.

On commença d'abord à prendre des précautions et des pourvoyances convenables en de cas pareils. Le palais et les rues qu'y donnaient furent garnis de troupes et d'artillerie. A sept heures du soir on planta une batterie de douze canons dans la plaine devant le palais d'été (vis-a-vis de ma maison) pour prendre les avenues du chemin de Moscou; mais elle fut après démontée pour s'en servir à Oranienbaum, où l'empereur déposé se tenait fortifié avec la troupe d'Holstein et quelques autres, qui s'y étaient joints.

Entre neuf et dix de la nuit l'impératrice, habillée en homme et en uniforme de ses gardes, ayant le

cordon de l'ordre de S-t André, monta à cheval et à la tête de ses troupes se mit en marche vers Oranienbaum.

La déclaration qu'on a publiée contient en substance que l'impératrice montait au trône à la requête de la nation et qu'elle déposait l'empereur pour le mépris qu'il avait marqué pour la religion et pour les dangereuses nouveautés qu'il voulait y introduire, pour la paix honteuse qu'il avait signée avec le plus grand ennemi de cet empire, foulant aux pieds et sacrifiant la gloire acquise par ses armes et pour le bouleversement total de l'état contre ses constitutions, bonnes moeurs, usages et bien public.

Cette même nuit, l'exaltation de cette souveraine au trône de Russie fut annoncée à tous les ministres étrangers.

Il y a quelqu'un qui dit que cette même nuit du neuf l'impératrice devait être conduite avec son fils le grand-duc Paul Petrowitch (qui avait resté dans le palais d'été de cette ville) de Peterhoff où elle était, aux arrêts dans un couvent; et que le lendemain, 10, l'empereur devait faire la déclaration du divorce et devait en même temps déclarer son épouse et impératrice la camerfraülen, comtesse Izabelle Woronzow.

Les sujets principaux de cette révolution ont été le c-te de Rozoumowsky, hetman d'Ukraine, le général de Villebois, commandant-général de l'artillerie, le prince de Wolkonsky (le même qui le 16 mars de cette année avait signé la suspension d'armes avec le roi de Prusse), le chambellan Jean Iwanitch Schouvalow, le général Panine, gouverneur de son altesse, la famille d'Orlow et la princesse Dachkow, soeur de la dite camerfraülen comtesse Izabelle Woronzow, mais

de génie beaucoup différent. On compte cette dame comme instrument principal de cette intrigue, dame qui quoique pas plus âgée que de vingt ans, les avait cependant bien pleins de mérite. Elle monta aussi à cheval à côté de l'impératrice dans l'expédition d'Oranienbaum.

On commençait à transpirer quelque chose de cette conspiration par un soldat peu fidèle, et à un tel rapport on envoya chercher et se saisir de la part du czar d'un officier des gardes nommé Passicow, un des premiers confidents de l'impératrice. Cette circonstance et l'autre de connaître que le moment le plus favorable pour la bonne disposition de la troupe pouvait échouer en faisant exécuter les ordres que les premiers bataillons avaient de marcher pour l'armée, quoiqu'ils le faisaient à grand regret, firent éclater la mine et hâtèrent l'entreprise, qui a été exécutée de la manière qu'on a dit.

10 juillet (29 juin).

On a appris ce soir que l'impératrice s'était tenue à Krasnakabak jusqu'à quatre heures du matin, et que de là s'était rendue à Strelna Muisa d'où avait détaché un corps des troupes pour se saisir de la personne du czar déposé: qu'à l'arrivée de ce corps la plus grande partie des Russes avait déserté l'empereur et s'était jointe aux troupes de la nouvelle souveraine; que le czar, se voyant sans ressources, avait convoqué au conseil les principaux qui étaient restés en sa compagnie, parmi lesquels était le feld-maréchal comte de Munich, qui fut d'avis qu'il n'y avait autre parti à prendre que de se donner entre les mains de son ennemie, remettant son sort à sa pitié, et qui par ce moyen-là

serait moins funeste. L'empereur se mit en exécution; il se rendit en demandant sa vie, une pension, la liberté de se retirer à Holstein avec la comtesse Isabelle et déclarant qu'il la reconnaissait pour sa souveraine, lui envoya son épée. On ajoute des autres particularités, qu'il n'est pas si facile de savoir si tôt.

Le général comte De-Vierd *) est aux arrêts à Cronstadt, où il était allé de la part de l'empereur pour mettre le port et l'escadre à sa dévotion, mais y étant en même temps arrivé l'amiral Talyzine avec les ordres de l'impératrice, ils furent exécutés. Cronstadt est une île vis-à-vis Oranienbaum d'où on y va en une demie-heure.

On a entendu d'ici le canon de Peterhoff, qu'on dit avoir fait jouer pour la solennité du jour et où l'impératrice se tient encore.

Cette souveraine s'est déclarée colonel du régiment des gardes à cheval et a nommé le prince de Wolkonsky lieutenant-colonel. Celle-ci et l'autre d'avoir révoqué d'exil du comte Bestoujew-Rumine (ci-devant chancelier) ont été les premières grâces faites par cette souveraine.

Les ministres étrangers et toute la cour étaient invités à Peterhoff le jour d'hier, et ils y devaient rester jusqu'à l'ouze à cause que le jour dix devait se célébrer la grande fonction de la fête des S. S. Pierre et Paul. En conséquence le czar déposé qui ne savait pas alors ce qui se passait dans la capitale, et une grande partie de sa cour s'y rendirent entre onze et douze, mais n'y ayant pas retrouvé l'impératrice, il commença à prendre quelques mesures, et quoique pas

*) Девъерь.

sûr de ce qu'il pouvait arriver, il envoyait des ordres à Saint-Pétersbourg, mais à mesure que ses exprès entraient dans la ville, ils se jetaient dans le nouveau parti, ou allaient prisonniers dans la forteresse et autres places de sûreté. Et se trouvant par la suite sans la moindre ressource, il se rendit à Oranienbaum, y amassa le peu de troupes qu'il put, comme on a déjà dit, et s'y fortifia.

Pour se mettre au fait de tous ces mouvements, il faut savoir les distances qu'il y a de Pétersbourg à toutes les places nommées. Peterhoff est à trente verstes, Oranienbaum à plus de dix, Krasnakabak, qui n'est qu'une hôtellerie, est à dix-neuf de cette capitale, et Strelna-Muisa qui est l'endroit royal est à sept au delà de Peterhoff. Quatre à cinq verstes font une de nos lieues.

11 juillet (30 juin).

Ce matin l'impératrice en grand train s'est rendue à cette capitale, où elle est entrée à cheval, précédée par la cavalerie et suivie de l'infanterie, et entra à son palais d'été environ midi. Ce palais, comme j'ai déjà dit, est vis-à-vis ma maison. Les dames et chevaliers de sa cour l'attendaient aux escaliers. Il y eut un grand gala, et après le Te Deum qu'on chanta dans la chapelle, S. M. se retira dans ses appartemens.

On a commencé à savoir beaucoup de circonstances et particularités touchant l'événement.

Le czar déposé s'embarqua sur une galère et se présenta devant Cronstadt, mais un tel pas fut hors de saison, et au lieu d'être obéi, on le menaça, de sorte que se voyant sans le moindre secours, il fut obligé de renoncer à ses droits et se rendre.

La nuit du dix au onze le czar déposé fut conduit au château de Pétersbourg.

Il n'est pas certain que la nouvelle souveraine était aux arrêts à Peterhoff la nuit du 7, mais elle devait y être celle du neuf.

Demain nous saurons plus en détail la confusion de ce malheureux prince, les moyens qu'il prit pour s'en tirer, les lettres qu'il écrivit à l'impératrice, les grâces que celle-ci a commencé à faire, et autres différentes circonstances.

L E T T R E

écrite par m-r Boudenaër, chancelier du consulat de Hollande, à m-r de Bergsma, député de la province de Groningue aux États Généraux.

A Pétersbourg, le 13 (2) juillet 1762.

Je viens d'être témoin d'un événement, mon très cher ami, qui pourrait servir à me rendre la liberté plus précieuse encore, s'il ne suffisait pas de vivre sous son empire pour goûter et connaître ses douceurs. La révolution qui vient d'arriver en ce pays, et dont vous êtes sans doute informé, a quelque chose de frappant, et qui mérite d'être détaillé. Notre bon ami m-r de Hochenpied aura pu vous écrire quelque chose de Copenhague à ce sujet; mais enfin j'ai vu aussi de mes propres yeux, et je veux raconter à mon tour.

Vous savez ce qu'on pensait de Pierre, III du nom, avant qu'il montât sur le trône. On ne dira pas de lui qu'il parût digne de régner avant de régner en effet, comme on l'a dit de l'empereur Galba. Une vie retirée, un éloignement marqué pour les affaires, nul crédit,

aucune considération, un goût décidé pour l'eau de vie et le tabac: voilà les traits de son tableau avant qu'il parvint à la couronne. Je ne dois pas omettre son amitié pour le roi de Prusse qu'il faisait éclater en toute occasion, dont il avait donné des preuves sensibles en tirant de Wolkow les plans de campagne des alliés et ceux des Russes. Tel était ce prince à la mort de l'impératrice sa tante. Je sais qu'on a osé répandre qu'il l'avait empoisonnée. Un bruit aussi horrible et une imputation pareille, sans fondement, ne doivent pas être seulement répondu. Il suffit de dire que le vrai poison de l'impératrice Elisabeth fut un sang corrompu et infecté d'humeurs dont l'écoulement par une ouverture qu'on lui fit à la jambe prolongea ses jours pour quelque tems, mais devint enfin le principe de sa mort, lorsque suivant l'avis d'un médecin anglais, nommé Manzey, l'ouverture fut refermée *).

Comme on est toujours enchanté de ce qui est nouveau, le peuple, pour cette raison, et les grands qui espéraient gouverner sous Pierre III, le virent monter sur le trône avec plaisir. Si vous me demandez ce que je pense de lui dans cette circonstance, j'aurai un nouveau portrait à vous faire de lui. Vous le trouverez peut-être un peu différent de celui qu'en auront tracé les Autrichiens et les Français. Il est certain que le ressentiment de ces deux nations n'a pas dû le peindre en beau. Vous ne vous en rapporterez pas aussi à tout ce qu'en écrivaient les Anglais, les Prussiens et les Holstenois; moi, qui suis bon Hollandais, je vous dirai franchement qu'il était incontestablement un prin-

---

*) Cela n'est pas exact. L'ouverture s'était faite naturellement et se referma de même.

ce d'un génie borné et étroit. Une mauvaise éducation et un vice dans sa conformation organique en étaient la véritable cause. Les excès qu'il faisait assez souvent en boisson ne rectifiaient pas, comme vous l'imaginez, ces premières dispositions; aussi paraissait-il avoir l'air égaré, distrait, capricieux, sans dignité dans le maintien et dans la démarche. Mais il est aussi incontestable qu'il avait le cœur foncièrement bon, qu'il était sans hauteur, sans fierté, accueillant tout le monde, s'entretenant volontiers avec les soldats, et tous ceux que cette condescendance paraissait flatter. Il n'était point opiniâtre: chose étonnante dans un prince de ce caractère et qui était sans lumières. Il a donné des preuves de clémence et de générosité assez souvent pour qu'on puisse assurer que ces sentiments lui étaient naturels. Le rappel des *Munich*, des *Biron*, l'élargissement de *Tottleben*, les honneurs rendus au général-major *Hordt*, Suédois; l'abolition d'un tribunal dont l'espionnage faisait les fonctions, où tous les délateurs étaient reçus, et les prétendues fautes punies arbitrairement, tout cela ne prouve ni un fou, ni un méchant, comme on a voulu le peindre. Il était généreux: cela est assez prouvé par les gratifications qu'il a répandues de tous côtés en faveur des princes de sa maison, des officiers qui lui étaient attachés, des soldats de sa garde, des habitants de Pétersbourg etc. On peut croire aussi qu'il eût été assez ferme dans les résolutions qu'il aurait prises. Il avait juré une paix éternelle avec le roi de Prusse; il lui eût tenu parole. Mais toutes ces bonnes qualités n'étant point réglées par le jugement, et étant au contraire poussées à l'excès, il s'ensuit qu'elles étaient souvent eclipsées et qu'elles pouvaient dégénérer. Son admiration pour le roi de Prusse, si juste

dans son principe, était devenue une folie par le fanatisme et l'enthousiasme qu'il y mettait. Il s'habillait comme ce monarque et ne portait plus que son cordon. On lui dit un jour que ce prince aimait beaucoup le café, il n'en prenait jamais avant: depuis ce moment il n'a cessé d'en prendre. L'indifférence de sa m. prussienne pour tous les cultes est connue; quand on la lui eut apprise, il devint contempteur de la religion grecque, parla plusieurs fois avec éloge du luthéranisme et parut vouloir y retourner. Il est faux néanmoins qu'il ait fait le plan de l'introduire en Russie. Ce prétexte était fait pour séduire le peuple, et l'on n'a pas manqué de le saisir, en tirant parti de ce que j'ai raconté ci-dessus. C'est au même principe d'imitation du roi de Prusse qu'il faut attribuer son projet contre le clergé de Russie. Tous vos papiers publics, et toute l'Europe a dit qu'il avait annexé au domaine de la couronne les revenus du clergé: cela est controuvé. Il est seulement vrai que lorsqu'on lui eut appris que les évêques russes jouissaient de revenus immenses, il annonça qu'il saurait bien les réduire. En conséquence il demanda un état de leurs biens, et il commença par affranchir beaucoup de paysans des terres de l'archevêque de Novgorod, de Cazan et de plusieurs autres. On sait qu'autant de paysans esclaves de moins, c'est une diminution de sept florins dans le revenu. Voilà le fait. Ces b. de prêtres lui ont tenu compte de l'intention. Le mal est qu'il n'avait pas assez de tête pour d'aussi grands projets, qui lui étaient insinués par une envie vague d'imiter le roi de Prusse, envie qui ne donne pas les talents de ce monarque. Et d'ailleurs, ce n'était pas au commencement d'un règne qu'il fallait ainsi débuter. On m'a même assuré que le

roi de Prusse lui avait insinué de ne pas tant se presser, et c'est à l'avis du baron de Goltz que l'archevêque de Novgorod a dû son rappel.

Il est temps de passer à la conjuration, qui n'a pas assurément eu de grands coopérateurs. Il est étonnant qu'elle ait réussi, puisqu'elle avait été découverte; que les conjurés n'avaient ni troupes, ni retraite assurée, ni même formé un plan. Ces fameux conspirateurs sont au nombre de dix, savoir Rozoumowsky, hetman des gardes, Panine, gouverneur du grand-duc, l'archevêque de Novgorod, Pierre Passek, officier aux gardes Sémenowsky, le comte de Strogonow, chambellan de l'impératrice, les trois frères Orlow ¹⁾, la princesse Dachkow, soeur de la frèle Woronzow, Glébow, général-major d'artillerie, et le s-r Odart ²⁾, Français de nation, conseiller de commerce et secrétaire intime de l'impératrice actuelle, Bibikow maître des cérémonies.

Voilà quels étaient les hommes qui avaient conçu le dessein de détrôner l'empereur. Leur projet devait s'exécuter la nuit du 7 au 8 juillet nouveau style. Un incident pensa tout faire manquer. La cour était depuis quinze jours à Peterhoff ³⁾. L'impératrice y avait suivi l'empereur ⁴⁾. Passek et Orlow employèrent ce temps à gagner quelques officiers des gardes Sémenowsky et Préobrajensky. J'omets avec grande raison les discours qu'ils tinrent: rien n'est si aisé que de corrompre un Russe. Une pinte d'eau de vie suffit pour un soldat,

¹⁾ Se prononce Orloff comme tous les noms en *ow*.

²⁾ Il est du comté de Nice au roi de Sardaigne.

³⁾ Maison de plaisance de l'impératrice.

⁴⁾ Il était à Oraniebaum la veille de l'événement et ne vint à Peterhoff que le matin. Il n'y trouva plus l'impératrice.

et 25 louis pour un officier. Enfin Passek et Orlow échauffèrent les esprits, gagnèrent ceux qu'ils croyaient les plus à craindre, sans cependant s'ouvrir sur la conspiration, et en demandant simplement de l'appui pour l'impératrice, qu'ils assuraient être maltraitée journallement par son mari.

L'incident dont je parlais fut celui d'un grenadier des Préobrajensky qui, ayant reçu, trois semaines avant ceci, une rude bastonnade pour avoir insulté et volé un habitant de Pétersbourg, demanda à un de ses capitaines ce qu'il voulait faire, lui et les autres, d'un.... qui les maltraitait. C'était l'empereur qu'il désignait. Ce capitaine, qui n'était instruit de rien, feignit de l'être et se doutant de quoi il était question, il arrêta ce grenadier qu'on fit jaser et qui parla de Passek comme d'un homme qui devait s'illustrer par quelque coup de vigueur. On court à Passek, on l'arrête; il est consigné au palais d'hiver.

Tout ceci se passait la nuit du 7 au 8. Le matin de ce même jour Orlow fut averti de la détention de Passek et que tout paraissait découvert, l'empereur ayant été averti à Oranienbaum sur-le-champ. Aussitôt Orloff se rend à la maison de plaisance de l'impératrice, trouve le secret de lui parler en particulier et lui persuade de s'évader. Lui-même s'offre pour cela. L'impératrice se déguise, se sauve avec lui par des jardins. La voiture dans laquelle elle se mit pour se rendre à Pétersbourg se brisa en chemin; on la met sur une kibitka *). Elle arrive enfin à la capitale; de là elle court au palais, prie le régiment des gardes de la mettre à couvert des fureurs de son mari, pleure, promet, excite. Orlow

---

*) Voiture de paysan.

et les autres échauffaient par leurs discours les officiers. Les soldats sont harangués par un aumônier russe qu'ils appellent *protope*. Ce misérable, reconnu pour un scélérat et créature de l'archevêque de Novogorod, fait valoir la religion et les motifs tirés d'elle; il parle de la chapelle luthérienne construite au palais. Enfin tous les gardes s'écrient que Catherine est leur mère et la proclament impératrice. Elle part de là pour se rendre à l'église de Cazan, le clergé la reconnaît unanimement. Pétersbourg retentissait de cris de victoire. Tout ceci se passait dans la journée du 8.

L'empereur, qui fut averti le matin, rassembla 3 ou 400 hommes de sa garde, un corps de milice allemande de 600 hommes et 2 ou 300 Holstenois. Il marcha vers Cronstadt pour s'en emparer; mais l'impératrice s'en était déjà assurée; on refuse de l'y recevoir. Alors il parut s'oublier totalement et perdre courage, et au lieu de se rendre à Pétersbourg, où certainement tout n'était pas encore dit pour lui, encore à onze heures du matin, il perd son temps à courir à droite et à gauche; et enfin sur les trois heures il s'embarqua sur la Néva sur un yacht et fait une nouvelle tentative pour s'emparer de Cronstadt. On lui crie de ce port qu'il ait à se retirer ou qu'on tirera sur lui. Il fait entendre qu'il est l'empereur, et on ne lui répond qu'en criant *rive Catherine!* Alors il se fait conduire à la rive opposée sur les 7 heures du soir et rentre à Peterhoff. Demie-heure après arrive l'impératrice suivie de 10 mille hommes de troupes. On investit Peterhoff; quelques soldats russes et holstenois se font tuer *); les autres se rendent et abandonnent l'empereur. Alors, perdant tout

*) Близъ Оранienбаума указываютъ мѣсто, где погребены убитые при этомъ Голштинцы; въ Петербургѣ никакого кровопролитія не было. Н. Б.

courage et n'étant plus conseillé que par l'accablement, seul avec la frêle Woronzow et le chambellan Goudowitch, il écrit une lettre à l'impératrice, où il lui propose de partager l'empire avec elle et tout le pouvoir. La lettre lui est renvoyée avec mépris. Il en fait une seconde, où, accablé par cet événement et n'ayant plus aucune ressource, il a la lâcheté de reconnaître sa femme pour sa souveraine, de déclarer son incapacité, et se borne à demander grâce pour la frêle Woronzow. On envoie alors dix officiers qui se saisissent de cet infortuné prince, le renferment dans l'appartement d'hiver, où il est gardé à vue. On dit que la violence du chagrin lui a donné une fièvre chaude, ce qui n'est pas étonnant avec l'eau de vie, le tabac et les chaleurs que nous avons. L'impératrice, le lendemain, 10, a reçu tous les serments, a fait son entrée à cheval à la tête des gardes. On a arrêté Wolkow, Melgounow, etc.

Описаніе состоянія дѣль во время Государыни Императрицы Елизаветы Петровны.

(Сочинено графомъ М. Л. Воронцовымъ въ Іюль 1762).

Хотя, по заключеніи Ахенскаго мира и казалось, что установлена онымъ общая тишина на твердомъ основаніи, но нерѣшимость, въ которой оставлены были Американскія дѣла между Англіею и Франціею, не предвѣщала однако въ глазахъ тѣхъ людей, кои намѣренія и виды сихъ коронъ точно знать и судить могли, долговременнаго покоя.

Съ другой стороны, завоеваніе королемъ Прусскимъ, въ двоекратную войну учиненное, княжества Силезскаго было для Австрійскаго дома такой важности, что каждой довольно понималъ, что императрица-королева уступала оное только по нуждѣ, и съ такимъ конечно намѣреніемъ, чтобы первымъ воспользоваться случаемъ къ возвращенію сей богатой и обширной изъ наслѣдія ея провинціи.

Въ разсужденіи Американскихъ дѣлъ были, правда, отъ Англійскаго и Французскаго дворовъ назначены взаимные комисары, коимъ поручено было полюбовное оныхъ соглашеніе; но съездъ и конференціи сихъ комисаровъ въ Лондонѣ продолжились безплодно до возобновленія войны.

Попеченіе о торговлѣ, которое вѣс Европейскіе народы съ нѣкотораго времени за главное въ правительствѣ правило принимать стали, было причиною, что каждая корона, старалась о распространеніи своей, старалась притомъ и о уменьшениі сосѣдственной.

Для содержанія и подкрѣпленія сего соперничества надлежало имѣть въ защиту многочисленныя флоты. Англія, будучи издавна первою морскою державою, не могла видѣть безъ зависти, что Франція, которая прежде обращала все свое примѣчаніе на перевѣсь силъ своихъ на сухомъ пути, стала помышлять и о пріобрѣтеніи равенства на морѣ. Чувствовала она, что дешевизною и всегдашнею перемѣжною Французскихъ товаровъ начинаетъ терпѣть ущербъ въ продажѣ своихъ, а особливо въ Левантскомъ торгу, которой былъ для Англіи источникомъ богатства. Франція, напротивъ того, видя комерціи своей цвѣтущее состояніе и приращеніе, стала для ободренія оной вяще и вяще стараться о пріумноженіи морскихъ своихъ силъ. Сдѣлались оныя напослѣдокъ столь знатны, что Англія, избѣгая для переду вящаго зла, предпочла начать войну, нежели подвергнуть себя опасности. Надобно думать, что принятію сей резолюціи поспѣшествовало много слабое здоровье короля Фердинанда Пятаго, которой владѣлъ тогда въ Гишпаніи. Слѣдствіе времени оправдало, что Англія не безъ причины надѣялась, что Гишпанія, по слабости тогдашняго своего правлешія, не вступится за интересы Франціи, хотя оные въ семъ случаѣ и тѣсно соединены были съ собственными ея.

Извѣстно всему свѣту, что непріятельскія дѣйствія между Англіею и Франціею начались въ 1755 году взятіемъ въ Американскихъ водахъ двухъ Французскихъ военныхъ кораблей безъ военной декларациіи, которая послѣдовала уже

за тѣмъ и по захваченіи множества Французскихъ купеческихъ судовъ.

Англія имѣла тогда на своей сторонѣ оба императорскіе двора, республику Голандскую и короля Польскаго; напротивъ чего въ союзѣ съ Франціею были король Прускій и Швеція, Гишпанія, Данія. Италіянскіе и прочіе принцы объявили себя въ самомъ началѣ найтравльными.

Скоро по объявлѣніи войны, Англія, опасаясь Французскаго иъ собственныхъ своихъ предѣлахъ нападенія, стала требовать у республики Голандской договореній по трактатамъ воинской помоги; но не признала оная *настоянія случая* и для того отказалась помочи.

Вѣнской дворѣ, которому равномѣрное требованіе учинено было, оказалась съ своей стороны всякую готовность, но требовалъ взаимно отъ Англіи нѣкоторыхъ кондицій.

Съ Россійскимъ дворомъ, кроме особыхъ конвенцій, имѣла Англія два обязательства: первое, приступленіемъ своимъ къ трактату 1746 года, которой между Россіею и Вѣнскимъ дворомъ заключенъ быль; а другое, особливою чрезъ посла Вильямса здѣсь постановленною конвенціею о содержаніи чрезъ четыре года на Лифляндскихъ къ Литвѣ границахъ корпуса войскъ въ пятидесяти пяти тысячахъ и отъ 40 до 50 галеръ за дозволяемыя всегодно субсидіи *), въ такомъ намѣреніи, чтобы помогать Англіи, естьли бы король Прускій атаковалъ, въ пользу Французскаго двора, наслѣдныя въ Германіи его Британскаго величества земли.

Но какъ король Аглинской, любя чрезъ мѣру курфирство Гановерское, могъ опасаться, что, въ случаѣ Прускаго на

---

*) Рукою канцлера графа Воронцова приписано съ боку: „Означить число субсидныхъ денегъ“. Рукою секретаря, писавшаго записку: „по 100.000 фунтовъ стерлинговъ на годъ“.

оное нападенія, не подоспѣла бы Россійская помочь, по удаленію мѣстъ, ко времени: то и заключилъ онъ нечаянно въ началѣ 1756 года новой съ королемъ Прускимъ трактатъ, которымъ обязался сей государь не впускать въ Германію никакихъ чужестранныхъ войскъ.

Отъ сего-то трактата воспослѣдовало въ Европѣ совершенное старой системы испроверженіе, а возстановленіе новой, которая съ обѣихъ сторонъ утверждаема была отъ времени до времени новыми обязательствами.

Франція, потерявъ главнаго своего союзника короля Прускаго, стала помышлять о пріобрѣтеніи новыхъ. Вѣнской дворъ, не полагаясь больше на Аглинской, по содруженіи его съ Берлинскимъ (котораго почиталъ первымъ себѣ въ имперіи соперникомъ) не удалился вступить съ сею короною въ новой союзъ и уничтожить навсегда древнее соперничество домовъ Австрійскаго и Бурбонскаго, которое, чрезъ толь долгое время продолжавшись непрерывно, было напослѣдокъ почитаемо вѣчнымъ. Перемѣнившаяся система превратила вдругъ зависть и ревнованіе въ тѣсной союзъ и дружбу.

Первымъ сего союза слѣдствіемъ былъ трактатъ 1-го Маія 1756 года, заключенной между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами, которымъ оба взаимно обязались помогать одинъ другому въ случаѣ обороны корпусомъ войскъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ, или опредѣленнымъ за оной числомъ денегъ *).

---

*) Рукою канцлера графа Воронцова приписано съ боку: „вписать число постановленныхъ трактатомъ денегъ“. Рукою секретаря, писавшаго записку: „Которыхъ постановлено по 8000 гульденовъ имперскихъ денегъ за каждую тысячу человѣкъ инфanterіи и по 24 тысячи гульденовъ за каждую тысячу человѣкъ кавалеріи“.

Изъяснивъ теперь причины, кои произвели морскую войну между Франціею и Англіею, а притомъ много способствовали и воспламенешю Германской, надобно еще разсмотретьъ, колио участвовали въ оной и другія причины особливой недовѣрки и ревнованія между императрицею-королевою и королемъ Прускимъ.

Императрица-королева, бывъ отъ короля Прускаго двоекратно атакована, въ такое время, когда она полны руки дѣла имѣла и не возмогши ему воспротивиться, была принуждена, для спасенія прочихъ земель, жертвовать Силезію. Чѣмъ сія провинція по великости своей и по мѣстоположенію важнѣе, тѣмъ больше возрастало у Вѣнскаго двора, по мѣрѣ его усиленія во время мира, желаніе возвратить ону, во что бы ни стало. Но, чувствуя однако, что едва ли силы его къ достижению сего намѣренія достаточны будутъ, чувствовалъ онъ и нужду укрѣплять себя внѣшнею помочію, а смотря по обстоятельствамъ и по вѣроятности успѣха, открывалъ больше или меныше виды свои.

Король Прускай, зная не меныше важность своего приобрѣтенія, старался напротивъ того удержать оное за собою до самой крайности, и для того, умножа свою безъ того многочисленную армію, быль всегда вооруженнымъ и въ готовости ко всяkimъ предпріятіямъ.

Такое арміе его состояніе, а особливо смѣлой и предпріимчивой его нравъ, привели всѣ сосѣдніе дворы въ опасность нечаяннаго нашествія, слѣдовательно и въ нуждѣ быть равномѣрно въ непрестанномъ вооруженіи.

По дошедшай до толикаго степени недовѣрія однихъ къ другимъ, не трудно было судить, что отъ наружныхъоказательствъ послѣдуетъ вскорѣ дѣйствительный непріятельства, какъ то въ самомъ дѣлѣ въ 1756 году и сбылось; ибо ко-

роль Прусской, будучи приведенъ Австрійскими пріуготовленіями въ заботу (которыя, можетъ быть, собственными его воспричинствованы были) предпочель сдѣлать нападеніе, не жели ожидать онаго.

Вступленіе короля Прусского въ Саксонію, изоруженіе арміи и занятіе наслѣдныхъ земель короля Польскаго, такъ же и случившіяся потомъ чрезъ шесть кампаній перемѣны въ успѣхахъ оружія, находятся у всѣхъ въ свѣжей памяти.

Россійской Императорской дворъ принялъ въ войнѣ противъ короля Прусского участіе по двумъ причинамъ. Первая состояла въ томъ, чтобы умножившуюся чрезъ мѣру силу сего государя, которая всѣмъ сосѣднимъ дворамъ становилась страшною, возврати: для будущей безопасности, въ умѣренные предѣлы и отворить себѣ въ Европейскія, а особливо имперскія, дѣла путь и ближайшую инфлюенцію, которая по натуральномъ своемъ интересѣ старался король Прусской затруднить явнымъ образомъ; наипаче же не допустить его до новыхъ завоеваній, слѣдовательно, при уменьшениі силъ сосѣдовъ его, и до вящаго приращенія. А другая происходила отъ принятыхъ съ Вѣнскимъ общихъ обязательствъ, и именно трактатомъ 1746 года, къ которому спустя нѣсколько времени приступилъ и Лондонской. Приступленіемъ Россіи въ 31 день Декабря 1756 года къ заключенному между Французскимъ и Вѣнскимъ дворами трактату 1 Маія того жъ года, и конвенцію Генваря 22 дня 1757 года между обоими императорскими дворами, оные взаимно другъ другу обязались:

- 1) Въ трактатѣ 1746 года помогать для обороны въ случаѣ непріятельскаго нападенія 30-ю тысячами человѣкъ.
- 2) Въ приступленіи къ трактату 1 Маія (въ которомъ и Франція равнос имѣла участіе) помогать кориусомъ 24-хъ

тысячъ человѣкъ или деньгами за оной по установленно
цѣнѣ, съ такою только между Россією и Францією разни-
цею, что первая исключила отъ припимаемыхъ на себя обя-
зательствъ трактатъ Вестфальской и всѣ за опымъ послѣ-
довавшіе между ихъ величествами императрицею-королевою
и королемъ Французскимъ, также не токмо настоящую съ
Англією войну, но и всѣ съ сею короною и въ Италіи бу-
дуція; а Франція взаимно уволена отъ поданія помощи въ
случаѣ войны съ Портою Отоманскою или съ Персією.

3) Въ конвенції 22 Генваря 1757 года содержать противъ
короля Прускаго во все время войны со стороны импера-
трицы-королевы не меныше 80-ти тысячъ регулярныхъ ея
войскъ, а со стороны Россіи, при равномъ числѣ войскъ, отъ
пятиадцати до двадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ и
бомбардирскихъ галіотовъ, и не меныше сорока галеръ; на-
противъ сего, Вѣнскай дворъ долженъ платить, всегодно и
пока продолжится война, по миллиону рублевъ.

Франція и Швеція приняли участіе въ войнѣ на твердой
землѣ, каждая по двоякимъ обязательствамъ. Первое имъ обѣ-
имъ общее въ качествѣ ручателей Вестфальскихъ тракта-
товъ, коихъ нарушеніе было признано на имперскомъ собра-
ніи по большинству голосовъ въ начатой отъ короля Пру-
скаго войнѣ. Особенное Франціи обязательство состояло въ
обязательствахъ обороны и помочи, которая приняла она съ
Вѣнскимъ дворомъ трактатомъ 1 Маія 1756 года; особенное
же Швеціи обязательство происходило отъ конвенціи, кото-
рую заключила сія корона въ 22 день Сентября 1757 года
съ императрицею-королевою и королемъ Французскимъ. Шве-
ція, за опредѣленныя ей субсидіи по 3.150,000 ливровъ на
годъ, обязалась дѣйствовать въ Помераніи арміею въ 20,000
человѣкъ своего войска.

При началѣ войны и во все время оной, объявляла себя Гишпанія нейтральною, и въ самомъ дѣлѣ продолжала тѣмъ по сей годъ, хотя впрочемъ и извѣстно ея ко Франціи доброжелательство, а особливо при владѣніи нынѣшняго короля: ибо онъ съ того времени сталъ Агличанъ ненавидѣть, какъ они его въ прошлую войну (по опасности, дабы Неаполитанскія войска не соединились съ Гишпанскими и Французскими противъ Австрійскихъ и короля Сардинскаго) такъ сказать, въ собственной его резиденціи блокировали.

Данія, объявя себя нейтральною же, вздумала, для пріумноженія своей знатности, мѣшаться въ посредство между воюющими державами; но тѣмъ самымъ, а особливо по поводу Клостерсевенской конвенціи и всегда перемѣнчивыхъ поступковъ своихъ, привела себя у обѣихъ сторонъ въ небреженіе и недовѣріе.

Голандія, упражняясь больше въ комерціи, которая нынѣ ей великую пользу приносить (потому что всѣхъ мѣстъ товары развозятся для безопасности на Голандскихъ судахъ), не вступала никакъ въ дѣла, но оставалась въ томъ состояніи силь своихъ, въ какомъ до войны была, хотя нѣкоторыя провинціи и нерѣдко предлагали о умноженіи оныхъ, а особливо морскихъ, для защиты кораблеплаванія своего, которое съ Аглинской стороны многажды обезпокоивано было.

Италіянскіе принципы и области пребыли все въ тишинѣ, которая повидимому и далѣе продлится.

Порта Отоманская, хотя и заключила съ королемъ Прускимъ трактатъ дружбы и комерціи, но по сю пору не подала еще явнаго сумнѣнія о миролюбивой ея системѣ; а будущемъ, въ разсужденіи сей беспокойной державы, много ручаться нельзя.

Польша, будучи погружена во внутреннихъ раздорахъ и беспорядкахъ, упражняется всегда оними, и пока сохранить она конституцію свою, то и не заслуживаетъ почитаема быть въ числѣ Европейскихъ державъ. По причинѣ нынѣ пребыванія и частыхъ проходовъ Россійскихъ войскъ, происходили первѣдко великие крики; но скоро и умолкали оные опять. А для удовлетворенія обиженнымъ, какъ прежде въ Гроднѣ комиссія собрана была, таѣ и нынѣ другая въ Торунѣ находится, которой поручено разбирать жалобы и платить за убытки.

Надобно теперь упомянуть о тѣхъ обязательствахъ, кои прияты Россіею во время и въ разсужденіи войны противъ короля Прускаго, и на которыхъ основывались по кончину Государыни Императрицы Елизаветы Петровны всѣ наши поступки и негоціаціи при чужестранныхъ дворахъ.

Вмѣсто трактата 1746 года, заключенъ съ Вѣнскимъ дворомъ на 25 лѣтъ новой союза и обороны трактатъ въ 21 день Марта 1760 года о дачѣ другъ другу помоши въ случаѣ непріятельскаго нападенія по 30,000 человѣкъ, исключая однако послѣднюю противъ короля Прускаго войну; потому что обѣ онай особливая конвенція постановлена была. Сверхъ того гарантировала навсегда императрица-королева Голстинскія бывшаго императора владѣнія, отрекшись формально отъ обязательствъ, принятыхъ съ Датскимъ дворомъ Копенгагенскимъ трактатомъ 26 Маія 1732 года, да обязалась еще склонить къ равной гарантіи и супруга своего Римскаго императора; наипаче же подтвержденъ во всей силѣ и безъ срока секретной сепаратной артикуль, касающейся до Порты Отоманской, которымъ оба императорскіе двора обязались помогать одинъ другому въ случаѣ войны всѣми силами, и не заключать иначе мира, какъ съ общаго согласія.

Вместо конвенции 22-го Генваря, заключена того же 21-го Марта 1760 года новая на время войны против короля Пруского, которою постановлено было съ каждой стороны имѣть регулярнаго войска по крайней мѣрѣ 80,000 человѣкъ, не заключать безъ общаго согласія ни мира, ни перемирия и доставить Римской императрицѣ во владѣніе Силезію всю и графство Глацкое, а Россіи справедливое попеченные убытокъ награжденіе съ гарантіею на взаимныя обѣихъ сторонъ пріобрѣтенія.

Въ сепаратныхъ сей конвенціи артикулахъ договорено съ еще было: 1-е, приложить стараніе о удовлетвореніи королю Польскому; 2-е, о продолженіи съ Австрійской стороны денежнаго субсидій по миллиону рублевъ на годъ, 3-е; о доставленіи Россіи королевства Пруского, завоеванного оружіемъ ея, въ такомъ случаѣ когда бы императрица-королева получила обратно во владѣніе свое Силезію и графство Глацкое; 4-е, о свободѣ здѣшнему двору принять впредь съ республикою Польскою такія о королевствѣ Прускомъ мѣры, которыя бы отъ обѣихъ сторонъ за полезныя и нужныя признаны были.

Таковы-то послѣднія Россіи съ Вѣнскимъ дворомъ обязательства, на которыхъ и учреждена была вся ихъ система. Но независимо отъ сихъ обязательствъ, тѣсное обоихъ императорскихъ дворовъ соединеніе считалось всегда для того наипаче нужнымъ и натуральнымъ, что какъ по сосѣдству равно подвержены оныя опасности Турецкаго нападенія, такъ взаимно соединеніемъ силъ своихъ весьма въ состояніи не только противиться всѣмъ покушеніямъ Порты, но и самой ей, по первыхъ въ полѣ успѣхахъ, дать восчувствовать бремя войны въ собственныхъ ея земляхъ.

Кромѣ приступленія Россіи къ заключенному между Франціею и Вѣнскимъ дворомъ трактату 1-го Маія 1756 года приняла она еще съ сими королями, и имянно съ Франціею, новѣйшія обязательства; приступленіемъ своимъ къ Версальскому трактату 30-го Декабря 1758 года во всѣхъ онаго артикулахъ, исключая только тѣ, кои до Италіи касаются.

Главное сего трактата содержаніе, подтверждая прежнія обязательства, состоить въ томъ: 1-е, что обѣщано королю Польскому доставить за убытки награжденіе; 2-е, что Франція уступаетъ императрицѣ-королевѣ учиненные надъ королемъ Прускимъ завоеванія, предоставляя однако себѣ доходы съ оныхъ; 3-е, что обязывается она употребить всѣ свои старанія, дабы Силезію и графство Глацкое возвратить Австрійскому дому; 4-е, что обѣ стороны взаимно одна другую обнадеживаютъ не заключать особенного мира, не выговоря, напримѣръ, Франції у Англіи, чтобъ королю Прускому не давать помочи ни войсками, ни деньгами противъ императрицы-королевы, а взаимно сія принцесса у короля Прускаго чтобъ онъ равномѣрно не помогалъ Англіи противъ короля Французскаго; 5-е, что Франція обѣщаетъ способствовать избранію Римскаго короля въ персонѣ эрцгерцога Іосифа, и что, напослѣдокъ, 6-е, обѣ содоговаривающіяся стороны согласились не мѣшаться въ будущее избраніе короля Польскаго.

По всему вышеписанному явствуетъ, что обязательства Россіи съ Франціею произведены только были случаемъ соединенія королей Аглийскаго и Прускаго, и что не имѣли они другаго предмета, кромѣ взаимной обороны и дружбы.

Съ нѣкотораго времени оказывалъ еще Версальской дворъ склонность къ заключенію трактата комерціи, почему и было отъ онаго въ образецъ представленъ трактать съ Англіею

1734 года; но какъ въ ономъ нѣкоторыя отмѣпы учинить за-
нужно признано, то и началась съ прошлаго года негоціа-
ція. Послѣдній отвѣтъ Франціи казался бытъ таковъ, что дѣ-
ло скрѣбо бы до заключенія довести можно.

Оставляя всѣ политическія разсужденія, но уважая одну
пользу комерціи, которую отъ оныхъ безъ труда отдѣлить
можно, видится, что возстановленіе съ Франціею безпосред-
ственной торговли, буде нескоро и не въ нынѣшнее врѣмя,
но крайней мѣрѣ впередъ для Россіи выгодно быть можетъ.

Извѣстное дѣло, что Франціи падобны Россійскія произ-
ращенія для адмиральствъ ея, а Россіи Французскія для
жизни. Сіи товары привозятся теперь въ обѣ стороны, но
чрезъ треты руки, которыя, получая отъ того немалую при-
быль, лишаютъ оной оба народа. Продажа табаку, которой
въ Малороссіи развесть и умножить нетрудно, можетъ со
времянемъ сдѣлаться источникомъ богатства. Франція, не
имѣя资料 ownего табаку, принуждена оной и въ самое военное
врѣмя покупать у Агличанъ, кои, зная всю сего торга важ-
ность, заключили съ Французами договоръ, по которому та-
башнымъ кораблямъ вольно и въ военное время приходить
во Французскія гавани и возвращаться безъ грузовъ.

Съ королемъ Польскимъ не имѣла Россія безпосредствен-
ныхъ обязательствъ; но вмѣсто того многократныя учинены
были сему государю обнадеживанія, что съ здѣшней стороны
при будущемъ мирѣ все возможное въ пользу его стараніе
употреблено будетъ.

Съ Швеціею обязательства наши состояли: 1-е, въ при-
ступленіи къ Стокгольмской конвенціи 21 Марта 1757 года
между императрицею-королевою и королями Французскимъ и
Шведскимъ. Сею конвенцію обѣщано доставить Швеціи отъ
короля Прускаго безопасность и не заключать съ нимъ безъ

согласія ея мира; 2-ое, въ трактатѣ союза и обороны 1юня 24-го дня 1757 года, которымъ Россія и Швеція обязались на двѣнадцать лѣтъ помогать другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, первая 16 т. человѣкъ и 12-ю кораблями, а Швеція 10 т. человѣкъ и 8-ю судами; да сверхъ того гарантировать Гольстинскія бывшаго императора земли; 3-е, въ конвенціи 9-го Марта 1759 года о сохраненіи на Балтийскомъ морѣ кораблеплаванія и торговли отъ каперовъ и о недопущеніи въ оное иностраннѣхъ флотовъ.

Съ королемъ Аглинскимъ не настало никакихъ обязательствъ, а выше показано уже, какимъ образомъ произошла между обоими дворами остуда. Но какъ не доходила оная никогда до явнаго разрыва, то и были здѣсь и въ Лондонѣ безпрерывно содержаны взаимные министры, а по состоянію генеральныхъ дѣлъ оказывано другъ къ другу больше или меныше довѣрности.

По случаю Гольстинскихъ съ королемъ Датскимъ распрай подаль напослѣдокъ Аглинской дворѣ пріятчый опытъ склонности своей къ продолженію и утвержденію доброго согласія, объявила формально, что не намѣренъ мѣшаться въ здѣшней съ Даніею распри, и что сю самую декларацію велить и въ Копенгагенѣ чрезъ ministra своего учинить.

Какъ сей Британскаго двора поступокъ съ здѣшней стороны пристойными увѣреніями соотвѣтствованъ быль, такъ и прежде учиненныя въ Лондонѣ князю Голицыну откровенія по мирной негоціаціи взаимствованы здѣсь, въ разсужденіи посланика Кейта, равномѣрными.

Впрочемъ, хотя срокъ комерціи трактату и миновалъ дав по уже; но, въ разсужденіи происходящей отъ торговли пользы, опредѣлено исполнять оной до заключенія новаго, кото-раго проектъ давно уже врученъ господину Кейту и отъ

него посланъ къ разсмотрѣнію въ Лондонъ. Теперь остается ожидать, приметъ ли онай Англія во всей силѣ, или потребуетъ въ некоторыхъ артикулахъ отмѣны.

Прибыль отъ Аглинскаго въ Россіи купечества собою очевидна, но не меныше полезно оное и Англіи; почему въ семъ случаѣ интересъ обоихъ народовъ былъ всегда равенъ.

Непріятельскія противъ короля Прускаго дѣйствія начаты подъ именемъ подаваемой союзникамъ помочи; но скоро потомъ, и въ первую еще кампанію, превращены въ прямое объявление войны. Сія отмѣна была воспринесена отчасти собственною сего государя декларациею, а отчасти такимъ разсужденіемъ, чтобъ при мирѣ имѣть право требовать удовлетворенія за понесенные убытки.

Съ Датскимъ дворомъ имѣла Россія, по мінованіи срока трактату и конвенціи 1746 года, два обязательства. Первое происходило отъ приступленія къ Копенгагенскому трактату, который въ 4-й день Маія мѣсяца 1758 года заключенъ между королями Французскимъ и Датскимъ, и къ которому приступила послѣ императрица-королева; а другое отъ приступленія Даніи къ морской между Россіею и Швеціею конвенціи 9-го Марта 1759 года.

Въ Копенгагенскомъ трактатѣ достойно примѣчанія: 1-е, что король Датской обѣщаетъ содержать въ Гольстиніи на все время войны 24 т. человѣкъ своего войска съ точнымъ притомъ обнадеживаніемъ, что не будутъ оныя употреблены ни въ пользу королей Аглинскаго и Прускаго и ихъ союзниковъ, ниже противъ короля Французскаго, императрицы-королевы и союзниковъ ихъ; 2-е, что принимается онъ на себя почитать всякое противъ Гольстинскихъ здѣшней части владѣній или вольныхъ городовъ Любека и Гамбурга предпріятіе, за собственно надъ землями его учиненное; 3-е, что

Франція и Вѣнской дворъ обязались употребить всевозможное стараніе о исходатайствованіи сему государю съ бывшимъ императоромъ (яко тогдашнимъ великимъ княземъ) конечной сдѣлки или безпридачного обмѣна Гольстиніи на графство Олденбургское и Дельменгорстское, или же въ противномъ случаѣ о доставленіи Датскому двору при мирѣ справедливаго и достаточнаго эквивалента.

Въ изъясненіе объ эквивалентѣ точно выговорено актомъ здѣшняго приступленія, что не можетъ оной взять быть ни изъ владѣній Россійскихъ, ни изъ Гольстинскихъ, ниже на иждивеніи союзниковъ.

Потомъ начата съ Датской стороны негоціація, въ которой много участвовали посредствомъ своимъ союзные дворы, а напослѣдокъ сколь часто перемѣняль Копенгагенской дворъ отзывы и поступки свои, препровождая оные отъ времяни до времяни угрозами, которыми, можетъ быть, ласкался устрашить Россію; съ какою напротивъ того твердостію была здѣсь прината декларація или такъ названное дружеское внушеніе графа Гакстгаузена, и сколь много содѣйствовали союзные дворы въ удержаніи его Датскаго величества отъ мѣръ крайности.

Обращаясь къ генеральнымъ дѣламъ, надобно еще упомянуть, какие съ обѣихъ сторонъ и отъ союзниковъ Россійскихъ, и отъ королей Прускаго и Аглинскаго учинены были къ миру поступки.

Дворы Лондонской и Берлинской оказали первые склонность къ собранію конгреса, учиненою имянемъ ихъ Гагъ отъ принца Людвига Брауншвейгскаго декларацію 25 Ноября 1759 года, которой три равногласные экземпляры были вручены министрамъ Россійскому, Австрійскому и Французскому.

Союзные дворы, отвѣтствуя на сію декларацію, учинили два требование: 1-е чтобъ войну Франціи съ Англіею различить отъ Германской; и 2-е чтобъ короли Пруской и Аглинской сдѣлали равномѣрное приглашеніе и королямъ Польскому и Шведскому.

Сей первой поступокъ остался безъ дѣйствія, и обѣ стороны перестали думать о возобновленіи негоціаціи до начала 1761 года. Тогда объявила Франція союзнымъ дворамъ, что желаетъ мира. Съ общаго согласія отправлена была изъ Парижа къ бывшему тогда въ Лондонѣ чрезвычайнымъ посланникомъ нынѣшнему вице-канцлеру камергеру князю Голицыну единогласная союзныхъ дворовъ декларація, для врученія министерству Аглинскому и министрамъ короля Прускаго.

Скоро согласились короли Аглинской и Пруской на собраніе конгреса въ Аугсбургѣ; въ слѣдствіе чего и были отъ всѣхъ дворовъ назначены полномочные министры, изъ которыхъ Россійскіе не только къ мѣсту во время прїѣхали, но и отъ туда уже возвратились.

О Польшѣ.

Въ трактатѣ вѣчнаго мира, заключенномъ въ 1686 году, у Россіи съ Польшею между прочимъ постановлено: 1) чтобъ находящимся въ Польшѣ и Литвѣ Греческаго закона церквамъ и епископіямъ Луцкой и Галицкой, Премышльской, Львовской, Бѣлорусской, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ имѣть свободное отправленіе вѣры и никакого утѣсненія и къ вѣрѣ Римской и къ Унії принужденія не чинить; 2) чтобъ между обоихъ государствъ разграничение учинить; 3)

чтобъ отъ находящагося не подалеку Кіева мѣстечка Стакъ въ низъ по Днѣпру, до рѣки Тясминѣ, городамъ и мѣстамъ, которые до заключенія онаго трактата были разорены, а именно: Ржищеву, Трехтемирову, Каневу, Мошнамъ, Сокольнѣ, Черкасамъ, Боровицу, Бужину, Воронкову, Крылову и Чигирину, быть съ обѣихъ сторонъ впредъ до соглашенія безъ поселенія пустыми; 4) чтобы какъ изъ уступленныхъ отъ Польши, такъ и изъ прѣтихъ Россійскихъ городовъ, мѣсть и земель, здѣшнихъ подданныхъ людей никого въ Польскую сторону ни тайно, ни явно не перезывать, не подговаривать и не принимать.

Что надлежить до 1-го пункта о единовѣрныхъ въ Польшѣ, то упомянутыя первыя епархіи отъ Поляковъ въ Унію давно уже превращены, а осталось нынѣ только одна Бѣлорусская, и иѣсколько монастырей и церквей; но и оная съ тѣми монастырями, церквами и людьми отъ тамошняго Римскаго закона духовенства и шляхетства непрестанно жестокія обиды претерпѣваеть, а люди Греческаго закона всякими уѣсненіями и гоненіями въ Унію обращаемы бывають. И обѣ освобожденіи отъ того оныхъ епархій, монастырей, церквей и людей, также и о сатифакціи въ разныхъ обидахъ, и о прочемъ, въ пользу оныхъ единовѣрныхъ, съ Россійской стороны, у двора и министерства Польского съ весьма давныхъ лѣтъ и по нынѣ всякое стараніе прилагается; только по тому никакого успѣха нѣтъ.

Что касается до 2-го пункта о разграничениі съ Поляками земель, то онаго и по нынѣ не сдѣлано, и на чинимыя съ Россійской стороны о томъ сильныя представленія и доказательства отъ Поляковъ въ отвѣтъ предъявляется, что того учинить не можно затѣмъ, что-де сіе дѣло ни отъ короля, ни отъ Сената, но отъ единаго сейма зависитъ. А по-

неже по учиненному въ 1753 году освидѣтельствованію явилось за Поляками во владѣніи здѣшнихъ земель на девять сотъ восемдесѧть восемь верстъ квадратныхъ, кои какъ по силѣ помянутаго трактата, такъ по крѣпостямъ и по ста-рииному между подданныхъ обѣихъ сторонъ владѣнію, въ здѣшнюю сторону, а именно разнымъ Малороссійскаго, Стародубскаго, Черниговскаго и Кіевскаго полковъ обывате-лямъ принадлежать: то дабы Поляки на границахъ впредъ болѣе обидѣ не причиняли, и чтобы отвратить побѣги лю-дей и пресѣчь чинимые чрезъ выходящихъ изъ Польши бѣг-лецовъ разбои, разсуждено здѣсь по границѣ Польской всѣ излишнія дороги, опричъ знатныхъ и къ проѣзду назначен-ныхъ, засѣчь лѣсомъ, или заставить рогатками, укрѣпя оныя надолбами, или же перекопать рвомъ и учредить заставы и пограничныя таможни; а бывшиѣ внутри здѣшней границы форпости вывести и учредить въ неспорныхъ съ Поляками мѣстахъ на самой границѣ; а въ спорныхъ мѣстахъ, до бу-дущаго впредъ обѣихъ съ обѣихъ сторонъ разсмотрѣнія и соглашенія, форпости учредить, уступя внутрь границы до двухъ сажень; равномѣрно при нихъ засѣку вести, и рвы ко-пать, и прочія укрѣпленія чинить, уступая жъ отъ спорныхъ земель. Но съ Польской стороны отъ разныхъ обывателей въ томъ всякія препятствія и пагности дѣлаются, а именно: собираясь къ самой границѣ многолюдствомъ, какъ крестья-не, такъ и воинскіе люди, съ огненнымъ оружіемъ да съ то-порами и косами, поставленныя противъ форпостовъ рогат-ки рубятъ, мосты и форпости, также иногда и ближнія де-ревни пожигаютъ, людей и скотъ въ свою сторону уводятъ и разныя сопротивленія, драки и насильства причиняютъ.

Чтѣ принадлежитъ по 3-му пункту о барьерныхъ съ Поляками мѣстахъ, то съ Польской стороны, не смотря на трак-

тать, вѣй оныя мѣста населены, да почти вѣй Россійскими подданными, бѣглыми людьми, которыми мѣстами и людьми Поляки и понынѣ дѣйствительно владѣютъ, а приносимыя съ здѣшней стороны двору и министерству Польскому жалобы и домогательства о испражненіи оныхъ барьерныхъ мѣсть остаются втунѣ.

Чтѣ касается до послѣдняго 4-го пункта, то Россійскихъ подданныхъ разнаго званія людей, подговоренныхъ и собою ушедшихъ, вѣ Польшѣ и Литвѣ по деревнямъ и домамъ у шляхетства и особыми слободами, великое число находится, и о выдачѣ оныхъ попрежнему вѣ Россію всякое стараніе прилагается у двора и министерства Польскаго, чрезъ пребывавшихъ вѣ Польшѣ министровъ Россійскихъ, такожъ и чрезъ учрежденныхъ вѣ разныхъ мѣстахъ по границѣ комисаровъ здѣшнихъ; но отъ министровъ Польскихъ предъявляются на то такія отговорки, что поселившихся у нихъ простыхъ бѣглецовъ здѣшнихъ надлежить оставить до дальнѣйшаго Рѣчи Посполитой соглашенія, и что отъ выдачи иныхъ Россійскихъ бѣглецовъ могутъ произойти между Польскимъ шляхетствомъ замѣшательства. Но попе же такія и тому подобныя отговорки весьма неосновательны, то къ получечю изъ Польши бѣглецовъ здѣшнихъ употребляемы бывають другія средства, а именно: вызываются они чрезъ публикованные тамо и при границахъ манифесты съ обидечива ниемъ вѣ преступленіяхъ ихъ прощенія; а иногда, за невыдачу и удержаніе оныхъ бѣглецовъ, захватываются при границахъ вѣ здѣшнюю сторону сами Поляки изъ мелкаго шляхетства.

Впрочемъ, хотя уже почти вѣ Европейскія державы, и Порта Отоманская, Россійскими государями императорской титуль даются и признаются, но республика Польская опа-

го и поныне не даетъ, и на чиимъ о томъ съ здѣшней стороны домогательства отъ министерства Польскаго въ отвѣтъ предъявляется, что оное признаніе не можетъ иначе учинено быть, какъ во время сейма; только бывшіе предъ симъ въ Польшѣ многіе сеймы никогда въ состояніе не приходили.

О Персії.

Между Россійскою имперією и Персидскимъ государствомъ настоитъ трактатъ вѣчного мира, заключеній въ 1732 году, которой потомъ и другимъ въ 1735 году подтверждены. А обоими оными трактатами уступлены въ Персидскую сторону бывшія во владѣніи Россійскомъ тамошнія провинціи; установлена и продолжаема была до 1747 года дружеская пересылка съ обѣихъ сторонъ о дѣлахъ. А какъ послѣднебывшій тамо въ Персіи Надырь-шахъ отъ своихъ подданныхъ за его тиранство умерщвленъ въ 1747 году, съ того времени здѣшнихъ дѣлъ съ Персіею никакихъ нѣть, кромѣ того что производится купечество, которое помянутыми жъ трактатами установлено въ обоихъ государствахъ свободнымъ, а въ Персіи для здѣшнихъ купцовъ и безъ пошлинъ. Но по смерти шаха Надыра во всей Персіи сдѣлались бунты, кои и до нынѣ продолжаются, такъ что тамошніе ханы, усиливаясь одинъ передъ другимъ, производятъ между собою войну, и отнимаютъ одинъ у другого города и провинціи. желая каждой во владѣніе себѣ покорить все Персидское государство. А нѣкоторые изъ хановъ домогались предъ симъ завладѣть государствомъ подъ именемъ шаховыхъ наследниковъ, которыхъ однажды, сколько здѣсь известно, не осталось въ живыхъ, кромѣ одного Шарухъ-мирзы, Надырь-шахова внука; да и тотъ освѣнился при началѣ сихъ бунтовъ, которымъ

еще не видно конца. И отъ того сіе государство почти со-
всѣмъ въ раззореніе приведено; а между тѣмъ Россійскіе
купцы хотя и ъздятъ для купечества въ Персію, но по такимъ
неспокойствамъ торги тамо предъ прежнімъ стали не сво-
бодны.

О Китайскомъ государствѣ.

Междуд Россійскимъ и Китайскимъ государствами обяза-
тельства состоять въ послѣднемъ трактатѣ, которой заклю-
ченъ въ 1728 году и которымъ главнѣйше постановленіе
вѣчной миръ и дружеская пересылка съ обѣихъ сторонъ.
При томъ же установлено и продолжается съ Китайскими
людьми здѣшнее купечество на границѣ, близъ города Селен-
гинска, на Кахтѣ; а сверхъ того тѣмъ же трактатомъ поста-
новлено чрезъ три года отправлять изъ Россіи въ столичной
Китайской городъ Пекинъ для торгу караваны, которые и
отправляемы были туда съ казенными товарами, и послѣдній
отправленъ бытъ въ 1753 году; а послѣ того уже не отправ-
ляются, затѣмъ, что хотя и допущены были въ Пекинъ преж-
ніе караваны, но въ торговлѣ оныхъ не было тамо такой
свободности, какъ бы надлежало по трактату, а потому и
прибыли отъ сихъ каравановъ быть не могло. И хотя по-
правленія въ томъ отъ Китайскаго двора требовано, но оной
въ отвѣтъ своеемъ только оправдать себя старался непра-
вильными отговорками.

По тому жъ трактату учреждена въ Пекинѣ Греческаго
исповѣданія церковь, и содержатся при оной здѣшніе свя-
щенники, однакожъ не съ такою свободою, какъ дружескіе
подданные: ибо тотъ дворъ, въ которомъ Русскіе живуть, не
только ночью, но и днемъ карауломъ окружены, и никого во
дворъ и изъ оного безъ караула не пускаютъ. Такимъ же

образомъ поступаютъ Китайцы тамо и съ пріѣзжающими отсюду для дѣлъ куріерами.

Для лучаго возстановленія дружбы съ симъ Китайскимъ дворомъ, недавно оному внушеніе учинено было, чтобъ присласть къ здѣшнему двору посольство, чemu бы соотвѣтствовано было и отсюду посольствомъ же; но оной спѣшиво отвѣтствовалъ, будто здѣшнему посольству напередъ туда быть должно.

Въ прочемъ, дѣла съ Китайскимъ дворомъ состоять въ по-границыхъ ссорахъ, своевольныхъ наѣздахъ и воровствахъ между обывателями обѣихъ сторонъ, для разобранія которыхъ повсегодно сѣѣзжаются на границѣ опредѣленные къ тому люди. Но съ Китайской стороны много и въ сихъ дѣлахъ несправедливости есть, а поправленія въ томъ по здѣшнимъ домогательствамъ пѣтъ.

Сей же Китайской дворъ недавно, какъ изъ раззоренной отъ оного Зенгорской земли владѣльцы Амурсанань, да Шерень и Лоуджанданъ съ нѣсколькими Калмыками въ Россію прибѣжнице возымѣли, требуя неосновательно выдачи тѣхъ владѣльцевъ къ себѣ, сталъ уже и въ письмахъ своихъ сюда много грубости оказывать, а при томъ и угрозы здѣшней имперіи дѣлать; чаятельно вѣдая, что на простран-ныхъ границахъ Спбирскихъ войска здѣшняго весьма мало находится. И хотя не надлежитъ угрозы оного такъ уважать, чтобы война въ той сторонѣ началась (ибо по извѣстіямъ отъ границъ въ самомъ дѣлѣ оказательства къ тому пѣтъ), однако же при нынѣшихъ обстоятельствахъ, и пока возможно будетъ границы въ той сторонѣ войсками довольно снабдить, и тѣмъ Китайской дворъ въ лучшее почтеніе къ здѣшней имперіи привести, надобно съ онымъ миръ продолжать и отъ всякихъ раздоровъ по возможности уклоняться.

Краткое извѣстіе о пограничныхъ Всероссійской имперіи Азіатскихъ народахъ, изъ которыхъ нѣкоторые и подданные.

1) Мунгальской народъ. Китайской подданной, закона идолопоклонническаго, находится при границахъ Сибирскихъ, отъ Селенгинска. Сей народъ весьма многочисленной и употребляется отъ Китайцовъ въ войскѣ, котораго изъ оного до ста тысяч собрано быть можетъ.

2) Зенгорской Калмыцкой народъ, закона идолопоклонническаго, бытъ смежной съ Сибирью по рѣкѣ Иртышу. Оной имѣть своихъ хановъ и владѣльцовъ самовластныхъ, которые, завладѣвъ многими окольными народами, а па посльдокъ и Малою Бухарію (въ которой семь городовъ: Кащкаръ, Учъ, Аксу, Куца, Эркепь, Хотонъ, Керея), чрезъ сорокъ лѣтъ войну продолжали съ Китайскимъ государствомъ, а при томъ усиленыя дѣлали претензіи и па здѣшнія крайнія мѣста по Иртышу лежація, въ томъ чиелъ и на Колывано-Воскресенской заводѣ; по въ 1746 году по смерти главнаго ихъ владѣльца сдѣлалось междуусобіе, которымъ случаемъ съ Китайской стороны воспользовались, и Зенгорской народъ войсками ихъ истребленъ совершенно, а мѣста ихъ заняты отъ Китайцовъ, при чмъ на рѣкѣ Или, гдѣ напредъ сего главные Зенгорскіе владѣльцы пребываніе имѣли, и городъ Китайцами построенъ.

3) Киргись-Кайсацкой народъ, закона Магометанскаго. Сей народъ раздѣляется на три орды, большую, среднюю и меньшую. Большая находится въ близости Малой Бухаріи и была въ подданствѣ у Зенгорскихъ владѣльцовъ, а нынѣ Китайцами покорена ли, о томъ извѣстія еще нѣтъ; а Малая Бухарія, которою владѣли Зенгорскіе владѣльцы, какъ извѣстно, въ ихъ Китайское подданство приведена; а средняя и

меньшая орды считаются въ здѣшнемъ подданствѣ и кочуютъ средняя за Сибирскими грааницами близъ рѣкъ Тобола и Иртыша и въ вершинѣ Ишима, а меньшая на Заяцкой степи, близъ Яицкихъ казаковъ и Оренбургской линіи до Каспійскаго моря. А въ нихъ главными находятся: въ меньшей Нурали-ханъ, а въ средней Аблай-салтанъ. Въ обвихъ же тѣхъ ордахъ считается до сорока тысячъ кибитокъ или семей. Итакъ во время нужды легко можетъ ихъ собраться до тридцати тысячъ человѣкъ, съ огненнымъ и другимъ оружиемъ; только ханъ и владѣльцы ихъ великой силы у нихъ не имѣютъ, а въ важныхъ дѣлахъ поступаютъ по совѣту старшинъ и народа. Между тѣмъ, чтѣ касается до средней орды, то оная всячески съ Китайской стороны привлекается чрезъ частыя въ оную отъ Китайцовъ посылки съ подарками, также и учрежденіемъ для нихъ въ Зенгоріи торгомъ.

4) Каракалпацкой народъ, закона Магометанскаго, кочующій за Киргисъ-кайсацкою меньшою ордою, у Аральскаго озера, на восточной сторонѣ онаго, около рѣки Сырь-Дарыи, имѣть у себѣ двухъ хановъ, и въ семъ народѣ до десяти тысячъ кибитокъ быть имѣеть. Впрочемъ, хотя сей народъ въ 1742 году чрезъ своихъ посланцовъ въ Орской крѣпости присягу учинилъ о бытіи въ здѣшнемъ подданствѣ и для подтверждѣнія того и сюда къ двору императорскому нарочные посланцы присыланы, по съ того времея понынѣ никакой съ здѣшней стороны съ симъ народомъ, за неспособностію, пересылки не было.

5) При ономъ же Аральскомъ озерѣ находится народъ, называемой по тому озеру Аральцы. Здѣсь обѣ пемъ столько известно, что онъ управляетъ особливымъ ханомъ и состоять не въ великому числѣ, питаясь по большой части,

такъ какъ и Каракалпаки, скотоводствомъ и пашнею, хотя и кочевые.

6) За симъ же Аральскимъ озеромъ находится владѣніе Хивинское. Оное оть Оренбурга въ полуденнюю сторону разстояніемъ по обыкновенной съ караванами на верблюдахъ юздѣ въ тридцати дняхъ, и путь простирается туда по безводнымъ мѣстамъ. Въ семъ владѣніи счисляется городовъ до десяти, а именно: Хива (сама собою), Гурьянъ, Везиръ, Кентъ, Шабакъ, Казабатъ, Ханки, Ургенчъ, Адарусъ, Бектанъ, Каксара. Хивинское владѣніе управляется ханомъ, къ чему часто избираются изъ Киргизъ-кайсацкихъ салтановъ. При случаѣ войны могутъ Хивинцы немалое число войска собирать, имѣя къ тому способъ отъ окольныхъ народовъ, а впрочемъ упражняются по большой части въ купечествѣ, имѣя разныя шелковыя и бумажныя фабрики, а при томъ и песошное золото въ своихъ рѣкахъ, и какъ сами сказываютъ, то есть у нихъ и одна гора, содержащая золото близъ Аральского озера, въ двухъ дняхъ юзда отъ Хивы.

7) Бухарское владѣніе, или Большая Бухарія, лежитъ, такъ какъ и Хивинское, въ разсужденіи Оренбурга въ полуденной сторонѣ, куда изъ Хивы и водяной ходъ есть по рѣкѣ Улударьѣ, и между ими разстоянія семь дней. Тамошній Бухарской и Хивинской народы закона Магометанскаго и къ купечеству весьма склонной, при чемъ у нихъ и собственные свои червонные есть, а серебреные деньги получаютъ изъ Персіи. Въ семъ владѣніи есть ханъ; но сколько тамошній народъ многолюденъ, о томъ и о другихъ тамошнихъ обстоятельствахъ неизвѣстно.

Бухарцы и Хивинцы каждого года прѣѣзжаютъ и въ Оренбургъ съ товарами, только имѣютъ въ томъ препятствіе отъ Киргисъ-кайсацъ, которые передко такие ихъ караваны по

своему своевольному и варварскому состоянію грабятъ и въ томъ Оренбургскому съ Азіатами торгу немалое препятствіе чинять.

8) За Оренбургскою же губерніою къ Каспійскому морю находится народъ, называемой Трухменцы, которой оттуда простирается кочевьемъ своимъ къ Аральскому озеру и къ самой Хивѣ; народъ сей закона Магометанского и управляется своими старшинами, но впрочемъ самой бѣдной и упражняющійся между собою во взаимномъ воровствѣ.

9) Въ Оренбургской же губерніи находится здѣшней подданной Башкирской народъ, живущій деревнями и закона Магометанского. Сей народъ раздѣляется на четыре дороги: Нагайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую. Оной довольно многочисленной, о чемъ подлинному извѣстію, яко о внутреннемъ народѣ, надобно быть въ Правительствующемъ Сенатѣ. А до нынѣ, по разнымъ причинамъ, происходили отъ нихъ неоднократные бунты, которые усмиряемы были Россійскими войсками.

10) Калмыцкой народъ, при рѣкѣ Волгѣ въ Астраханской губерніи кочующій и находящійся въ идолопоклонствѣ, въ которомъ по примѣрному исчислению въ 1737-мъ году было болѣе сорока тысячъ кибитокъ или семей. А какъ послѣ бывшаго по смерти хана Дондукъ-Омбы въ семъ народѣ замѣшанія, съ 1742-го года оной въ покой пребывалъ, то до нынѣ и умножиться могъ, а въ ономъ нынѣ находится главнымъ намѣстникъ ханства Убаши.

11) Кумыцкой народъ Магометанского закона, по близости Кизляра, за рѣкою Терекомъ при горахъ, живущій деревнями, изъ которыхъ знатнѣйшая Костиковская, Андрѣева, Аксайская и Брагунская. Сего народа счисляться можетъ до двадцати тысячъ; они всѣ весьма ружейные и храбрые люди,

Къ Кумыкамъ же можетъ быть причисленъ въ тамошней же сторонѣ деревнями находящійся и въ здѣшнемъ подданствѣ почитаемой Чеченской народъ, Магометанского же закона, въ которомъ тысячи до трехъ быть имѣть.

12) За Кумыцкимъ народомъ за рѣкою Койсою живутъ въ Кавказскихъ горахъ, въ Дагестанѣ, разные горскіе народы вообще называемые Тавлинцы и Лезгинцы, которыхъ жилища по положенію своему хотя и принадлежать въ Персидскую сторону, однакожъ какъ тамошнія горы неприступныя, то они и остаются никому не подвластны; но въпрочемъ въ соединствѣ съ ними живеть Персидской подданной горской владѣлецъ, называемой Шавкалъ, которой предъ нѣкоторыми другими Персидскими же подданными, горскими владѣльцами, имѣть преимущество и довольно небезсильной, будучи въ состояніи во время нужды, по крайней мѣрѣ, тысячу до десяти исправнаго горскаго войска поставить.

13) Кабардинской народъ, живущій деревнями въ тѣхъ же Кавказскихъ горахъ, вверхъ по Тереку рѣкѣ и по другимъ тамошнимъ рѣкамъ, закона Магометанского, и раздѣляется на двѣ части: на Большую и Малую Кабарды. Сей народъ управляется своими владѣльцами. Въ Большой Кабардѣ военныхъ людей собраться можетъ съ слишкомъ шесть тысячъ человѣкъ, а въ Малой съ небольшимъ три тысячи человѣкъ.

Ружье у Кабардинцевъ отъ большой части огненное, а у нѣкоторыхъ есть и сайдаки, а сабли и сашки припущеныя у каждого Кабардинца, да и панцыря рѣдкой человѣкъ не имѣть. Пищали у нихъ Крымскія и Кубачинскія, винтовальныя. Они при дракѣ ихъ съ непріятельми изъ пищалей стрѣляютъ каждой только одинъ разъ, а потомъ все саблями и сашками рубятъ и колютъ. Владѣльцы ихъ при дракахъ поступаютъ весьма отважно, и въ томъ предъ узденями своими

первенствуютъ, чѣмъ и въ народѣ своеемъ большой кредитъ получаютъ, и какъ владѣльческія, такъ и узденскія дѣти съ палолѣтства обучаются своимъ экзерциціямъ, и потому что лошадей имѣютъ легкихъ и проворныхъ. Никакое нерегулярное войско съ Кабардинцами сравняться не можетъ.

По заключенному въ 1739 году между Всероссійскою имперію и Портою Отоманской трактату, Кабардинской народѣ, на которой до того съ обѣихъ сторонъ были притязанія, оставленъ вольнымъ, съ тѣмъ, чтобы не быть подъ владѣніемъ ни той, ни другой имперіи, но за барьера между обоими. Однакожъ каждой державѣ позволяетъ ихъ наказывать, въ случаѣ отъ нихъ противностей, и при томъ содер-жать отъ нихъ въ обѣихъ сторонахъ аманатовъ, почему въ здѣшней такіе содержатся, а въ Турецкую оныхъ отъ нихъ и не требовано.

14) За Маюю Кабардою живутъ въ горахъ при другихъ разныхъ небольшихъ народахъ, которые вообще причтены быть могутъ къ Тавлинцамъ, два, особенно примѣчанія достойные, называемые Осетинской и Киштинской, которые оба были напередъ сего закона христіанского, что доказывается находящимися у нихъ старинными каменными церковными развалинами, а нынѣ, будучи они безъ всякаго закона, объявляютъ желаніе къ принятію христіанского, по чьму съ 1751-го года, по сношенню Сената съ Синодомъ и съ Коллед-гію Иностранныхъ Дѣлъ, и проповѣдь у нихъ происходит, чрезъ парочно опредѣленныхъ къ тому духовныхъ персонъ изъ Грузинцовъ, и ихъ уже нѣсколько крещено. Осетинцовъ можетъ набраться до трехъ, а Киштинцовъ до двухъ тысячъ; а управляются они старшинами.

15) Отъ жилищъ Большой Кабарды начинаются мѣста Турецкія, гдѣ живутъ Кубанскіе Татары и многіе другіе на-

роды, изъ которыхъ иные счисляются Турецкими подданными, какъ то Бесленейцы, Темиргонцы; а иные, по крѣости своихъ жилищъ, имъ не подчиняются, какъ то Абазищи. А всѣ оные народы весьма малочисленные.

16) При эдѣшнихъ же гралицахъ съ стороны Киевской губерніи, между рѣкъ Буга и Днѣпра, кочуютъ Татарскіе народы, называемые Джетысайъ и Джембулукъ, которые напредъ сего были эдѣши піе подданные и кочевали въ Калмыцкомъ народѣ; но въ 1723-мъ году, при случаѣ происшедшаго въ Калмыцкомъ народѣ междуусобія, отошли въ Турецкую сторону и тамъ остались; а въ оныхъ по крайней мѣрѣ до тридцати тысячъ счисляться можетъ.

О Портѣ Отоманской.

Когда городъ Азовъ и устье рѣки Дона находилось въ владѣніи Порты Отоманской, то границы ей соединились безпосредственно съ южными Россійскими провинціями, и потому почталась она для Россіи крайне опаснымъ сосѣдомъ. Но нынѣ сія держава отъ сосѣдства съ Россіею почти совершенно отлучена, и токмо граничитъ съ нею владѣніями хана Крымскаго, васала своего отъ южной же стороны, о чёмъ въ артикулѣ о Малой Татаріи будетъ упомянуто.

Портъ Отоманская однако и нынѣ можетъ вредить Россіи по многимъ кон siderаціямъ: 1) по Польскимъ дѣламъ, въ которыхъ она пріемлетъ участіе и въ оныхъ имѣть знатную инфлюенцію; 2) въ разсужденіи Персидскаго государства, есть ли походить искать своего распространенія на его ущербъ, а особенно близъ Каспійскаго моря и 3) чрезъ хановъ Крымскихъ можетъ дѣлать нападенія на Россійскія области.

Россія равномѣрно почиталась страшною для Порты Отоманской, когда имѣла въ своемъ владѣніи городъ Азовъ и устье Донское, и тамъ содержала морскія силы; а нынѣ Туркамъ вредить не можетъ, кромѣ того что по единовѣрію съ разными въ Турецкомъ подданствѣ находящимся народами, которые составляютъ большую и знатнѣйшую часть Турецкаго владѣнія въ Европѣ и къ Россіи оказываются себя усердными и благонамѣренными, можетъ она въ случаѣ нужды, тайною или явною имѣ помощю, Турецкой дворѣ беспокоить и приводить въ заботу.

По окончаніи послѣдней войны съ Турками въ 1739 году заключенъ съ ними трактатъ вѣчнаго мира въ 15 артикулахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе въ томъ состоять: 1) Россіи на Черномъ морѣ военнаго флота и никакихъ мореходныхъ судовъ не содержать и отнюдь не заводить, и 2) городъ Азовъ подорвать до основанія, а околичныя мѣста его и устье Донское учинить между обѣими имперіями барьерною землею, и на оной ни крѣпостей, ниже селеній не дѣлать кромѣ одной крѣпости, которую каждой сторонѣ въ собственныхъ своихъ границахъ за тою баріерою построить позволено.

Доколѣ Азовская земля останется въ такомъ состояніи, то обѣ имперіи между собою безпосредственно ничего дѣлить и опасаться не имѣютъ. Россійскому двору однакожъ нужно на нынѣшнѣе время того престерегать, чтобы Турки по Польскимъ дѣламъ пребыли въ покой, и чтобы не похотѣли они учинить пріобрѣтенія надъ Черсією, и особенно близъ Каспійскаго моря; понеже въ такомъ случаѣ не трудно имъ будетъ не токмо заведенной на томъ морѣ Россійской торгѣ испровергнуть, но и очистить себѣ путь во внутренніе предѣлы Россійскіе. А на будущее время для Россіи желать на-

добно, чтобы пріобрѣтеніемъ полуострова Крыма или Донскаго устья, или какого нибудь мѣста удобнаго къ содержанію флота на Черномъ морѣ доставить себѣ на ономъ твердое основаніе, и тѣмъ Азіатскіи и другія ближнія къ тому морю Европейскія области Порты Отоманской, такожъ городъ Константинополь, и вообще Турокъ и Татаръ, содержать въ страхѣ и подъ законами, а тамошнюю комерцію обратить въ свою пользу, и оную распространить съ полуденной стороны Европы.

Упомянутой трактать вѣчнаго мира во всѣхъ его артикулахъ Россія хранеть съ точностію; но Порта Отоманская нерѣдко поступаетъ въ противность оному, по своему нраву владѣющаго султана или верховнаго визиря. И понеже долговремяное искусство довольно доказало, что на добрую вѣру и совѣсть Турковъ полагаться не можно, во паче они, по застарѣлой враждѣ своей и ненависти противу христіанскихъ державъ, всегда содержать вредныя намѣренія, и не токмо всѣми случаями охотно пользуются, но и за законъ себѣ ставятъ искать своей пользы на ихъ погибели, и заключенные съ ними трактаты вѣроломно нарушаютъ; а притомъ Турки учиненными въ послѣднюю войну надъ Австрійскимъ домомъ пріобрѣтеніями сдѣлались для сосѣдей своихъ и для всего христіанства крайне опасными: то Россія и Австрійской домъ, почитая Порту Отоманскую общимъ себѣ непріятелемъ, какъ для собственной обороны своей, такъ и для содержанія Турковъ въ ихъ должностіи, вступили между собою въ тѣсной союзъ, и сепаратнымъ секретнымъ артикуломъ заключеннаго въ 1746 году трактата обязались, въ случаѣ съ Турками войны, одна другой сторонѣ помогать всѣми силами, и естьли бъ одна сторона по какому бы случаю ни было съ Турками въ войнѣ находилась, то и другой

сторонъ имъ войну объявить, выключая изъ сего однакожъ Азіатскія владѣнія Россійскаго двора и Италіянскія земли Австрійскаго дома. Сей артикуль въ 1753 году особливымъ актомъ сдѣланъ вѣчнымъ и отъ другихъ трактатовъ совер-шенно независимымъ обязательствомъ; а потомъ, при заключеніи въ 1761 году съ Австрійскимъ домомъ союзного трактата, оной же артикуль возобновленъ и подтверждень во всей своей силѣ. Такія обязательства оба союзные дворы вошли достаточными средствами къ установлению равновѣсія противъ Турецкихъ силъ и для своей прочной отъ нихъ без-опасности.

О обрѣтающихся нынѣ дѣлахъ между Портю Отоманскою и Россіею.

1) Пограничное дѣло касается до крѣпости Святаго Дими-трія, которую Россійской дворъ при уроціицѣ называемъ Богатой Источникъ вмѣсто крѣпости Святыя Анны на рѣкѣ Дону близъ барьерной земли, для выгоднаго мѣстоположенія, построить намѣреніе принялъ. О семъ Портъ по обыкновенію чрезъ здѣшняго резидента Обрѣзкова сообщено, и хотя Россія по силѣ трактата одну крѣпость въ томъ краю по-строить право имѣеть, но какъ Турки, не безъ причины по-читая барьерную землю и устье рѣки Дона крайне для себя важными, повидимому пришли въ подозрѣніе, не имѣть ли Россія въ семъ строеніи тайного вида, дабы путь себѣ очи-стить къ Черному морю, то начали сперва подъ разными престекстами тому спорить и препятствовать, требуя, дабы нарочно опредѣленными съ обѣихъ сторонъ комисарами уро-чище Богатой Колодезь осмотрѣть и освидѣтельствовать, на-ходится ли оной виѣ барьерныхъ земель. Россійской дворъ, для успокоенія Порты, принужденъ согласиться на сей осмотръ,

почему въ началѣ пынѣшняго года присыланной отъ хана Крымскаго знатной Татаринѣ, въ присутствіи опредѣленнаго отъ войска Донскаго старшины, означенное избранное подъ строеніе крѣпости мѣсто и осматривалъ, не объявляя при томъ никакого обѣ пемъ сумнѣнія; по по учиненнымъ ему доказательствамъ хотя признался, что оно находится дѣйствительно въ здѣшнихъ границахъ, однакожъ потомъ какъ онъ возвратился къ хану, а отъ него отправленъ къ Портѣ Отоманской, то по ханскому ей представлѣнію (которой сему строенію весьма противенъ) сіе дѣло Порта весьма уважила и учирила резиденту Обрѣзкову формальную и крѣпкую протестацію, требуя, чтобы то предпріятое строеніе крѣпости оставлено было, утверждая въ томъ свою правость на договорѣ о границахъ, постановленномъ комисарами въ 1741 году, что Россія можетъ построить крѣпость на Востокѣ отъ Безъимяннаго Кургана, а вышепоказанное урочище Богатой Источникъ находится на Сѣверѣ. И такъ о семъ отъ коллегіи представлено Сенату на разсужденіе.

2) Дѣло о крѣпости Святаго Елисаветы. Оную Россійской дворѣ, для защиты Новосербскихъ селеній, пришялъ было памѣреніе построить на рѣкѣ Ингульѣ. Порта, вмѣняя себѣ сіе въ опасность, стала тому спорить и противиться, и наконецъ по многимъ спорамъ и взаимнымъ изъясненіямъ дѣло доходило до самой крѣпости. Россія, въ разсужденіи начинаящейся тогда войны въ Германіи, принуждена была въ угодность Туркамъ то крѣпостное строеніе на время оставить недовершеннымъ. Турецкой дворѣ по такомъ снисхожденіи иногда оставался въ молчаніи, а иногда покушался у Россійскаго двора во время язычнаго военнаго его упражненія вынудить, дабы то строеніе совершенно и навсегда

было уничтожено, а Россия старалась право свое по сему дѣлу за собою удержать. И такъ сей споръ понынѣ болѣе почитать надобно еще перѣшненнымъ.

О претензіяхъ.

Главнѣйшая претензія на Турокъ нынѣ въ томъ состоить, что они въ 1742 году бывшую въ Россійскомъ подданствѣ орду Нагайскихъ Татаръ, въ противность послѣднему мирному трактату, приняли подъ свою протекцію и оныхъ не взирая на сильная о выдачѣ ихъ здѣшнія представлениія и требованія, у себя содержатъ.

Россія при Европейскихъ замышшательствахъ отъ Порты опасаться имѣть: 1) чтобы не похотѣла она воспользоваться смятеніями Персидскаго государства и на ущербъ его учинить пріобрѣтенія, особливожъ распространиться до Каспійскаго моря, въ какомъ случаѣ Россія принуждена будетъ обратить свою атенцію съ той стороны; 2) чтобы не напала войною на Австрійской домъ, за которой Россія, по силѣ вышеупомянутыхъ обязательствъ и ради собственныхъ интересовъ своихъ, вступиться принуждена; 3) чтобы не вмѣшалась въ нынѣшнія сооры христіанскихъ государей; въ такомъ случаѣ все они вообще, и особенно Россія, приведены будутъ въ заботу; 4) чтобы при будущемъ избраниіи нового короля Польскаго, въ случаѣ кончины нынѣшняго, не приняла она участія въ Польскихъ дѣлахъ; а сіе для Россіи равномѣрно вредительно; 5) чтобы по заключеніи нынѣ трактата дружбы и комерціи съ королемъ Прускимъ не постановила вредныхъ обязательствъ противу соѣдніихъ державъ и особенно противу Россіи, такъ какъ она уже дѣйствительно вступила въ оборонительной союзъ противу ся съ Шведами

въ 1739 году, о чёмъ Прускіе министры при Портѣ тщательно стараться не оставятъ.

Въ прочемъ примѣчается, что Турецкая держава чрезъ вселившуюся вообще пѣжную и роскошную жизнь и отъ внутреннихъ безпорядковъ приходитъ въ изнеможеніе и упадокъ. Но когда пріемлется въ разсужденіе, что благоразумной государь, по самодержавной власти своей и по изобильнымъ ресурсамъ въ сей имперіи, всѣ въ оной беспорядки въ короткое время безъ труда исправить можетъ, то она для своихъ сосѣдей и вообще для христіанства тѣмъ не меныше должна почитаться крайне опасною.

Внутренняя система правительства ея есть воинская. Власть Турецкихъ султановъ деспотическая или безпредѣльная. Сухопутная армія ея простирается до трехъ сотъ пятидесяти тысячъ пѣхоты и конницы; а на морѣ содержить она достаточное число линейныхъ кораблей и вооруженныхъ галеръ. Доходы ея исчисляются до шестидесяти миллионовъ рублевъ, во всѣхъ нуждахъ своихъ изобильно находить скорые и надежные ресурсы.

По такому военному внутреннему устроенію сей державы цѣлость и сохраненіе ея единственно зависятъ отъ воинскихъ трудовъ и подвиговъ, которыми политическое тѣло ея крѣпитъ и питаетъ свои нервы; отъ долговремянаго жъ покоя приходитъ она не токмо въ изнеможеніе, но подвергается и конечному разрушенію. Изъ сего слѣдуетъ, что Порта Отоманская и по самой натурѣ своего правительства необходимо принуждена бываетъ съ сосѣдями своими миръ нарушать, дабы надолго не оставаться въ праздности, почитая себѣ сіе за главнѣйшій и непремѣнной законъ въ государственномъ управлѣніи, которой она и въ дѣйство производить, а особливо когда: 1) отъ долговремянаго мира военной духъ

въ народѣ истребляться начинаеть; 2) или когда крайне умножится число народа и тѣмъ общество отягощаться становеть излишними тунеядцами, отъ чего обыкновенно рождаются внутреннія беспокойства, разбои и другіе непорядки; 3) или же когда пріемлется намѣреніе наказать бунтовщикovъ и оныхъ истребить, а государство отъ такихъ правительству опасныхъ злодѣевъ очистить, и въ тоже время доставить оному пользу новыми пріобрѣтеніями. Но по симъ двумъ послѣднимъ пунктамъ опасаться болѣе надобно Венеціанской республикѣ, а паче Австрійскому дому, въ разсужденіи близняго сосѣдства Турецкого съ Венгерскими и Трансильванскими областями, какъ весьма населенными и плодоносными, на которыхъ Портъ Отоманской весьма способно нападеніе учинить и производить воинскія восиріятія съ надеждою успѣха, помошю рѣки Дуная и по изобилію всѣхъ продуктовъ южныхъ въ пропитанію многочисленной арміи.

А что Турки, тому уже около пятнадцати лѣтъ, по окончаніи Персидской войны, находятся со всѣми въ мирѣ, тому причиной прежніе два султана Махмудъ 1-й и Османъ III-й, которые, будучи у народа въ ненависти и въ репутаціи весьма слабыхъ правителей, опасались, чтобъ янычарской корпуſу и прочес войско, когда единожды въ собраніи найдутся, не покусились бы иногда учинить бунтъ для низверженія ихъ съ престола вооруженою рукою. Сего ради оба они старались войско содергать въ праздности и раздѣленіи по разнымъ пограничнымъ мѣстамъ имперіи, а въ воинскомъ чинѣ и вообще вселить нѣгу и роскошь, дабы воинскую свирѣпость Турецкой націи умягчить, и тѣмъ на престолѣ себя сохранить и безбоязненно государствовать. Отъ войны же имѣли они отвращеніе и потому, что султаны Турецкіе и министерство въ худыхъ и добрыхъ успѣхахъ оружія предъ на-

родомъ отвѣчаютъ, а когда государь народомъ ненавидимъ, то и счастіе въ воинскихъ воспріятіяхъ бываетъ сумнително.

Нынѣ владѣюцій султанъ Мустафа къ войнѣ склоненъ, отъ оной воздерживается верховнымъ визиремъ, которой надъ нимъ великую силу и кредитъ имѣть.

О Малой Татаріи.

Подъ симъ именемъ вообще разумѣются Крымская и другія орды, жительствующія у Чернаго моря, на Кубани и между рѣками Дономъ, Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, кои всѣ находятся подъ владѣніемъ хана Крымскаго. О числѣ ихъ съ точностію сказать не можно; сіе однакоже извѣстно, что ханъ Крымской можетъ въ поле поставить до семидесяти тысячиъ человѣкъ конницы, изъ которой единственно составляется его войско.

Владѣніе ихъ соединяется съ южными Россійскими границами, такожъ съ жилищами Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ. Сосѣдство ихъ для Россіи несравнительно вредительное, неожели Порты Отоманской; они весьма склонны къ хищенію и злодѣйствамъ, искусны въ скорыхъ и внезапныхъ воинскихъ воспріятіяхъ, а до послѣдней съ Турками войны приключали Россіи чувствительной вредъ и обиды, частыми набѣгами, плѣненіемъ многихъ тысячъ жителей, отгономъ скота и грабежемъ имѣнія изъ областей Россійскихъ, изъ которыхъ многія въ конецъ разорены и опустошены были. Въ семъ состоить главнѣйшей промыслъ и добыча сихъ дикихъ и степныхъ народовъ.

Россія принуждена для обороны и безопасности своей содержать противъ нихъ линіи съ знатнымъ числомъ войска, и пребывать и посреди миру, равно какъ бы во время войны,

во всякой осторожности, тѣмъ болѣе, что на добрую вѣру ихъ отнюдь полагаться не можно.

А какъ Запорожскіе казаки и другія пограничныя команды равномѣрно къ самовольствамъ склонны, то случаются между ими частые ссоры и беспорядки, которые доводятъ здѣшній дворъ до многихъ непріятныхъ дѣлъ и хлопотъ, а иногда и до крайности съ Портой Отоманской.

Россія потому главнѣйше стараться должна, чтобы отъ всѣхъ вышепомянутыхъ неудобствъ избавиться и привести себя въ томъ краю въ совершишнюю безопасность. Полуостровъ Крымъ мѣстоположеніемъ своимъ столько важенъ, что дѣйствительно можетъ считаться ключемъ Россійскихъ и Турецкихъ владѣній. Доколѣ онъ останется въ Турецкомъ подданствѣ, то всегда страшенъ будетъ для Россіи; а на противу того, когда бы находился подъ Россійскою державою, или бы ни отъ кого зависимъ не былъ, то не токмо безопасность Россіи надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное моря подъ ея властию, и подъ страхомъ ближнія восточныя и южныя стрѣны, изъ которыхъ неминуемо имѣла бы она между прочимъ привлечь къ себѣ всю комерцію.

Ханъ Крымской почитается въ своихъ владѣніяхъ хотя и самодержавнымъ государемъ, однакожъ состоить подъ протекцією Порты Отоманской и отъ нея много зависитъ, почему и случашся съ подданными его здѣшня дѣла производятся иногда съ нимъ безпосредственно, а болѣе при Портѣ Отоманской чрезъ здѣшнихъ резидентовъ, при чемъ обрѣтающейся тамъ агентъ хана Крымского Турецкими министрами въ совѣтъ призывается. Между прочими обращающимися пынѣ пограничными дѣлами одно въ томъ состоить, что ханъ Крымской, оказывая себя во всѣхъ случаяхъ къ Россіи зло-

намѣреннымъ, поселилъ вдоль по рѣкѣ Диѣпру (подлинно въ границахъ своего владѣнія, но въ крайней близости и противу самыхъ жилищъ Запорожскихъ) десять тысячъ человѣкъ аульныхъ Татаръ и тѣмъ не только Запорожскимъ казакамъ препятствіе учинилъ въ рыбныхъ и зиѣриныхъ ловляхъ по рѣкѣ Бердѣ, у Конскихъ Водъ и въ другихъ мѣстахъ (гдѣ обоимъ подданнымъ, по силѣ мирныхъ трактатовъ, промыслы производить позволено), но еще такимъ селеніемъ доставляетъ себѣ удобность учинить впаденіе на Новую Сербію и другія близъ лежащиа области Россійскаго государства. Симъ еще не довольствуяся, хотѣль было оиъ число означенныхъ Татаръ умножить до пятидесяти тысячъ человѣкъ; но какъ на сей поступокъ Россійскому двору спокойно взирать было не можно, то по многимъ сильнымъ и долговремяшнимъ представленіямъ ея и требованіямъ какъ у хана Крымскаго, такъ и при Портѣ Отоманской обѣ отводѣ тѣхъ Татаръ на иное мѣсто отъ рѣки Диѣпра, сіе дѣло наконецъ до того доказано, что Порта запретила хану Крымскому число упомянутыхъ поселянъ умножить; а вовсе ихъ отъ Диѣпра отлучить, по навѣтамъ и наущенію ханскому, и понынѣ уклоняется. Между тѣмъ назначила нарочныхъ комисаровъ, дабы обще съ здѣшними освидѣтельствовать, дѣйствительно ли нынѣшнее жилище тѣхъ Татаръ по ближнему сосѣдству беспокойно и предосудительно для Запорожскихъ казаковъ, а опасно для границъ здѣшнихъ; но ханъ, можетъ быть, признавъ неправость свою, уклонился совсѣмъ послать отъ себя для того осмотра границъ и жилищъ Запорожскихъ казаковъ нарочныхъ людей. Посему дѣло сіе понынѣ оставлено въ нерѣшимости.

Здѣшнему двору крайне нужно и полезно содержать при ханѣ ауторизованнаго отсюда человѣка, которой бы могъ

за поступками его и другими обращеніями примѣчать и объ оныхъ сюда вѣрно доносить, такъ и вообще торгъ здѣшній и купечество защищать и къ распространенію онаго примишлять способы, а по случающимся отъ Татаръ на границахъ здѣшнимъ подданнымъ обидамъ дѣлать могъ представленія и по онymъ требовать удовольствія. О семъ учрежденіи консула здѣшній дворъ домогался въ разныя времена какъ у хановъ Крымскихъ, такъ и у Порты Отоманской, но безъ всякаго дѣйствія. Однакожъ, не взирая на всѣ происходимыя въ томъ затрудненія, Россійской дворъ при оказующихся удобныхъ случаяхъ прилагаетъ прилежное стараніе всякими возможными способами такое учрежденіе консула отъ Порты исходатайствовать.

Кромѣ вышеписанныхъ дѣлъ имѣются еще и другія съ ханомъ Крымскимъ; по здѣсь теперь не упоминаются по мало-важности своей.

Россійской дворъ имѣеть на ханахъ Крымскихъ многія претензіи въ пріемъ перебѣжчиковъ, Россійскихъ подданныхъ, которыхъ ханы, а особливо содержащихъ Магометанскую вѣру, выдать уклоняются, въ противность мирнымъ трактатамъ.

При нынѣшихъ обстоятельствахъ, когда Россія индѣ дѣлами упражнена, надлежитъ опасаться отъ хана Крымскаго: 1-е, чтобы не учинилъ впаденія въ Россійскія пограничныя области, иногда и безъ вѣдома Порты Отоманской, по наученію недружескихъ съ Россіею державъ, будучи ко всякимъ смѣлымъ и отважнымъ воспріятіямъ готовой государь; 2-е, чтобы по извѣстной ненависти его противу Россіи, а паче по случаю происшедшыхъ нынѣ о крѣпости Святаго Димитрія споровъ, пограничными дѣлами и другими навѣтами не довелъ Россію до ссоры и разрыва съ Турецкимъ дво-

ромъ, и не доставилъ бы съ сей стороны упражненія, и З-е, чтобы сильною рукою не покорилъ подъ свою власть Кабардинцовъ, которые по трактату съ Портою имѣютъ пребыть вольнымъ народомъ и служить барьeroю между обѣими державами и за которыхъ Россія вступиться обязана для собственныхъ интересовъ своихъ.

Потому здѣшній дворъ, желая учредить все то что можетъ служить поводомъ къ ссорѣ и непрѣятностямъ съ Портою, хана Крымскаго во всѣхъ дѣлахъ по возможности менажировалъ и случающіеся Турецкіе и Татарскіе иски, претензіи и споры съ здѣшними подданными старался сокращать опредѣляемыми отъ времіани до времіани съ обѣихъ сторонъ комисарами на общемъ създѣ, которой потому съ обѣихъ сторонъ учрежденъ повсѧгодно весною, для изслѣдованія и решенія обостороннихъ жалобъ, чрезъ что иѣкоторымъ образомъ отъемлется хану Крымскому способъ вредить здѣшнему двору при Портѣ Отоманской. А въ лутчую отъ всякихъ опасныхъ случаевъ предосторожность поручены генералу губернатору Киевскому Глыбову всѣ тамошнія пограничныя дѣла въ вѣдомство съ тѣмъ, чтобы онъ противу чинимыхъ Татарскихъ наглостей принималъ на мѣстѣ пристойныя мѣры и резолюціи, и случающіеся между здѣшними и Турецкими подданными на границахъ своевольства и беспорядки, по крайней возможности, сокращалъ бы, стараясь во всемъ тамошнемъ краю сохранить тишину и спокойствіе.

Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины Великой.

(Неизвестнаго сочинителя).

Хотя въ политикѣ и не можно положить единожды на всегда точныхъ и непремѣнныхъ правилъ къ учрежденію статской системы, потому что всѣ человѣческія предпріятія подвергнуты внезапности и случаю: есть однако у каждого государства такие существительные или, лучше сказать, коренные интересы, кои, по нераздѣльному своему сопряженію съ самою онаго цѣлостію, не терпя вовсе отмѣны, могутъ только по временамъ колеблемы быть. Исправное сихъ интересовъ опредѣленіе составляетъ искусство министра, а согласное съ тѣмъ расположение видовъ и поступковъ производитъ государственную безопасность и славу правительству.

По монаршему повелѣнію и дабы сколько можно съ большою вѣроятностію производить заключенія, надобно во первыхъ опредѣлить, въ чемъ состоить, независимо отъ течения въ Европѣ дѣлъ, внутренняя отечества нашего польза.

Естьли взять одну предѣловъ обширность въ уваженіе, то слѣдуетъ уже изъ того: 1-е) что вообще не нужны Россіи новыя завоеванія, потому что у насъ есть множество своихъ земель, кои въ пустѣ лежать; 2-е) что по сей самой причинѣ надобенъ больше покой, дабы новыми учрежденіями обод-

рить земледѣліе, фабрики и мануфактуры; 3-е) что всякая война, кромѣ законной обороны, которая яко меньшее зло не терпить никакого изъятія, предосудительна; ибо при народномъ уменьшениі ослабѣваетъ еще торговля, источникъ всѣхъ богатствъ; 4-е) что для охраненія себя отъ непріятельскихъ нашествій, надобно имѣть вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ, кои бы въ состояніи нашемъ собственную находили пользу, понеже безъ того никакое соединеніе прочно быть не можетъ (напримѣръ Россія и Китай не будутъ никогда союзники для того, что нѣть въ сосѣдствѣ ихъ третьей державы, которая бы, упражняя общее ихъ примѣчаніе, могла когда ни есть побудить ихъ къ составленію между собою союза взаимной ли обороны или другихъ причинъ ради); 5-е) что къ пріобрѣтенію и удержанію сихъ союзниковъ не менше и имъ въ случаѣ притѣсненія помогать, и для того 6-е) равно какъ для сохраненія пріобрѣтенной въ Европѣ знатности (которая иногда больше оружія служить можетъ) въ генеральныхъ дѣлахъ все здѣшнее участіе, смотря по обстоятельствамъ, больше или менше принимать должно, стараясь наипаче, чтобы оное независимо ни отъ кого не было.

Основывая такимъ образомъ на сихъ главныхъ правилахъ систему отечества, станемъ въ слѣдующихъ артикулахъ разсматривать порознь выгоды и предосужденія, кои можетъ оное имѣть особливо отъ каждой державы, дабы изъ толь различного соображенія составить напослѣдокъ цѣлое зданіе.

Артикулъ первый. О Швеції.

Изъ исторіи вѣдаемъ мы, сколь часто Швеція бывала съ Россіею въ войнѣ. Самое земель ихъ положеніе служило всегда и впредъ еще можетъ столько же служить камнемъ пре-

тыканія въ соблюденіи между ими доброй дружбы. До послѣдней въ Европѣ войны никто почти не воображалъ себѣ, чтобъ сіи обѣ державы когда-либо по интересамъ своимъ прямо соединиться могли. И въ самомъ дѣлѣ, должно признаться, что причина пынѣшнему ихъ союзу была чрезвычайная, то есть скорое и безмѣрное усиленіе короля Прускаго, а особенно предпріимчивой сего государя нравъ, отъ котораго всѣ сосѣдственные дворы, бывъ натурально приведены въ опасеніе, стали по неволѣ уже помышлять обѣ укрѣпленія себѣ взаимною помощью; а отъ сего опасенія произошло на послѣдокъ соединеніе дворовъ Россійскаго, Вѣнскаго, Версальскаго и Стокгольмскаго, которое утвердили они потомъ разными между собою какъ общими, такъ и особыми отъ одного къ другому обязательствами.

Принятые Россіею съ Шведами обязательства состояли: 1-е) въ приступленіи къ Стокгольмской конвенціи 21 Марта 1757 года между императрицею-королевою и королями Французскимъ и Шведскимъ. Сею конвенцію обѣщано было доставить Швеціи отъ короля Прускаго безопасность и не заключать съ нимъ безъ согласія ея мира; 2-е) въ трактатѣ союза и обороны Іюля 24 дня 1757 года, которымъ Россія и Швеція обязались на 12 лѣтъ помогать другъ другу въ случаѣ непріятельского нападенія, первая 16 т. человѣкъ и 12 кораблями, а Швеція 10 т. человѣкъ и 8 судами, да сверхъ того гарантировать наслѣдныя въ Германіи земли Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя; 3) въ конвенціи 9 Марта 1759 года о сохраненіи на Балтійскомъ морѣ кораблеплаванія и торговли отъ каперовъ и о недопущеніи въ оное иностранныхъ флотовъ. Первое и третіе изъ сихъ обязательствъ не могутъ теперь имѣть силы, потому что нарушены обѣ односторонними за-

миреніями, кои учисены Россіею и Швеціею съ королемъ Прускимъ безъ предварительнаго между собою съ обѣихъ сторонъ спошепія. Напротивъ того, второе трактатомъ союза и обороны 24 Іюля 1757 года приштое обязательство остается иѣкоторымъ образомъ въ силѣ своей. Здѣсь настоить вопросъ, полезно ли для Россіи наблюденіе сего трактата и надобно ли содержать онъ до срока?

Не вступая еще въ точное опредѣленіе существительныхъ Россіи интересовъ, можно въ семъ случаѣ, пока продолжится въ Европѣ нынѣшия система, принять за правило, что дружба и добroe согласіе съ Швеціею не совсѣмъ не пужны: ибо 1-е) утверждается тѣмъ съ одной стороны пограничная тишина, а съ другой доставляется большие способы къ удержанію Турковъ и Татаръ отъ всякихъ предпріятій; 2-е) что застарѣлая въ Шведскомъ народѣ противъ Россіи ненависть по причинѣ учиненныхъ при Балтійскомъ морѣ за воевашій мало-по-малу убавляться начнетъ; 3-е) что Швеція гарантируетъ здѣшнему императорскому дому Голстинскія владѣнія, чѣмъ Датскій дворъ, при будущей полюбовной сдѣлкѣ, къ вицѣ податливости побужденъ быть можетъ; а особенно 4-е) по всѣмъ вѣроятностямъ случай неисполненія трактата, кромѣ чрезвычайной внезапности, скоро настоить не можетъ.

Но какъ въ бывшее правленіе всѣ дѣла приведены въ нестроеніе, то для приданія помянутому трактату вицѣ силы кажется, что надобно нынѣ утвердить онъ взаимными дворовъ деклараціями, къ чему натурально въ Шведскомъ немалую склонность полагать должно.

Теперь, независимо отъ всѣхъ обязательствъ, надобно разсмотрѣть, въ чёмъ бы существительно состояли Россійскіе интересы въ разсужденіи Швеціи. Ближнее сосѣдство не

такмо къ завоеваннымъ провинціямъ, по и къ самой рези-
денціи могло бы причинять нѣкоторую заботу, естьли бы
опять не обнадеживала нась установленная тамъ форма пра-
вительства, по которой ни король, ни Сенатъ (по большей
части Франціи всегда преданный) ничего собою сдѣлать не
могутъ: ибо въ цѣломъ народѣ не трудно, при настоящіи слу-
чая, деньгами составить и армію и тѣмъ препятствовать дѣй-
ствительному непріятельству начаться, или по крайней мѣрѣ
сильному онаго произведенію. Но изъ того послѣдуетъ не-
оспоримая правда, что для Россіи наипаче нужно всѣми си-
лами стараться о сохраненіи настоящей въ Швеціи формы
правительства, подкѣпляя при случаѣ благонамѣреніемъ, а
иногда въ крайней необходимости употребляя и нѣкоторое
число денегъ.

Если король къ Россійскимъ интересамъ доброжелателенъ,
въ такомъ случаѣ надобно ему всячески помочь, но осте-
регаясь однако, дабы онъ не могъ чрезъ то получить само-
державной власти; ибо польза изъ такой перемѣны, завися
отъ жизни одного человѣка, не можетъ быть прочная; на
противъ чего, народное правленіе, будучи всегда внутренни-
ми раздорами упражняемо, по виѣшнимъ дѣламъ держится въ
мѣстныхъ предѣлахъ и неудобно къ смылымъ предпріятіямъ.

Интересъ отечеству нашему съ Швеціею общій можетъ
только состоять въ распространеніи взаимной торговли, ко-
торая однако едва ли когда достигнетъ высокой степени, по-
тому что въ обѣихъ сторонахъ товары почти одинакіе, слѣ-
довательно въ генеральнай комерціи соперничество неми-
нуемое. Со всѣмъ тѣмъ давно уже представилъ Шведской
дворъ о заключеніи трактата торговли, и теперь зависить
отъ оказанія нѣкоторой готовости къ началю негоціації.
Поводъ остается еще у нась въ несрѣдственности дѣла о раз-

граничениі; но какъ нынѣ по оному нѣть никакихъ споровъ, то и можно обождать, чтобъ Швеція съ своей стороны первые учинила отзывы, дабы въ семъ случаѣ податливостю или твердостю, смотря по обстоятельствамъ, одержать желаемое.

Интересы Швеціи разнствуютъ отъ нашихъ въ томъ, что ей усиленіе Россіи опасно быть можетъ; слѣдовательно она какъ приращенію нашему препятствовать, такъ и надеждою посторонней помощи укрѣплять себя должна. Луччій для Швеціи союзникъ Франція, потому что она больше другихъ деньгами ее снабдѣвать можетъ. Но доколѣ продолжится у нась доброе съ сею короною согласіе, не для чего опасаться, чтобъ похотѣла она подвигать на насъ Швецію; а сверхъ того неуповательно, чтобъ и сія послѣдняя, видя съ здѣшней стороны истинную къ дружбѣ склонность, покусиласъ нынѣ дѣйствовать вопреки здѣшнимъ интересамъ.

Съ другой стороны, нужна Швеціи дружба здѣшняго двора на два случая, то есть, когда бы ее король Прусской или Данія (чего теперь однако на время съ вѣроятностю полагать не можно) по какимъ либо видамъ атаковать похотѣли. Близость Россіи, которую впрочемъ Стокгольмской дворъ опасною для себя ставить обыкъ, была бы оному иногда единственнымъ спасеніемъ; потому что ни которая держава не можетъ подать ни столь сильной, ни толь скорой помощи и что сверхъ того собственный интересъ, дабы Данія или Пруссія больше еще усилиться не могли, не позволилъ бы намъ предать Швецію въ гибель, хотя бы иначо и не доброжелательствовали мы ей. Посему она и будетъ всегда въ необходимости показывать намъ, по крайней мѣрѣ наружно, видъ дружбы и согласія.

Артикуль второй. О Даніи.

Данія по мѣстоположенію своему не можетъ никогда имѣть съ Россіею безпосредственной войны, а напротивъ того при всякомъ случаѣ въ состояніи опѣ одна другой, особенно же на морѣ, съ пользою помогать.

Постороннія намъ Голстинскія распри довели было въ прошлое правленіе дѣла наши съ Даніею до самой крайности. Съ часу на часъ надлежало ожидать дѣйствительнаго разрыва. Предубѣженіе покойнаго государя столь было велико, что онъ нимало не хотѣлъ уважить изнуренія имперіи, которая, по пятилѣтней драгоцѣнной и кровопролитной войнѣ, конечно не въ состояніи была вынести новую въ толикомъ отъ границъ своихъ удаленій; да и какая бъ Россіи польза изъ пріобрѣтенія герцогства Шлезвигскаго, когда бъ и удалось намъ жертвованіемъ остальныхъ способовъ, побѣдя Датчанъ, принудить ихъ къ толь чувствительной уступкѣ? Если по началу судить, умножились бы по мѣрѣ новаго завоеванія расходы на содержаніе тамошнихъ войскъ и правительствъ; а чрезъ то были бъ мы неминуемо новымъ примѣромъ Англіи въ разсужденіи курфирства Гановерскаго, съ тою только разницею, что Англія, но избытку богатства своего (отъ цвѣтущей торговли всегда умножающагося), могла устоять противъ толь тяжкаго бремени, а Россія бы въ конецъ отъ своего разорена была. Но какъ и въ семъ случаѣ рука Всесильнаго благовремянно еще, славнымъ Ея Императорскаго Величества на престолъ восшествіемъ, отвратила отъ насть сию опасность: то надобно теперь единожды на всегда натуральную съ Датскимъ дворомъ дружбу установить на твердомъ основаніи и стараться наипаче о изъятіи изъ среды всѣхъ къ будущимъ несогласіямъ причинъ.

Сошедшія въ Дапландії граници владѣлій нашихъ съ Датскими не заслуживають прымѣчанія, потому что по бѣдности и пустотѣ тамошняго края не могутъ оныя никогда подать поводу къ орудію, а еще меньше къ самой враждѣ; напротивъ того, Голстинскія дѣла были всегда первымъ предметомъ попеченія Копенгагенскаго двора. Нѣть здѣсь нужды разыскивать, сколь несправедливо владѣеть оной герцогствомъ Шлезвигскимъ; довольно и того, что самъ неоднократно представлялъ готовность свою къ удовлетворенію съ тѣмъ только, чтобы для переду доставить себѣ спокойное владѣніе.

Первые его Датскаго величества предложения состояли въ нѣкоторой суммѣ денегъ, потомъ въ промѣнѣ герцогской Голстинской доли на графства Олденбургское и Делменгорстское, а напослѣдокъ, когда уже настала прямая съ здѣшней стороны опасность, вызывался баронъ Бернедорфъ къ Прускому министру Борку, что король его государь готовъ поступить на все, чтѣ только чести и славѣ его предосудительно не будетъ. Но намѣреніе бывшаго императора было не меньше какъ получить назадъ съ Шлезвигомъ и Датскую въ Голстинії часть. Между тѣмъ, больше наружности ради, нежели въ надеждѣ успѣха, назначенъ былъ въ Берлинѣ подъ медіаціею его Прускаго величества, конгресъ для полюбовной сдѣлки. Теперь, когда Ея Императорское Величество для пользы отечества мудре и великодушное намѣреніе принять изволила, оставляя всѣ дальности, вступить съ Датскимъ дворомъ въ полюбовное соглашеніе, можно бы съ достовѣрностію положить, что оной не только не отречется отъ справедливаго удовлетворенія, но и охотно еще поступить, по натурамъ общихъ коронъ интересамъ, на принятіе тѣсныхъ въ общую пользу обязательствъ.

Между другими кондиціями, кажется, надобно выговорить у его Датского величества: 1) чтобы онъ заплатилъ оставающіеся на герцогской Голстинской части долги; 2) удовольствовалъ младшую княжескую фамилію въ справедливыхъ ея искахъ, а особливо отрекся отъ епископства Любекскаго въ пользу старшаго сына принца Августа; 3) единожды навсегда за всѣ герцогскаго дома притязанія заплатилъ еходственную сумму наличными деньгами; а напослѣдокъ 4) въ разсужденіи Россійскихъ чрезъ Зундъ съ товарами проходящихъ судовъ дозволилъ тѣже вольности и преимущества, коими напѣльше пользуется облегченный народъ.

Къ симъ кондиціямъ могутъ по точнѣйшемъ разсмотрѣніи прибавлены быть въ проектѣ трактата другія, касательно лутчаго учрежденія границъ и судебнаго порядка въ обѣихъ частяхъ Голстиніи, поколику онья между собою въ сопряженіи быть могутъ.

По прекращеніи Голстинской распри не останется ни у Россіи, ни у Даніи причинъ ко взаимному ревнованію, но паче интересы ихъ будуть почти всегда одинаковы.

Россіи и Даніи равно нужно: 1) чтобы Швеція сохраняла въ цѣлости настоящую правительства своего форму; 2) чтобы кораблеплавашіе на Балтійскомъ морѣ, независимо отъ всякой между прочими державами войны, оставалось всегда спокойнымъ отъ каперовъ и чужестранныхъ флотовъ; 3) чтобы король Прускій въ силахъ своихъ вящаго приращенія получить не могъ, потому что соѣдство его для обѣихъ сторонъ небезопасно.

Такимъ образомъ справедливо можемъ мы о Данії сказать, что интересы ея съ нашими почти нераздѣльны, ибо основываются не на обязательствахъ случаемъ произведеныхъ и испровергаемыхъ, но на самой натурѣ мѣсто положенія обо-

ихъ государствъ, такъ что одно другому не можетъ безпосредственно на твердой землѣ вредить, а взаимными диверсіями очень много пользовать.

Могутъ, правда, случиться такія обстоятельства, по которымъ бы оба двора, имѣя разныхъ союзниковъ, дошли до оступы или и до самыхъ непріятельствъ; но такой чрезвычайной случай не можетъ продолжаться долго, ни уничтожить признания собственной ихъ между собою пользы.

Послѣднія наши съ Датскимъ дворомъ обязательства состояли: 1-е, въ приступленіи нашемъ къ Копенгагенскому трактату, который въ 4 день Мая мѣсяца 1758 г. заключенъ между королями Французскимъ и Датскимъ и къ которому приступила послѣ императрица-королева; 2-ое, въ приступленіи Даніи къ морской между Россіею и Швеціею конвенціи 9-го Марта 1759 года.

Въ Копенгагенскомъ трактатѣ достойно напаче примѣчанія: 1-ое) что король Датской обѣщаетъ содержать въ Голстиніи 24 т. человѣкъ своего войска съ точнымъ притомъ обнадеживаніемъ, что не будутъ оныя употреблены въ пользу королей Аглинскаго и Прускаго; 2) что принимается онъ на себя почитать всякое противъ герцогской Голстинской доли или вольныхъ городовъ Любека и Гамбурга предпріятіе за собственно надъ землями его учиненное; 3) что Франція и Вѣнской дворъ обязались употребить всевозможное стараніе о исходатайствованіи сему государю конечной по Голстинскимъ распрамъ сдѣлки или безприданного герцогской части обмѣна на графства Олденбургское и Делменгорстское или даже въ противномъ случаѣ о доставленіи Датскому двору справедливаго и достаточнаго эквивалента, о которомъ именно выговорено въ актѣ здѣшняго приступленія, что не можетъ взято быть ни изъ владѣній Россійскихъ, ни изъ Голстинскихъ герцогской части, ниже на иждивеніи союзниковъ.

Съ того времени на столько отмѣнились обстоятельства, что оба вышеозначенные обязательства дѣйствительными признаемы быть не могутъ. Въ морской конвенціи не настоитъ большиe нужды, ибо миновала уже вся опасность пришествія въ Балтику чужестраннаго флота; а трактать уничтоженье стать тѣмъ, что дѣла съ Датскимъ дворомъ, вмѣсто полюбовной сдѣлки, доходили до войны.

Теперь не наступило еще время, чтобы представлять его Датскому величеству о принятіи новыхъ формальныхъ обязательствъ; но можетъ быть сей государь учинить самъ первое къ тому предложеніе, когда Голстинскія дѣла къ окончанію приведены будутъ. Если бы какія причины не дозволяли тогда поступить на заключеніе трактата союза и обороны, можно будетъ по крайней мѣрѣ начало сдѣлать договоромъ о Комерціи, которая со временемъ гораздо распространиться можетъ, потому что многіе изъ товаровъ нашихъ Даніи необходимо нужны

Артикулъ третій. О Голстинії.

Голстинія можетъ для здѣшняго двора въ имперскихъ дѣлахъ не безъ пользы быть, потому что способомъ ея получаемъ мы въ княжеской коллегіи голосъ и соучастіе въ совѣтахъ имперскаго собранія.

Одно и другое нужно Россіи для того, чтобы привести себя въ состояніе быть союзникамъ своимъ, въ случаѣ нужды, большиe полезными и надобными, а особливо имѣть способы удерживать въ Германіи равновѣсие силъ, отъ котрого зависитъ общая типина.

Впрочемъ положеніе герцогства Голштинскаго удобно еще къ поспѣществованію здѣшней комерціи, естьли бы оная когда ни есть собственно пами, а не чрезъ иностранныхъ купцовъ производима была.

Артикуль четвертый. О Польшѣ.

Слабость и нестроеніе Польскаго правленія столь велики, что сіе королевство не можетъ никому ни полезно, ни страшно быть, почему и ровень вѣхъ окрестныхъ пародовъ интересъ въ томъ, чтобы не допускать оное никогда до установленія въ правительствѣ своемъ лучшаго порядка, а еще менѣе наслѣдства въ королевской фамилії. Явной тому примѣръ былъ во время короля Августа Втораго; ибо ни одинъ дворъ, не взирая на всѣ выгоды, кои онъ представлялъ во взаимствѣ, не согласился тогда подкрѣплять властолюбивые его виды къ утвержденію короны въ курфиршескомъ домѣ. Сколь бы скоро сіе первое покушеніе возъмѣло успѣхъ, не трудно уже было бъ сему хитрому государю предуготовить наследникамъ своимъ путь къ похищенію самодержавной власти.

Дѣла наши съ Польшею состоять: 1) въ утѣсненіи Греко-рussiйскихъ исповѣдниковъ; 2) въ спорахъ о пограничныхъ земляхъ; 3) въ приеманіи Россiйскихъ бѣглыхъ; 4) въ худомъ производствѣ пограничныхъ комисій.

Вмѣсто четырехъ епархiй и множества монастырей и церквей остается теперь въ Польшѣ одна Бѣлорусская епархiя да небольшее число монастырей и церквей, а прочiя отняты всѣ на Унiю. Споры о пограничныхъ земляхъ тѣмъ больше заслуживаютъ уваженiя, что по учиненному въ 1753 году свидѣтельству явилось за Поляками во владѣнiи здѣшнихъ земель на 988 квадратныхъ верстъ, и что опять въ против-

иость трактату вѣчного мира населили они своевольно тѣ земли, коимъ бы въ пустѣ оставаться надлежало. Сколько же чувствителенъ и вреденъ для Россіи пріемъ въ Польшѣ бѣглыхъ, иѣть о томъ нужды много здѣсь о томъ распространяться; ибо никто не можетъ оспорить, что уменьшеніе въ государствѣ народа первое есть государственное зло. На послѣдокъ, худое производство пограничныхъ комисій было и будетъ всегда препятствіемъ, что ни по какимъ дѣламъ и искамъ не можно отъ Поляковъ ожидать справедливаго удовлетворенія.

Весьма часто противъ такихъ неудобствъ приносимыя Польскому двору жалобы не произвели по сю пору ни малѣйшаго поправленія, ибо необузданная шляхетства вольность пренебрегаетъ всѣ королевскія повелѣнія, поелику не согласуютъ оныя съ корыстію. Но какъ слава, честь и существительный интересъ имперіи требуютъ, чтобъ въ наглыхъ отъ Поляковъ обидахъ сколько можно для переду положить предѣль, то и остаются только сильнейшія къ употребленію мѣры. Наиримѣръ, для защиты единовѣрныхъ нашихъ отъ гоненія, надобно будетъ при настоящіи первого случая формально объявить, что если въ происходящемъ скораго не воспослѣдуется поправленія, здѣшній дворъ по неволѣ уже принужденъ будетъ отвращать силу силою, какъ то и дѣйствительно для воздержанія своеvolыниковъ, хотя единожды, исполнить нужно, дабы тѣмъ какъ утвержденныхъ пріохотить къ исканию здѣшняго покровительства, такъ взаимно и чрезъ нихъ имѣть всегда надежную въ народѣ партію.

Въ разсужденіи захваченныхъ Поляками земель не время теперь помышлять о возвращенії. Отоманская Порта, которая, какъ нынѣ известно, даѣше заведена въ Прускія сѣти, не жели по сю пору чаемо было, не допустить конечно, чтобъ

мы отобрали ихъ силою; а попеже не сходствовало бы съ пользою отечества предпринимать вскорѣ новую войну, то и надобно, удерживая между тѣмъ Поляковъ отъ новыхъ похищений, ожидать будущаго впредь удобнаго случая.

Напротивъ того, дѣло приниманія здѣшнихъ бѣглыхъ со всѣмъ другой натуры. Не настоитъ тутъ политическихъ уваженій, кои могли бы препятствовать употребленію въ случаѣ нужды сильнѣйшихъ способовъ; ибо ишако чѣмъ больше будетъ Полякамъ попускаемо, тѣмъ сильнѣе и умножаются побѣги нашихъ людей.

Дабы сему злу сдѣлать скорой конецъ, видится, что лутчимъ тому средствомъ могло бы служить доаволеніе Россійскими подданными репрессаліи противъ укрывателя бѣглцовъ, остерегалъ однако притомъ, чтобы подъ именемъ доставленія справедливости не могло взаимно и съ здѣшней стороны Полякамъ напрасныхъ послѣдовать обидъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ подробности и описывать порядокъ употребленія репрессаліи; ибо о томъ, естьли и въ самомъ дѣлѣ дозволить, надлежало бы прежде сдѣлать особливое учрежденіе, полагая за главное правило, чтобъ никто не дергалъ собою, безъ вѣдома и помоці отъ правительства, поступать на дѣло.

Не безъ причины можно надѣяться, что когда одинъ или два шляхтича такимъ образомъ попуганы будутъ, прочие, смотря на нихъ, сами собою перестанутъ подавать впредь поводы къ равномѣрной строгости. Мы имѣемъ предъ собою примѣръ короля Прускаго, который рѣпрессаліями довелъ на послѣдокъ господъ Поляковъ до того, что не смѣютъ они больше изъ службы его принимать дезертировъ. Пускай станутъ на сеймахъ и сеймикахъ роптать и шумѣть противъ насъ; но что въ нихъ нужды, когда мы одержимъ желаемое и пресѣчимъ

корень такому въ государствѣ злу, отъ которого теряемъ цѣлые милюши?

При употреблениі репрессаліи могутъ еще съ пользою и другія употреблены быть средства, напримѣръ: 1) вызовъ бѣглыхъ манифестами съ точнымъ обѣщаніемъ упущенія винъ ихъ; 2) учinenіе для раскольниковъ формальнаго обнаруживанія, что въ обрядахъ ихъ не будутъ они никогда утѣснямы; 3) содержаніе на жалованіи по разнымъ въ Польшѣ и Литвѣ мѣстамъ надежныхъ людей, кои бы о томъ только и старались, чтобы сыскывать бѣглыхъ и отправлять ихъ далѣе въ Россію.

Худому производству пограничныхъ комисій нельзѧ почти и пособить; потому что министерство Польское не имѣть власти понуждать комисаровъ, отговаривающихся обыкновенно неполученіемъ отъ воеводковъ своихъ жалованья. Но есть ли сами собою начнемъ мы когда либо управляться, то и не будетъ уже въ комисіяхъ большей нужды, хотя впрочемъ на всякой случай не безъ пользы быть можетъ, чтобы знатнѣйшихъ комисаровъ дачею небольшихъ пенсій стараться преклонить къ здѣшнимъ интересамъ, размѣряя награжденія по услугамъ, которыя они показывать будутъ.

Кромѣ сихъ дѣлъ политическіе наши по Польшѣ интересы требуютъ всегдашняго примѣчанія. Россія гарантировала торжественнымъ образомъ вольности, законы и форму правленія королевства Польского. Сія гарантія доставляетъ намъ право мѣшаться во внутреннія Польскія дѣла и руководствовать оними, по востребованію обстоятельствъ, согласно съ нашими видами. Поляки охотно признаютъ сами нашу гарантію, потому что находятъ въ оной твердую конституцію своей опору какъ отъ чужестранныхъ народовъ, такъ особенно и отъ собственно своихъ государей, естьли бы которой изъ нихъ

покусился на похищениe самодержавной власти или по крайней мѣрѣ на утѣсненіе земскихъ правъ и преимуществъ.

Позагая по сemu исполненіе принятой Россіею гарантіи за первое въ поступкахъ нашихъ правило (потому что оно и наипаче сохраняется въ Польшѣ нестроеніе, по ближнему и пространному соѣдству толь для насъ полезное), не надобно еще пренебрегать и другихъ средствъ, кои интересамъ нашимъ равномѣрно способствовать могутъ.

Образъ правленія въ Польшѣ не дозволяетъ весьма, чтобъ всѣ вельможи могли жить въ единодушнѣ и раздѣлять ихъ по разнымъ интересамъ на разныя партіи, изъ которыхъ двѣ всегда главными и непремѣнными считаются быть могутъ, и одни слѣдуютъ во всемъ волѣ и прихоти королевскимъ, другіе же противятся имъ всегда. Первые основываютъ партію свою на надеждѣ получить отъ милости государя знатные чины и староства, безъ которыхъ никакая въ Польшѣ фамилія долго въ почтеніи оставаться не можетъ; а послѣдніе, напротивъ того, не предусматриваютъ въ подобныхъ желанияхъ, больше отъ неудовольствія, нежели по другимъ какимъ причинамъ, возстаютъ противъ двора, чтобъ силою по крайней мѣрѣ вырвать чтѣ ни есть у оного въ пользу свою. Синѣ двѣ главныя партіи раздробляются потомъ на меньшія части, кои въ разсужденіи партикулярныхъ своихъ видовъ называются себя партизанами Россіи, Франціи и короля Прускаго, а прочіе государи не имѣютъ партіи не для того, чтобъ не находилось къ тому охотниковъ (ибо Поляки по лакомству своему готовы себя всякому продавать), но для того только, что сами они не намѣрены ихъ содержать.

Интересъ Россіи требуетъ однако, чтобъ при всей ненадежности содержать всегда партію, дабы тѣмъ гарантію нашу

не только въ силѣ сохранять, но и даље еще способомъ са-
мыхъ Поляковъ распространять.

Кратчайшее къ составленію и содержанію партіи сред-
ство—деньги. Но какъ оныхъ никогда безъ надежды взаим-
ной выгоды употреблять не должно, то и можемъ мы доволь-
ствоваться: 1) наружнымъ при всѣхъ случаяхъ подкрѣпле-
ніемъ прежнихъ персонъ, 2) заступлениемъ въ пользу ихъ у
короля, когда случаются порожніе чини и ваканціи, наблю-
дая весьма, дабы оное никогда въ тунѣ чинимо не было; 3)
генеральнымъ при всякомъ случаѣ обнадеживаніемъ о здѣшней
протекціи, а особливо естьли бы въ оной когда дѣйстви-
тельно настала нужда. Кроме сихъ общихъ способовъ, есть
еще у насъ особливые, кои по временамъ въ разсужденіи
знатнѣйшихъ фамилій съ пользою употребляемы быть могутъ.

Чѣмъ больше въ отечествѣ своемъ кто терять можетъ, туть
тѣмъ больше натурально и будетъ всегда помышлять о со-
храненіи внутренней онаго тишины. Каждой Полякѣ вѣдается,
что Россія, при первомъ у нихъ замѣшаніи, не можетъ ос-
таться безъ участія; слѣдовательно и должны по неволѣ всѣ
тѣ фамиліи, коихъ богатство состоить въ знатныхъ недви-
жимыхъ имѣніяхъ, напаче между другими князья Радзивилы,
по близости деревень своихъ отъ Россійской границы, искать
и держаться здѣшняго покровительства отличностію предъ
другими; напротивъ чего, намъ довольно прilаскивать ихъ
отъ времени до времени.

Министерство Польское, особливо канцлеры и вице-канц-
леры, имѣютъ во многихъ случаяхъ великую силу. Недѣй-
ствителенъ всякой королевской указъ, естьли не припеча-
танъ отъ одного изъ сихъ четырехъ министровъ; имъ при-
надлежитъ равномѣрно по законамъ охраненіе пародныхъ
правъ и вольностей, также судъ и расправа между городамъ

ми и по королевскимъ деревнямъ. Для удержанія власти королевской въ предѣлахъ интересъ здѣшняго двора требуетъ, чтобы канцлеры всегда ненарушимо пользовались преимуществами чиновъ своихъ, во взаимство чего съ ихъ стороны не безъ причины ожидать можно, что они въ нашихъ съ Польшею дѣлахъ охотнѣе способствовать будутъ.

Здѣсь бы могъ настоять вопросъ: полезнѣе ли для Россіи, чтобы въ Польшѣ былъ король чужестранной или гражданинъ. Одинъ и другой выборъ имѣть свои выгоды и свои неудобства; но какъ главное дѣло зависитъ наипаче отъ обстоятельствъ, то и нельзя рѣшить сего вопроса прежде пожели во-время спознаны будутъ свойства, состояніе и намѣренія каждого претендента особливо.

Теперь остается упомянуть о замедленіи съ стороны республики въ признаніи Россійскаго императорскаго титула. Ни король, ни министерство не дѣлаютъ, правда, въ ономъ затрудненія; но сего недовольно, ибо на сеймѣ не учленено еще опредѣленія не затѣмъ, чтобъ Поляки не хотѣли согласиться на титулъ, но для того, что со многихъ лѣтъ ни одинъ почти сеймъ къ совершенству не могъ быть приведенъ.

Король Пруской находится съ нами въ равномъ случаѣ, а обоимъ дворамъ иѣть надежды скорѣе достигнуть желаемаго, какъ при счастливомъ совершеніи первого сейма.

Артикуль пятой. О Курляндіи.

Герцогства Курляндское и Семигальское служать Россіи преградою съ стороны опаснѣйшаго ея непріятеля, короля Прускаго.

Весьма для насъ равно, кто ни владѣеть сими княжествами; ибо герцогъ, находясь подъ руками, по неволѣ всегда

принужденъ показывать намъ по крайней мѣрѣ видъ добродѣтства; а надобно только предостерегать, чтобы оной ни въ земль чрезъ мѣру не усилился, ниже съ какою постороннею державою, наименьше же съ королемъ Прусскимъ, въ обязательства вступить могъ: одно и другое не сходствуетъ съ Россійскими интересами, потому что гораздо труднѣе держать въ рукахъ герцога сильнаго и постороннею помощью обнадеженнаго, нежели по себѣ безкредитнаго и во всемъ отъ Россіи зависящаго.

Какъ содержаніе въ Курляндіи ministra для произведенія здѣшнихъ видовъ и дѣлъ весьма не безъ пользы быть можетъ, такъ не меныше должно всегда стараться, дабы герцогъ не допускаль и не принималъ ко двору своему министровъ отъ другихъ государей.

Дутчій однако способъ сохранить въ Курляндіи большую силу и инфлюенцю давно уже извѣстенъ, да всегда же и употребляемъ бытъ, то есть содержаніе въ оной на квартирахъ двухъ или трехъ полковъ войска.

Впрочемъ, по восстановленіи нынѣ Эрнста Іогана во владѣніи, хотя и справедливо должно полагать, что онъ и фамилія его, изъ признанія къ Ея Императорскому Величеству, здѣшнимъ интересамъ постоянно преданы будуть, однако къ вящему его въ толь полезныхъ мнѣніяхъ утвержденію кажется не безъ дѣйствія быть можетъ, естьли бы наследнаго его принца склонить можно было къ женитьбѣ на природной Россіянкѣ.

Артикулъ шестой. О Пруссіи.

Независимо отъ персоны нынѣ владѣющаго короля, интересы Берлинскаго двора не могутъ согласовать съ Россійскими, доколѣ оной, сохрания всю свою силу, будетъ про-

должать толь знатной въ дѣлахъ роль. Самое положеніе взаимныхъ земель неспособно къ утвержденію между обоими народами доброго согласія. Слава, честь и польза наша требуютъ, чтобы мы то для собственной своей безопасности, то для сохраненія общаго въ Европѣ равновѣсія, съ коимъ оная такъ тѣсно соединена, принимали въ дѣлахъ всегдашнее участіе; а напротивъ того, интересъ короля Прускаго, по равнымъ намѣреніямъ, то есть дабы ему самому имѣть большую инфлюенцію, заставляетъ его натурально всячески помышлять и стараться о томъ, чтобы наше участіе, буде не вовсе уничтожить, по крайней мѣрѣ зависимымъ и меныше дѣйствительнымъ сдѣлать.

Начало послѣдней у насъ войны произошло не столько отъ неудовольствія противъ поступковъ короля Прускаго, сколько отъ намѣренія (за правило здѣшней системы принятаго) сократить его силы, дабы онъ, обрѣгаясь въ умѣренныхъ предѣлахъ, тѣмъ меныше способовъ имѣть могъ помуштъть своею волю Европейскую тишину. Дѣла были напослѣдокъ до того заведены, что не безъ основанія можно было скораго и совершеннаго въ намѣреніи нашемъ ожидать успѣха; но кончиною государыни императрицы Елизавѣты Петровны перемѣшились вовсе обстоятельства, и вместо прежней вражды увидѣлъ свѣтъ съ удивленіемъ, что бывшій государь, изъ чуднаго къ королю Прускому ослѣпленія, не только купленная кровью и миллионами завоеванія тщетно въ жертву предалъ, но и больше еще, пренебрегая существительные имперіи своей интересы, корпусомъ войскъ ему вспомоществовать вздумалъ, дабы тѣмъ натуральную Россіи союзницу принудить къ бесполезному миру и къ усиленію натуральнаго же Россіи непріятеля.

По чѣмъ тогдѣ, въ разсужденіи возстановленнаго мира, по справедливости за вредъ и предосужденіе почитать надлежало, оное не можетъ теперь иначе по перемѣнившимся обстоятельствамъ признаваемо быть, какъ за полезную и мудрую резолюцію; потому что государство по истощенію своему въ типинѣ и покой вящую онущасть нужду

Такимъ образомъ кажется, что ишнѣ поведеніе наше съ королемъ Прускимъ на слѣдующихъ правилахъ учреждено быть можетъ:

1) содержать миръ и доброе согласіе, доколѣ они не подастъ къ разрыву причины или доколѣ собственная наша безопасность по общему въ Европѣ равновѣсію какому-либо неудобству подвержена не будетъ; 2) наблюдать недреманіемъ окомъ всѣ его при Портѣ и въ Польшѣ поступки, дабы изъ опытъ въ одномъ или другомъ мѣстѣ не могло родиться новыхъ беспорядковъ, а особливо способомъ хана Крымскаго, которой для утвержденія себя и безъ того къ мятежу склоненъ; 3) употреблять всевозможное стараніе, дабы настоящую войну какъ можно скорѣе и полезнѣе для Австрійскаго и Французскаго дворовъ къ окончанію привести, и для того 4) здѣшними представленіями отклонять Лондонской дворъ отъ подаянія королю Прускому помощи, ибо оная служила бы только къ продолженію войны, вопреки собственнымъ Британскаго двора интересамъ.

ВОПРОСЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ И ОТВѢТЫ КАНЦЛЕРА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

Копія съ пунктовъ писанныхъ собственnoю Ея Императорскаго Величества рукою.

Пункты, на которые я желаю слышать разсуждение:

- 1) Чтò мнъ надлежитъ дѣлать въ теперешнія конъюнктуры, клонящіяся во всей Европѣ къ миру, по сообщеніямъ Аглинскаго министра?
- 2) Послать ли въ Аугсбургъ на конгресъ министровъ, и съ какими инструкціями?
- 3) Надлежитъ ли сообщить другимъ державамъ пропозиціи о медіації, которую король Пруской мнъ чрезъ генерала Чернышева офорировалъ?
- 4) Надлежитъ ли нашимъ войскамъ въ Россію повернуться по теперешнимъ обстоятельствамъ?
- 5) Имѣемъ ли мы причины, давъ слово о содержаніи мира съ королемъ Прускімъ, оной миръ за полезной почитать, а въ противномъ случаѣ оной по своему передѣлать, къ чему памъ можетъ ли служить сепаратной артикулъ онаго мира?
- 6) Надлежитъ ли возобновительной трактать союзной ст. Вѣнскімъ дворомъ содержать въ своей силѣ, или что въ немъ поправить?

7) Надлежить ли нынѣ королю Прускому представить, чтобы разоренную Саксонію отъ войскъ своихъ очистить и возвратилъ въ прежнее владѣніе?

8) Не подается ли поводъ къ непринятію здѣшней медіаціи тѣмъ, что войска въ Россію возвращены быть имѣютъ, и не ослабѣютъ ли тѣмъ же здѣшняя ногоціаціи на конгресѣ?

На собственноручные Вашего Императорскаго Величества пункты канцлеръ слабѣйшее свое мнѣніе всенижайше подвергаетъ на мудрое разсмотрѣніе Вашего Величества.

На 1-й. Разсуждая по послѣднимъ Аглинскаго посланника Кейта сообщеніямъ и полученнымъ реляціямъ отъ здѣшняго министра въ Лондонѣ, а особливо по внутреннему изпеможенію Франціи и Великобританіи, о склонности сихъ обѣихъ коронъ къ возстановленію общаго въ Европѣ мира, кажется, хотя и сумнительно только можетъ быть, что воююція державы наконецъ согласятся на представление Вѣнскаго двора на взаимную посылку полномочныхъ министровъ на конгресъ въ Аугсбургъ.

Въ такомъ случаѣ, сколько для сохраненія пріобрѣтенной уже знатности здѣшней имперіи, а напаче, дабы въ будущемъ замирепіи Ваше Императорское Величество имѣть изволили главное участіе, видится быть весьма нужно, чтобъ здѣшніе министры въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Варшавѣ заблаговременно инструктированы были домогаться у опыхъ дворовъ согласія о допущеніи на конгресъ Вашего Величества министра. Правда, что заключенной съ королемъ Прускимъ односторонній миръ лишаетъ насъ права требовать такого допущенія иначе, какъ отъ податливости воюющихъ державъ, потому что здѣшній дворъ не принимаетъ

въ продолженіи пынѣшней войны больше участія; токмо должно взять въ уваженіе, что собственной иѣкоторыхъ державъ интересъ требуетъ, дабы Россія не была вовсе исключена отъ генеральныхъ дѣлъ: то и можемъ мы по крайней мѣрѣ считать, что Вѣнской, Варшавской и Лондонской дворы сему намѣренію препятствовать не будуть.

На 2-й. Естьли Ваше Императорское Величество къ конгресу всѣми или иѣкоторыми только коронами приглашены будете, тогда, примѣняясь къ существительнымъ отечества нашего интересамъ, переправя данныя прежде сего наставленія министрамъ нашимъ на конгресѣ, могутъ они на двухъ главныхъ правилахъ нынѣ основаны быть: 1) чтобы общую въ Европѣ тишину прочно и твердо установить, и быть гарантомъ генерального мира; 2) стараться доставить отъ короля Прускаго императрицѣ-королевѣ и королю Польскому, яко курфирсту Саксонскому, сколько можно выгоднѣйшія удовлетворенія.

На 3-й. Предлагать воюющимъ державамъ медіацію Вашего Императорскаго Величества, кажется, излишно. Король Прускій, упомянувъ обѣ оной съ начала къ генералу графу Чернышову, не отзывался потомъ ни къ князю Репнину, ни чрезъ барона Гольца; почему и должно думать, что намѣреніе его было только выдавать здѣшня мнѣнія.

Дальнее разстояніе мѣсть, независимо отъ всѣхъ другихъ уваженій, можетъ одно служить отговоркою въ принятіи здѣшняго посредства; а сверхъ того естьли Франція и Англія, кои всѣмъ руководствуютъ, согласятся о собственномъ твоемъ миру, надобно думать, что постановятъ они между собою и о Германскомъ иѣкоторые договоры, коимъ прочіе дворы по неволѣ слѣдоватъ принуждены будутъ

На 4) Политически разсуждая, доколъ въ Германии продолжится война, интересъ и слава имперіи требуютъ, чтобы царочитой корпусъ Вашего Императорскаго Величества войскъ въ Польшѣ и въ сколько въ Прускихъ земляхъ оставленъ быль, дабы тѣмъ императрицу-королеву и ся союзниковъ въ ивкоторой надеждѣ, а короля Прускаго и възколько въ заботѣ содержать, придавать будущимъ игоціямъ болыше важности и силы; также и Поляковъ въ уздѣ содержать, къ чему первой сепаратной артикуль можетъ намъ въ семъ случаѣ ивкоторымъ поводомъ служить. Но, напротивъ того, должно въ разсужденіе принять, что для благосостоянія имперіи Вашего Императорскаго Величества весьма нужно сохранить миръ, каковъ онъ ни есть; ибо искусство довольно показало, что счастливые успѣхи воинскіе изнуряютъ довольно силы государства, умалчивая о несчастливыхъ приключеніяхъ всякаго рода бытваемыхъ отъ войны. Къ тому же содержаніе здѣшихъ войскъ виѣ государства казнѣ Вашего Императорскаго Величества весьма тягостно. Со всемъ тѣмъ, ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ здѣшнія войска въ Польшѣ оставить, то необходимо надобно съ Вѣнскимъ дворомъ о продолженіи субсидій согласиться, и чрезъ то свободиться отъ платежа неребранныхъ графомъ Чернышовымъ субсидіиныхъ денегъ, а именно болыше 400 тысячъ рублей, коихъ возвращенія цесарской посолъ требуетъ.

На 5) Заключеній съ королемъ Прусскимъ миръ не можетъ полезнымъ почтенъ быть; но когда подтвержденъ уже оной разными Вашего Императорскаго Величества декларациами, то и не остается почти способа передѣлать его вовсе никако, развѣ только по сепаратному артикулу, оставляя (какъ выше упомято) въ Прускихъ земляхъ часть здѣшней арміи, и тѣмъ присудить короля Прускаго имѣть болыше уваженіе къ здѣш-

нимъ представленіямъ. Ежели Вашему Императорскому Величеству, какъ выше показано, угодно бы въ Польшѣ и Пруссіи корпусъ Россійскихъ войскъ оставить, то могла бы и сія польза произойти въ разсужденіи Поляковъ и хана Крымскаго, которой сумасброднымъ своимъ поведеніемъ доводить дѣла до такой крайности, что надобно вскорѣ ожидать съ его стороны дѣйствительного на Венгрію нападенія, почему Ваше Императорское Величество принуждены пайдеться, по силѣ вѣчнаго обязательства съ Вѣнскимъ дворомъ, принять паки въ войнѣ участіе. А для предупрежденія новой съ Турками войны, видится надлежитъ королю Прускому серіозно декларовать, чтобы онъ престалъ Турковъ и Татаръ на Вѣнской дворѣ подымать, и что въ противномъ случаѣ, ежелибъ Турки или Татары на области императрицы-королевы дѣйствительное нападеніе учинили, Ваше Императорское Величество принуждены будете, по обязательству съ Вѣнскимъ дворомъ, противу єго сильную помошь подать.

На 6-е. Интересы Россіи съ интересами Вѣнскаго двора соединены самою натурою. Другъ другу не можемъ мы безпосредственно вредить, а напротивъ того весьма много помогать. И хотя оборонительному трактату не выпалъ еще срокъ, слѣдовательно и могъ бы онай иѣкоторымъ образомъ почитаться пребывающимъ въ силѣ; но какъ всѣ послѣдніе бывшаго императора поступки прямо противъ Вѣнскаго двора учреждены были, то и видится быть необходимо нужно возобновить старыя обязательства па имя Вашего Величества съ пристойными отмѣнами.

На 7-е. Учиненіе у короля Прускаго въ пользу Саксоніи Вашего Императорскаго Величества заступленіе согласуетъ весьма съ великодушiemъ и достоинствомъ Вашего Величества, но чтобы оное не безъ дѣйствія осталось, и король

Прусской причины не имѣть отговориться отъ испражненія сего курфирштва подъ претекстомъ, что Австрійцы могли бы его оттуда въ собственныхъ земляхъ атаковать, нужно бы, кажется, представить вдругъ обѣимъ сторонамъ, дабы каждая свои войска на опредѣленной срокъ изъ Саксоніи вывела, оставляя оную на все время войны въ совершенномъ нейтралитетѣ.

Нельза отъ сего поступка, кромѣ славы, та, что король Польской Вашему Императорскому Величеству на вѣкъ обязанъ будетъ.

На 8-е. На сей пунктъ точно сказать не можно, чтобъ, по возвращеніи здѣшнихъ войскъ въ отчество, медіація Вашего Величества лучшe припята или отклонена быть могла; потому что Ваше Величество собственно для Россіи ничего требовать ниже къ какой либо державѣ предилекціи имѣть не изволите. И для того ожидать должно лутчей податливости воюющихъ державъ, уваженія и должной консiderаціи къ персонѣ Вашего Величества.

1762 года Іюля 30 дня.

**Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бесту-
жева-Рюмина о классахъ Малороссійскимъ чинамъ, съ
изъясненіями на каждой пунктѣ того мнѣнія отъ гетмана
графа Разумовскаго *).**

(1764).

Какъ при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи о пожалованіи Малороссійскимъ чинамъ классовъ и монаршее повелѣніе есть разсмотрѣть поданной о томъ отъ его сіятельства гетмана докладъ: то во исполненіе онаго графъ Бестужевъ-Рюминъ за потребно находить по поводу помянутаго доклада примѣтить.

1) Хотя его сіятельство гетманъ представляетъ, что Малороссійская нація не оружiemъ и силою покорена, по добровольно сама въ подданство Россійское пришла, однакожъ дѣло известное и доказательное, что Малороссійской народъ издревле былъ подданной Россійской, потомъ состоялъ подъ Польшею, а при его величествѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ опять возвратился.

На 1) что Малороссійской народъ издревле былъ подданной Всероссійскихъ монарховъ, потомъ состоялъ подъ Поль-

---

*) „Изъясненіе“ или отвѣты графа Разумовскаго напечатаны тѣснѣе. И. Б.

шею и паки къ Российской державѣ возвратился, сіе не токмо никакого въ чести его и въ преимуществахъ уменьшения не чинить, но еще (въ разсужденіи, что онь изъ единаго усердія своего къ Россії яко къ своему отечеству отъ посторонняго владѣнія собственною своею силою чрезъ долговременнную войну, съ потеряніемъ имѣнія и многіе лишеніемъ животовъ своихъ освободя себя, присоединился и въ непоколебимой вѣрности болѣе ста лѣтъ пребываетъ) тѣмъ паче заслуживаетъ ту честь, дабы того Малороссійскаго народа чиновные съ Великороссійскими уравненіе въ классахъ имѣли, какъ изъ начала принятія подъ Российской державу чрезъ многіе годы почитаемы·были уравнительно, о чемъ многіе доказываютъ письменные виды.

2) По неимѣнію у Малороссійскихъ чиновъ ранговъ безспорно затрудненія и помѣшательства случаться могутъ, когда они по земскимъ и тому подобнымъ дѣламъ съ Великороссійскими опредѣляемы бываются. Но когда безъ изъятія всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ, то есть военнымъ и гражданскимъ, классы или ранги дадутся, и по тому они старшинствомъ считаться станутъ: то отъ того можетъ и такое неудобство произойти, что иногда въ военныхъ нарядахъ доведется Малороссійскимъ чинамъ командовать регулярнымъ Малороссійскимъ войскомъ.

На 2) Чрезъ положеніе въ классы Малороссійскихъ чиновъ всѣ производимыя донынѣ затрудненія, бываемыя въ сообщеніяхъ съ Великороссійскими при военныхъ командированиихъ и въ гражданскихъ засѣданіяхъ, преступутся: ибо тогда всякой, зная свое мѣсто, по тому и состоять безспорно долженъ будетъ. И дабы при случаѣ военныхъ нарядовъ обще съ Великороссійскими замѣшательства не было, сіе зависѣть будетъ отъ главныхъ командировъ, въ какомъ Малороссійскомъ чинѣ кого подъ команду Великороссійскую командировать. И такъ не можетъ быть никакой обиды ни Великороссійскимъ регулярнымъ, ни Малороссійскимъ войскамъ и

ихъ командирамъ; по лутчій еще порядокъ, а потомъ и вяшшее согласіе введется. И ежели бъ его сіятельство при разсуждениі въ собранії былъ, то о семъ пунктѣ, яко довольно трактованиомъ, и не упоминалъ бы.

3) Хотя нѣкоторые Лифляндскіе и войска Донскаго чинъ имѣютъ ранги, слѣдовательно беруть по тому при публичныхъ церемоніяхъ принадлежація имъ мѣста, по сіи ранги имъ только на ихъ персоны, а особливо Донскимъ чинамъ въ награжденіе за ихъ службы и отмѣнныя воинскія дѣла.

На 3) Суть нѣкоторые и изъ Малороссійскихъ старшинъ, кои персонально пожалованы чинами Великороссійскими, по чрезъ сіе съ прочими Малороссійскими старшинами въ управлениихъ порученныхъ имъ командъ и дѣль также бываетъ не безъ споровъ и переписокъ: ибо другимъ Малороссійскимъ чинамъ немало сіе прискорбно, что ихъ же товарищи и по старшинству Малороссійскому младшиє по пожалованному имъ персонально чину Великороссійскому принимаютъ первенство. Лифляндцовъ же и Донцовъ въ примѣръ Малой Россіи ставить не слѣдуетъ, потому что въ Лифляндіи по ихъ правамъ главные чины суть ландраты, коимъ классъ генераль-маюра показанъ, военныхъ же чиновъ головою *) тамъ нѣть. А въ Малой Россіи состоять учрежденные чины военные и статскіе, и всѣ тѣ, которые ихъ исправляютъ, суть изъ стариннаго шляхетства, и многіе отъ государей Россійскихъ на дворянство грамоты имѣютъ; кольми же паче Малороссіянъ равняти не слѣдуетъ и съ Донскими казаками, гдѣ только тотъ и дворянинъ (ежели его такъ назвать можно), которой чинъ регулярной получиль, а прямаго дворянина тамъ никогда не бывало.

4) Хотя Малороссійскіе чины уже и прежде государствованія ея величества въ Бозѣ опочивающей императрицы Елизаветѣ Петровны и при ней о томъ просили, но на по-

---

*) По нынѣшнему сказывать, вообще. П. Б.

добное сравненіе съ Великороссійскими чинами снисхожденія не показано, а ранги давать обѣщано, или и рѣшено было равномѣрно, по заслугамъ, каждому на персону. О семь лутчи видѣть можно въ Малороссійскихъ дѣлахъ, взятыхъ въ Правительствующій Сенатъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

На 4) Еще во время государствованія блаженнаго памяти государя императора Петра Втораго, Государственная Иностранныхъ Дѣла Коллегія представляла свое мнѣніе о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійским; но за скорою тогда его величества кончиною рѣшенія не воспользовало. Да и чтобы въ семь прошениі отъ ея величества государыни императрицы Елизаветы Петровны соизволенія не было, такого рѣшенія нѣть; а ежели бъ оное было, то Правительствующій Сенатъ скоро за подачею въ 756 годѣ моего о такомъ же прошениі листа не имѣль бы причины готовить доклада, но не оставилъ бы безъ предложенія мнѣ, что за конечнымъ о томъ уже рѣшеніемъ и ожидать нечего. Въ прочемъ, что ея величество государыня императрица Елизавета Петровна памѣрена была всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ пожаловать уравненіе классовъ противъ Великороссійскихъ ранговъ, то съ такимъ объявленіемъ присыланъ былъ ко мнѣ совѣтникъ Сабакинъ.

5) Подобнымъ уравненіемъ всѣхъ Малороссійскихъ чиновъ безъ изъятія неминуемо поводъ поданъ быть можетъ и всѣмъ прочимъ нерегулярнымъ войскамъ, а паче Донскому, такихъ же ранговъ и уравненія просить, когда они, а особливо послѣднія, всегда, а того большія въ послѣднюю войну существительныя услуги и отмѣнныя дѣла храбости и мужества оказали.

На 5) Между Малороссійскими и другими въ Россіи обрѣтающимися нерегулярными войсками немалое различіе есть; ибо Малороссійской народъ, какъ выше упомянуто, суть природные издревле Россіяне и, будучи чрезъ разные случаи отторгнуты отъ Россіи подъ Польшу, паки къ Россіи соб-

ственныиъ своимъ оружiemъ себя въ подданство привели, и какъ воинскую такъ и гражданскую службу во всѣхъ Россійскихъ интересахъ несуть, не получая изъ казны государственной противъ другихъ войскъ жалованья. А что Малороссійское войско во всѣхъ прежнихъ воинскихъ дѣйствiяхъ даже до самой послѣдней Турецкой войны ревностно и мужественно противу непріятелей поступало, о томъ довольно я свидѣтельства имѣются. Въ туже Турецкую войну, когда начали у командированныхъ въ походъ казаковъ отбирать ихъ собственныхъ лошадей подъ возку артиллериi и другихъ тяжестей и употреблять самихъ ихъ въ самыя пепристойныя и партикулярныя услуги (какъ и нынѣ почти за всегда съ командируемыми казаками поступается), то можно ль воину, лишену собственной своей лошади и почти обезоруженному, бывши и употреблену не по званiю его къ другому дѣлу, бодрость и мужество свое показать, оставляю на прозорливое Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніе. Что жъ надлежитъ до похвалляемаго нынѣ Донскаго войска, то оно хотя состоить смѣшено изъ бѣглецовъ и пришельцовъ отъ разныхъ народовъ, но при всемъ томъ не токмо, сколько многими отведенными имъ угодьями пользуясь, безпрепятственно обогащается, но и еще какъ въ мирное, такъ и въ военное время содержится на казенномъ жалованье, и не токмо ни малѣйшими не обложено податьми, но и никакуда кромѣ воинскихъ походовъ не командируется. Малороссійское же войско имѣть завсегда въ домахъ своихъ на квартирахъ драгунъ, и довольствуютъ ихъ не токмо положенное число конисентовъ, но и сверхъ того, какъ во время Турецкой войны, такъ и послѣ въ недавно кончившуюся Прускую войну, многiе понесли убытки съ собственнаго своего имѣнiя, на счетъ заплаты коихъ до нѣсколько милюновъ быть по счету можетъ; и сверхъ того нынѣ къ разныи казенныи работамъ, какъ то ко укрѣплению по границѣ Польской и дѣланiю на Дону крѣпости на всемъ собственномъ своемъ изживенiи употребляются и также къ службѣ воинской высылаются. За всѣми тѣми и другими многими отъ Малорос-

сійского войска проишедшими и происходимыми въ пользу государственную услугами, безъ малѣйшаго казеншаго ущербу, можно ль сравнивать Малороссійское войско съ другими нерегулярными войсками, предаю на высочайшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе.

6-е. Со всѣмъ тѣмъ Малороссійская старшина, по своимъ привилегіямъ, въ чины выбираются вольными голосами, а на противъ того складываютъ съ себя чины по ихъ изволенію. Изъ сего слѣдуетъ, что одни, оставляя свои чины, а другіе въ оные вступая, множество дойдетъ безъ всякихъ заслугъ и съ крайнею обидою Великороссіянъ, великихъ чиновъ умалчивая. И хотябъ они по градусамъ изъ нижнихъ чиновъ въ высшіе выбирались, то и тогда Великороссійскимъ чинамъ съ самыхъ нижнихъ степеней восходить обидно будетъ, тѣмъ паче, что долгое время чрезъ многіе нижніе чины до вышняго проходитъ надобно.

На 6-е. Подлинно, Малороссійская старшина выбираются по ихъ привилегіямъ въ чины вольными голосами изъ ближайшихъ къ тому нижнихъ чиновъ, чѣмъ самое доказывается, яко безъ достоинства и заслугъ никто за таковыи избрањемъ въ чинъ произойти не можетъ; ибо, въ случаѣ какого Малороссійскаго чина ваканціи, прочая Малороссійская старшина, собираясь вмѣсть, выбираютъ обществомъ по старшинству и по линіи изъ между себя, уважая къ тому заслуги и достоинство и представляютъ кандидатовъ ко мѣрѣ, а изъ между выбранныхъ кандидатовъ достойнѣйшаго опредѣляю. Прочие же вышніе чины представляются, по учиненіи выборовъ, къ высочайшему государственному утвержденію. И какъ нижніе безъ главной команды собою себя отставить не могутъ, такъ и о вышнихъ, когда они пожелаютъ въ отставку, представляется для получения послѣдней милости къ высочайшему разсмотрѣнію, такъ точно какъ то и въ Великороссійской военной и гражданской службахъ происходитъ,

7-е. Особливо бунчуковые товарищи, которые подъ бунчукомъ яко гвардія Малороссійская рядовыми служать, равно какъ и всѣ прочіе бунчуковые жъ войсковые и значковые товарищи по полкамъ выбираются изъ неслужащихъ или простыхъ казаковъ, отъ чего и число ихъ весьма велико, такъ что всякой неслужащей можетъ въ крайнюю обиду Великороссіянамъ начать службу съ маіорескаго, капитанскаго, поручичья и прапоричья чиновъ, ежели бъ по приложенной табели чины ихъ съ Великороссійскими регулярными чинами въ сравненіе приведены были.

На 7-е. Бунчуковые товарищи не почитались никогда за Малороссійскую гвардію; по сей чинъ, также и войскового товарища, введенъ издревле для почтенныхъ людей, отмѣнившихъ себя довольною воинскою службою или долговременными при дѣлахъ трудами, также дѣтямъ генеральныхъ старшинъ и полковничимъ, за довольною же отеческія и предковъ ихъ службы дается. Но и такие теперь весьма рѣдко прямо въ бунчуковые товарищи производятся, по дослуживаются чрезъ иѣсколько лѣть изъ низкихъ чиновъ и опредѣляются къ присутствіямъ у дѣль, не имѣя на тѣ свои чины никакого жалованья. Значковые жъ товарищи суть при полкахъ, и ихъ въ каждомъ полку коликуму числу быть, имашнмъ собственноручнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ опредѣлено, о которомъ, какъ видно, его сіятельство никогда и не слыхалъ. И въ то число значковыхъ товарищій опредѣляются по заслугамъ же изъ дѣтей старшинъ полковыхъ и сотничихъ, а не изъ простыхъ казаковъ. Что бы же въ Малой Россіи прямо изъ простыхъ казаковъ въ большіе чины происходили, того никогда не дѣлается; да и какимъ образомъ производить изъ чина въ чинъ, о томъ въ поднесенномъ отъ конференціи Ея Императорскому Величеству докладѣ довольно изъяснено.

8-е. Сверхъ того какіе бы чины Малороссійскимъ въ сравненіе съ Великороссійскими пожалованы ни были, симъ по-

следнимъ, яко совершенно регулярнымъ и по степенямъ са-
мыхъ нижнихъ чиновъ восходящимъ, надъ Малороссийскими
старшинство дать принадлежить: ибо и ландмилицкіе регу-
лярные полки, но не всегда въ службѣ обрѣтающіеся, стар-
шинство полевымъ полкамъ по силѣ указовъ уступать должны.

На 8-е. О старшинствѣ регулярныхъ чиновъ предъ Мало-
российскими, то есть ежели кто изъ Малороссийскихъ стар-
шинъ положенъ будеть въ классъ армейского полковника,
то действительному служащему регулярному полковнику, а
по примѣру тому и другіе Малороссийские старшины регу-
лярныи равныи себѣ чинамъ первенство уступать должны,—
сіе зависитъ отъ высочайшаго благоусмотрѣнія и повелѣнія,
о чмъ и въ поднесенномъ Ея Императорскому Величеству
докладѣ довольно изъяснено.

9-е. Между тѣмъ, пріемля въ разсужденіе первой по гет-
манѣ Малороссийской чинъ обознаго генеральнаго, видится
весьма много сравнить его съ старшимъ генераль-порутчикомъ,
но паче предовольно бѣ было счисляться ему молодшимъ гене-
раль-порутчикомъ, а старшимъ генераль-маюромъ, тѣмъ паче,
что и самые прежніе гетманы ранги имѣли только молодшаго
полнаго генерала и старшаго генерала-порутчика, какъ то
доказуетъ и свидѣтельствуетъ печатная книга церемоніи ко-
ронованія государя императора Петра Втораго. И хотя его
сіятельство нынѣшній гетманъ имѣть рангъ съ старшинствомъ
генерала-фельдмаршала, но оное пожаловано ему изъ
отличной къ нему персональной милости и довѣренности,
такъ какъ и грамата на сей чинъ предъ всеми прежними
гетманами безпримѣрно отличиѣ и превосходиѣ пожало-
вана: ибо по древнимъ примѣрамъ, между которыми былъ и
Мазепа, можно ли къ будущимъ гетманамъ такую довѣрен-
ность имѣть и излишняя привилегіи дозволять, оное въ своемъ
мѣстѣ оставляется.

На 9-е. Въ разсуждениі цѣлой Малороссійской націи чтобы одному персонѣ, состоящему въ чинѣ обознаго генеральшаго и первому по гетманѣ, быть сравнену съ генеральшорутчикомъ, сіе не токмо не чрезвычайно, но и за справедливо признано быть слѣдуетъ. Ибо уже таково сравненіе дѣйствительно импіянымъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Ioannовны въ 734 году состоявшимся и печатными манифестами обнародованымъ указомъ постановлено было, якоже по смерти гетмана Апостола при учреждениі въ Малой Россіи главнаго правлениі повелѣно имѣть присутствіе изъ Великороссійскихъ генералу-лейтенанту и гвардіи подполковнику князю Шаховскому, а изъ Малороссійскихъ старшинъ обозному генеральному Лизогубу и имъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ Великороссійскимъ, а на лѣвой Малороссійскимъ. Къ тому же обозный генеральный по чину своему вѣдаеть и управляетъ подъ дирекціею гетманскою всѣми въ Малой Россіи имѣющими генерально полковыми и сотенными, походными и городовыми артилеріями. Что жъ касается до части гетманской, то хотя здѣсь и упоминать не для чего, по изъ причины внесенія въ выше показанномъ мнѣніи такой посторонности не преминается изъяснить:

Гетманы прежніе, начавъ отъ Богдана Хмѣльницкаго до Апостола, ни съ какими Великороссійскими чинами сравненія требовать не имѣли причины; ибо во всѣхъ случаяхъ, такожь и во время пріѣзду ихъ къ государевому двору, съ какою честію приниманы и почитаемы были, о томъ, ежели надобно, сыскаться можетъ довольно видовъ, доказывающихъ знаменитость и отличіе гетманского достоинства. Да и гетманъ Апостоль, которой въ гетманскомъ преимуществѣ и уменьшеньиѣ былъ, однакожъ никогда ниже полнаго генерала сравниванъ не бывашъ; ибо въ 733 годѣ бывшие тогда въ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ министры признали его генераломъ полнымъ, какъ о томъ за подписомъ ихъ доказываетъ учиненное тогда мнѣніе. Нынѣшнему жъ

гетману на утверждение гетманского достоинства грамата по-
жалована во всемъ въ сходство такой же граматы, какова
была жалована гетману Скоропадскому отъ его величества
государя императора Петра Великаго за собственноручнымъ
его величества подписаніемъ.

10-е. Естьли таковое монаршее соизволеніе о вышепо-
мнутомъ первомъ Малороссійскомъ чинѣ воспослѣдуетъ, по
оному уже и прочие всѣ уровнять можно; токмо видится,
нужно прежде сего сравненія въ классахъ имѣть не токмо
списокъ всѣмъ нынѣ наличнымъ товарищамъ, но и поста-
новленной уже штать сколько ихъ впередь содержать какъ
для усмотрѣнія, сколько сихъ штабъ и оберъ-офицерскихъ
чиновъ прибавится, такъ и для предупрежденія, дабы ихъ
иногда тысячу до двухъ каждой годъ не умножилось, и дабы
они наконецъ старшинствомъ надъ Великороссіянами пре-
имущества не возъимѣли, тѣмъ паче, что (какъ выше упомя-
нуто) могутъ они и чрезъ нѣсколько дней по произволу чи-
ны свои оставлять, а па мѣста ихъ новыхъ производить.

На 10-е. Учредить штать коликуму числу бунчуковыхъ и
войсковыхъ товарищей быть, я также признаю быть надоб-
нымъ; а и теперь ихъ не болѣе двусотъ состоять, которые и
раздѣлены на разныя статьи. Никто же изъ бунчуковыхъ и
войсковыхъ товарищей и другихъ всѣхъ Малороссійскихъ чи-
новъ по своему произволу чиновъ своихъ не оставляютъ, но
какъ выше изъяснено, въ 6-мъ пункте изъ разсмотрѣнія моего
по довольноымъ причинамъ увольняются иные вовсе, а другое
токмо отъ воинской службы, а къ внутреннимъ употреблені-
ямъ и присутствіямъ у дѣль паряжаются.

Подлинное подписано тако: графъ К. Разумовскій.

Записка о Малой Россіи *).

1.

Прежде нежели разсуждается о способахъ, чрезъ которые бы привести въ лучшій порядокъ Малую Россію, нужда сего дѣла требуетъ кратко показать, что народъ Малороссійской, въ 1654 году пришедшій въ подданство подъ державу Все-россійскую, по свидѣтельству достовѣрныхъ лѣтописцовъ Россійскихъ, есть издревле прямой Россійской и по слабости только тогданихъ силь великихъ князей Кіевскихъ отщетившійся. Показать также надлежитъ, каковые въ семъ народѣ происходятъ теперь непорядки, которые внутренне сей народъ разоряютъ и въ несостояніе приводятъ, а государственный интересъ отъ того ущербъ немалый пріемлетъ.

2.

О происхожденіи народа Малороссійскаго.

При самодержавіи великаго князя Владимира Кіевскаго о казакахъ ниже Малороссійскихъ, ниже Запорожскихъ никакого свѣдѣнія не было; но все то, что Малою Россіею нынѣ называемъ, было великое княжеское Кіевское, которое отъ раз-

---

*) Эта записка приложена къ предыдущему „Миѣнію“ графа Бестужева. П. Б.

дѣла въ наслѣдство дѣтимъ его и отъ ихъ междуусобія изчезать начало, а Батыемъ почти въ конецъ уже разорено и съ котораго времени Татары въ Кіевѣ и въ другихъ тамошнихъ городахъ Россійскихъ князей па княженія возводили и низвергали, доколѣ Гедиминъ, князь Литовскій, въ 1240 году отъ Рождества Христова падъ рѣкою Присною городъ Кіевъ и всѣхъ потомъ Русскихъ князей себѣ покорилъ.

3.

Начало казаковъ Запорожскихъ.

По совершившемъ завладѣніи Поляками всею Червленною Россіею и городомъ Кіевомъ, яко столичнымъ, въ которомъ они намѣстниковъ своихъ содержали, можно положить начало казаковъ Запорожскихъ (ибо отъ сихъ и всѣ Малороссійскіе Запорожскими казаками даже до конца прошлаго вѣка назывались), что учинилося около 1340 года отъ Рождества Христова. Въ сіи времена завоеваны Поляками бывшіе Россійскіе люди и, опасаясь чужой власти, принуждены были жилища свои оставлять и селиться выше и ниже по рѣкѣ Днѣпру. И чѣмъ больше чужое владѣніе было тягостно сімъ завоеваннымъ Россійскимъ отъ Поляковъ, тѣмъ паче они принуждены были за порогами искать себѣ убѣжища и соединяться съ тамошними переселенцами. Безпрестанные поиски въ таковыхъ обстоятельствахъ соѣдственныхъ Поляковъ, или паче владѣтелей, падъ своими по тогдашнему бѣглецами, а притомъ (когда они усилилися числомъ и силою) нападенія отъ соѣдственныхъ Поляковъ, Литовцовъ, Татаръ и Турокъ, привели сей народъ Россійской къ военному учрежденію и храбрости, хотя они въ томъ прежде воспитаны и не были.

Что сей народъ прямо Россійской или Русской, то промъ вышепомянутаго свидѣтельства доказывается еще языкомъ ихъ и произношенiemъ, которое есть прямо-русское и несолько по сосѣдству съ Польскимъ. Такоже законъ ихъ издревле Греческой, Владимировымъ крещенiemъ въ нихъ введенныи, въ которомъ они твердо и по сie время пребывають. Да и вигдѣ по исторіямъ не видно того, чтобы они когда-либо отъ оного отицелися; но еще паче за оный отъ всѣхъ прочихъ шовѣрныхъ отстунали, защищая себя оружиемъ: ибо когда народъ сей управляемъ быль великими князьями Россійскими, яко природными своими, тогда не токмо возмущенія ихъ не было или отдѣленія въ иное преселеніе, но и имени казаковъ по всѣмъ лѣтописямъ не находится.

4.

Таковая перемѣна не въ одинъ годъ и не въ одинъ человѣческой вѣкъ дѣлается. Но вѣроятно, что отъ вторичнаго Татарами города Кіева и всѣхъ окрестныхъ мѣсть разоренія въ 1415 году переселенцовъ за порогами еще больше умножилося. Такоже въ 1471 году король Казимиръ Четвертый, Ягеловъ сынъ (который Прусковъ и Молдавцовъ въ подданство принялъ) всю Русь съ Польскаго примѣру раздѣлилъ на повѣты. А въ 1506 году Сигизмундъ Первый статутъ Княжеству Литовскому далъ, какъ то видно изъ статута цынѣшняго, раздѣла 7-го, артикула 13-го, пункта 4-й, и въ тоже время учредилъ, дабы Русь была (что нынѣ *Малая Россія*) особливое воеводство, называемое Русское, которое во всемъ привилегіями уравнилъ Литовскому, и даль имъ особливаго гетмана изъ фамиліи сенаторской Иранскаго (Кромеръ кн. 28, 29, 30 и Гвандинъ), такъ какъ и нынѣ коронный и Ли-

товскій гетманы въ Польшѣ избираются. Но въ 1576-мъ году король Стефанъ изъ фамиліи Трансильванскихъ князей, прозвываемыхъ *Батори*, сей Малороссійской статутъ (раздѣль 4, арт. 1, пунктъ 1) яко новый, за многою отмѣною прежняго, княжеству Литовскому постановилъ и опредѣлилъ въ Русскомъ воеводствѣ (что иныѣ Малая Россія) обознаго судью, писаря и есаула, а гетману вручилъ знамя свое, бунчуки, булаву и печать. Съ того времени чиновные и управляющіе Поляки, за сравненіе едино съ собою, презирая управляемый ими Малороссійской народъ, отъ долговременныхъ Татарскихъ разореній оставшійся, въ такое утѣсненіе приводили, что чрезъ многія лѣта большая часть онаго переселилася въ тѣ дикія мѣста Запорожскія, пробавляя себя поисками надъ Татарами, Турками, а паче Поляками, отъ котараго времени та привычка и понынѣ еще въ Запорожцахъ пребываетъ. Впрочемъ Запорожскіе жители не взирали никогда на права Польскія, данныя имъ королемъ Казимиромъ, но паче никакихъ законовъ отъ Поляковъ не принимали. Но чтѣдо вѣры ихъ принадлежить, то по природѣ токмо хранили законъ Греческой православный, который отъ времени Владимира, чрезъ преданія, въ нихъ вкоренился; къ прожитію же ихъ помогала рыбная ловля и звѣринная, которую и нынѣ пробавляются. И такъ оставшіеся жители отъ переселенцовъ въ Руси подъ Польскою державою всю тягость по неволѣ сносили до времени Богдана Хмельницкаго, дѣлая многія покушенія черезъ промышленыя своихъ гетмановъ. Тогда уповательно отъ времени Казимира короля, а паче Стефана Батори, который наиболѣе порядки въ нихъ учредилъ, титулы и чины противъ Польскихъ наданы.

Откуда имя Малой Россіи?

Сія Русь *Малою Россією* имя для различія отъ Великой Россіи получила; а переселенцы, яко живущіе за порогами, оставлися *казаками Запорожскими*; по во время освобожденія отъ иго Польского, пристали къ гетману Малороссійскому, не имѣя уже болѣе опасности отъ Поляковъ, которымъ и понынѣ омощенія чинить не престають. И по коихъ порть Киевское княжество соединено было съ Великороссійскимъ, таковаго различія имени въ Россіи не было.

5.

Все вышеписанное утверждается ясно какъ Русскими и Малороссійскими лѣтописцами, такъ и многими чужестранными авторами.

Изъ сего видѣть можно, что Малая Россія не только землями своими, но и самимъ народомъ есть издревле Россійская, слѣдовательно Ея Императорскому Величеству подданствомъ прежде приступленія ея подъ державу Россійскую принадлежащая.

6.

Причины отступленія отъ Польши Малой Россіи.

Пребываніе сего народа долговременное подъ владѣніемъ королевства Польского, вкоренные права и законы сей республики въ начальствующихъ Малороссійскихъ, которые затвержены были и въ простомъ ихъ народѣ, а притомъ сходное по сосѣдству домашними обрядами житіе вкоренили иль-которое и предпочтеніе тогда въ Малороссійскомъ народѣ къ Полякамъ передъ Великою Россіею, которое въ первую по-

ловину прошлаго вѣка отступило, понуждаемо налогами на нихъ Польскими. Оные налоги и утѣсненія никогда бы дѣйства не произвели къ столь великому возмущенію противу Поляковъ въ Малороссійскомъ народѣ, ежелибы Поляки не коснулися утѣснить и обращать въ Унію церкви Малороссійскія Греческія. Сему пособствовала Богдана Хмельницкаго храбрость, яко обиженнаго на то время отъ республики по собственной своей персонѣ отъ старости Чаплинскаго и управы не получившаго отъ республики. Сей Хмельницкій, бѣжавши въ Запорожье и соглася съ Запорожцами, возмутиль весь народъ Малороссійскій и оружіе поднять противу Поляковъ побудилъ; а наконецъ, хотя и по удачнымъ нѣкоторымъ сраженіямъ, со всѣмъ народомъ, не могучи болѣе стоять противу оружія Польскаго, искалъ себѣ спасенія и защищенія въ подданствѣ Россійской державы. Смотри о семъ разныя книги, а именно: 1) *Histoire des diètes de Pologne.* 2) *Relation des Cosaques.* 3) *Thevenot Recueil des voyages* и 4) *Dictionnaire de Moreri*, также лѣтописи Малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особенно *Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne*, par Pierre Chevalier. печатана въ Парижѣ въ 1663 году.

Исторія сего времени и продолжающагося даже до Мазепиной измѣны ясно показываетъ, что не успѣль только ихъ приводчики гетманы Хмельницкій въ 1657 г. животь свой окончать, а уже они по склонности своей къ Полякамъ помышлять стали о измѣнѣ Россійскому государству, и первый опекунъ сына Хмельницкаго Юрья (въ гетманы избраннаго въ лѣтахъ молодыхъ) Иванъ Виговскій измѣну учинилъ (тотъ же самый, который, будучи писарь генеральныи, при Богданѣ Хмельницкомъ способствовалъ сей народъ привести въ подданство

Всероссійской державѣ), что самое слѣдующаго 1658 года при младолѣтномъ гетманѣ Юріѣ Хмельницкомъ, отрѣшилъ его отъ гетманства и соглася чрезъ секретную переписку съ посломъ Польскимъ маршалкомъ Гнѣзенскимъ, и въ дѣйство пропизвель. Хотя же онай его измѣна и скоро открылася по доносу полковника Полтавскаго, прозываемаго Пушкаря, однакожъ притворствомъ и хитростю Виговскій таилъ такъ, что уже насилиу измѣна его въ 1660 году явною оказалася.

По семъ возмущеніи, которое немалымъ кровопролитіемъ отъ обѣихъ сторонъ укрощено, ни единаго гетмана (до самаго Скоропадскаго) не было, который бы или не измѣнилъ дѣйствительно, или по меньшой мѣрѣ къ измѣнѣ не порывался, а именно *Юрия Хмельницкій, Виговскій, Бруховецкій, Дорошенко, Демьянъ Игнатовичъ, Самуиловичъ, Мазепа*, и между ними многіе на краткое время бывшия самозванцы, возмущеніемъ только народнымъ выбранные, то-есть: *Безпамый, Искра, Тетеря, Васюта, Опари, Децикъ, Суховей, Ханенко, Остапъ Гоголь, Яненко, Кунинскій, Могила, Драгиничъ*, и еще два сына гетманскихъ *Григорій и Яковъ Самуиловичевы*, которые также самозванцы и возмутители, многими казаками уже за Днѣпромъ послѣ отца своего командующе пойманы и Мазепою казнены смертю. Всѣ до единаго или измѣнили, или къ измѣнѣ наклонялися, которая склонность всегда проходила не отъ самаго народа, яко весьма подобострастнаго и удаляющагося отъ ига Польскаго, но отъ хитрости старшинской и доселѣ не мало дѣйствующей въ семъ простомъ народѣ, доколѣ мудрый и прозорливый монархъ государь императоръ Петръ Великій не предпріялъ удобовозможныхъ мѣрѣ къ отвращенію шатости Малороссійскаго народа, разными явными и скрытыми учрежденіями.

Явственно есть изъ сего, что Малороссійскіе старшины съ народомъ не болѣе какъ три года, то-есть при жизни только гетмана Богдана Хмельницкаго, усердно пребывали подъ Великороссійскою державою, которое усердіе окончилось съ смертію его Хмельницкаго. Прочес же все время отъ 1657 года по 1708 годь Малая Россія, по предводительству старшинъ своихъ, пам'янами новсегодными колебалася.

1.

О непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдаленіе, а потомъ привычка къ Польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ Первымъ и Стефаномъ Батори для лучшагопрітязашія въ единство своей области въ нихъ вкоренио, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ. А притомъ заключеніе статей Богдану Хмельницкому въ 1654 году (по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашимъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ) послѣдовало въ потвержденіе Польскихъ и Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашний народъ, яко по большої части безграмотный, мало управлялся, но паче по натуральному праву два третьяго судили. Справедливо и беспристрастно, по доволыномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось въ нихъ тицаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакового и никогда попеченія не имѣть. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малой Россіи никакихъ канцелярій не было, ибо и самую гетманскую канцелярію, которая невѣдомо изъ чего нынѣ носить имя *генеральнаї канцелярії*, случай-

ымъ образомъ гетману Скоропадскому въ 1720 году Ноября 19 дня, по причинѣ воровства нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую (а именно Григорія Михайлова и Василія Дорошенка), особливою грамматою велико учредить; въ прочихъ же мѣстахъ, яко то въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генерального съ такими прерогативами, каковыя онь на себя теперь изъ правъ Литовскихъ паводить, отнюдь не было, хотя притомъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися. Посему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, па купленные свои земли и грунты и па разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ ежели кто чѣмъ владѣеть, то они *старымъ заемомъ* называются, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, почему онь помѣщиковъ, нѣтъ. А которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго Приказа граматы. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными; а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720-мъ годомъ, яко никакихъ урядовъ не имѣюще, служить имъ въ очистку, изъ котораго они поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе старымъ заемомъ.

2.

О уменіи козаковъ и послопитыхъ войсковыхъ.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малая Россія, во время приступленія ея подъ державу Всероссійскую, ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ

нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно было по статьямъ Богдау Хмельницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малой Россіи называются посполитыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится налицо. Что народа въ Малой Россіи было тогда гораздо меныше, а земли гораздо больше, то доказывается кромѣ подлинныхъ справокъ (которыми легко дойти до познанія можно) и тѣмъ, что прежде полѣ тамъ на десять дней можно было купить за десять копѣйки или за пять рублей на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавнаго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцовъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля яко излишняя, впустѣ лежала. Нынѣ же того ни за двѣста рублей укупить невозможно, а въ Стародубовскомъ, Черниговскомъ, большої части Нѣжинскаго полку и Гадяцкаго, и того дороже; понеже жителямъ довольної уже земли къ поселенію не достасть. Однакожъ, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ посполитыхъ, то-есть крестьянскихъ надлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества и сколько козаковъ списковыхъ, то-есть служащихъ и вооруженныхъ, то неуповательно, чтобы и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, а козаковъ на силу пятая часть находится. И такъ людей нынѣ на лицо гораздо больше, слѣдовательно какъ козаковъ въ службу Ея Императорскому Величеству, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалился.

3.

О ревизіяхъ.

Неоспоримо тогъ доказать можетъ, кто Малой Россіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чинов-

ными, также денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены. По вольности же перехода, ревизіи повсегодно бывають, которые, ежели одну съ другою спести, то такое несходство великое всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому; ибо оная всегда зависитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой миные утаютъ; а старшина, по умыслу, строгости иъ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному интересу своему непротивномъ. Хотя же, при нынѣшнемъ гетманѣ, не больше какъ два раза дѣлана ревизія (одна въ 1751-мъ году, когда еще онъ въ Малую Россію не прѣхалъ, а другая въ 1753 году) по всей Малой Россіи какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подсусѣдковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася потому только, что послѣдняя немного построже учинена; а именно въ первой явилось по всей Малой Россіи 152.157, а въ послѣдней 202.146 дворовъ. И такъ прибыло 49.989 дворовъ.

4.

Сie разумѣется только о томъ, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которые ихъ Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею она ни отправлялася, вѣрить не надобно: ибо они интересъ въ томъ имѣютъ, чтобъ число дворовъ утаевать; а какъ утаить, на то способы весьма пагубные и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они немного пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ освѣтально, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ немало, да и взаимная другъ къ другу помочь чрезъ то между ими наблюдалася. Когда, послѣ смерти гетмана Скоропадского, Кол-

легія Малороссійская учреждалася, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меныше пынъшняго, однакожъ число по ихъ ревизіи состоять весьма больше, нежели когда-либо въ Малой Россіи оказалось. Сю ревизію они и по нынѣ *офицерскою называются*, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда-де въ Малой Россіи числа дворового толико не бывало. Но сіе только то было, что въ тотъ годъ меныше утаено, неже ли во всѣ другіе годы.

5.

О расхищениі посполитыхъ дворовъ.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, сливущихъ тамъ войсковыми маєтностями, которые принадлежать въ казну государеву по силѣ 13 статьи данной гетману Богдану Хмельницкому, коликое число было прежде гетмана Скоропадского, о томъ не по чemu справиться. Но послѣ смерти Скоропадского, то есть по ревизіи офицерской, па лицо состояло 44961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750-й годъ роздано немногое число, а уповательно малую самую и разность дѣлаеть. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народа противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ и четырехъ тысячъ дворовъ государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, якобы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами. Въ самомъ же дѣлѣ пашлося, что всѣ государевы дворы и съ землями раскупили старшина у самыхъ мужиковъ, называя ихъ свободными войсковыми, которые будто по сему имени: *свободные*, могутъ сами себя и съ груптомъ продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымыщено,

лено, однакожъ они по сему вымыслу не меньше какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспрещалъ до 1739-го года, доколѣ указъ блаженныя памяти императрицы Анны Ioанновны подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупали войсковыя государевы деревни даже до 1750 года, то есть до прѣзду нынѣшняго гетмана въ Малую Россію, и писали купчія задними годами. А понеже то необходимо, чтобы купчая всякая ствержена была на урядѣ, и сотникъ тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣеть, долженъ подписать: то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ напримѣръ въ 1745-мъ году, а купчая его сотничью рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737-мъ году. Старшины всегда видѣли сіе воровство, но потому что стараются всѣми образы, дабы всѣ государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспіянія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику въ помѣстье за службу не отданы и состоять государевыми, такъ какъ въ 13-й статьѣ именно Хмельницкому изображено: «И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыкную крестьянскую повинность тебѣ государю отдавать».

6.

О уменії козаковъ.

Таковыимъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилось; ибо о семъ заподлишно можно удостовѣрить, что нынѣ Малая Россія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли десять, а покрайней мѣрѣ 12 тысячъ выставить можетъ. По стать-

амъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60000 козаковъ, кроме отшедшихъ съ Заднѣпровскою стороною; а всѣхъ козаковъ около 150000 имѣть бы должно. Всѣ Малороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; по потому что они служать съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное, что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба государева не умалилася; а когда и продать пужду имѣть, то не иначе какъ козаку, а не старшинѣ и не послопитому. Но они истолковали козакамъ право, *якобы козакъ, по силѣ статута, разд. 3, арт. 47, все продать можетъ кому хочетъ;* то потому и всѣ почти группы козацкіе скучили. Къ сему пособствовалъ имянной указъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Ioаниновны па докладъ генерала лейтенанта и подполковника гвардіи князя Алексея Ивановича Шаховскаго, въ которомъ, въ 10 пунктахъ, изображено: *въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ маестностяхъ, ежели козакъ грунтъ свой кому продастъ, и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ всяки по пропорціи имѣній своихъ послопития (то есть крестьянская) повинности отдавать и чинить долженъ; а которые подданные (то есть крестьяне), продавъ свои грунты, съ нихъ сойдутъ, а другие на ихъ мѣстахъ жить станутъ, и тѣми грунтами владѣть, тѣ такожде отдаютъ по пропорціи своихъ имѣній повинности, какъ и другие владѣльческие подданные.* Сей имянной указъ есть наилучшая привилегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне: ибо козакъ, убѣгая отъ службы, лучше желаетъ быть подъ именемъ крестьянина, нежели выйти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ, по имѣнію своему долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацию или порцію, чтобъ ему учинить рубль или больше, а взявши имя па себя му-

жика безгрунтоваго, службы не дѣлаеть, и вмѣсто платы на государя рублевой, платить, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ или иногда двѣ копѣйки по раскладкѣ съ другими подсусѣдками или нищетными. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело старшинамъ яко помѣщикамъ въ крестьяне. А въ военное время или во время какой-либо службы сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли принимали, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже по тому же статуту, разд. 9, арт. 27, определено точно: *у чужаго человека никто земли закупать безъ воли господина его не имѣть, ниже наниматъ на лѣто, подъ лишениемъ данныхъ денегъ и всѣхъ того, что на ней постыло;* тоже определено и о самыхъ людяхъ владѣльческихъ, *дабы ихъ не покупать и не наниматъ безъ соизволенія помѣщика и его управителя:* то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины государевы, которыхъ около пятидесяти тысячъ дворовъ по худой ревизіи быть должно на лицо, старшинами и чиновниками не въ силѣ ихъ же права скуплены (о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ), и вся служба козацкая, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, исчезла, такъ что Ея Императорское Величество, по изобилію и плодородію сей земли, весьма мало пользы отъ сего народа получаетъ.

7.

Хотя же были о семъ отъ многихъ временъ козачьи на чиновниковъ доносы при блахенныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великомъ и строгія слѣдствія, но то всегда было долговременными многими ябедами

заплетею и никогда доброго конца не воспринимало. Почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣчшіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшая старшина въ 1724-мъ году въ крѣпость были забраны; но великодушіемъ монаршимъ все было оставлено, ожидая отъ нихъ исправленія. Были также и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи у козаковъ свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами; но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ людей, которые бы то изъ усердія къ интересу государеву доносіли, а чинились по злобѣ въ отміщеніе своихъ партікулярныхъ обидъ и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ; а соперники ихъ чрезъ то сыскивали способы глупыхъ доносителей опровергнуть долголѣтнюю волокитою и напослѣдовъ всеконечнымъ разореніемъ.

8.

О правахъ Малороссійскихъ.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ яко главный непорядокъ къ нынѣшнимъ временамъ право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновѣ Литовскому Княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно изъ раздѣла четвертаго, артикула первого, пункта 1-го и Сигизмундомъ Третимъ въ 1588 году подтвержденный. Оное состоить въ четырнадцати раздѣлахъ.

Правы и законы въ народахъ учреждаются на двойственномъ основаніи. Первое состоить на натурѣ врожденной роду человѣческому вообще всякому безъ изъятія, которое на-

зываются *право натуральное*; другое на свойствѣ всякаго народа особио и его правлениія, и оно есть *право гражданское*. Чѣд касается до права натурального, то законы Статута Литовскаго, введенныи въ Малороссійской народѣ, суть тѣ же самыи, чѣд и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенныи, и потому отмѣны и исправленія никаковаго почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа управляемаго самодержнмъ государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правлениія учрежденныя, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ самодержца происходитъ должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы съ Литовскимъ закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ граматахъ государственныхъ, а особенно въ высочайшей 1750 года на урядъ нынѣшнему гетману, вѣльно поступать по правамъ Малороссійскимъ, по указамъ государевымъ присланнмъ и впредъ присылаемымъ; но тутъ же приполнено, чтобы чинено все было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темноты, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ гетману согласить невозможно. Возьмемъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Ея Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ имянныхъ указовъ къ смерти; а право Малороссійское (разд. 1, арт. 11) опредѣляетъ имъ только сидѣніе въ тюрьмѣ на шесть недѣль; первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Ея Императорскаго Величества оrudныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отда-

вать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу государю, а право Малороссийское (разд. 3, арт. 2, пунктъ 3, также разд. 9, арт. 30, пунктъ 1) опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей землѣ орюцій руду золотую найдеть, или какое либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ ему одному и пользоваться, а государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, тоже право Малороссийское (разд. 1, арт. 1, пунктъ 2) опредѣляетъ всѣмъ иноzemцамъ (изъ которыхъ числа Малороссиянцы и Великороссийскихъ не исключаютъ) судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступить. Почему, ежели бы случилось Великороссийскому знатному и по имени и по чину человѣку быть обижену въ Лубенскомъ или какомъ-либо полку въ сотнѣ Пирятинской, отъ какого-либо казака, то по силѣ сего права, яко подтвержденного граматами, надлежитъ по порядку у сотника Пирятинского быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута (разд. 3, арт. 27) имѣеть за того знатнаго безчестіе, какого бы онъ чина и достоинства ни былъ, казакъ шесть недѣль въ тюрьмѣ высидѣть или 25 рублей, а не больше безчестія заплатить; и сіе уравненіе Рѣчи Посполитой только прилично. Тѣмъ же Статутомъ (разд. 3, арт. 27, пунктъ 4) заочно бранить, кого бы кто ни захотѣль, дозволяется, и просить о томъ суда не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство, что кажется и натуральному праву уже противно. Въ раздѣлѣ 3-мъ, артикулѣ 12-мъ, государь себя обязываетъ присягою, что въ Великомъ Княжениі Литовскомъ и во всѣхъ земляхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній, чиновъ земскихъ и придворныхъ, владѣній въ упо-

требленіе, въ содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосьдамъ сего государства давать не будетъ; а давать самъ и наследники обѣщаеть тутопшнимъ уроженцамъ. Сie право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе суды, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противу Великороссійскихъ тамо владѣльцовъ, яко по ихъ мнѣнію иноземцовъ и заграничныхъ Малой Россіи, тутъ не оставляютъ обѣ ономъ представлениа свои дѣлать. Такъ равномѣрно правы натурѣ не согласныя многія находятся, а именно разд. 1, арт. 33, пунктъ 1: ежели кому какую маєтность государь пожаловалъ, а онъ за какою либо отлучкою тѣмъ не владѣль десять лѣтъ, то хотя бы и грамату государеву на то владѣніе имѣль, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамата силы никакой не имѣтъ. Или, когда сильный у безсильного деревню отняль, и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнью или малолѣтствомъ своимъ, на судѣ того искать не могъ черезъ десять лѣтъ, тогда молчать (по разд. 4, арт. 91, пункту 1-му) вѣчно имѣтъ. И сие право въ Малой Россіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ гвалтами грабятъ и обижаютъ; а дѣти малолѣтныя, пришедшіи въ возрастъ, не только десятилѣтнему промолчанію подвержены бывають, но тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаются. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ судахъ Малороссійскихъ находится, но изъ права выступить невозможно. Раздѣла 1-го артикулъ 24-й опредѣляеть, если кто посланного отъ лица государева, хотя съ именемъ указомъ, побилъ, указы отняль и изодрали, тому не болѣе штрафа какъ тюрьма на полгода. Такожде, ежели шляхтичъ убьетъ на смерть простолюдина, и указанаго числа (то-есть шести человѣкъ) свидѣтелей истечъ не представить, между

которыми два знатные шляхтича быть должны, тогда шляхтичъ отприсягнуться можетъ, и тогда (по разд. 12, арт. 1) платить только малыя деньги за голову. По разд. 11-му, арт. 16-му, пункту 1-му, ежели шляхтичъ шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжеть, четвертовать; ежели простой шляхтича тоже; а ежели шляхтичъ зарѣжеть по злосердію простаго, или какъ либо оружіемъ съ гиѣва убеть, тогда шляхтичу руку только отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно показать; одни противны самодержавному государству, другіе по угодженіюльному республиканскому народу постановлены и натуральному праву противны Но для показанія неудобствъ довольно и сего.

Въ заключеніе самой только важности сего дѣла надлежить взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пунктъ 1-й, гдѣ опредѣляется и устанавливается, что естьли бы который изъ чиновниковъ земскихъ, то-есть судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ королю, а въ отсутствіи короля вышнему правительству; и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ придворныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатами своими королю, а королъ того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставить. Изъ сего права Малороссіянцы статьи таковой требовали, по которой они и въ обыкновенный ввели себѣ законъ, что не токмо гетманъ и старшина генеральная, то-есть обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два есаула, хорунжій и бунчужный избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые, обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ злекціями постановляются. И таковыя избранія многимъ беспорядкамъчиною, а управляющимъ старшинамъ во всѣхъ мѣстахъ поводомъ къ успѣху ихъ иногда злоумышленій; а

именно старшина генеральная имъютъ способъ полковникоў опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ единомышленныхъ. Ибо выборъ въ сотники слыветь только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны, отъ старшины происходящее.

По сіе время избраніе въ сотники такъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придется, что въ сотнѣ сотникъ умеръ, то старшина поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную персону на управлѣніе до опредѣленія новаго; и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, по имѣніи только командующаго въ полку полковника. Та извѣстная персона уже не сумнѣвается, что ему сотничество предано и для того, пріѣхавъ на правлѣніе, нѣсколько куфъ вина горячаго казакамъ выставить безграмотнымъ, священника и дьячка церковнаго подкупить и уговорить къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ, отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишеть, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано. А къ тому приишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ ни думаютъ, и такимъ образомъ по полученіи ордера изъ воинской канцеляріи о выборѣ нового сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаєтъ, почему въ силѣ правъ и конфируется.

Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ; а въ самомъ дѣлѣ старшина опредѣляютъ во всѣ чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малой Россіи сотники и старшина полковые ими избраны изъ ихъ единомышленныхъ. И хотя право Малороссійское гласить о выборахъ только на

главныя судейскія мѣста, да и то разумѣется изъ тако-
выхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ состоять сво-
имъ достоинствомъ, на которое избраніе новаго дѣлается:
однакожъ старшина интересъ свой въ томъ находить,
чтобъ отъ малаго до великаго начальства выборомъ всѣ
чины происходили, вѣдая, что таковыемъ порядкомъ ми-
лость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ. И то
самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ пра-
вѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4., арт., 1. пунктъ пер-
вый гласитъ дѣйствительно только о судіи, подсудіи и писа-
рѣ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣй-
шіе и уравняются развѣ только старшинамъ генеральнымъ,
которыхъ девять только персонъ въ цѣломъ народѣ, а не о
всѣхъ малочиновныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ пол-
кахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и со-
тенные чины.

9.

О различіи правъ Малороссійскихъ.

Права Малороссійскаго разд. 4. арт. 54-й, пунктъ 4-й: *А* буде бы *чего въ семъ статутѣ не доставало, то судъ, скло-
нился до ближайшей справедливости, по совѣсти своей и по
примѣру другихъ правъ христіанскихъ, отправлять и судить
импѣтъ.*

Малороссійскій народъ по нынѣшнему его состоянію
раздѣляется на три класса людей: на шляхту, козаковъ
и посполитыхъ. Сie раздѣленіе точно тоже, чтоб и въ респу-
блікѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и
Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда дано городу Вильнѣ и

другимъ магистратамъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское: то по примѣру тому и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ подъ владѣніемъ тогда Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія, тѣже Магдебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наследниковъ опредѣлены. Слѣдовательно мѣщане исключены изъ права Литовскаго. Посему въ Малой Россіи народъ двумя бы только правами и судиться долженъ, Литовскимъ и Магдебургскимъ. Но понеже вышепомянутый статута Литовскаго раздѣла 4, артикула 54, пунктъ 4-й *въ случаѣ по какому либо дѣлу недостатка въ правѣ статутъ повелѣваетъ примѣняться къ другимъ христіанскимъ сосѣднимъ правамъ*, то Литовцы занимаются въ помочь къ статуту своему право Саксонское, которое называется *порядокъ*. Слѣдовательно Малая Россія управляется уже не двумя, но тремя правами, а именно *Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ*. И по чому Малая Россія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣть; ибо кто изъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ имъ ближе и въ родѣ и въ законѣ христіанскомъ, какъ Россія? Но изъ всего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится. Польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные законы, многоразличные способы имѣть пристрастіемъ своимъ угодить и чрезъ то сохранять, яко грамотные, надъ неграмотными простыми людьми власть полномочную. Ибо простой народъ только льстить себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ по хитрости старшинами введенной отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣть; а

старшина, напротивъ того, опредѣляя имъ командиновъ якобы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовластіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ и пользу ищущимъ правосудія, по прихоти, содержа ихъ въ подобострасті тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Сie бываетъ, что и изъ права Россійскаго судіи иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. И такъ судіи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствіе обременять или уменьшать казни и штрафы многочисленными законами, а именно: когда судія видѣтъ, что статутъ истцу или отвѣтчику строгое рѣшеніе и не полезное опредѣляеть, тогда онъ ищетъ въ порядкѣ Саксонскомъ, тогда бѣгаетъ и въ Магдебургское, ежели съ мыса-ниномъ шляхтичу дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сышетъ намѣренію своему полезное; и простой или паче неграмотной человѣкъ, въ томъ неискусенъ, пріемлетъ все за несомнительной законъ. Сie есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывутъ въ Малой Россіи приказными и знающими людьми, суть великие ябедники, и про нихъ говорять, что они люди съ оборотомъ. Да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судью извѣстно, но чтобы была только память острая, которая, соединена съ практикою, дѣлаеть у нихъ человѣка съ оборотомъ, то-есть судью проницательнаго. Оттого у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ; и ни единаго дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ аппеляціи прошло, изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральную, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ Коллегію, въ Правительствующій Сенатъ, а напослѣдокъ трудять Высочайшую

особу Ея Императорского Величества. Почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ, когда козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ. Бунчуковый товарищъ одинъ у другаго восемь гусей отогналъ: съ шестьнадцать лѣтъ процессъ былъ. И много тому подобнаго въ архивахъ суда генерального сыскать можно.

10.

Сія ябода въ таковомъ у нихъ кредитъ и почтеній, что по большой части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ. Научивъ его читать и писать по-русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ или Черниговъ для обучения Латинскаго языка, которому не успѣваютъ только нѣсколько обучить, какъ спѣшать возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по долговременному обращеніи, дѣйствительные ябедники происходятъ въ сотники по старательству старшинъ, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали. Но съ чиюомъ канцеляриста еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей, войсковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію имѣютъ. Они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать надобно въ войсковой канцеляріи у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда ими обижено и за отдаленіемъ рѣдко управы ищеть. При гетманѣ Скоропадскомъ бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малой Россіи шестидесяти человѣкъ не было, и то были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи

подъ свой бунчукъ принималъ; но между гетманствомъ болѣе двухъ сотъ ихъ прибыло и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги могли получить; ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія, что они нигдѣ кромѣ гетмана несудимы, потребенъ: тѣ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока. Прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбивають во всѣхъ концахъ Малой Россіи, о чёмъ многія и жалобы есть.

И такъ, право Малороссійское почитать надлежить яко главный непорядокъ въ Малой Россіи. Оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличство отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Оно судю дѣлаеть лихоимцомъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными. Оно бѣдныхъ простыхъ Малороссійскихъ въ утѣсненіе приводитъ, а иногда и въ конецъ разоряетъ. Оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаеть темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

О неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ.

Знатное помѣшательство и непорядокъ въ народѣ и отъ того, что козаки, которые особливыя привилегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливой трудъ несутъ, а именно отправляютъ государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ во всей Малой Россіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовными, такъ и мірскими помѣщикаами принадлежащихъ, всѣ Малороссійские города, мѣстечки, селы, деревни, слободы и хуторы съ пахотными и сѣнокосными землями какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не

имѣютъ никакого обмежеванія А понеже живутъ старинными
займами и фальшивыми по большей части крѣпостями, а
иные ни зайmomъ стариннымъ, ни крѣпостью, но гвалтомъ и
найдомъ сильный у бѣсильнаго, къ тому же козаки во всѣхъ
деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ
мужиками: то изъ того послѣдовалъ различной вредъ какъ
собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Ея Императорскаго
Величества превеликій ущербъ.

Первое. Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большей ча-
сти ни у какихъ дѣлъ по своимъ хуторамъ или деревнямъ
праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что за лѣса,
за гай, за степи, за мливо, за подтопы греблями, другъ на
друга найды дѣлаютъ вооруженою рукою, и изъ того рож-
даются многія смертныя убийства.

Второе. Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти
и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказан-
ную корысть, а главному суду по апеляціямъ въ безконеч-
нос обремененіе ябедническими процессами. И сіе есть соб-
ственное ихъ разореніе.

Третье. Ущербъ Ея Императорскаго Величества интереса
есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непо-
рядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сот-
ника и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ яко
подданные; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великому
разстояніи, и въ порядкѣ содержать не можетъ. Ибо хотя вся-
кому помѣщику въ универсалахъ при надачѣ деревни писы-
валось прежде, и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, сель и мѣстечкѣ томъ, ко-
торое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакового нѣть: одна-
ко жъ какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и беспомощный

воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякій сотникъ не успѣсть только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые ему строители дому бывають, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, пе упоминая о прочихъ разореніяхъ.

Четвертое. Первый промыселъ козачій, которымъ они себѣ малыя деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки снятый съ поля хлѣбъ пересиживаются на горячее вино, и то продаются у себя въ домѣхъ. Сего ради всякой козаческій домъ не что иное какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ запившійся немногого уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣеть и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ линь бы стало ему на зиму съ дѣтми. А хотя бы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его чѣмъ излишнее, но онъ, пріобыкши къ мѣстности, плодородія земли не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ за лѣнотю и того не умѣряетъ. И гетманъ временемъ принужденна себя находить особливые ордеры о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылатъ; чего ради хотя малый недородъ или саранча, то мужики остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, нерѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ. Сіе наибольшіе дѣлаются старшина и ихъ свойственники.

Пятое. Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются въ мужиковъ слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ у себя столько высиживаетъ вина, что всего вы-

шинковать въ своихъ мѣстностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку. А ищеть къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые удобнѣе бы у него забраться и пьянствомъ заниматься могли. Напослѣдокъ, когда столько козаку задастъ, что ужъ козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ бѣть челомъ на козака о уплатѣ долга. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то-есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, артикуломъ 98, пунктомъ 1-мъ, въ которомъ опредѣлено награждать имѣнiemъ недвижимымъ по оцѣнкѣ, и обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ статутѣ волоку осаженнou названа, предписано отдавать за десять рублей, и по пропорціи ежели меньше, то оную дѣлить, а морг земли, то-есть 20 сажень въ ширину и 60 въ длину, ежели укаложенъ, оцѣненъ въ полтину, а бѣзъ навозу въ 50 шляговъ. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣно-жатямъ, землямъ лѣснымъ, удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч. И такимъ образомъ козакъ, грунты свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу.

Сie есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, отъ котораго большая часть козаковъ претворилася уже въ мужики помѣщикамъ, черезъ многіе годы; и государственной интересъ терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и приниманы были, а особенно по челобитью козаковъ еще въ 1721 году, но указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

О вольномъ переходѣ.

Къ внутреннему и собственному раззоренію есть вредъ наиблизайшій вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, богатые паче усиливаются, а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умиралъ съ голоду въ благословенной плодородіемъ землѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ празднодѣліе. Не только оное его нищимъ, но и впредъ къ работѣ по отычкѣ дѣлаетъ неспособнымъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнить свое селеніе, всеконечно ищетъ первого, какъ бы ему найти удобное мѣсто хлѣбъ жевать безъ труда. Сего ради не допускаетъ онъ обременять себя помѣщику никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями или грабленными, или государственными, или за долгъ шинковый себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ населять слѣдующимъ образомъ. Сперва опредѣлить слугу надежнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный помѣщикъ больше заставляетъ мужика своего работать нежели богатой, ежели кредиту иного къ тому въ націи не имѣеть. Потомъ выставить на пустой своей землѣ большой деревянной кресть, на которомъ для грамотныхъ подшипетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означить, на сколько онъ яѣть новопоселившимся обещаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то-есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики празднодѣльные и лѣнтия о томъ не оставляютъ павѣдываться, гдѣ и съ коликовременными свободами кресть

выставленъ на слѣбоду; и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживатъ онъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новомъ кличѣ на слѣбоду и новаго креста ищетъ. И симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводить никакой осѣдлости, то-есть хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, переводя свою семью. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ. Ибо помѣщикъ, подъ претекстомъ тѣмъ якобы мужикъ все, что ни имѣеть, нажилъ па его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдается о его предпріятіи, грабить все его имѣніе, на которое онъ по силѣ статута право имѣеть. Такъ поступаютъ помѣщики безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ, въ изобиліи и плодородіи земли, Малороссійской земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ. Между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часть отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сія суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ какъ видно, помышляя блаженныя и вѣчныя памяти государь императоръ Петръ Великій; но по-

неже край Малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправленіе его требовало немало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ что исподволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

СВОЕВОЛИЕ ГВАРДЕЙЦЕВЪ.

(1767).

I.

Письмо Екатерины II-й къ фельдмаршалу графу Бутурлину *):

Графъ Александръ Борисовичъ.

Дошло до насть, что по дорогъ Санктпетербургской отъ нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ, съ командами стоящихъ при нынѣшнемъ нашемъ шествіи, на станціяхъ, учинены сими командами разные непорядки, и для того повелѣваемъ учредить военный судъ, къ которому презусомъ опредѣляется гвардія нашей маіоръ коннаго полка князь Петръ Голицынъ, а въ ассесоры отъ всѣхъ четырехъ полковъ шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и одного аудитора наряжать. Оному суду повелѣвается, по приложенному отъ тайного совѣтника Олсуфьеву къ намъ рапорту и ему поданнымъ прошеніямъ отъ обиженныхъ, надо всѣми тѣми, которые въ ономъ непорядкѣ нашлись, произвестъ фергеръ и кригсрехть и отъ кого потребно требовать извѣстій и доказа-

---

*) Печатается съ подлинника. П. Б.

тельства и, заключа надъ винными сенченці для конфirmaції, представить намъ отъ того суда: понеже подобные не-порядки ни въ какой командѣ не должны быть терпимы, еще менѣе отъ такого корпуса, какъ нашей лейбъ-гвардіи, отъ которой ожидаемъ мы во всѣхъ случаяхъ военнымъ людямъ примѣровъ доброго порядка.

Екатерина.

9 Марта 1767. Москва.

II.

Рапортъ А. В. Олсуфьевъ.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Исполия Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, доношу всеподданнѣйше, какія гдѣ въ проѣздѣ мой отъ Санкт-Петербурга принесены миѣ были жалобы на разставленныя по станціямъ гвардейскія команды, и что по онymъ мною учинено.

1.

Въ Любанѣ, гдѣ стоялъ Измайловскаго полку поручикъ Михаилъ Челѣвъ, объявлено мнѣ отъ сотскихъ, какъ ям-скихъ такъ и градскихъ подводчиковъ, что во все время никогда не доходили до нихъ прогоны сполна, а только въ тотъ день въ первый разъ выданы имъ они были безъ вы-чету, но на харчи канцелярскія удерживано сержантомъ, подпрапорщикомъ и капраломъ съ каждой пары по семи ко-пѣекъ. У кого лошадь захромала и въ гоньбу была неспо-собна, съ таковыхъ брали по двадцати по пяти копѣекъ; съ ямщицковъ, у коихъ лошади были кобылы, а не мерини, взя-

то за каждую кобылу двадцать пять копѣекъ, а съ Мишанскоаго ямщика Мартына Никитина доиравлена полтина.

Офицеръ, при которомъ тѣ жалобы мнѣ принесены, старался оправдать себя только тѣмъ, что опъ про то не вѣдалъ, и отъ ямщиковъ жалобъ никакихъ до него не доходило, хотя имъ и приказано отъ него было, чтобы о всякихъ отъ команды обидахъ и притѣсненіяхъ ему объявляли; а сіи признавались, что за побоями и угрозами отъ сержанта, унтеръ-офицера и капрала, доступить до него съ жалобою не посмѣли.

Сержантъ Алексѣй Степановъ сынъ Гриневъ, подпрапорщикъ Николай Аѳанасьевъ сынъ Есиповъ, капраль Константина Ивановъ сынъ Депинъ, на очной ставкѣ сперва во всемъ запирались, а напослѣдокъ, по увѣщеванію моему и уликамъ, признались: сержантъ, бывшій тогда нарочито пьянъ, что иногда, да и то по малому дѣлу, въ честь ямщики ему подносили; подпрапорщикъ же и капраль, якобы за труды свои, первый по деньги, а другой по полушкѣ съ лошади себѣ собирали; напротивъ чего, доказывая, уличали ихъ, что всего собрано съ нихъ сто пятьдесятъ девять рублей.

Офицеру сдѣланъ за слабую команду выговоръ; сержанта, подпрапорщика и капрала приказано отвести къ командѣ подъ карауломъ и ожидать отсюда вышияго обѣ нихъ повелѣнія. Оные же сто пятьдесятъ девять рублей выданы ямщикамъ изъ суммы кабинетной на счетъ тѣхъ виноватыхъ.

2.

Въ Спасской Полости, гдѣ находился конной гвардіи подпоручикомъ Николай Оленинъ, собрано какъ съ лошадей такъ и рейтаромъ кормовыхъ всего сто пятьдесятъ шесть

рублевъ; онъя деньги отдаваны квартермистру Гаврилѣ Осипову сыну Теренину, гефрейтъ-капралу Савелью Емельянову сыну Толстому, да капраламъ: Василью Григорьеву сыну Волховскому и Филипу Семенову сыну Арбузову.

Помянутые квартермистръ, гефрейтъ-капралъ и капралы въ тѣхъ денежныхъ взяткахъ съ ямщиками признались того жъ часу добровольно и безъ всякихъ отговорокъ, объявляя, что дѣлали то по своей бѣдности и будучи въ забѣжемъ мѣстѣ; равномѣрно же и рейтары во взятыхъ кормовыхъ деньгахъ повинились.

Офицеру, который во оправданіе свое объявлялъ тоже что и первый, а именно, что о томъ не вѣдалъ и жалобъ не слыхалъ, сдѣланъ за слабость команды выговоръ; деньги сто пятьдесятъ шесть рублей отданы просителямъ изъ суммы кабинетной на счетъ виноватыхъ; а рейтарамъ приказано учинить наказаніе.

3.

Въ Новѣгородѣ, по объявленію сотскихъ, отъ ямщиковъ собрали команды Семеновскаго полку подпоручика Андрея Симонова солдаты, называвшия себя при канцеляріи писарями, Алексѣй Антоновъ сынъ Масловъ, да Федоръ Дмитріевъ сынъ Барановъ, съ каждого поѣзда съ лошади по одной деньгѣ, и того десять рублей на каждого солдата брали, кормовыхъ въ недѣлю по пятидесяти копѣекъ, изъ коихъ получалъ солдатъ Кирилла Балашевъ по одному рублю, а Максимъ Яковлевъ по восьмидесяти копѣекъ на недѣлю; да на катанье офицера на масляницѣ собрано на четыре пары четыре рубли.

Сотскіе градскихъ подводчиковъ, на неоднократный мой вопросъ, объявили, утупя глаза въ землю, что имъ обидъ никакихъ и взятоекъ съ нихъ собираю не было.

Офицеру за помянутые непорядки и слабую команду сдѣланъ крѣпкой выговоръ. Извинялся онъ невѣдѣніемъ и что на лошадяхъ ямщицкихъ пріѣзжалъ только на поклонъ къ проѣзжимъ знатнымъ особамъ. Всѣ тѣ деньги приказано ямщикамъ возвратить, къ чему онъ и обязался; а оныхъ двухъ солдатъ наказать при всѣхъ подводчикахъ батожьемъ.

4.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ Крестецъ, выѣхали ко мнѣ на встрѣчу того яму выборные: Прокофій Васильевъ и Михаилъ Андреевъ и вручили приложенную при семъ письменную жалобу, которую приносили они управителю своему на прапорщика Преображенского полку Петра Кутузова, отъ котораго-де они убѣгомъ скрылись, потому что подъ батожьями присуждается дать ему подписку въ томъ, что его командою довольны и жалобъ на оную никакихъ не имѣютъ. Состоять же жалобы ихъ въ слѣдующемъ. Кормовыхъ солдатамъ собрано за пять недѣль каждому по пятидесяти копѣекъ на недѣлю. У Боровскихъ купцовъ: Василья Каширина и Федота Некишева сняты оныхъ прапорщикомъ Кутузовымъ три лошади, коихъ во всю бытность въ ъзду употреблено не было; а вмѣсто оныхъ ямщики гоняли своихъ лошадей; равномѣрно жъ и послѣ шествія Вашего Императорскаго Величества тринадцать линейныхъ лошадей въ ъзду не наряжалъ, но обганивали ихъ другіе ямщики и вмѣсто хромыхъ и пристальныхъ называли съ подводъ, на которыхъ билеты даваны за двойные прогоны, оныхъ имъ ни копѣекъ не отдано. Въ проѣздѣ Вашего Величества отъ Крестецкаго Яму до села Яжелбицъ на 38-й верстѣ изъ прогоновъ роздано ямщикамъ на пару только по осмнадцати копѣекъ, а по двадцати ко-

пъекъ удержано на расплату за забранные къ нему Кутузову разные съѣстные припасы, коихъ съ 25-го Генваря по 1-е Марта причитается пятьдесятъ восемь рублей тридцать пять копѣекъ. Такожъ въ канцелярію на сальныя свѣчи и бумагу помянутый Кутузовъ (по увольненіи лошадей отъ гоньбы и въ насильномъ къ подпискѣ принужденіи, не смотря на непремѣнное тѣхъ выборныхъ и сотскаго въ томъ подъ смертною казнью утвержденіе, такъ какъ и унтеръ-офицеры не признались о забранныхъ на кухню свою разныхъ припасахъ) объявилъ, что намѣреніе его всегда было за то заплатить деньги, но не знаетъ заподлинно, па столько ли, какъ члобитчики показываютъ, оныхъ имъ употреблено.

По учиненіи ему крѣпкаго выговора, приказано всѣ тѣ собранныя деньги имъ немедленно возвратить, къ чему онъ и обязался; а удержанные двойные прогоны, о которыхъ объявилъ, что хотѣлъ ихъ раздать не по частямъ, но, накопя, все вдругъ отдалъ онъ при мнѣ все сполна солдатамъ за взятые кормовыя деньги къ сотскимъ. За тѣ поборы приказано учинить наказаніе, такожъ и одному выборному по жалобѣ офицера, что по многократнымъ позывамъ оказалъ себѣ ослушаннымъ и къ нему не являлся.

5.

Въ Зимнегорскомъ Яму, гдѣ стоялъ съ командою Преображенского полку капитанъ-поручикъ Петръ Лутовиновъ. хотя на вопросы мои при самомъ управителѣ единогласно отвѣтствовало мнѣ, что неудовольствія и жалобъ на команду никакихъ не имѣютъ, однако же по пріѣздѣ моемъ въ село Едрово какъ отъ онаго управлятеля, который меня туда об-

скакаль, такъ и оть находившагося тутъ Измайловского полку капитана Алексея Голохвастова принесены мнѣ, сверхъ словесныхъ, приложенные при семъ и письменныя на Зимнегорскую команду жалобы: въ пьянствѣ солдатъ съ капраломъ и явномъ на улицѣ озорничествѣ, въ смертномъ солдатами нарядившимися въ сѣрые кафтаны бою ямщика Якова Андреева, въ отбитіи у него шапки и 20 р. денегъ; что по жалобѣ и требованію капитана Голохвастова помянутый Лутовиновъ не только командѣ своей уйму и наказанія, но ниже и отвѣта порядочнаго не учинилъ, и въ насильномъ забравіи у разныхъ ямщиковъ женъ и содержаніи оныхъ подъ карауломъ.

Управителю со угроженіемъ, что о той утайкѣ его въ команду оть меня сообщено и надлежащаго наказанія требовано будетъ, выговаривалъ я, для чего въ бытиость мою въ Зимнегорскомъ Яму и когда оть меня все спрашиваны были, не было ли кому обидъ какихъ и нападковъ, о всемъ томъ не объявилъ. На сie отвѣтствовалъ онъ, что, будучи въ опасности живота своего оть капитана-поручника Лутовинова и его команды, при немъ объявить мнѣ не отважился, а нарочно, обогнавъ меня, прїѣхалъ съ жалобою своею въ село Едрово. И хотя, за отсутствіемъ Лутовинова, къ разбирательству достаточнаго средства не было, однакожъ подтвердилъ мнѣ тоже прилучившійся тутъ по случаю болѣзни брата своего генеральсь-адъютантъ егосіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова Алексѣй Нарышкинъ. Битый ямщикъ мною самимъ осматриванъ: все тѣло его оть безчеловѣчныхъ побоевъ найдено испещреннымъ превеликими багровыми пятнами, лицо разбитое, и голова проломана.

Капитану Голохвастову поручилъ я объявить оному Лутовинову, на возвратномъ его станціи проѣздѣ, приказаніе мое,

чтобъ того капрала содержать подъ арестомъ, ямщику же изъ суммы кабинетной возвращены отбитые у него 20 р., да заувѣчье выдано столько же на счетъ виноватыхъ.

Когда потомъ капитанъ-порутчикъ Лутовиновъ наѣхалъ на меня въ Городнѣ и, по представлениіи арестованного по моему приказанию капрала, обо всемъ мною спрашивань, то ишаго въ отвѣтъ сказать мнѣ не могъ, какъ что капраль, какъ человѣкъ весьма молодой, выпивъ три чарки, по слабости своей былъ пьянигъ за что онъ его и штрафовалъ; что справедливость принесенной жалобы точно не доказана, и именно тотъ или тѣ солдаты не означены, кѣмъ опытъ ямщикъ бить и ограбленъ; что сія драка происходила въ гулянии и пьянствѣ, да что и самъ капитанъ Голохвастовъ отлучался нерѣдко отъ своего поста и разъѣзжалъ гулять верстъ за 30. Капрала приказано отдать подъ арестомъ въ команду и въ прочемъ ожидать вышняго повелѣнія.

6.

Въ Вышнемъ Волочкѣ приносили разныхъ городовъ посадскіе жалобы на стоявшаго тамъ Измайловскаго полку прaporщика Андрея Сабурова въ томъ, что для параду подводъ сотскій, города Одоева посадскій, Гаврила Прокофьевъ удерживалъ у нихъ певѣдомо для чего за одиннадцать поѣздокъ прогонныхъ денегъ каждой пары по три копѣекъ, въ томъ числѣ за первыя двѣ по пяти копѣекъ, а всего 37 р.; да пожалованыхъ на калачи 7 р. 50 коп. Оный же сотскій неоднократно наряжалъ нѣкоторыхъ подъ того Сабурова лошадей для напрасныхъ разъѣздовъ и гулянья.

По крѣпкомъ ему за то выговорѣ, приказано удовольствовать немедленно возвращенiemъ всѣхъ денегъ и надлежащею

платою; сотского за тѣ поборы наказать, а въ прочемъ ожидать повелѣнія при командѣ.

При семъ долженъ я упомянуть, что отъ разныхъ постороннихъ людей слышалъ я вообще жалобу на многихъ изъ офицеровъ, что часто для гулянья и по гостямъ отлучались отъ мѣсть своихъ верстъ за 20, за 30 и далѣе, почему въ небытность главныхъ командировъ проѣзжимъ остановки, а въ командахъ разные непорядки и своевольства происходили.

7.

Въ деревнѣ Подсолнечной Горѣ приносилъ мнѣ жалобу Семеновскаго полку поручикъ Николай Булгаковъ, что какъ, оставя къ утру потребное число подводъ мнѣ и командѣ его, всѣ прочія по приказанію моему распустилъ, бывшіе же на станціяхъ въ селѣ Яжелбцахъ и въ Зимнегорскомъ Яму Преображенскаго полку прaporщикъ Алексѣй, да капитанъ-поручикъ Петръ Лутовиновы, ночью съ командаами своими, наѣхали, промѣшкавъ назади такъ долго невѣдомо зачѣмъ и требовали подводы; а отъ него отвѣтствовано было, что, будучи подводы уже распущены и не имѣя никакой болѣе власти надъ оними, дать имъ не можетъ; то они, досадуя на него, объявили ему: мы имѣемъ при себѣ 40 человѣкъ солдатъ и слѣдовательно сами подводы взять умѣемъ, почему дѣйствительно приказалъ солдатамъ ходить по дворамъ; забрали насильно найденныхъ лошадей тѣхъ хозяевъ, кои уѣхать или скрыться не успѣли и на оныхъ безъ хозяевъ одни въ Москву послѣвали, такъ что теперь едва и знать можно, куда оныя лошади дѣвались и какимъ способомъ хозяевамъ возвращены быть могли.

На оного порутчика Булгакова жалобъ никакихъ я не слыхалъ; но, не скрывая ничего отъ Вашего Величества, принужденнымъ себя нахожу донесть дошедшее стороною до свѣдѣнія моего, а именно, что и его командою денежныя ямщикамъ выможенія были; но что отецъ его, свѣдавъ о ихъ роптаниї, помириль его съ пими па 80 р. и тѣ деньги за него заплатилъ.

На прочихъ станціяхъ весь подводчики увѣряли меня, что офицерами и командами ихъ довольны; отличная же благодарность и похвала единогласная приписаны бывшимъ въ Тоснинскомъ Яму Преображенского полку отъ бомбардиръ-порутчику Алексѣю Раздеришину, въ селѣ Чудовѣ Измайлловскаго полку прaporщику Семену Миклашевскому, въ селѣ Подберезье Семеновскаго полку подпорутчику Николаю Шетневу, въ Бронницахъ Преображенского полку капитану-порутчику князь Петру Козловскому, въ Хотиловскомъ Яму Измайлловскаго полку порутчику Андрею Рахманову, въ селѣ Мѣдномъ того же полку капитану-порутчику князь Василью Гагарину, въ селѣ Завидовѣ Семеновскаго полку подпорутчику Нилу Панову.

На подлинномъ подписано тако:

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Адамъ Олсуфьевъ.

Въ 8 день Марта 1767 года.

Отвѣты графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина на во- просные пункты Екатерины Великой.

Всепресвѣтлѣйшая и державнѣйшая Государыня Императ-
рица, всемилостивѣйшая Государыня.

По даннымъ отъ Вашего Императорскаго Величества собст-
венноручно писаннымъ осми пунктамъ, приложенными при
семъ точпою копію, сколько я могъ (не будучи у дѣль,
чрезъ полпята года, такожъ при настоящей старости и отъ
понесенныхъ печалей слабости и короткой памяти) въ раз-
сужденіе взять и прымыслить, о томъ всеподданѣйше при-
ношу при семъ же мое слабѣйшее мнѣніе. И потому оное
не столь обширно сдѣлано, какъ я за 17 лѣтъ тому назадъ,
а именно въ 1745 г., будучи тогда непрестанно при дѣлахъ
и въ лучшей памяти, обстоятельное свое мнѣніе имѣть честь
поднести ея величеству, блахениыя памяти любезной теткѣ
вашей государыни императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, кото-
рое взялъ я пынѣ изъ архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Ваше Императорское Величество изволили ко мнѣ отзы-
ваться, что той-ли я былъ системы, дабы короля Прускаго
ослабить въ его силахъ, и Ваше Величество изъ онаго усмот-
рѣть изволите, что я подлинно такимъ былъ, да и пынѣ при
той же системѣ пребываю, неотмѣнно предоставляя впрочемъ

высочайшему и просвѣщенному Вашего Величества разсужденію и повинуясь всегда къ работѣному исполненію монаршихъ Вашихъ повелѣній, якоже и есь со всеглубочайшею венераціею, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Іюля дви 1762 года.

С.-Петербургъ.

Всеподданнѣйшее мнѣніе графа Алексѣя Бестужева-Рюмина на данные отъ Вашего Императорскаго Величества собственноручные пункты.

На 1-й.

При настоящихъ коньюктурахъ, которые не токмо по учненнымъ отъ Англинскаго министра Кейта сообщеніямъ, но и по другимъ извѣстіямъ склоняются къ общему во всей Европѣ миру, весьма сходственно быть кажется съ интересами Россійской имперіи, чтобы Ваше Императорское Величество такому общему въ Европѣ примиренію содѣйствовали побужденіемъ къ тому всѣхъ въ настоящей войнѣ участіе имѣюющихъ державъ. Сіе содѣйствованіе тѣмъ удобнѣе быть можетъ нынѣ, что настоящая война въ Европѣ довольно наскутила тѣмъ державамъ, которые участіе въ оной по сіе время имѣть принуждены, и какъ Ваше Императорское Величество по благополучномъ восшествіи на Всероссійской императорскій престолъ соизволилъ уже объявить онымъ согласное тому намѣреніе и повелѣли своимъ министрамъ виупать имъ, чтобы помышляли о примиреніи, то и надобно при слущаихъ такія Вашего Величества присовѣтованія подтверждать.

На 2-й.

Что надлежить за посылки министровъ Россійскихъ на конгрессъ въ Аугсбургъ, то весьма надобно стараніе приложить, чтобы оные приглашены были, но сіе не безъ великаго затрудненія учиниться можетъ; потому что, когда Ваше Императорское Величество соизволили торжественно объявить, что заключенный бывшимъ императоромъ съ королемъ Прускимъ миръ безъ нарушенія содержать изволите, то пребывающія въ настоящей войнѣ державы, какъ союзныя такъ и противныя, поставляя сей миръ одностороннимъ, чаятельно нелегко могутъ согласиться на допущеніе министровъ Россійскихъ на конгрессъ. Да и сей конгрессъ, по видимому изъ обстоятельствъ, не можетъ состояться прежде нежели Франція и Англія въ особенной своей войнѣ сдѣлаютъ миръ, отъ котораго много зависѣтъ и общее въ Европѣ примиреніе. Между тѣмъ однакожъ надобно чрезъ министровъ Вашего Императорского Величества у воюющихъ державъ о приглашеніи на конгрессъ прилагать стараніе, внушая онымъ, что какъ Россійской императорской дворъ съ начала нынѣшней войны прямое участіе въ оной имѣлъ и великія иждивенія для оной понести приужденъ былъ, отъ онаго-жъ Россійского императорского двора купно со всѣми воюющими державами предъ симъ для общаго примиренія соглашенъ и опредѣленъ былъ въ Аугсбургѣ конгрессъ, которой безъ согласія всѣхъ интересентовъ (какъ бы то надлежало) разрушенъ: то и весьма справедливо, чтобы въ настоящемъ новомъ конгрессѣ для общаго примиренія въ Европѣ Россійской императорской дворъ также участіе имѣлъ и чтобы для того на оной конгрессѣ Россійскіе министры приглашены были. По усмотрѣнію же, когда согласны будутъ воюющія державы къ допущенію министровъ

Вашего Императорского Величества на конгрессъ, могутъ
оные и отправлены быть съ инструкціями, по обстоятельст-
вамъ нужными, а главнѣйше въ томъ состоящими, чтобъ /
сколько возможно усиленное получили удовольствіе прежнє
Россійскому императорскому союзнымъ дворамъ за ихъ въ ны-
нѣшней войнѣ претерпѣнныя убытки и раззоренія и чтобъ }
тѣмъ отчасти сокращены были многіе силы короля Пруска-
го, какъ весьма опаснаго для союзныхъ державъ на бу-
дущія времена, а особенно, дабы не въ состояніи онъ быль
за нынѣшнюю войну вашей имперіи отмщеніе свое учинить
и чтобъ присутствіемъ на конгрессѣ министровъ Россійскихъ
Ваше Императорское Величество не токмо славу имѣть, но
и ручателемъ быть могли заключаемаго на ономъ трактата,
не допуская вичего въ противность интересовъ имперіи Вашей.

На 3-й.

Пропозицію короля Прускаго о медіації Вашего Импера-
торскаго Величества формально сообщить другимъ державамъ,
кажется, неприлично; потому что король Пруской только въ
разговорѣ упоминалъ объ ономъ генералу графу Чернышову,
да и то желая вѣдать напередъ о сентиментахъ Вашего
Величества, и сіе только служить ему къ развѣдываніямъ. А
ежели бъ онъ хотѣлъ прямую пропозицію сдѣлать, то бы
могъ оную чрезъ своего министра здѣсь пребывающаго учі-
нить, да и не безъ согласія съ Англинскимъ дворомъ, какъ
съ союзникомъ своимъ; но какъ ни отъ одного, ни другаго
здѣсь о томъ ничего не слышно, то и не можно полагаться
на разговоръ королевской съ графомъ Чернышовымъ, хотя
оной повторенъ отъ короля также разговоромъ и министру
Вашего Величества князю Реппилу. Ибо такія пропозицій

обыкновенно дѣлаются на письмѣ, а инако для ненадежности не могутъ быть и приниманы, а тѣмъ наименьше могутъ оныя предъявлены быть другимъ державамъ въ опасеніи непріятнаго отказа или несоглашенія. Правда, что медіація Вашего Императорскаго Величества въ примиреніи приносила бы Вамъ славу и честь великую; но для сего необходимо надобно, чтобъ сами желающія того державы напередъ сдѣлали Вашему Величеству предложеніе, а не отваживаться здѣшнее о медіації сообщеніе непріятному отказу или по меньшей мѣрѣ молчанию и пренебреженію. Но для поспѣшествованія къ общему миру чаятельно и сами тѣ державы будутъ искать медіаціи Вашего Императорскаго Величества; потому что Вѣнскай дворъ собственпой свой интересъ въ томъ имѣеть не меныше какъ и Англинской дворъ для установлениія древней системы Сѣвера въ союзѣ и особливо для комерціи своей съ Россіею; а Пруской король тоже интересъ имѣеть медіацію Вашего Величества желать для того, чтобы утвердить обѣщанное съ Вашей стороны содержаніе заключеннаго съ нимъ мира.

На 4-е.

При пынѣшихъ обстоятельствахъ для умложенія инфлюен-
ціи Вашего Императорскаго Величества въ Европейскихъ
дѣлахъ полезнѣе бы было всей арміи вашей остататься еще въ
завоеванныхъ у короля Прускаго земляхъ. Но когда же по-
велѣно арміи возвратиться въ Россію, то однакожъ надобиъ
вынѣ изъ оной до 30,000 оставить и до заключенія общаго
мира или по меньшей мѣрѣ на будущую зиму расположить
въ Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ, и сверхъ того при границахъ во
Лифляндіи и въ ближнихъ мѣстахъ содержать войска до 50,000

и тѣмъ подать лучшій поводъ къ желанію медіації Вашего Императорскаго Величества, которая бы тѣмъ же болѣе почитительною быть могла для защищенія Вашихъ союзниковъ и для возстановленія общаго и надежнаго мира.

На 5-е.

Обѣщаю содѣржать миръ къ королемъ Прускимъ, почитать оной полезнымъ развѣ для того только, чтобы въ мирѣ, а не въ войнѣ пребывать; напаче же когда государственная казна уже истощена, то и худой миръ падобенъ. А на-противъ того, понеже сей миръ въ разсужденіи собственной славы и чести Россійскаго двора и что безъ вѣдома союзниковъ его сдѣлать, не можетъ за полезной почитаться: то бы лучше инако оной передѣлать, ежели бъ токмо возможно было, не прекословя деклараціямъ Вашего Императорскаго Величества, въ пользу того короля учиненнымъ. И когда бъ войска Вашего Величества изъ областей короля Прускаго не выведены быши, то бы сепаратный артикуль сего мира служить къ тому могъ. И такъ надлежитъ сей съ королемъ Прускимъ постановленной миръ по нуждѣ до того времени содѣржать, пока къ перемѣнѣ или уничтоженію онаго справедливая причина будетъ.

На 6-й.

Понеже постановленной съ Вѣнскимъ дворомъ союзной и оборонительной трактатъ въ ослабленіи приведенъ быть видится тѣмъ, что въ заключенномъ недавно съ Прускимъ королемъ и отъ Вашего Императорскаго Величества подтвержденномъ мирномъ трактатѣ уничтожаются нѣкоторымъ образомъ все прежнія здѣшняго двора обязательства; то небез-

нужно помянутой съ Вѣнскимъ дворомъ союзной и оборонительной трактать, распоряжая по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, возобновить какъ съ натуральнымъ союзникомъ, имѣя одинаковые интересы въ разсужденіи Турковъ и прочихъ здѣшней имперіи сосѣдей, толь наипаче, что имѣюція нынѣ новыя короли Прускаго обязательства съ Портою и Швецію того требуютъ.

На 7-й.

Въ разсужденіи, что Саксонскія земли съ начала войны столь многое раззореніе и опустошеніе претерпѣли, весьма сходно будетъ съ великодушіемъ Вашего Императорскаго Величества, когда, по союзнической дружбѣ и обязательствамъ бла-женнаго памяти государыни императрицы Елизаветѣ Петровнѣ, соизволите за короля Польскаго, курфирста Саксонскаго, вступиться и повелѣть чрезъ министра Вашему королю Прускому представить, чтобы онъ тѣ Саксонскія земли, какъ безвинно претерпѣвающія, отъ войскъ своихъ очистилъ и возвратилъ во владѣніе собственному ихъ государю и впредь бы ихъ не обезпокоивалъ, оставляя нейтральными, хотябы и не примирился онъ съ Вѣнскимъ дворомъ. Но въ тоже время представить надобно Вѣнскому двору, чтобы оной свои войска изъ Саксоніи также вывестъ приказалъ, въ чемъ сей Вѣнской дворъ по справедливости и отказать не можетъ, для того чтобы между двумя дворами продолжаемая иногда война третьему безвинное раззореніе больше не приносила.

На 8-й.

Когда такимъ образомъ, какъ выше сего въ 4 пунктѣ писано, знатная часть арміи Россійской оставлена будетъ въ

Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ, а прочія войска будуть при границахъ, то чаятельно побуждать будуть воюющія державы требовать медіаціи Вашего Императорскаго Величества къ примиренію, да и въ негоціаціяхъ лучшій успѣхъ быть можетъ на конгрессѣ; а напротивъ того безъ сумнѣнія ожидать надобно, что не токмо повода не будетъ къ требованію и принятію медіаціи, но и ослабѣвать станутъ здѣшняя негоціаціи на конгрессѣ, когда всѣ войски Вашего Императорскаго величества внутрь Россіи возвратятся.

Подписано: г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

27 Іюля 1762 г.
Санктпетербургъ.

**Копія съ письма къ канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ
секретаря Бакунина, отъ 26-го Ноября 1760 года**

Имѣя высокое сіятельства повелѣніе описать въ бытность мою при Мангеймскомъ дворѣ персональныя качества владѣющаго курфирста, фамилію его и состояніе всей тамошней земли, не уважаю я на трудности сего дѣла, ниже недостатковъ силъ моихъ, по паче стремлюсь исполнить намѣреніе вашего сіятельства, поколику краткое мое пребываніе дозволило мнѣ навѣдываться о всѣхъ обстоятельствахъ, въ ласкальной надеждѣ, что вы, милостивѣйший государь, слѣдующее слабое начертаніе за опытъ совершенного моего повиновенія принять изволите.

Курфирстъ имѣть отъ рода тридцать шесть лѣтъ, сложенія крѣпкаго и никогда не бывалъ еще въ тяжкихъ болѣзняхъ. Въ пріемѣ холдиновать и малорѣчивъ, но ознакомясь разговариваетъ охотно; любить весьма науки и художества: въ первыхъ самъ искусствъ, равно какъ и въ художествахъ великой знатокъ; время раздѣляетъ между чтеніемъ книгъ, театромъ, музыкою и картами; осенью и весною часто ёздить на охоту, которая великолѣпіемъ изъ первыхъ въ Европѣ; съ придворными обходится ласково, вѣритъ много министрамъ своимъ и отъ нѣкоторыхъ, какъ слышно, бываетъ часто об-

манываемъ; склонностью, а особливою по интересамъ, преданъ Франціи, слѣдовательно, при настоящей системѣ и Австріи; но, не смотря на то, имѣть въ дѣлахъ и такихъ людей, какъ Англіи и Прусіи доброжелательствуютъ; любить весьма курфирстину, въ пользу которой сочинилъ весьма выгодную духовную; но какъ оная почти во всемъ содержаніи противна императорскому уставамъ, то и не думаютъ, чтобы когда-либо могла въ дѣйствіе произведена быть. Сочиненіе сей духовной воспринимало паденіе прежняго первого министра барона Вредена, ибо онъ, изъ доброхотства къ Цвейбрікскому дому которому по смерти курфирста права наследства падлежать, отъ онаго отрекся и тѣмъ въ совершенную пришель немилость, хотя еще и нынѣ, въ разсужденіи хорошихъ его качествъ, немало преданныхъ ему при дворѣ людей есть. Впрочемъ курфирстъ, если только можетъ правда до него дойти, правосуденъ и старается усердно о благополучіи подданныхъ своихъ. Дважды въ недѣлю присутствуетъ въ Совѣтѣ, въ которомъ разматриваются рѣшильно всѣ дѣла. Отъ подданныхъ любимъ, почитаемъ, и конечно, того достопр. Отъ Франціи получаетъ по двадцати тысячѣ гульденовъ субсидіи на мѣсяцъ, напротивъ сего долженъ по требованіямъ ея давать шесть тысячѣ человѣкъ войска, которое во время службы бываетъ на содержаніи сей державы. Я слышалъ отъ надежного человѣка, что оная здѣшнимъ министерствомъ не гораздо довольна, и во время кардинала Берни имянно требовала отрѣшенія барона Бекерса.

Курфирстия старѣе курфирста тремя годами, по мѣтамъ своимъ довольно свѣжа, любить равномѣрно (но какъ сказываютъ изъ одного къ супругу своему угощенія) науки, чѣмъ будто и пріобрѣла у онаго великую власть, кою воспользовалась доставить себѣ богатое вдовье содержаніе, будучи не-

извѣстно по какой причинѣ издавна предупреждена, что переживетъ его. Сія слабость не могла быть довольно скрыта; каждый ищетъ ей льстить, и подлинно сія дорога надежна министрамъ къ умноженію ихъ знатности. Забавы сея принцессы состоять въ спектакляхъ, музикѣ и игрѣ; ласкова, обходительна, но не безъ гордости, льстительна, великолѣбна и тицеславна, больше отъ подданныхъ нежели отъ придворныхъ любима, которые проникнули ея виды, клонящіеся къ раздробленію по смерти курфирста земель его владѣнія.

Владѣтельной пфалыграфъ Цвейбрюкской, Христіянъ Четвертый, которому единогласно приписываются великія дарованія, имѣлъ бы послѣ курфирста наследствовать; но какъ онъ съ одной стороны самъ его старѣе двумя годами, а съ другой, въ разсужденіи неравнаго брака съ одною комедіанткою, отъ которой имѣть действительно двухъ сыновей, называемыхъ Франціею графами де-Форбахъ, безнадеженъ получить къ преемничеству дѣтей: то и почитается будущимъ наследникомъ племянникъ его родной, сынъ командующаго имперскою арміею генерала-фельдмаршала герцога Фридриха, принцъ Карлъ, которому теперь тринадцать лѣтъ. Онъ содержится съ четырехлѣтнимъ братомъ своимъ и двумя сестрами при Мангеймскомъ дворѣ. Воспитаніе его поручено камергеру барону Эбернштейну, который курфирстинъ совершенно преданъ. О качествахъ и склонностяхъ сего принца не можно еще по молодымъ его лѣтамъ ничего съ точностью сказать; во благонравіе, живость и великіе его въ учени успѣхи подаютъ однако изрядную о будущемъ надежду. Приято уже намѣреніе отправить его на нѣсколько лѣтъ въ Парижъ, гдѣ, конечно, Французской дворѣ стараться будетъ внушить ему заблаговременно сходныя своимъ видамъ правила,

которыя со временемъ Австрійскому небезопасными сдѣлаться могутъ.

Главныхъ министровъ, которые называются *ministres d'état et de conférence* и засѣдаются въ тайномъ совѣтѣ, есть трое.

1. Оберъ-камергеръ баронъ Вахтендонкъ управляетъ департаментомъ иностраннѣй дѣлъ, человѣкъ немолодой, знатнаго въ имперіи рода, ученый и, по общему признанію, честный; былъ посломъ при избраніи императора Карла VII, держится всегда по удостовѣренію происходящей изъ того пользы Французскаго союза; но самъ имѣя собственный достатокъ, ни отъ кого не зависитъ и хотя въ извѣстной духовной неохотно принялъ участіе, однакожъ повидимому сохраниеть еще немалый кредитъ.

2. Баронъ Цетвицъ, родомъ изъ Богеміи, былъ при покойномъ курфирстѣ пажемъ; почитается человѣкомъ честнымъ, но при томъ весьма упрямымъ и своенравнымъ; преданъ склонности королю Прускому, по съ нѣкотораго времени найдень у Вѣнскаго двора способъ преклонить его къ другимъ мыслямъ; напротивъ чего, говорять, столько пенавидить Францию, что нѣкоторыя къ предосужденію ся сочиненія сдѣлалъ.

3. Баронъ Бекеръ вышелъ службою и интригами изъ простыхъ людей. Онъ былъ прежде амтманомъ въ Гейдельбергѣ, потомъ управителемъ курфирстскихъ въ Литвѣ деревень, кои проданы умершему князю Радзивилу; а послѣ того, получавшіе дворянство, министромъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, до паденія барона Вредена, вмѣсто котораго онъ казною управляетъ, да и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ великое участіе имѣть. Онъ первой съ барономъ Цетвицомъ инструментъ часто упоминаемой духовной. Оба крайніе непріятели барону Вахтендонку и всячески ищутъ его удалить отъ двора, хотя и безъ

того соединенiemъ своимъ почти всѣми дѣлами, по собствен-
ному благоизбрѣтенію, распоряжаютъ. Онь осѣпленъ, буде
вѣрить рѣчамъ, преданностю съ Англіи и Прусеi; но ласка-
тельствуя курфирстинъ и фаворитамъ ся, умѣть сохранять
кредитъ свой. Вообще увѣряли меня, что пожалованіе отъ Ея
Императорскаго Величества курфирстинъ ордена святаго Ека-
терины новую ему услугу сдѣлало; ибо по его внушеніямъ
и совѣту требование о томъ учипено было. Нельзя однakoжъ
сказать, чтобъ онъ не старался, буде не отъ искренняго сердца,
наружностю показывать доброжелательство свое къ общему
дѣлу. Между прочимъ я долженъ особливо засвидѣтельство-
вать, что онъ именемъ двора своего многократныя миѣ чи-
нилъ увѣренія о усердіи онаго къ Россійскимъ интересамъ и
о готовости способствовать по крайней силѣ справедливымъ
Ея Императорскаго Величества видамъ о благосостояніи всего
человѣчества; да и въ другихъ всегда случаяхъ отзывался о
нашемъ дворѣ баронъ Бекерсъ со всякою пристойностю и
съ надлежащимъ уваженіемъ.

Но весьма противному служить доказательствомъ случив-
шееся въ Вѣнѣ, при началѣ войны, съ Курифальцкимъ ми-
нистромъ Ритеромъ. Сей Ритерь, человѣкъ рода подлаго, быль
всегда при баронѣ Бекерсѣ секретаремъ, а на его мѣсто и
резидентомъ опредѣленъ въ Вѣну. Прежде выѣзда оттуда ми-
нистровъ Аглинскаго и Гановерскаго, завелъ онъ съ ними
тайную переписку, о которой графъ Кауницъ скоро увѣдо-
мился, да и явныя доказательства худыхъ намѣреній нашелъ.
Австрійской дворѣ требовалъ удовольствія; но баронъ Бе-
керсъ, протекторъ Ритера, предуспѣль кредитомъ своимъ за-
гладить происшедшее и привести оной къ молчанію.

Сіи три ministra управляютъ всѣми дѣлами; присутствуютъ
они въ курфирстскомъ совѣтѣ, въ военной и каморѣ-колле-

гіяхъ; все идетъ чрезъ ихъ руки, чѣмъ однакожъ не всѣ рав-
но довольны, а особливо, что два послѣдніе, всегда держась
одного мнѣнія, оберкамергера превозмогаютъ. Политика ихъ,
въ разсужденіи воюющихъ державъ, весьма непостоянна;
ищутъ всегда угодовать сильной сторонѣ и сохранять со всѣ-
ми доброе согласіе, чѣмъ будто Берлинской дворъ многажды
и пользовался къ уничтоженію видовъ Вѣнскаго и Версаль-
скаго, имѣя почти въ рукахъ своихъ Курфальцкой голость
на имперскомъ и окружныхъ собраніяхъ, по крайней мѣрѣ
отъемля у оного всю дѣйствительность додаваемыми пусты-
ми предлогами и отговорками, по самое то время какъ уже
состояніе короля Прускаго сумпительнымъ становиться нача-
ло. Сказываются, баронамъ Цетвицу и Бекерсу весьма пріят-
но было, что Франція, подъ видомъ экономіи, отпустила изъ
арміи своей Курфальцкое войско, хотя въ томъ и другія
могли быть причины. Съ сего времяни требовала неоднократ-
но Англія оное въ свое жалованье, но кромѣ другихъ ува-
женій и одна близость Французской арміи довольно уже то-
му препятствуетъ.

О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ увѣдомленъ я отъ досто-
вѣрнаго человѣка, которой притомъ, въ доказательство про-
должаемой между Курфальцкимъ и Лондонскимъ дворомъ
откровенности, съ испрошеніемъ крайняго секрета, открылъ
мнѣ, что статской секретарь Питъ министру первого графу
Гослангу, предъ иѣкоторымъ времянемъ, говорилъ: «что Рос-
сія весьма высоко натягиваетъ струны, требуя въ удовле-
твореніе себѣ Прусію, и что напротивъ того собствен-
ные дворы никогда ей толикаго съ стороны Германіи прира-
щенія съ безопасностю своей дозволить не могутъ». А послѣ
того въ другорядѣ: «будто бы ваше сіятельство точно объя-
вили, что конечно не будетъ подписанъ миръ безъ уступки

«Прусіи, что Вѣнской дворъ требуетъ Силезіи, король Польской достаточного удовлетворенія за прошедшее и безопасности для переду, а Французской дворъ знатной части Нидерландовъ, чтѣ будто отъ Вѣнскаго двора и обѣщано; и что, напослѣдокъ, ни Голандія, ни Англія сего послѣдняго отнюдь не допустятъ; но что по вѣмъ обстоятельствамъ скораго возстановленія мира больше желать, нежели надѣяться должно».

Я знаю, милостивѣйшій государь, сколько въ сихъ разговорахъ господина Пига несправедливаго, но для того только всенижайше объ оныхъ доношу, чтобъ ваше сіятельство видѣть могли, какимъ образомъ иногда Лондонской дворъ старается уловлять Нѣмецкіе.

Сколько собственно до Мангеймскаго принадлежитъ, кажется оной такого миѳія быть, что Франція и Англія, по интересамъ своимъ, не должны допустить короля Прускаго до совершенного изнеможенія; но притомъ и опасаются, что не успѣютъ уже они спасти сего государя, если только оба императорскіе двора одну кампанію согласно и съ надлежащею силою дѣйствовать будутъ.

Прочія придворныя персоны невеликой важности, хотя нѣкоторыя, а именно обергофмейстерина графиня Туртаксійская, курфирстининъ обергофмейстеръ графъ Гауфельдъ съ женой, оберъ-шталмейстеръ графъ Фирекъ, и оберъ-егермейстеръ баронъ Гакъ весьма вольно съ ихъ свѣтлостьюми обходится. И такъ остается только упомянуть о обершталмейстерѣ ея свѣтлости, баронѣ Роденгаузенѣ, которой фаворитомъ ея почитается. То подлинно, что она ему при всякомъ случаѣ особливыя отличности оказываетъ; но не слышно однакожъ, чтобъ кто на него жаловался, да и онъ не вступаетъ ни въ какія дѣла.

Земли курфирстского владѣнія состоять *въ Нижнемъ Пфальцъ* (ибо Верхній достался Баварскому дому, по объявленіи въ 1621 году курфирста Фридриха V, избраннаго короля Богемскаго, императоромъ Фердинандомъ въ имперскую ссылку), *въ четырехъ герцогствахъ: Нейбургскомъ, Сульцбахскомъ, Юлихскомъ и Бергскомъ, въ герцогствѣ Равенстейнскомъ и маркизатствѣ Бергопштадтскомъ*. Но какъ оныя между собою не смежны, то и не могутъ быть столь велики доходы, тѣмъ больше, что въ пѣкоторыхъ правлениѣ гораздо ограничено вольностю и преимуществами чиновъ.

Нижній Пфальцъ раздѣляется по себѣ на пять частей, а именно: 1) герцогство Симмеренское, 2) герцогство Цвейбрюкское, которымъ владѣетъ герцогъ сего имени; 3) графство Спангеймское; 4) графства Вальденцкое и Лаутрекское, и курфирство Пфальцкое, въ пятнадцати амтахъ состоящее.

Курфирстъ имѣеть отъ сихъ амтовъ великую въ томъ выгоду, что раздачею ихъ можетъ награждать заслуженныхъ людей безъ всякой казни своей убытка; ибо въ каждомъ окладные есть для амтмана доходы.

Герцогства Нейбургское и Сульцбахское назначены курфирстии по духовной, съ разными Пфальцскими амтами, на вдовье содержаніе; въ чемъ однакожъ предвидять быть крайнему супротивленію, не только отъ будущаго курфирста, но и отъ всей имперіи.

Императрица-королева и король Пруской имѣютъ еще нѣкоторая притязанія на Юлихъ и Бергъ. Франція гарантировала, правда, сіи княжества Курфальцскому дому, по тѣмъ самымъ и имѣть способъ содержать оной въ своей зависимости, хотя и безъ того близкое ея сосѣдство принуждаетъ курфирста быть непремѣнно въ ея интересахъ. Вѣнской дворъ пользуется также своею претензіею, возобновляя или

оставляя оную, смотря по обстоятельствамъ времени. Но больше всего опасается Курифальцской дворъ короля Прускаго, есть-ли бы оной сверхъ чаянія нынѣшнею войною не быль приведенъ въ настоящіе предѣлы.

Главной городъ Мангеймъ построенъ предъ трицатью годами при стокѣ рѣкъ Рекера и Рейна на болотистомъ мѣстѣ. Улицы все прямые, но дома весьма низки. Курфирстской замокъ, езуитская церковь и оперной домъ, а особливо галлерея картигъ, достойны зреіїя. Крѣпостная укрѣпленія сдѣланы Кугорновымъ манеромъ и содержутся въ исправности. Съ достаточнымъ гарнизономъ можетъ сей городъ, по обнадеживанію искусствныхъ офицеровъ, весьма долгую выдержать осаду.

Доходы со всѣхъ провинцій, кромѣ герцогствъ Юлихскаго и Бергскаго, простираются до четырехъ миллионовъ гульденовъ. Чины сихъ сбоихъ платятъ особливо, подъ иминемъ штейера, девять сорть тысячъ талеровъ, да отъ камеры приходитъ столько же; но, за вычетомъ необходимо-нужнаго иждивенія на содержаніе въ сихъ самыхъ княжествахъ крѣпостей, Дилендорфа и Юлиха, мостовъ и многихъ плотинъ, не весьма великия суммы входятъ въ казну курфирстскую.

Содержаніе войска отъ двѣнадцати до четырнадцати тысячъ человѣкъ, раздѣленаго на десять полковъ пѣхоты, два конніцы, роту гусаръ, конную и Швейцарскую гвардію, изъ которыхъ въ каждой сто человѣкъ, обходится обыкновенно въ шесть сорть восемидесять тысячъ гульденовъ.

Столъ стоитъ въ годъ сто шестьдесятъ тысячъ, погребъ сто пятьдесятъ тысячъ, ливрея трицать тысячъ, опера и музыка Италіянская сорокъ тысячъ, комедія Французская двадцать четыре тысячи, охота называемая *rag force* четыриадцать тысячъ, обыкновенная двадцать тысячъ, конюшня и

конские заводы сто пятьдесят тысяч гульденовъ, не считая жалованія статскимъ чинамъ, о которомъ я развѣдать не могъ до какой суммы простирается. Нѣкоторые кладутъ оную въ миліонъ, а другіе въ полтора и больше.

Сверхъ того, какъ послѣдній, такъ и пынѣній курфирсты употребили много денегъ на разныя зданія и на покупку драгоцѣнныхъ камней, коихъ весьма немало есть.

Войско Пфальцское почитается хорошимъ, обучено Прусской эксерциціи; но самъ курфирстъ не охотникъ къ солдатству. Считаютъ, что при обыкновенномъ наборѣ рекрутъ со ста берется шесть человѣкъ.

Офицеры и солдаты одѣты изъ собственныхъ фабрикъ, которыя въ цвѣтущемъ состояніи, а особливо въ герцогствахъ Юлихскомъ и Бергскомъ, гдѣ дѣлаютъ сукна добротою не хуже лутчихъ Голандскихъ. Въ Солингенѣ есть довольно мастеровъ, чтобы въ короткое время снабдить ружьемъ цѣлую армію. Развозятъ оное множествомъ въ Италію, Францію, Гишинію, Англію, Голандію и Данію, не упоминая всей Германіи. Славны также Юлихскія и Бергскія полотна, которыя Голандцы продаютъ по всей Европѣ за свои. Въ самой Пфальціи, которая плодородіемъ изъ лучшихъ Нѣмецкихъ земель, растеть множество вина при рѣкахъ Рейнѣ и Некерѣ, отъ чего ей известнымъ образомъ великая прибыль. Тамошній табакъ почитается во Франціи и Голандіи необходимо-必需нымъ для утучнѣнія Виргинскаго и вывозится, сколько-бы его ни было, весьма скоро по жатвѣ купцами обоихъ народовъ.

Сіе произрашеніе обогащаетъ сугубо землемѣльца и всю землю; во первыхъ не требуетъ большаго смотрѣнія, а наиболѣе съется въ такихъ поляхъ, которымъ-бы иначе послѣ хлѣба чрезъ лѣто въ пустѣ лежать надлежало. Торгъ хлѣб-

ной, которой гораздо знатеиъ быль, пресвѣся совсѣмъ предъ тридцатью годами, по той только причинѣ, что надбавлена тогда вывозная пошлина четвертью крейцера на мѣшокъ. Голандцы нашли, что Польской хлѣбъ имъ дешевлѣ становится, и для того и перестали за симъ товаромъ ъздить. Сie обстоятельство слышалъ я отъ самаго курфирста, которой нынѣ старается весьма о разводѣ шелковичныхъ деревьевъ. Успѣхъ соотвѣтствуетъ его намѣренію, ибо въ одномъ городѣ Гейдельбергѣ посажено чрезъ шесть лѣтъ болѣе двухъ сотъ тысячъ деревьевъ; да и крестьяне, увида себѣ безтрудную прибыль, начали о томъ же помышлять. Я видѣлъ множество тамошняго шелку, которой по признакію знатоковъ ни въ чистотѣ, ни въ тонкости не уступаетъ Италіянскому. Въ Гейдельбергѣ заведена уже и фабрика однимъ Ліонцомъ, которой изрядные дѣлаетъ штофы, но не довольно имѣеть работниковъ. Не можно описать подробно всѣхъ рукодѣлій, отъ коихъ немалая однакожъ происходит прибыль. Напри-мѣрь, бездѣлушки изъ кости, иглы, булавки, наперстки и тому подобныя мелочи, служать къ пропитанію многихъ го-родовъ. Есть-ли бы еще въ самой Пфальціи жители столько прилежны и трудолюбивы были, сколько въ прогчихъ земляхъ курфирстскаго владѣнія, то конечно торговля, слѣдовательно и богатство ихъ, распостранились-бы гораздо больше. Торгъ происходит отъ большей части чрезъ Голандію, даже до Америки, куда множество Пфальцскихъ подданныхъ рефор-матскаго исповѣданія и Анабаптистовъ въ Аглинскія колоніи преселилось и еще отходитъ. Хотя нынѣ не какъ прежде ни-какого въ вѣрѣ иѣть принужденія: по причину тому постав-ляютъ быть въ общемъ предубѣжденіи, будто-бы новой свѣтъ наполненъ естественными богатствами, которыя не требуютъ никакого труда. Дворъ употребляетъ всевозможное стараніе,

чтобъ искоренить сіе ложное мнѣніе; но по сю пору не пред-
успѣваетъ онай въ томъ по желанію своему.

Есть ли бы время моей въ Швецингенѣ бытности иѣсколь-
ко продолжиться могло, быль бы я въ состояніи описать
подробнѣе и точнѣе политическое состояніе Курфальцкаго
двора и земель, въ разсужденіи тамошней системы и каждой
части купечества. Столько однакожъ смѣю увѣритъ, милости-
вѣйшій государь, что все вышеозначшое, буде чего самъ
не видалъ, слышалъ отъ людей знающихъ и, сколько кажется,
безпристрастныхъ.

Теперь остается только всенижайше прибавить обѣ одномъ
главномъ обстоятельствѣ, которое въ будущемъ Германскихъ
дѣлъ теченіи можетъ произвестъ великую отмѣну. Оба кур-
фирстскіе дома, Пфальцской и Баварской, имѣютъ между со-
бою издавна трактать братства, по которому одинъ, въ слу-
чаѣ пресъченія другаго, землями его наслѣдововать имѣеть.
Сей порядокъ наслѣдства утвержденъ еще торжественно,
сколько до Верхняго Пфальца касается, постановленіями Вест-
фальского мира да и близостю родства обѣихъ фамилій. Кур-
фирстъ Пфальцской не имѣеть, правда, дѣтей, но есть у него
наслѣдники; напротивъ чего Баварской, будучи равномѣрно
по толь долговремяному бракѣ бездѣтенъ, не имѣеть больше
родственниковъ, какъ одного двоюроднаго брата Клиmenta
Франциска, которой называется герцогомъ Баварскимъ и же-
нать на сестрѣ курфирстинѣ Пфальцской. Сей принцъ имѣ-
еть отъ рода тридцать восемь лѣтъ, и не только что бездѣ-
тенъ, но и въ здоровью слабъ; почему и должно думать, есть-
ли между тѣмъ не воспослѣдуется какой непредвидимой и
нечаянной перемѣны, что принцъ Карлъ Цвейбрюкской объ-
ими курфирствами, Баварскимъ и Пфальцскимъ, купно и гер-
цогствомъ Цвейбрюкскимъ, по смерти дяди своего владѣтель-

шаго герцога, владѣть будетъ. Сie соединеніе двухъ первѣйшихъ въ Германіи княжествъ не можетъ Вѣнскому двору пріятно быть; ибо такимъ образомъ находился бы оной между двумя сильными сосѣдами, королемъ Прускимъ съ одной стороны, а Баваріею и Пфальцомъ съ другой. Само собою явно, сколь предосудительныя неудобства изъ сего положенія съ вѣроятностію ожидать должно, а особливо отъ послѣднихъ, кои, при случающемся впредъ съ Франціею войнѣ, держась ея стороны и будучи ею подкрѣпляемы, могли бы сколь сильную, столь и опасную произвѣсть диверсію къ самой срединѣ наслѣдныхъ Австрійскихъ земель, гдѣ нѣтъ ни одной знатной крѣпости къ остановкѣ непріятельского наступленія. На семъ основаніи не безъ причины предполагается, что Вѣнской дворъ за благовременно употребить всѣ мѣры, дабы будущему обоихъ курфирствъ соединенію воспрепятствовать. Не можетъ оной, правда, имѣть достаточнаго къ тому оправданія; но не меныше думаютъ однако, что дѣйствительно уже изыскиваются способы къ уничтоженію толь опаснаго для переду случая. Но какъ съ другой стороны и Пфальцской дворъ, сколько я съ вѣроятностію разсмотрѣть могъ, предосторожности свои принимаетъ, и особливо отъ Франціи, разсуждая по существительнымъ сея короны интересамъ, сильною помочью и подкрѣпленіемъ можетъ быть, справедливо, ласкается: то и предстоить по видимому всякая опасность, что по кончинѣ курфирста и герцога Баварскихъ возгорится въ Европѣ, а по крайней мѣрѣ въ Римской имперіи, новая война, которая, по великой разности интересовъ воюющихъ дворовъ, едва ли скоро окончена быть можетъ, но всегда особливаго будетъ требовать примѣчанія отъ нейтральныхъ державъ, по колику оныя въ Европейской системѣ и дѣлахъ участіе принимаютъ. Не излишне еще упомя-

нуть, что въ Баварскомъ наслѣдствѣ немалыя трудности произойдутъ и отъ наследниковъ женскаго колѣна, то-есть отъ Саксонскаго дома, которой буде не имперскихъ помѣстьевъ, по крайней мѣрѣ многихъ дворянскихъ деревень на свою долю требовать можетъ.

Я знаю, что сей случай весьма удаленъ быть можетъ; но по важности онаго и когда человѣческія жизни вседневнымъ почти подвержены припадкамъ, не меныше почель всенижайшей моей должности описать въ кратцѣ, какія уже нынѣ происходятъ разсужденія. Ваше сіятельство изволите, по совершенной вашей прозорливости, усмотрѣть, сколь нужно и полезно о намѣреніяхъ и подвигахъ интересованныхъ дворовъ, Вѣнскаго, Французскаго, Пфальцскаго и Баварскаго точное по обстоятельствамъ свѣдѣніе имѣть, дабы по тому, есть ли бы иногда востребовала нужда, мѣры свои съ надежностю располагать.

Сколько я понималъ изъ рѣчей самого курфирста и барона Бекерса, Пфальцской дворъ желалъ бы весьма имѣть съ Россійскимъ Императорскимъ откровенное сношеніе, зная, сколько содѣствованіе онаго существительно быть можетъ. Присылка министра была бы ему весьма пріятна и, сколько мнѣ чрезъ третью руку внушено, отъ Ея Императорскаго Величества изволенія зависить, чтобы курфирстъ начало въ томъ сдѣлалъ.

DEUX LETTRES DE L'IMPÉRATRICE CATERINE II A STANISLAS PONIATOWSKI.

I.

2 août (vieux style) 1762 *).

J'envoie incessamment le comte Kayserling ambassadeur en Pologne, pour vous faire roy, après le décès de celui-ci, et en cas qu'il ne puisse réussir pour vous, je veux que ce soit le prince Adam.

Tous les esprits sont encore en fermentation. Je vous prie de vous retenir de venir ici, de peur de l'augmenter.

Il y avait six mois que mon avénement au throne se tramait. Pierre III avait perdu le peu d'esprit qu'il avait. Il heurtait tout de front; il voulait casser les gardes, il les menait en campagne pour cela; il les aurait remplacé par ses troupes d'Holstein qui devaient rester en ville. Il voulait changer la religion, se marier avec Elizabeth Woronzow, m'enfermer.

Le jour de la célébration de la paix, après m'avoir dit des injures publiquement à table, il avait ordonné, le soir, de m'arrêter. Mon oncle le prince George fit retracter cet ordre: depuis ce jour, je prêtais l'oreille

---

*) Писано від небольшимъ чрезъ мѣсяцъ послѣ событія. П. Б.

aux propositions qu'on me faisait depuis la mort de l'impératrice.

Le dessein était de le prendre dans sa chambre et de l'enfermer, comme la princesse Anne et ses enfants. Il s'en alla à Oranienbaum. Nous étions sûrs d'un grand nombre de capitaines aux régiments des gardes. Le sort du secret était entre les mains de trois frères Orlow, dont Osten se souvient d'avoir vu l'aîné me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique, et tout, par lui, a été fait dans cette vue. Ce sont des gens extrêmement déterminés et fort aimés du commun des soldats, ayant servi dans les gardes. J'ai les plus grandes obligations à ces gens-là: tout Pétersbourg en est témoin.

Les esprits des gardes étaient préparés, et il y avait, à la fin, dans le secret, de 30 à 40 officiers et près de 10.000 hommes du commun. Il ne se trouva point de traître, pendant trois semaines; parce qu'il y avait quatre factions séparées dont on réunissait les chefs pour l'exécution, et le vrai secret était entre les mains de ces trois frères. Panine voulait que ce fût en faveur de mon fils, mais ils n'y voulurent jamais consentir.

J'étais à Peterhof; Pierre III vivait et buvait à Oranienbaum. On était convenu qu'en cas de trahison on n'attendrait pas son retour, mais assemblerait les gardes et me proclamerait. Le zèle pour moi fit ce que la trahison aurait effectuée. Il se répandit un bruit dans les troupes, le 27, que j'étais arrêtée; les soldats se mettent en mouvement, un de nos officiers les calme; vint un soldat chez un capitaine nommé Passik, chef d'une faction, et lui dit qu'assurément j'étais perdue; il l'assure qu'il avait de mes nouvelles. Ce soldat, toujours allarmé pour moi, s'en va chez un autre

officier et lui dit la même chose; celui-ci n'était point du secret. Effrayé d'entendre qu'un officier avait renvoyé ce soldat sans l'arrêter, il s'en va au major. Celui-ci envoya arrêter Passik. Voilà tout le régiment en mouvement. On envoya le rapport, pendant cette nuit, à Oranienbaum. Voilà l'allarme parmi nos conjurés. Ils se résolurent d'abord d'envoyer le second frère Orlow chez moi, pour m'amener en ville, et les deux autres vont partout pour dire que je vais arriver.

Le Hetman, Wolkonsky, Panine, étaient du secret. Je dormais tranquillement à Peterhof, à six heures du matin, le 28. La journée était très-inquiète pour moi, parce que je savais tout ce qui se tramait. Entre dans ma chambre Alexis Orlow et me dit avec une grande tranquillité: „Il est temps de vous lever, tout est prêt pour vous proclamer“. Je lui demandais des détails, il me dit: „Passik est arrêté“. Je n'hésitai plus, je m'habillai vite, sans faire de toilette, et me mis dans le carrosse qu'il avait amené. Un autre officier était en guise de valet à la portière, un troisième vint au devant de nous à quelques verstes de Peterhof.

A cinq verstes de la ville, je rencontrais l'aîné Orlow avec le prince Bariatinsky le cadet; celui-ci me céda la place dans la chaise, car mes chevaux étaient rendus, et nous allâmes débarquer dans le régiment d'Izmaïlowsky. Il n'y avait que douze hommes et un tambour qui se mit à battre l'allarme. Voilà les soldats qui arrivent, me baisant, m'embrassant les pieds, les mains, l'habit, me nommant leur sauveur. Deux amènerent un prêtre sous les bras, avec la croix. Les voilà qui se mettent à me prêter serment. Cela fait, on me priait de monter dans un carrosse; le prêtre avec la croix marchait devant. Nous allâmes au régi-

giment de Séménowsky; celui-ci vint au devant de nous en criant vivat. Nous allâmes à l'église de Cazan, où je descendis. Arrive le régiment de Préobrajensky, en criant vivat, me disant: „Nous vous demandons pardon d'être venus les derniers, nos officiers nous ont arrêtés: mais en voilà quatre, que nous vous amenons arrêtés pour vous montrer notre zèle; nous voulions aussi ce que nos frères voulaient“. Arrive la garde à cheval; celle-ci était dans une fureur de joie, comme je n'ai rien vu de pareil, pleurant, criant à la délivrance de la patrie.

Cette scène se passait entre le jardin du Hetman et la Cazansky; la garde à cheval était en corps, les officiers à la tête. Comme je savais que mon oncle, à qui Pierre III avait donné ce régiment, en était horriblement hâti, j'envoyai des gardes à pied chez mon oncle pour le prier de rester à la maison, de peur d'accident pour sa personne: point du tout, son régiment avait détaché pour l'arrêter: on pilla sa maison et on le maltraita.

J'allai au nouveau palais d'hiver, où le Synode et le Sénat étaient assemblés. On dressa à la hâte un manifeste et le serment. Delà, je descendis et fis à pied le tour des troupes. Il y avait plus de 14 mille hommes, gardes et régiments de campagne. Dès qu'on me voyait, c'était des cris de joie, qu'un peuple innombrable répétait. J'allai au vieux palais d'hiver, pour prendre les mesures etachever. Là, nous conseillâmes, et il fut résolu d'aller, moi à la tête, à Peterhof, où Pierre III devait dîner. Il y avait des postes posés sur tous les grands chemins, et de moment en moment on nous amenait des langues.

J'envoyai l'amiral Talizine à Cronstadt. Arriva le chancelier Woronzow, envoyé pour me faire des reproches sur mon départ: on le mena à l'église pour prêter serment. Arrive le prince Troubetzkoy et le comte Schouwalow, aussi de Peterhof, pour s'assurer des régiments et pour me tuer; on les mena prêter serment, sans aucune résistance.

Après avoir expédié tous nos courriers et pris toutes nos précautions, vers les 10 heures du soir, je me mis en uniforme des gardes. M'étant fait proclamer colonel, avec des acclamations inexprimables, je montai à cheval, et nous ne laissâmes que peu de monde de chaque régiment pour la garde de mon fils, qui était resté en ville. Je sortis aussi, à la tête des troupes, et nous marchâmes toute la nuit à Peterhof. Arrivés au petit monastère sur ce chemin, arrive le vice-chancelier Galitzine avec une lettre très-flatteuse de Pierre III. J'avais oublié de dire qu'en sortant de la ville, vinrent à moi trois soldats aux gardes, envoyés de Peterhof pour répandre un manifeste dans le peuple, et me dirent: „Tiens, voilà ce dont Pierre III nous a chargé; nous le donnons à toi. Nous sommes bien aise que nous ayons eu cette occasion de nous rejoindre à nos frères“.

Après la première lettre, arrive une seconde portée par le général Michel Izmaïlow, qui se jette à mes pieds et me dit: „Me comptez-vous pour honnête homme?“ Je lui dis que oui, „Hé bien, dit-il, il y a plaisir d'être avec les gens d'esprit. L'empereur s'offre à renoncer. Je vous l'amènerai, après la renonciation très-libre; j'éviterai une guerre civile à ma patrie, sans difficultés“.

Je le chargeai de la commission. Il alla la faire. Pierre III renonça, à Oranienbaum, en toute liberté, entouré de cinq mille Holsteinois, et vint avec Élizabeth Woronzow, Goudowitz et Izmaïlow à Peterhof, où, pour la garde de sa personne, je lui donnais cinq officiers et quelques soldats. Comme c'était le 29, jour de la Saint-Pierre, à midi, il fallut bien dîner. Tandis qu'on le préparait pour tant de monde, les soldats s'imaginèrent que Pierre III était amené par le prince Troubetzkoy, le feld-maréchal, et que celui-ci tâchait de faire la paix entre nous deux; les voilà qui chargent tous les passants, et entre autres le Hetman, les Orlow et plusieurs autres, qu'il y a trois heures qu'ils ne m'ont vu, qu'ils meurent de peur que ce vieux fripon de Troubetzkoy ne me trompe, „en faisant une paix simulée entre ton mari et toi, et qu'on ne te perde et nous aussi; mais nous le mettrons en pièces“. Voilà leurs expressions. Je m'en allais chez Troubetzkoy et lui dis: „Je vous prie, mettez-vous en carrosse, tandis que je ferai à pied le tour de ces troupes“. Je lui contai ce qui se passait. Il s'en alla en ville, tout effrayé, et moi je fus reçue avec des acclamations inouïes.

Après quoi, j'envoyai sous le commandement d'Alexis Orlow, suivi de quatre officiers et d'un détachement d'hommes doux et choisis, l'empereur déposé, à 25 verstes de Peterhof, dans un endroit nommé Ropcha, très-écarté et fort agréable, tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlusselbourg et qu'on eut le temps de mettre des chevaux pour lui en relais.

Mais le bon Dieu en disposa autrement. La peur lui avait donné un cours de ventre qui dura trois jours et qui passa le quatrième; il but ce jour-là excessive-

ment; car il avait tout ce qu'il voulait, excepté la liberté. Il ne m'a cependant demandé que sa maîtresse, son chien, son nègre et son violon; mais, crainte de scandale et d'augmenter la fermentation des gens qui le gardaient, je ne lui envoyai que les trois dernières choses. La colique hémorroïdale lui prit avec des transports au cerveau; il fut deux jours dans cet état, d'où s'ensuivit une très-grande faiblesse, et malgré tous les secours des médecins, il rendit l'âme, en demandant un prêtre luthérien. Je craignais que les officiers ne l'eussent empoisonné. Je le fis ouvrir, mais il est bien avéré qu'on n'en trouva pas la moindre trace. Il avait l'estomac très-sain, mais l'inflammation dans les boyaux, et un coup d'apoplexie il avaient emporté. Son cœur était d'une petitesse extraordinaire et tout flétrî.

Après son départ de Peterhof, on me conseillait d'aller tout droit à la ville. Je prévis que les troupes s'en alarmeraient. J'en fis semer le bruit, sous prétexte de savoir à quelle heure, à peu près, après trois jours de fatigue, ils seraient en état de se mettre en route. Ils dirent: „Vers les dix heures du soir, mais qu'elle vienne avec nous“. Je partis donc avec eux, et à moitié chemin je me retirai à la maison de campagne de Kourakine, où je me jetai tout habillée sur un lit. Un officier m'ôta les bottes; je dormis deux heures et demie, et puis nous nous remîmes en chemin.

De Catherinhof, je me remis à cheval, à la tête du régiment de Préobrajensky; un régiment d'houzards marchait devant, puis mon escorte qui était la garde à cheval; puis venait immédiatement devant moi toute ma cour; après moi marchaient trois régiments de gardes, selon leur ancienneté, et trois régiments de campagne.

J'entrai en ville, avec des acclamations innombrables et j'allais ainsi au palais d'été, où m'attendait la cour, le Synode, mon fils et tout ce qui vient à la cour. J'allais à la messe, puis on chanta le Te Deum, puis on vint me féliciter.

Moi, qui n'avais ni presque bu, ni mangé, ni dormi depuis le vendredi six heures du matin jusqu'à dimanche après dîner, le soir je me couchais et je m'endormis. A minuit, à peine le fus-je, que le capitaine Passik entra dans ma chambre et m'éveille, me disant: „Nos gens sont horriblement ivres; un houzard dans le même état a passé devant eux et leur a crié: Aux armes! 30 mille Prussiens arrivent, veulent nous enlever notre mère. Là-dessus, ils ont pris les armes, et viennent ici pour savoir l'état de votre santé, disant qu'il y a trois heures qu'ils ne vous ont vue et qu'ils iront tranquillement à la maison, pourvu qu'ils voient que vous êtes bien. Ils n'écoutent ni leurs chefs, ni même les Orlow“.

Me voilà de nouveau sur pied, et pour ne pas alarmer ma garde de la cour, qui était d'un bataillon, j'allai à eux et leur dis la raison pourquoi je sortais à une pareille heure. Je me mis en carrosse avec deux officiers et j'allai à eux. Je leur dis que je me portais bien, qu'ils allassent dormir et me donnassent aussi du repos; que je ne fesais que de me coucher, n'ayant dormi de trois nuits, que je souhaitais qu'ils écoutassent à l'avenir leurs officiers. Ils me répondirent qu'on leur avait donné l'alarme avec ces maudits Prussiens, qu'ils voulaient tous mourir pour moi. Je leur dis: „Hé bien, je vous remercie; mais allez vous coucher.“ Là-dessus, ils me souhaitèrent le bonsoir et beaucoup de santé, et s'en allèrent comme des agneaux à la maison,

tournant toujours les yeux sur mon carrosse en se retirant.

Le lendemain, ils me firent faire des excuses, et regrettèrent beaucoup de m'avoir éveillée, disant: „Si chacun de nous la voudra toujours voir, nous nuisons à sa santé et à ses affaires“.

Il faudrait un livre entier pour écrire la conduite de chacun des chefs. Les Orlow brillent par leur art de régir les esprits, par une hardiesse prudente, par les grands et petits détails, par leur présence d'esprit; ils ont beaucoup de bon sens, un courage généreux. Patriotes jusqu'à l'enthousiasme et fort honnêtes gens, attachés par passion à ma personne et unis, comme jamais frères ne l'ont été. Ils sont cinq, mais trois seulement étaient ici. Le capitaine Passik s'est distingué par la contenance qu'il a eue de rester douze heures dans son arrêt (les soldats lui ouvrant fenêtres et portes) pour ne point jeter l'alarme avant mon arrivée dans son régiment, et s'attendant à tout moment qu'on l'amenaît, pour lui donner la question, à Oranienbaum; l'ordre n'arriva qu'après moi.

La princesse Dachkow, soeur cadette d'Elizabeth Wronzow, quoique elle veuille s'en attribuer tout l'honneur, ayant connaissance de quelques-uns des principaux, était en mauvaise odeur, et à cause de sa parenté et de son âge de 19 ans n'imposait à personne; et quoique elle prétendait que tout passait par elle à moi, cependant tous les gens avaient communication avec moi, depuis six mois, et avant qu'elle connût jusqu'à leurs noms. Mais à beaucoup d'ostentation elle joint l'humeur brouillon et est fort haïe de nos chefs. Il n'y avait que des étourdis qui la mettaient au fait de ce qu'ils savaient, qui était de menu détail. Iwan Iwano-

witch Schouwalow, le plus bas et le plus lâche des hommes, cependant a écrit, dit-on, à Voltaire, qu'une femme de 19 ans avait changé le gouvernement de cet empire. Détrompez, je vous prie, ce grand écrivain: il fallait cacher à la princesse Dachkow les canaux des autres à moi, cinq mois avant qu'elle sut la moindre chose, et les quatre dernières semaines on ne lui disait que le moins qu'on pouvait.

La force d'esprit du prince Bariatinsky, qui cachait à son frère chéri, adjudant du ci-devant empereur, ce secret, parce qu'il aurait été un confident non à craindre, mais inutile, mérite louange.

Dans la garde à cheval, un officier nommé Khitrow, agé de 22 ans, et un bas officier de 17, nommé Potiomkine, ont dirigé toute chose avec discernement, courage et activité.

Voilà à peu près notre histoire, le tout se faisant, je vous l'avoue, sous ma direction très-particulière; et à la fin j'y jetais de l'eau, parce que le départ pour la campagne empêchait l'exécution et que tout était mûr depuis quinze jours.

Le ci-devant empereur, quand il apprit le tumulte de la ville, fut empêché par les jeunes femmes dont il avait composé sa suite, de suivre l'avis du vieux feld-maréchal Munick, qui lui conseillait de se jeter dans Cronstadt, ou de s'en aller avec peu de monde à l'armée; et quand il alla sur une galère à Cronstadt, la ville était déjà à nous, par la bonne conduite de l'amiral Talizine, qui fit désarmer le général De Vier, qui y était déjà de la part de l'empereur, quand le premier y arriva. Un officier du port, de son propre mouvement, menaça ce prince malheureux de faire tirer à balles sur sa galère.

Enfin, le bon Dieu a tout mené à la fin qu'il s'était proposée, et tout cela est plus un miracle, qu'un fait prévu et arrangé: car tant de combinaisons heureuses ne peuvent être ensemble sans la main de Dieu.

J'ai reçu votre lettre. Une correspondance réglée serait sujette à mille inconveniens, et j'ai vingt mille circonspections à garder et n'ai pas le temps de faire des billets doux nuisibles.

Je suis très-gêné... Je ne puis pas vous conter tout cela, mais cela est vrai.

Je ferai tout pour vous et votre famille: soyez en fortement persuadé.

J'ai mille bienséances et mille ménagements à garder, et avec cela je sens tout le poids du gouvernement.

Sachez que tout s'est fait par le principe de la haine contre les étrangers; que Pierre III passe lui-même pour tel.

Adieu, il y a dans le monde des situations bien étranges.

II.

Le 9 août (vieux style) 1762.

Je ne puis que vous dire la vérité: je cours mille risques par cette correspondance. Votre dernière lettre, à laquelle je réponds, a pensé être interceptée. Je suis gardée à vue. Je ne dois pas être suspecte, il faut marcher droit.

Je ne puis vous écrire; tenez-vous en repos. Dire tous les secrets intérieurs serait une indiscretion; enfin, je ne puis.

Ne vous vous tourmentez point, j'appuyerai votre famille. Je ne puis vous lâcher Wolkonsky, vous aurez

Kaiserling qui vous servira au mieux. J'aurai égard à toutes vos recommandations.

Je ne veux point d'ailleurs vous leurrer. L'on m'obligerà à faire bien des choses étranges encore, et cela le plus naturellement du monde. Si je m'y prête, je serai adorée; sinon, ma foi, je ne sais ce qui se fera. Si l'on vous dit qu'il y a de nouveaux remue-ménages dans les troupes, sachez que tout cela n'est qu'un excès d'amour chez eux pour moi, qui commence à m'être à charge. Ils meurent de peur qu'il ne m'arrive la moindre chose; je ne puis sortir sans acclamations de ma chambre. Enfin, c'est un enthousiasme ressemblant à celui des temps de Cromwell.

La Bruce et la maréchale sont d'indignes femmes, la seconde surtout. Elles étaient de cœur, de corps et d'âme à Pierre III, et très dépendantes de sa maîtresse et de ses projets, disant à qui voulait entendre qu'elle n'était point encore ce que ces femmes souhaitaient qu'elle fût. Le prince Adam est chevalier de plus d'une façon; je n'ai point rendu sa lettre ni la vôtre, parce que je ne puis les rendre: les amis sont là, vous en avez peu, et moi trop. Teplow m'a servi beaucoup, Adadourow radote, Élaguine est près de moi.

Je n'ai point de vos chiffres, car je n'ai plus les clefs, que les temps critiques ont fait écarter. Saluez votre famille, et ne m'écrivez que le moins que vous pourrez, ou plutôt, point du tout, sans nécessité; sans hiéroglyphes surtout.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКАГО.

I.

Proposition importante de Kayserling à moi.

Vers le milieu de l'hiver 1764, dans le tems que les difficultés paraissaient s'accumuler contre mon élévation au trône, l'ambassadeur Kayserling, qui me montrait constamment la confiance la plus affectueuse, me dit un jour: „Que penseriez-vous d'une idée sur laquelle je voudrais avoir votre propre avis? Ce serait „de porter au trône le prince Czartoryski, palatin de „Russie, votre propre oncle au lieu de vous. Dites-moi „franchement ce que vous croyez: qui serait plus avan- „tageux pour la Pologne? Vous me répondrez là-des- „sus dans trois jours“.

Dans cet intervalle, mille pensées différentes me montrèrent tous les côtés de la question. Celle qui m'occupa le plus ce fut, que tôt ou tard, l'Impératrice pourrait penser à m'épouser si je devenais roi; et si je ne le devenais pas, cela ne serait jamais. D'un autre côté, les trois personnes que j'affectionnais alors le plus tendrement étaient: mon frère aîné, Rjéouski, (alors pisarz et depuis maréchal) et Branicki, celui

avec qui j'avais fait amitié en Russie. Or, mon oncle le palatin de Russie leur avait donné à tous trois des marques sensibles de sa mauvaise volonté. Enfin, je connaissais en général l'esprit despotique et implacable de mon oncle. Ce furent là les motifs qui, au bout de trois jours, me firent dire que „telle amitié que je „crois voir dans mon oncle pour moi personnellement. „j'avais lieu de croire, qu'en totalité le règne de mon „oncle serait dur, et que pour cette raison je croyais „que pour le bien de la nation, il valait mieux que ce „fût moi que lui qui parvint à la couronne“.

Du moment que Kayserling entendit ma réponse, il me répartit avec vivacité: „Dieu nous préserve d'un règne dur!“ Et il ajouta qu'il ne voulait pas qu'il fût seulement question de ce qu'il m'avait proposé.

Cette circonstance si importante de ma vie est celle qui m'a le plus confirmé dans le sentiment que de toutes les erreurs humaines, la moins excusable est l'orgueil. Celui qui s'applaudit d'avoir bien fait ou bien dit dans telle ou telle occasion ne considère pas que l'on n'est pas maître de se donner une pensée; que toutes et nommément celles dont le succès nous flatte le plus nous viennent de celui à qui il plaît de nous les envoyer. Ce ne fut que huit ans après cette réponse que se présenta à mon esprit celle que j'aurais dû lui faire, et la voici. „Je ne veux devenir roi, que si j'ai „la certitude d'épouser l'Impératrice; si cela m'est re- „fusé, je ne demande que l'assurance des grâces du „roi futur pour mes trois amis, et je resterai particu- „lier: car sans l'Impératrice la couronne n'a point d'ap- „pât pour moi“. De cette manière j'aurais tout concilié! Dans le premier cas, quel n'eût pas été le degré de splendeur auquel la Pologne serait montée. Dans le

second je me serais acquis un nouveau droit sinon à l'amour, du moins à la reconnaissance de l'Impératrice. J'aurais assuré la fortune de mes amis, et j'aurais été sûr de la plus grande faveur et de tous les agréments possibles dont un particulier puisse jouir de la part du roi mon oncle; et je me serais épargné tous les chagrins et à ma patrie, tous ces malheurs dont nous verrons dans la suite de ce mémoire la cause primitive en ce que mon oncle ne m'a jamais pardonné de ce que ce n'est pas lui qui est devenu roi. Je suis persuadé qu'il était au fait (si même il n'en était pas l'auteur) de la proposition de Kayserling à moi. J'en juge sur ce qu'environ six mois après, dans un moment où l'on parlait des oppositions probablement sanglantes que mon élection pourrait rencontrer, comme j'ai dit sur cela que j'aimerais mieux ne pas devenir roi, s'il devait en coûter une goutte de sang polonais, la princesse Straznik, depuis grande-maréchale, prononça avec feu ce peu de paroles: „Mais il n'a dépendu que...“ Puis elle s'arrêta en se troublant et détourna la conversation sur d'autres objets.

H.

Anecdote relative à mon élection.

Quelques semaines avant le jour fixé déjà pour mon élection, l'Impératrice conçut tant de crainte que mon élection ne lui causât de trop grands embarras et même une guerre de la part des Turcs, que contre l'avis de Panine, elle écrivit à Kayserling que, comme elle craignait trop d'inconvénients pour son empire et pour elle, en soutenant trop opiniâtrement ma promotion au trône, elle lui ordonnait de ne pas risquer une recommandation formelle de ma personne, mais d'agir

seulement de la manière dont il pouvait se promettre les conséquences les moins fâcheuses. Panine osa écrire à Kayserling: „Je ne sais ce que l'Impératrice vous „écrit; mais d'après tout ce que nous avons fait jus- „qu'ici, l'honneur de notre Souveraine et de notre em- „pire est trop engagé; si nous rééluons, nous nous „ferons trop de tort. Ainsi faites ce qu'il faut pour „achever la besogne. C'est moi qui vous le dis hardi- „ment“.

Kayserling eut le courage de désobéir à sa Souve-
raine et de suivre l'avis de son premier ministre. Il
dressa un acte formel de recommandation pour ma
personne au nom de l'Impératrice, et comme il était
malade, au lieu de le remettre en personne au primat
(comme cela s'était pratiqué dans les élections préce-
dentes), il le lui fit remettre par le baron Asch, son
secrétaire d'ambassade, et l'élection fut parfaitement
unanime et si tranquille, que nombre de dames se trou-
vèrent présentes sur le champ électoral au milieu des
escadrons de noblesse sans qu'il arrivât le moindre
accident à personne excepté une seule jambe cassée
par un coup de pied de cheval au sieur Troianowski.
Beaucoup de dames même mêlerent leurs voix à celles
des acclamations que faisaient successivement les pala-
tinats lorsque le primat dans un char ouvert en fai-
sait la tournée pour recevoir, de la main de chaque
maréchal des confédérations palatinates respectives, les
suffrages signés par ceux qui étaient présents. Plusieurs
personnes ayant compté le nombre total des personnes
qui entouraient le champ électoral se sont accordées
à le porter à environ 25.000 personnes, dont aucune
n'éleva la voix contre moi.

Dans l'hiver de 1763 à 1764 j'écrivis à l'Impératrice: „Ne me faites pas roi, mais rappelez-moi auprès de vous“. Le sentiment que je portais encore dans mon coeur ne me dicta pas seulement cette demande, mais j'avais encore la conviction que je ferais plus de bien à ma patrie comme particulier présent auprès d'elle que comme roi ici. Mais mes prières ne furent point écoutées.

III.

Mission de Nostitz à Varsovie. Proposition faite à moi.

Peu après le décès d'Auguste III, l'électeur, son fils ainé fit des tentatives en Pologne pour lui succéder. L'électrice sa femme en fit sous main de particulières.

Le chambellan Nostitz fut envoyé à cet effet à Varsovie. La cour de Saxe imagina entre autres de me proposer une somme d'argent et beaucoup d'autres promesses pour me détourner de cette compétition. Le conseiller Schmidt qui en fut chargé, riait lui-même de l'objet de sa commission en prévoyant ma réponse. Mais tous ces projets saxons furent renversés par la petite vérole qui emporta l'électeur de Saxe, et personne ne voulut se prêter à lui substituer un de ses frères.

VERS DE M-R DE VOLTAIRE SUR L'ÉLECTION DU COMTE PONIA-TOWSKI AU TRÔNE DE POLOGNE.

Dans le fond de mon hermitage,
Loin d'illusion des cours,
Réduit, hélas! à vivre en sage,
Ne l'ayant pas été toujours,
Et ne l'étant qu'en mon vieux âge,
La retraite est mon seul recours:
Je ne ferai plus de voyage.

*

Que la gloire avec les amours
Couronnent devers Cracovie
Un prince aimé de la patrie,
Qui lui promet de si beaux jours!
Trop éloigné de sa personne,
Je me borne à former des voeux:
On lui décerne une couronne,
Et je voudrais qu'il en eût *deux*.

О ПУГАЧОВСКОМЪ БУНТЪ.

1774.

1.

Сіятельнѣйшему графу государю Александру Романовичу.
Всенижайшій рапортъ.

Извѣстнаго вора бунтовщика Пугачова распущенныи по Саранскому, Пензенскому и прочимъ уѣздамъ воровскія много-людныя толпы, кои достигали близъ вотчинъ вашего сіятельства и винокуреншаго Чембирлеевскаго завода, рыская своимъ безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ и всѣхъ попадшихъ въ ихъ руки господъ помѣщиковъ, прикацниковъ и всякаго званія начальниковъ умерщвляли и умерицвляютъ смертно. Домы господскіе и всякую пожить разоряютъ и грабятъ до основанія и безъ остатка. и при сдѣланномъ (не оставливая ни одного жила) смертномъ убийствѣ, присвояютъ къ себѣ невѣждовъ въ свою толпу, тѣмъ умножая свое звѣрство надъ человѣки.

Я, нижайшій, удостовѣренъ многими смертно погибшими невинно огъ рукъ толпы Пугачовой и устрашаюсь тогожъ отъ пагубныхъ рукъ заколенія, отъ завода, оставя

оной еще злодьями непосыпанный въ цѣлости, верхомъ уѣхалъ въ городъ Симбирскъ сего Августа 5-го числа, куда 10-го числа прїѣхалъ живъ; а 11-го числа отправилъ отъ себя изъ Симбирска двухъ человѣкъ въ заводъ для развѣдыванія о воровскихъ нашествіяхъ и о всѣхъ предпріятіяхъ злодѣйскихъ, и дабы чтоб учинено будетъ въ отчинахъ вашего сіятельства, меня уведомить, и по той извѣстности, вашего сіятельства и Московскую домовую контору рапортовать буду.

Ежели въ которой вашего сіятельства вотчинѣ отъ крестьянъ вашего сіятельства самыхъ какія неустройства, непослушанія, а колыма паче озорничество и присвоеніе учинять бунтовщикovy толпы, чтоб съ таковыми приказано будеть дѣлать, ожидать буду указа; ибо то многіе помѣщиковы люди и крестьяне чинили и то чинить по близости вотчинъ вашего сіятельства еще не перестаютъ, а паче отваживаются господь своихъ и прикащиковыхъ сами колоть и вѣшать, и имѣніе ихъ грабятъ и по себѣ дѣлять.

Иванъ Козыревъ.

Августа 13 дня 1774 года

Симбирскъ.

Получено въ Москвѣ Сентября 16 дня 1774.

2.

Милостивый государь Сидоръ Логиновичъ и милостивая государыня сестрица Авдотья Антоновна! Желаю вамъ много лѣтъ здравія купно и съ любезнымъ вашимъ сыномъ Иваномъ Сидоровичемъ.

Письмо я отъ васъ получиль чрезъ Степана Андреева, за которое много благодарствую, а паипаче тому радуюсь, что вы доехали до Москвы благополучно, а отсюда Богъ отнесъ

вась отъ смерти. Я думаю, батюшка, въ такой злой часъ конечно бы вы живы не были; что здѣсь такое смятеніе было, описать невозможно. Я думаю, съ начала вѣка тако не бывало: столько много перевѣшано и переколото, описать невозможно. Какъ я вамъ прежде писалъ, Тарасъ Ларіоновичъ, Яковъ Ивановичъ привезены оба скованные, такъ обоихъ вмѣстѣ повѣсили; также и женъ ихъ и маленькаго сына Тараса Ларіоновича. Только у онаго мальчика веревка порвалась, онъ ожилъ. Обо всемъ, батюшка, невозможно описать. Пичуга по-вѣшена, Федотъ пѣшиный, и много ихъ.

Обѣи вотчинѣ или обѣи нашемъ жильѣ вамъ доношу. Пріѣзжали къ намъ многія партіи. Первая пріѣхала прямо на барскій дворъ; въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ нѣсколько окончили выбили, и что было на погребу пива, то все выпили. Не столько они, сколько наши крестьяне пили. Также масло и прочее, что было на погребу, то все наши крестьяне растащили и столько ихъ собрались, что я думаю на святую недѣлю къ обѣдѣ столько не собирались; такъ смылы и у этихъ варваровъ изъ рукъ рвали. Въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ обой со стѣнъ, съ канапе и стульевъ, что ни было, и съ полу все растащили, изодрали, и наши крестьяне по себѣ раздѣлили; также столы, стулья, панели, двери, ставни все крестьяне растащили и по себѣ раздѣлили. Пріѣзжали дѣлить Михайловскіе, Егорьевскіе; однимъ словомъ сказать, только остались одни стѣны. Только и стѣны тѣмъ счастливы, что скоро они выѣхали. А вслѣдъ команда пришла, и сказано всемъ, чтобы были послушны по прежнему господамъ своимъ; а то бы и стѣны разломали и раздѣлили.

А что вы изволите писать, чтобы старики молодыхъ слушали: въ то время, какъ старые, такъ и молодые равной голосъ имѣли и кричали кто какъ умѣеть. Есть нѣсколько и

правыхъ, только немного; а то всѣ одинъ духъ имѣли на дѣльбу; чтѣ у кого было въ семѣ, то всѣ приходили, и бабы. Обо всемъ вамъ донесеть Петръ Петровичъ; онъ отъ нась поѣхалъ отъ этого страха; да и я, батюшка, коли доживу до зимы, то намѣренъ уѣхать отъ страха и ужасти. Мнѣ мужики иные въ глаза сказали и въ брюхо палкой тыкали, и бралиши поматерцу: надо-де тебя и съ Козыревымъ повѣсить; моли-де онъ Бога Козыревъ, что уѣхалъ. Я и до сихъ поръ боюсь и отъ страха не могу ходить; только того и жду, какъ придутъ и вдавятъ кругомъ нась. И нынѣ великие мятежи и звѣрица собираются, ста по четыре и болѣе, вѣшаютъ и рубятъ. Иса *) съ прочими селами согласилась, въ которую послана была посылка: многихъ порубили, а село выжгли. 29го числа Августа и за Сурой тоже дѣлается. Однако наши мужики до сего числа въ таковыхъ дѣлахъ не явятся.

Богород прошу, милостивый государь, постараться обо мнѣ попросить барина, чтобы онъ мнѣ приказалъ отсюда выѣхать; а я подушныя деньги готовъ платить въ Петербургъ въ домъ его высокородія, а мнѣ здѣсь жить никакъ невозможно, что я въ великой опасности.

Озимой хлѣбъ посыпали, сказываютъ, 62 десятины; еще и всколько посыпуть, а подаль ничего не пахана. Сѣнокосъ послѣ тебя ничего не кошенъ, и трава такъ пропада; только то и сѣно, которое при себѣ сметать на Черкасскомъ; которое при тебѣ скочено, то сметали, а подъ вышками и у Черкаской мельницы пропало.

А ваше, чтѣ осталось въ церкви, то уже какъ опому вору подыматься отъ Саранска, то прѣѣхали съ старыми козаками и съ ворами къ намъ въ село, сыскали попа, чтобы онъ цер-

ковъ, которому грозили повѣстить, отперъ. Также и бабу Наталью велѣли сыскать; сказали ей, ежели она не скажеть гдѣ прикащиковы пожитки лежать, тоже грозили повѣстить. А присланъ быль отъ Антона Терентьевича Яшика суконщикъ, который сыскалъ въ подпольѣ, надѣлъ на себя ванѣй сюртукъ, камзолъ и шапку, а въ лаптяхъ, то поймавъ меня говорить въ церкви: ежели ты миѣ сапоговъ не дашь, то сейчасъ тебя повѣсимъ и всего разоримъ; то я ему тотчасъ сапоги даль. Онъ сталъ ихъ обувать, а я ему въ ноги кланяюсь, чтобъ меня помиловалъ. А посуду и прочее, которое они взяли, а большие свои растащили.

Изволите писать о тулунахъ. Оные воры взяли, а шубу вашу мужики въ лоскуты изрѣзали, по себѣ раздѣлили, чтобъ кому досталось. Одѣяла иныхъ цѣлы, только мужики по себѣ раздѣлили. А мы спрашивать у нихъ не смѣемъ, для того что изъ нихъ еще эта ярость изъ головы не вышла; самъ изволъ прѣѣхать и собрать. У Борисовны постель цѣла, а чтобъ дали для Петрушки къ Терентьевичу, то отъ нея все взяли миромъ и все раздѣлили; онъ у нея живеть, а въ Мочкасы и въ Апраксино никто не береть.

А о себѣ вамъ, милостивой государь, доношу, что въ тѣ злые часы все быль дома и хозяйка, и столько страсти видѣлъ, что описать не могу, и много у меня растащили; а ежели бы ушелъ, то бы ничего не покинули. Матушка и хозяйка всѣмъ вамъ нижайше кланяются. Болѣе до васъ писать не имѣю.

Анисій Родіоновъ.

Сентября 1-го дня 1774 г.

Овса, гречихи и проса не родилось: морозъ побилъ.

ДВА ПИСЬМА О РОССИИ И ОБЪ ЕКАТЕРИНЪ ВЕЛИКОЙ *).

Изъ бумаги г-на Рюльера.

Письмо первое.

С.-Петербургъ. Ноября 15 1776 г.

Говорятъ, о дальней сторонѣ и лгать весело; ибо напряженное воображеніе путешественниковъ легко увеличиваетъ все, хотя бы дѣйствительно и не имѣли они памѣрія обманывать. Однако а скажу вамъ сущую правду о сей землѣ и ея обладательницахъ. Можетъ быть, и мнѣ вы столь же мало повѣрите, а въ особенности потому, что я говорить буду именно напротивъ тѣхъ мыслей, которыя вамъ уже впущены. Всѣ согласны только въ томъ, что Россія есть гиусная земля, въ которой всегда унылая, единообразная природа со всѣмъ почти лишена той разнообразности, какую въ другихъ мѣстахъ она представляетъ взору и среди самыхъ ужасовъ своихъ. Я прошелъ всю ея длину, и вездѣ видѣть изнеможеніе природы. Сто Французскихъ миль проѣдешь не уткнувшись на городъ; 25 и 30 миль проѣдешь не встрѣчаяпорядочнаго мѣстечка. Но мѣстамъ выстроены дворики для перемѣны почтовыхъ лошадей. Въ С.-Петербургѣ, сей столь зна-

---

*) Печатаются въ переводахъ прошлаго вѣка. И. Б.

менитой, столь хорошо выстроенной столицѣ, жителей не болѣе 150,000. И при всемъ стараніи Царица не можетъ имѣть ихъ болѣе; ибо неблагодарная земля, отличающаяся ивами, елями и подобными произведеніями, едва можетъ прокормить своихъ обитателей. При всемъ томъ сія Государыня, по какой - то дѣтской и невмѣстной сущности, повелѣла обвести ее валомъ, занимающимъ плоскость гораздо болѣе Парижской или Лондонской, такъ что со всѣхъ сторонъ отъ города до воротъ или заставы должно бхать неменѣе половины Французской мили. Столько прославляемая Кронштадтская гавань заложена очень дурно и прежде истечениія 50 лѣтъ будетъ конечно затоплена, потому что вода отъ береговъ стремится къ тому мѣсту. Тамъ съ полмили я шелъ въ водѣ по колѣна.

Царица войнами своими истощила Россію въ людяхъ и деньгахъ. Послѣднія еще рѣже; вездѣ ходить бумага, умноженная на двѣ трети. Наличныя деньги безпрестанно убавляются; потому вывозимыхъ товаровъ гораздо меньше, нежели привозимыхъ. А притомъ наклонность въ сущности и роскоши, внушенная великою, пышною Императрицею, есть новая причина оскудѣнія сей земли; и въ сіи минуты тицеславный, упоенный славолюбіемъ народъ не видѣть еще истиннаго вреда, причиненнаго націи Монархиею. Но рано или поздно онъ принужденъ будетъ увидѣть и познаеть, что Екатерина II-я, пынѣй превозносимая выше всѣхъ повелителей сего государства, равняемая съ царемъ Петромъ, а лестью и выше его поставляемая, была въ самой вещи для сей страны самая вредная государыня. Она хотѣла блестать и надѣлать чрезвычайныхъ дѣлъ подобно Людовику XIV; но не достигнувъ той степени славы, она обременитъ неблагословеніемъ память свою, какъ скоро философы и истинные политики откроютъ ошибки сего тицеславнаго и раззорительнаго правлениія.

Москва лежить почти совсѣмъ на равнинѣ. Самая большая длина ея съ Юго-запада къ Сѣверу простирается на 10 верстъ, а ширина отъ 6 до 7 верстъ. Это болѣе пространнаго Парижа и Лондона. Но все сіе пространство состоитъ изъ какого-то безобразнаго множества деревянныхъ домовъ и палатъ деревянныхъ и каменныхъ, большою частю выстроенныхъ дурно, изъ развалинъ, садовъ, инвъ, прудовъ, пустырей, съ безчисленнымъ множествомъ церквей, изъ коихъ каждая о 4 или 5 башняхъ, но построены въ жалостномъ вкусѣ, и по большой мѣрѣ составляютъ слабое подражаніе Турецкой архитектурѣ. Утверждаютъ, что ихъ числомъ будетъ до 1200; но я не могъ заняться повѣркою сей истини. Москва-рѣка извивается почти въ серединѣ города и весьма не важна собою, хотя и ходятъ по ней суда.

Главнѣйшія достопамятности въ сей Москвѣ суть: 1) большая пушка, въ 20 футовъ длиною, и въ 2½ фута въ діаметрѣ; она выпита, какъ говорять, по повелѣнію Петра Великаго, который будто бы не могъ сохранить своей памяти въ потомствѣ дѣлами другаго рода. Подѣлъ сей пушки на томъ же помостѣ находится другая въ четырнадцать футовъ длиною и восемь или девять дюймовъ содергитъ въ отверстіи; 2-е) колоколь, въ сравненіи съ которымъ наппъ Георгъ д'Амбоазъ бытъ бы колокольчикомъ для комнатнаго употребленія; ибо сія ужасная машина имѣть вышины 18 футовъ, въ поперечнику около 19 футовъ, и 2 фута толщины въ бокахъ. Онь вѣсомъ до 120,000 Русскихъ фунтовъ (3,000 пудовъ); прежде висѣла на особливой колоколенкѣ и служить не къ чему другому, какъ только къ тому, чтобы ускорять женшинамъ роды и оглушать гражданъ. Къ счастію тѣхъ и другихъ, онъ во время пожара паконецъ упалъ съ превеликимъ стукомъ. При семъ-то случаѣ можно особенно сказать: несчастіе имѣть

свою пользу. Отъ паденія и тяжести своей онъ вошелъ въ землю на нѣсколько футовъ, при чемъ однажды вышибъ себѣ край. Послѣ того обрыли его, и яму вокругъ выкладали кирпичемъ, дабы любопытствующимъ можно было смотрѣть. До того мѣста, гдѣ выломился край, идетъ лестница о 140 ступеняхъ.

Императорскій дворецъ Московской лежитъ на сѣверной сторонѣ города; онъ былъ деревянной, подъ большаго сада, въ которомъ и теперь еще бываютъ публичныя гулянья. Для послѣдняго прѣзда Императрицы въ Москву выстроено по-чти въ серединѣ города другой дворецъ, пополамъ каменный и пополамъ деревянный, гдѣ все показываетъ чрезмѣрную поспѣшность къ постройкѣ.

Многіе дома Русскихъ вельможей также деревянные. Они были бы способны въ простотѣ своей; на Русіе, любя все пышное и казистое, обременяютъ такія зданія украшеніями, рѣзною работою, четыресторонними колонами, и тѣмъ еще болѣе безобразятъ свои жилища.

Въ Москвѣ есть нѣсколько триумфальныхъ воротъ, выпачканныхъ дурною живописью и надписями исполненными суетности. Тамъ видна Императрица покорящая Турковъ; у ногъ ея богиня славы, морскія побѣды, аллегорическая изображенія, и все намалевано въ низкомъ вкусѣ на еловомъ деревѣ, съ Коринѣскими колоннами, которые столько ругательства потерпѣли отъ времени, что при первомъ взорѣ обнаруживаются бѣдную свою внутренность: многія изъ сихъ триумфальныхъ воротъ отъ дряхлости своей наклонились и готовятся къ паденію.

Россійской дворѣ, столь много и столь несправедливо превозносимый по всей Европѣ, представляетъ одно тицеславное хвастовство: а кто видѣлъ парижскій дворецъ, для того рос-

сійскій покажется очень малозначущимъ. Нѣть въ немъ ни великолѣпнаго зданія, ни великолѣпныхъ покоевъ, и принужденный блескъ не есть дѣло тамошнихъ художниковъ: ибо ими и мастеровыми людьми другихъ родовъ земля сія очень бѣдна; а какіе есть, тѣ вѣсЬ иностранцы. Всѣ венци, служащія для роскоши, привозятся изъ другихъ земель даже Русскаго сѣдельника порядочнаго нѣть: кареты выписываются изъ Лондона или Парижа. Щедролюбіе же Россійскихъ государей болѣшою частію дѣлается для того, чтобы подарки были вычислены въ вѣдомостяхъ и закрывали скольконибудь поступки служащіе не къ чести ихъ. Я сравниваю сию землю съ грубо написаннымъ проспектомъ, который издали плѣняетъ взоръ, а вблизи теряетъ все дѣйствіе, всю цѣну.

Письмо второе.

Я видѣлъ императрицу въ ея дворцѣ, называемомъ Коломенской, который выстроенъ въ скверной деревушкѣ, на $2\frac{1}{2}$ Французскія мили отъ города къ Востоку, на берегу Москвы-рѣки. Замокъ четыреугольный, деревянный, два этажа съ окнами, украшенными по новѣйшему вкусу. Онь лучше всѣхъ другихъ дворцовъ, потому что простъ и безъ пустыхъ украшеній. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка огородъ обнесенный деревяннымъ палисадомъ, а съ другой стороны родъ парка или рощи, такъ же обведеній палисадомъ. Конюшни, сараи и караульни состоять изъ дурныхъ лачужекъ, и все вмѣстѣ едвали заслуживасть имя императорскаго дворца.

Императрица имѣеть пріятную, кроткую, величавую наружность. Можетъ быть, одно изъ большихъ ея дарованій то, что она умѣеть казать всегда пріятный видъ. Она отмѣни

умѣть сохранить красоту свою до сихъ поръ, не смотря на сорокаво́смилѣтній возрастъ свой. Она не слишкомъ велика, но полна, имѣть прекрасную фигуру, часто показываетъ самой живой темпераментъ и отмѣнное здоровье, сбереженное движениемъ и правильнымъ родомъ жизни. Врачамъ повѣряетъ себя мало и небольшія припадки излѣчаетъ дѣтою и умѣренностью. Лѣтними утрами по пѣскольку часовъ ходить въ великолѣпныхъ садахъ своихъ, а зимними въ галереяхъ. Два раза имѣла я честь видѣть ее въ паркѣ. Первой разъ былъ я представленъ ей, а другой разъ я видѣль ее одну съ какою-то дамою. Я вручилъ ей свѣи записки; она приняла, читала и потомъ, какъ бы опомнившись, сказала: «Государь мой, такими средствами нельзя ко мнѣ приблизиться».

Безспорно, что сія Государыня имѣть отмѣнныя свойства: кротка, ласкова, обходительна и любить домостроительство. Чрезмѣрная лесть избаловала ее, и окружавшіе виновници ей ложное понятіе объ истинной великости и о средствахъ сдѣлать народъ счастливымъ. Философы нынѣшняго времени, коихъ мнѣнія требовала она себѣ какъ доброго совѣта, виновници ей такой эгоизмъ, вредный для всякаго человѣка, не только для государя: они заставили ее стараться единственными о томъ, чтобы говорили о ней, научили ее радоваться при слышанныхъ похвалахъ, которыми сесыпали со всѣхъ сторонъ, только своею особою занимать свѣтъ, не заботясь о томъ, чтѣ будеть съ государствомъ по смерти ея.

*).

---

*.) Тутъ издатель пропускаетъ нечто показавшееся ему слишкомъ смѣло склоненнымъ.

Каждая верста содержитъ около 540 туазовъ, и составляеть пятую долю Французской мили. Отъ С.-Петербурга до Москвы считаются 728 такихъ верстъ.

Кромѣ государя, въ Россіи считается только два состоянія: дворяне или бояре и рабы, безбородые и бородачи. Изъ послѣдняго состоянія бородачей солдаты, нѣкоторые купцы и лакеи бръются; по ихъ должно уже отличать по платью. Купцы носятъ длинное платье съ поясами, по не всѣ. Крестьянинъ платить владѣльцу своему столько, что владѣющіе 5.000 душъ крестьянъ получаютъ ежегоднаго доходу до 20.000 рублей. Французы легко научаются Русскому языку.

Полевые плоды поспѣваютъ, такъ что черезъ шесть недѣль можно ихъ жать. Дубовое дерево растетъ рѣдко.

Въ заключеніе своего письма приведу я слова г. Дидерота о Россійской націи, которая вырвались у него при всей его энтузіастической приверженности къ Императрицѣ, приверженности, которая очень простительна благодатности сего великаго мужа. Онъ сказалъ: «Сія нація сгнила прежде нежели созрѣла», а я прибавляю: «Сія нація обнищала прежде нежели могла сдѣлаться богатою».

**Письмо отъ г. Сенака де-Мейлана изъ С.-Петербурга къ г-же NN
въ Парижъ.**

Вы желаете Сибирскихъ растеній, милостивая государыня, также и того, чтобы я много говорилъ о Россійской Императрицѣ, а мало о ся дворѣ: ибо дворы, говорите вы, вѣсЬ похожи одинъ на другой, и не стоять того труда, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Таковое ваше препорученіе обнаруживаетъ вашъ вкусъ и умъ. Вы любите природу и ея разнообразности; и ваше удивленіе, оказываемое великимъ ду-

шевнымъ качествамъ и блистательнымъ талантамъ, рождается въ васъ желаніе узнать короче отмѣнную Государыню, которая до сихъ поръ была извѣстна вамъ только по имени, также проникнуть въ ея домашнюю жизнь и изъ того извлечь ясныя черты, доставляющія намъ ясное понятія о людяхъ и открывающія глазамъ нашимъ причину ихъ дѣяній. Ботаническое ваше препорученіе исполню въ точности; а второе требование, какъ замѣчатель и моралистъ, постараюсь исполнить столько, сколько слабые глаза мои различить могли лучи блестящаго созвѣздія, для разсмотрѣнія котораго я сюда прибылъ. Я постараюсь, подобно Светонію, представить вамъ Екатерину безо всѣхъ ея императорскихъ украшеній. Вы, конечно, не ожидаете отъ меня ни слова о войнѣ, побѣдахъ и трактатахъ, на вѣки прославившихъ царствованіе оной. Не буду вамъ говорить даже о послѣдней войнѣ ея съ Турками и о славномъ мирѣ, который она готова заключить, или лучше, даровать безъ посредства другой какой-либо державы.

По такому же побужденію, отъ какого и ваше любопытство рождается, обыкновенно желаютъ имѣть портретъ великаго человѣка. Не выдавъ его никогда, воображеніе часто начертываетъ образъ его по своему произволу. Все вамъ любопытно въ такомъ человѣкѣ, который обратилъ на себя вниманіе всего свѣта и заслужилъ всеобщее удивленіе, все, говорю, даже самыя маловажныя его обстоятельства. Когда вспомнишь, какъ усиленно старались вы достать чернилицу и перьевъ Ричардсоновыхъ, и что онъ храните какъ пѣчто священное, то чувствую, сколь драгоцѣнно должно быть для васъ требуемое вами отъ меня точнѣйшее описание императрицы Екатерины, и я желалъ бы доставить вамъ иѣсколько ея перьевъ. Ричардсоново перо способствовало удовольствію

чувствительныхъ сердецъ; pero же Императрицы начертало законы, способствующие счастию двадцати пяти миллионовъ людей. Въ одномъ изъ тѣхъ писемъ, коими Екатерина почила меня, написано: «Точное, строгое правосудіе не есть правосудіе; а синхротильность всегда гармонируетъ съ человѣческою слабостію». Такое изреченіе должно изобразить бриліантовыми буквами въ кабинетахъ всѣхъ государей. Я скажу вамъ теперь, какъ подѣствовало на меня присутствіе Императрицы, и потомъ приступлю къ некоторымъ подробнѣстямъ, сколько можно было мнѣ узнать самому и чрезъ другихъ.

Въ большой великолѣпной залѣ, какая только можетъ быть въ государскихъ покояхъ, въ тоѣ при дворныхъ (ибо ихъ вездѣ еще много) ожидалъ я минуты, въ которую мнѣ должно было предстать Императрицѣ. Въ числь генералитета находятся козаки, Турки, Грузины, Татары, Черкесы, въ длинныхъ одѣяніяхъ съ бородами и безъ бороды; взглядъ на сіе разнообразіе парядовъ приводитъ въ изумленіе и рождаетъ въ душѣ почтеніе къ Повелительницѣ столь многихъ народовъ. Императрица явилась. Я находился поодаль отъ дверей, въ которыя надлежало ей войти, и потому имѣя время разсмотрѣть ея походку и фигуру. Походка важна и непринужденна. Другіе государи проходятъ по покоямъ, наполненнымъ придворными, не обращая на нихъ своего вниманія, какъ бы проходили они мимо статуй; привыкши не дѣлать себѣ никакого принужденія въ ихъ присутствіи, они остаются въ такомъ положеніи и съ такою миною, какая придутъ имъ въ то мгновеніе. Но Екатерина обращаетъ внимательный взоръ на все ее окружающее: можно видѣть, какъ она старается примѣтить тѣхъ, которыхъ желаетъ почтить взглядомъ или словомъ; можно видѣть, что она чувствуетъ, сколько вниманія она об-

ращаеть на себя, что такое множество людей всякаго состоянія, государственныхъ вельможей, генераловъ, тѣснятся не для того, чтобы увидѣть частную особу, сообразующуюся съ ихъ прихотями, но чтобы увидѣть Повелительницу, отъ которой зависитъ ихъ участъ, и что они имѣютъ право на ея вниманіе.

Во всѣхъ поступкахъ Императрицы видна важность высочайшей степени, соединенная съ видомъ добродушія и такимъ неизѣяснимымъ спокойствіемъ, такою веселостію, что мнѣ вдругъ представилися слова Священнаго Писания: «И увидѣль Богъ, что все имъ созданное добро есть». Взоръ ея проницателенъ, подобно взору орлиному, а улыбка очаровательна; ея движенія, походка и вся наружность, ея голосъ—все составляютъ совершенную гармонію. Она говорить съ величественною медлительностію, не ищетъ словъ, а кажется спокойно выбираетъ приличнѣйшія. И таковою видѣль я Императрицу всякой разъ, когда она являлась публично. Новый для меня взоръ на жену-обладательницу столь великаго государства родилъ во мнѣ размышеніе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которые производить власть, находящаяся въ рукахъ жены, и я вспомнилъ слова Сентъ-Эвримоновы, что женщины гораздо ближе къ совершенству: ибо онѣ скорѣе и легче принимаютъ основательность, свойственную мушинамъ, нежели сіи принимаютъ пріятности, свойственные женщинамъ. Можетъ быть, сіе выраженіе написать онъ, смотря на свою прекрасную Гортензію; однако должно признаться, что сія мысль не совсѣмъ неосновательна. Когда искусный ваятель хотѣлъ изобразить красоту въ видѣ мушкины, то никогда не представлялъ Геркулеса, а всегда соединялъ сухія, выразительныя черты мушкинъ съ нѣжными чертами женщины. Знаменитый

Аполлонъ Ватиканскій, образцовое произведение ваятельнаго искусства, болѣе подобится женщінѣ, нежели мушкіи.

Замѣтилъ я и то, что въ царствѣ женщины нѣтъ надобности мужчинамъ унижаться передъ нею. Чрезмѣрное ласкальство сихъ господъ зависитъ частію отъ привычки льстить женщинамъ и удивляться красотѣ. Сія мысль привела меня въ изумленіе, когда случилось мнѣ быть при великолѣпномъ празднике, которой князь Потемкинъ сдѣлалъ для Государыни. До 2,000 человѣкъ находилось тамъ и, мѣшаясь одни съ другими, ходили по огромнымъ палатамъ. Во время шествія Императрицы начался Русской хоръ, и въ ту минуту князь Потемкинъ, владѣтель сихъ гордыхъ палатъ, первый и богатѣйший человѣкъ въ государствѣ, столько прославившійся своими побѣдами, одѣть въ фельдмаршальской мундирѣ, украшенный бриллантами, среди огромныхъ хоровъ, среди звуку отъ 300 музыкальныхъ инструментовъ,—повергся къ ногамъ Императрицы.

Пусть было бы это передъ императоромъ, и сія глубокая униженность будетъ показывать только высочайшую власть и безпрѣдельное уваженіе; но изъявленіе такой покорности Императрицѣ необходимо раждаетъ мысль о власти красоты, обыкновенная слышимая пѣсни превращаются въ гимны, и я самъ готовъ боготворить царствующую жену. Въ прочемъ въ Россіи хранится еще восточное обыкновеніе повергаться къ ногамъ государя, когда онъ изволить посѣтить чье-либо жилище. По сей причинѣ и всѣ просьбы Россіянне начинали выраженіемъ: быво челомъ; однако сію формулу Императраца уничтожила.

Теперь скажу вамъ нѣчто объ Императрицѣ лично и о жизни ея обыкновенной. Бывъ предопредѣлена къ высочайшей степени, великою княгинею жила она очень уединенно; сій вадлежало

переносить много горести и сильныхъ противурѣчій, и тогда то, удаляясь въ уединеніе, она размышеніемъ образовала свой умъ и духъ. Взошедъ на престолъ она сохранила свою любовь къ дѣятельности и привычку всегда занимать чѣмъ нибудь свой умъ. Она не оставляетъ дѣлъ правленія и находить еще досугъ читать на разныхъ языкахъ наставительныя и пріятныя книги, вести переписку съ учеными людьми, бесѣдовать съ ними, сочинять комедіи съ нравственною и политическою цѣлью, и сверхъ того заниматься иногда пріятностями общества.

Всѣмъ ея подданнымъ дано право писать къ ней, а особенно тѣмъ, кои прежде искали и не получили своего права у нижнихъ начальниковъ, и всѣ просьбы вѣрно доходятъ въ ея руки. Люди не могутъ имѣть недостатка во времени; по весьма часто они имѣютъ недостатокъ въ искусствѣ имѣть пользоваться. Императрица встаетъ обыкновенно въ 6 часовъ, трудится, пишетъ и читаетъ до 9 часовъ; потомъ приходять ея министры, съ коими она говорить о дѣлахъ государственныхъ, разбираеть, решить дѣла и отдаетъ повелѣнія. Послѣ того начинается ея туалетъ, въ продолженіе котораго приводятъ къ ней внуковъ ея, и съ ними она говоритъ объ ихъ ученьѣ. Ея обѣденный столъ очень непродолжителенъ; въ три часа она возвращается въ свои покой, спить, какъ говорять, около четверти часа, можетъ быть, по необходимости климата, или для укрѣпленія силъ природныхъ. Далѣе, она читаетъ или пишетъ; собственноручная переписка ея очень велика. Въ 6 часовъ собирается приглашенная компанія, а иногда идетъ она въ придворный театръ, возвращается въ свои покой и ложится спать довольно рано.

Ничто уже не можетъ парушить сего заведеннаго порядка, посредствомъ котораго Императрица всякой день проводить

въ трудѣ и чтеніи около восьми часовъ. Съ какою удобностю постигаетъ она всѣ предметы политическія, или касающіеся до внутренняго государственного правленія, можно судить изъ того, что она съ пропицательнымъ умомъ своимъ соединяетъ знаніе дѣлъ всякаго рода. Она основательно училась исторіи и въ особенности Российской; ей дорого все касающееся до Российской націи, а Российской языкъ безъ сумній былъ бы всеобщимъ, если бы только это состояло въ ея власти. Такимъ образомъ проводить Императрица свое время, которое для многихъ безмѣрными удовольствіями и забавами испорченныхъ государей кажется тяжкимъ бременемъ.

Теперь вы безъ сумній ожидаете, чтобы я сказалъ вамъ что-нибудь о характерѣ и духѣ Императрицы. Ея тонъ въ бесѣдѣ и вообще ея понятія основательны и соединены съ живоетю свойственною духу великому, надъ которымъ обстоятельства не могутъ имѣть власти. Въ ея мнѣніяхъ видна опредѣленность, которая показываетъ, что опытность и размышленіе впечатлѣли въ душу ея правильное понятіе почти обо всѣхъ предметахъ. Хорошій успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ она приписываетъ иногда случайности какъ по своей скромности, такъ и по тому что исторія показала ей, сколь много случайность имѣть вліянія на происшествія. Высокость ея души весьма соотвѣтствуетъ высокости ея званія, и всѣ ея предпріятія отличаются непоколебимою твердостю.

Ея великолѣпіе и щедрость, кажется, предѣловъ не знаютъ. Во время войны ограничивается первое, не стѣсняя послѣдней. Она ведеть войну безъ новыхъ налоговъ, безъ скупости въ предпріятіяхъ; цѣла щедрости ея еще болѣе возвышается отъ сопровождающихъ ее остроумныхъ оборотовъ, которые, кажется, сдѣланы какъ бы по совѣту тѣхъ самихъ, кого она подарить желаетъ. Правило ея: про себя похулитъ, а вслухъ

похвалить. Симъ средствомъ она щадить чувствительность самолюбія и не отнимаетъ всеобщаго уваженія у тѣхъ, кои учинили ошибку. Ова никогда не торонится, но умѣеть выждать и выбрать благопріятную минуту, а отъ сего она имѣеть успехъ въ такихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ другое онаго не имѣютъ. Такимъ точно образомъ, безо всяаго потрясенія, безо всяаго сопротивленія, она присоединила къ коронѣ безмѣрныя и излишнія владѣнія духовенства; между тѣмъ, какъ Іосифъ II, желая исполнить такое же намѣреніе, привелъ въ возмущеніе весь Брабантской округъ.

Для избѣжанія какого-либо подозрѣнія противъ меня въ пристрастіи, положимъ, что иностранецъ приѣхалъ бы въ С.-Петербургъ осмотрѣть интереснѣйшія венцы въ сей столицѣ. Онъ идетъ въ Академію, гдѣ показываютъ ему военное изображеніе императора Петра, его пистолеты, кортикъ, шляпу во многихъ мѣстахъ прострѣленную подъ Полтавою, драгоцѣнныя остатки великаго мужа, съ благоговѣніемъ должны хранимые. Потомъ отворяютъ ящикъ и показываютъ ему фоліантъ, содержащій наказъ для составленія гражданскаго и уголовнаго уложенія, гдѣ изъясняется основаніе правленія и должностнаго заслугамъ воздаянія; и этотъ фоліантъ есть произведеніе Екатерины, ея собственною рукою писанный и во многихъ мѣстахъ переправленный. Пускай сей чужеземецъ ввечеру идетъ въ театръ, видить и слышать на Россійскомъ языке піесу замысловатую, интересную для всей націи; онъ спроситъ, кто авторъ ея, и ему отвѣчаютъ: Екатерина II. На другой день чужеземецъ пойдетъ въ церковь, тамъ увидить прекрасныя, богатошилья покрывала, и показывающій говорить ему съ энтузіазмомъ: это работала сама Государыня! Наконецъ въ библіотекѣ найдетъ онъ сочиненіе, въ двухъ большихъ томахъ, о Россійскомъ и Россійскомъ

языкъ, и опять ему скажутъ, что Императрица сочинила сіе толкованіе языка, которое сдѣлало бы честь Дюканжу и Курье-де-Жебелену.

Публичныя зданія, полезныя заведенія, мудрыя учрежденія дѣлаютъ конечно честь государю; но часто все сіе только липь подъ его именемъ выдумываются и учреждаются его министры. Но о Российской Императрицѣ никто сего не скажеть; зависѣть ничего не отниметь, ласкательство ничего не прибавить. Изумленіе сего чужеземца удвоится, когда я скажу ему, что Повелительница сего обширнаго государства позволила мнѣ у нея самой испрашивать объясненія на многіе важнѣйшіе пункты Российской исторіи, и что та самая рука, которая начертаваетъ трактаты касающіеся до всѣхъ четырехъ частей свѣта, очень охотно отвѣчала мнѣ на мои вопросы о состояніи древнихъ народовъ ея государства, о ихъ нравахъ и языкахъ. Ея любовь къ націи, столь славно ѿ управляемой, побудила ее искать для себя свѣту во тьмѣ, покрывающей происхожденіе сѣверныхъ народовъ, которые всѣми учеными были пренебрежены болѣе, нежели того стоили. Иной, читая всеобщую исторію, подумаетъ, что въ свѣтѣ жили только Греки и Римляне, и не будетъ знать генеалогіи многочисленныхъ народовъ, завоевавшихъ Италію и основавшихъ большую часть изъ новыхъ областей; даже земля ими нѣкогда населяемая остается ему неизвѣстною.

Я составилъ бы немалую книгу, есть ли бы вздумалъ вычислять всѣ подробности касающіеся до особы Императрицы. Какъ мои замѣчанія о Россіи идутъ къ вамъ, то и впредъ я не упущу случая познакомить васъ, сколько возможно лучше, съ особою рѣдкою во всѣхъ классахъ, а на троицѣ единственную.

Историчекія черты и извѣстія, касающіяся до жизни и правленія императрицы Екатерины II-й.

Введение сочинителя.

Здѣсь представляются иѣкоторыя историчекія бѣзѣлики, имѣюція единственно отношеніе до правленія Екатерины II, Императрицы Всероссійской. Оныя могутъ быть помѣщены частію въ біографіи сей знаменитой и счастливой Монархии, или же въ Россійской исторіи послѣдніхъ тридцати или сорока лѣтъ. По моему мнѣнію не всеѣ изъ сихъ безѣлицъ за-служивають точнаго названія историческихъ анекдотовъ; но заглавіе анекдотъ было бы приличнѣйшимъ хотя иѣкоторымъ изъ оныхъ. Будуцій писатель, ежели захочетъ, особо разобравъ каждой изъ нихъ, можетъ помѣстить оныя въ Біографіи, Исторіи, Статистикѣ, въ дѣлахъ, касающіхся до благоустройства, въ комърческихъ извѣстіяхъ, или гдѣ ему покажется нужнымъ. Историческая точность сихъ маловажныхъ извѣстій не подвержена никакому сумнѣнію. Впрочемъ читатели найдутъ, что сіи извѣстія даютъ познаніе о бывшемъ при дворѣ Екатерины тонѣ и о просвѣщеніи въ Россіи тогдашняго вѣка, къ которому ониѣ принадлежать. Ежели сіи безѣлицы понравятся, то оныя могутъ быть продолжаемы.

1.

Графъ Владимирий Орловъ, младшій братъ любимца, бывшій въ 1765-мъ году директоромъ Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ, хотѣлъ построить новое зданіе для оной Академіи и просилъ у Императрицы, чтобы она дала ему то мѣсто, на которомъ построенъ теперь Мраморный дворецъ. Екатерина въ седьмь ему отказала, ибо она имѣла намѣреніе воздвигнуть на седьмь же мѣстѣ храмъ натуры. Въ седьмь храмъ предполагаемо было помѣстить изъ всѣхъ твореній Божіихъ по одному образцу. Мысль сія была отважная, высокая и достойная Обладательницы седьмой части земли; но произведеніе сіе было сопряжено съ толикими затрудненіями, что даже Императрица Всероссийская со всею свою властью находила невозможнымъ превозмочь оныя. Предпріятіе сіе осталось безъ дѣйствія.

2.

Великолѣпіе Россійскаго двора во время царствованія прежней Императрицы доходило до такой степени, что даже Государыня сія употребляла иногда въ игру, на мѣсто марокъ, брилліанты. Сіи марки находились въ маленькихъ золотыхъ ящичкахъ и были выдаваемы золотыми ложечками. По окончаніи игры, всякий игравшій получалъ свой выигрышъ и оставлялъ у себя свои призы. Такая вечерняя партія стоила Императрицѣ не болѣе какъ сорокъ тысячъ рублей. Сожалѣніе достойно, что къ симъ партіямъ приглашаемы были всегда люди, состоявшіе въ милости, и которымъ подарокъ въ десять или двадцать тысячъ рублей ничего не значилъ.

3.

Весьма трудно сдѣлать точное описание о расточительности, бывшей при прежнемъ правлѣніи въ придворномъ хозяйї-

ствѣ въ Санктпетербургѣ. Легко можно сдѣлать заключеніе о прочихъ расходахъ; ибо известно, что въ ежегодно подаваемыхъ счетахъ находилось между прочимъ: двадцать восемь тысячъ рублей употреблено на зелень, восемьнадцать тысячъ рублей на деревянныя уголки и сто сорокъ четыре тысячи рублей на масло, сливки и молоко. Въ хозяйствѣ великаго князя Александра Павловича между прочимъ ежегодно считали: триста пятьдесятъ пудъ сахару считая пудъ въ тридцать шесть фунтовъ Нѣмецкихъ, сто девяносто пять пудъ обыкновеннаго и девяносто пять пудъ лучшаго кофію.

4.

Парадная карета великаго князя Александра Павловича стоила пятьдесятъ восемь тысячъ рублей.

5.

Когда во время царствованія послѣдней, скончавшейся Императрицы, супруга наследника престола была беременна, то Монархия всякой разъ велѣла заготовить бѣлье и платье для ожидаемаго дитяти. Все было сдѣлано à l'angloise, т.-е. покрой платьевъ и рубахъ, хотя бы дитя было мужскаго или женскаго пола, всегда быть одинакой. Сie преждевременное приготовленіе для великаго князя Александра Павловича, нынѣшняго наследника престола, стоило двадцать пять тысячъ рублей. Издержки на всякое таковое заготовленіе при каждомъ родинахъ великой княгини простирались обыкновенно до тридцати тысячъ рублей, а иногда и менѣе. На ризки, которая дѣлались изъ серебряной парчи, употреблялось обыкновенно на три тысячи рублей кружева; а при всей сей

пышности сіи ризки не имѣли хорошаго виду. Сверхъ того находились еще восемнадцать паръ шелковыхъ платьевъ различаго одноцвѣтнаго атласа или тафты, покрытыхъ кисею и обшитыхъ кружевами; двѣнадцать дюжинъ рубахъ, изъ коихъ шесть дюжинъ были сдѣланы изъ батиста, а остальные шесть изъ холста; четыре дюжины почныхъ платьевъ, изъ коихъ двѣ дюжинны были канифасныя; и въ такомъ соразмѣріи находились все прочія вещи. На холстинныя надобности употребляли Голландское полотно; а скатерти, салфетки и пр. вышивались изъ Саксоніи. Какъ нынѣ вдовствующая королева Шведская, супруга Густава III-го, была беременна пынѣвшимъ королемъ, то Императрица послала такое заготовленіе въ Стокгольмъ, и присовокупила къ тому одѣтую куклу въ ростъ ребенка, дабы показать, какъ надлежитъ одѣвать дѣтей à l'angloise.

6.

Любимцы императрицы Екатерины II-й стоили ей отъ 1784-го года, по весьма умѣренному и не точно сдѣланному исчислению, до восьмидесяти двухъ или трехъ миллионовъ рублей. Должно однакожъ считать, что князь Потемкинъ до 1791-го года требовалъ невѣроятно большія суммы и получалъ онъя, и что Императрица обогатила еще трехъ другихъ любимцевъ съ ихъ фамиліями, изъ которыхъ послѣдній, вынѣшній князь Зубовъ, стоилъ всѣхъ больше.

7

Извѣстные любимцы прежней Императрицы, считая съ того времени, когда она вступила на престолъ, были: Орловъ, Васильчиковъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ, Корсаковъ, Ланской, Ермоловъ, Мамоновъ и Зубовъ.

8.

Ежели кому-нибудь известна расточительность въ Россійскомъ придворномъ хозяйствѣ при послѣднемъ правлениі, то удивленія достойно, что въ бывшемъ Петергофскомъ маскарадѣ въ 1791-мъ году парадная лѣстница не была освѣщена.

9.

Въ день Екатерины, 1792-го года, Россійскіе императорскіе пажи получили новыя парадныя ливреи. Весьма несобразно съ расточительностію при бывшемъ правлениі то, что прежнія ливреи существовали сорокъ три года. Такъ сказать, не было на кафтанѣ на ладонь порожняго мѣста, чтобы не было заплаты. При всѣхъ частыхъ празднованіяхъ Россійскаго двора, особенно въ правлениѣ императрицы Екатерины Второй, всегда являлись при оныхъ пажи въ старой ливрѣ. Издержки, нужные для сдѣланія новыхъ ливреї, конечно требовали большихъ суммъ; но въ 1792-мъ году столь же мало оставалось лишнихъ денегъ, какъ и въ прочихъ годахъ; но напослѣдокъ необходимо нужно было подумать о сдѣланіи сихъ платьевъ. Въ то время находилось 60 пажей и 11 каммернажей, и всякая ливрея стоила Императрицѣ семьсотъ рублей. Сіи пажи бываютъ обыкновенно дѣти или подростки. Сняли съ нихъ мѣрку въ 1791-мъ году, и когда они въ 1792-мъ получили опытные платья, то уже вышли изъ мѣры и въ первый день дѣлали дурную фигуру.

10.

Заслуживаетъ примѣчанія то, что славный паказъ императрицы Екатерины II для сдѣланія закопной книги былъ

запрещенъ въ прежде бывшей Франції; ибо утверждали, что содержаніе онаго наказа было противъ правилъ монархического правления. Не взирая на сіе сочиненіе и на запрещеніе онаго, Россія осталась деспотическое государство, а Франція сдѣлалась республикою.

11.

Въ восмидесятыхъ годахъ объявленъ былъ въ Россіи указъ, чтобы ни одинъ подданный не вывозилъ большаго количества хлѣба, безъ коего само государство обойтиться не можетъ. Ни одинъ указъ не былъ еще недостаточнѣе сего.

12.

Ввозъ сахару въ Россію составляетъ болѣе, нежели вывозъ желѣза, главнѣйшаго произведенія сей обширной имперіи.

13.

Разведеніе ревеню въ Сибири теперь вовсе запущено. Оное было въ прежня времена важная отрасль Россійской торговли. Фунтъ такого ревеню стоилъ прежде два, три и четыре рубли. Напослѣдокъ, нельзя было имѣть даже за восемнадцать рублей хорошаго ревеню; а въ концѣ 1790-го года принуждены были выписывать оный изъ чужихъ краевъ, которые получаютъ его изъ Китая.

14.

Примѣромъ худой полиціи въ С.-Петербургѣ при прежнемъ правлениі служить то, что почти вездѣ можно было достать

яду, напаче же въ желѣзныхъ или такихъ лавкахъ, гдѣ продаютъ пряныя коренья.

15.

При учреждениі намѣстничествъ было повелѣно, чтобы опредѣляемые инцы отправляли и должностъ актеровъ; ибо всякому генераль-губернатору надлежало имѣть небольшой свой придворной штатъ, къ которому нужно было присовокупить и общество комедіантовъ.

16.

Цій VI писалъ однажды къ императрицѣ Екатеринѣ II-й. При составленіи сего письма онъ собразовался въ точности съ формою, приятою неосторожнымъ образомъ однѣмъ изъ его предшественниковъ, когда сей послѣдній писалъ къ Петру Первому. Въ заключеніи письма онъ сказалъ: «Я прошу Бога, дабы онъ просвѣтилъ Императрицу и привелъ бы ее къ принятію святѣйшей католической вѣры!» Со времени Петра Перваго, который уничтожилъ патріаршество, обладатели Россіи суть духовные начальники Греческой церкви; слѣдовательно Екатерина II-я почиталась въ своей религії тѣмъ же самымъ, чѣмъ и Цій VI въ своей. Сія Государыня писала къ папѣ въ отвѣтъ, что она просить Бога о его просвѣщеніи и о возвращеніи его въ иѣдра правовѣрной Греческой церкви. Цій VI-й легко бы могъ избѣгнуть сего сильнаго униженія; но, можетъ, статься онъ имѣлъ себѣ за правило придерживаться старыхъ обычаевъ, правило, вредное всякому человѣку, какого бы званія онъ ни былъ (обо благоразуміе требуетъ приспособляться ко времени и обстоятельствамъ), но послѣдствіе коего могло бы нанести величайшій вредъ, особенно при семъ

случаѣ, въ представлениі выгодъ отъ католической религіи въ Россіи при не такъ снисходительной Государынѣ, какова была Екатерина II-я.

17

Утверждаютъ, что будто бы въ продолженіи царствованія императрицы Екатерины II-й сослоно было въ Сибирь до пятнадцати тысячъ Поляковъ; но сіе число кажется увеличеннымъ. Много изъ нихъ возвратились въ сіе же правленіе; но большая часть осталась тамъ до восшествія Павла I-го на Всероссійской престоль. Сей монархъ возвратилъ ихъ изъ сей ссылки, которая въ иныхъ мѣстахъ ужасиѣ нежели самая смерть.

18.

Екатерина II-я имѣла однажды сильной припадокъ къ печали. Дабы разогнать сію мрачную невеселость, то приглашаемъ былъ знаменитый Дiderotъ, существующій развеселить Императрицу, посредствомъ своей философіи, и притупить печальныя ея чувствованія. Въ первый разъ, когда онъ явился ко двору, то его повели въ переднюю комнату Императрицы. Сія Государыня явилась, и теперь казалось, какъ будто бы Дiderotъ позабылъ все, что вокругъ его находится, и даже самого себя. Онъ смотрѣлъ на нее пристально и имѣлъ видъ человѣка, находящагося въ удивленіи и восхищеннѣ. Напослѣдокъ онъ вскричалъ: *Femme étonnante!* Даже сіи два слова имѣли желаемое дѣйствіе. Императрица получила опять свою обыкновенную веселость.

19.

Во время революціи въ 1762-мъ году, господинъ Рюльертъ находился въ С.-Петербургѣ въ качествѣ секретаря посольства

ства. Онъ писалъ исторію о революції, и можно предполагать, что многимъ читателямъ оная уже извѣстна. Императрица узнала о существованіи сей рукописи, и въ послѣдствіи многоразличныхъ переговоровъ съ господиномъ Рюльеромъ достигли до того, дабы сія книга не прежде была напечатана, какъ послѣ кончины Императрицы. Хотя господинъ Рюльеръ въ семъ сдѣжалъ свое слово, но онъ читалъ свой манускриптъ въ Парижской Академіи Наукъ и даже въ своемъ домѣ вся кому любопытному пріятелю. Когда Дiderotъ находился въ С.-Петербургѣ, то Государыня его спрашивала, извѣстна ли ему сія книга? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ слышалъ, когда ее читали въ Академіи. Какое лицо я въ оной представляю, спрашивала его Императрица? Si vous faites cas de grandes actions héroïques, сказалъ Дiderotъ, votre rôle est très-glorieux; mais si vous faites cas de vertus fuites, votre rôle n'est pas également beau.

20.

Въ 1785-мъ году Екатерина II-я путешествовала въ Новгородъ. Французскій посолъ графъ Сегюръ находился въ свите Императрицы. Сія Государыня, знающая талантъ сего графа въ сочиненіи стиховъ, задала ему четыре слова: Amour, tambour, frotte, garde-note. Графъ составилъ тотчасъ слѣдующіе стихи:

D'un peuple très-nombreux Catherine est l'amour.
Malheur à l'ennemi qui près d'elle se frotte.
La renommée pour elle usera son tambour.
L'histoire avec plaisir sera son garde-note.

Письма Екатерины Великой къ графинѣ А. В. Браницкой.

1.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше я получила здѣсь въ Царскомъ Селѣ и съ удовольствіемъ изъ оного усмотрѣла, что изъ памяти вашей не изчезло прежнее ваше бытье при мнѣ и въ здѣшнемъ мѣстѣ. Желаю, чтобы и теперешній вашъ жребій къ удовольствію вашему служилъ. Сожителю вашему скажите поклонъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Царское Село
1 июня 20 1782 г.

2.

Письмо А. Д. Ланского.

Милостивая государыня графиня Александра Васильевна!
Благодарю искренно за воспоминеніе ваше обо мнѣ въ письмѣ Павла Сергеевича *) и радуюсь, слыша, что вы умножите скоро фамилію вашу. Сердечно бы желали, чтобы вы имѣли ко утѣшению вашему сына Александру и по семъ

---

^{*)} Руком Екатерины: Поверни листъ.

счастливомъ окончаниі видѣть васъ сей зимы здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ. Впрочемъ, пожелавъ вамъ всѣхъ благополучай и удовольствій, съ совершилъ ишиимъ почтеніемъ есмъ навсегда.
милостивая государыня, вашего сиятельства

покорнйшими слугою А. Ланской

На обрать листа рукою Ланской: Вашему сожителю прошу отъ меня кланяться. Пожалуйте, берегите ваши бока.

Тамъ же рукою Екатерины:

Здравствуй, Сашинка; здорово ли живешь? А мы принимали у Лизаветы Дмитревны *) дочь Катерину. Желаю тебѣ благополучно разрѣшиться отъ бремени. Прощай, Богъ съ тобой! Супругу скажи поклонъ. У васъ лѣто дождливо; каково-то у васъ? А у насъ сырость необыкновенная, и холодно по большей части. Завтра у насъ празднество: впервые открываться будетъ народному зрењию штатуя Петра Перваго.

Тамъ же рукою Ланской: Санктпетербургъ, въ опочивальни Ея Величества, въ лѣтнемъ дворцѣ, 1782 Августа 6 числа, день обошелся безъ дождя.

3.

Письмо А. Д. Ланского.

Милостивая государыня графиня Александра Васильевна!

Я столь долгое время лишенъ пріятнаго удовольствія знать о состояніи вашего здоровья, что не знаю, чему оное причесть. Съ симъ вѣрнымъ случаюсь, съ любезнѣйшою сестрицею вашею, посылаю вамъ маленькую посылку, которую

---

*) Супруги Ивана Ивановича Кушелева. П. Б.

прошу принять въ знакъ памяти обо мнѣ. Обрадованъ бы я былъ, услыши о зевобожденіи вашемъ отъ тяжкаго бремени и чтобъ увидѣть васъ здѣсь въ Санктпетербургѣ. Поручая себя благосклонной дружбѣ вашей, съ совершенныемъ почтѣніемъ пребываю, милостивая государыня, вашего сіятельства покорнымъ слугою

А. Ланской.

Прошу оборотить листъ.

Февраля 10

1783 году.

Къ боку приписка Ланской: Мой поклонъ супругу вашему прошу сказать.

На оборотѣ листа приписка Екатеринѣ:

Долго ли это будетъ, что ты, мой свѣтъ, не родишь? Кто слыхалъ, что годъ цѣлый брюхата! Знатно, это мода Польская; а у насъ въ Руси болѣе девяти мѣсяцевъ на то не нужно. Опомнись, душа. Вѣдь ты не вовсе Полька; вѣдь ты Смолянка. Но какъ бы то ни было, будь здорова и, буде можно, разстанься съ бременностью.

4.

Графиня Александра Васильевна!

Я съ удовольствіемъ получила извѣстіе о благополучномъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени. Желаю, чтобы новорожденный сынъ вашъ, преуспѣвая въ возрастѣ его, служилъ къ радости вашей и всего дому вашего. Охотно я приняла приглашеніе супруга вашего быть воспріемницѣю сына вашего отъ святаго крещенія, препоруча графу Петру Александров-

вичу *) вмѣсто меня то исполнить. Пребываю впрочемъ навсегда
вамъ благосклонная

Екатерина **).

Въ С.-Петербургѣ
Февраля 16-го 1783.

5.

Александра Васильевна! Пошли приложенное къ Авдотьѣ
Дмитревнѣ Ланской ***) и вели ей сказать, что я ее беру во
фрейлины.

6.

Графиня Александра Васильевна!

Съ удовольствіемъ получила я ваше письмо о благополуч-
номъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени. Увѣренна я соверше-
но въ искренности всего того, что вы тутъ изъясняете, и въ
доказательство моего доброго къ вамъ расположенія, желая
быть восприемницею поворожденного сына вашего, поручи-
ла я генералу порутчику Гудовичу исполнить сей обрядъ
отъ лица моего. Князь Григорій Александровичъ увѣдомить
васъ, что я, пожаловавъ сына вашего въ прапорщики гвардіи,
приказала его причислить въ Преображенской полкъ. Пребы-
ваю всегда вамъ доброжелательная

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Февраля 14-го 1785 года.

---

*) Румянцову. П. Б.

**) Въ этомъ и шестомъ письмѣ только подпись Екатерины: письма эти пи-
саны рукою графа Безбородки. Всѣ же остальные письма собственноруч-
ны. П. Б.

***) Бабкѣ князя А. И. Чернышова. П. Б.

7.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше и поздравление со днемъ моего рождения мнѣ весьма пріятно было. Я помню, что ваши иміяны въ тотъ же день и желаю, чтобы вы оные проводили въ добромъ здоровъи и благополучно. Продолжайте меня любить какъ любили; вы знаете мое къ вамъ и роду вашему расположениe. Графу прошу кланяться, а любезнаго Владислава, буде меня еще помнить, поцалуйте отъ меня. При семъ посылаю къ нему гусара и рейтара здѣшней фарфоровой фабрики, которые прошу ему отдать въ полную диспозицію, а вамъ до нихъ дѣла ить. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Царское Село.
Мая 1 числа 1788 г.

За reupliers d'Italie благодарствую. Желательно, чтобы они
принялись. Они здѣсь посажены.

8.

Графиня Александра Васильевна! Бывъ увѣрена, что письмо ваше и поздравление со днемъ моего рождения отъ чисто-сердечной вашей любви и привязанности ко мнѣ лично и къ вашему отечеству, гдѣ вы рождены и воспитаны, происходит, мнѣ оно не могло быть иначе какъ весьма пріятно, видя, что вы, графиня, нынѣ, посреди *Польши*, еще не перемѣняете вашъ всегдашній образъ мыслей и стараетесь оной сообщить и ближнимъ вашимъ По сему судя, не удивляюсь,

Архивъ Князя Воронцова ХХV.

30

что сынъ вашъ старшій донъшъ помнить, какъ онъ былъ со мною въ Кіевѣ и по дорогѣ. Скажите ему, что я радуюсь его успѣхамъ и что учится хорошо погречески, пофранцузски и поруски. Его отечеству нужны люди здравомыслящіе; а пагубны тѣ, кои похожи на того соловья, который, сказываютъ, громогласно поетъ закрывъ глаза, приближаясь отверстымъ всегда челюстямъ жабы, сидящей подъ деревомъ посреди цвѣтковъ, дондеже проглощень будеть.

Пребываю вамъ доброжелательна

Екатерина.

Апрѣля 22 ч.
1790 г.

9.

Графиня Александра Васильевна! Правда, Богъ, даровавъ Россіи 22 Іюля въ Выборгской бухтѣ совершенную победу надъ Шведскимъ флотомъ, тѣмъ самыемъ благоволилъ во дняхъ нашихъ явить свѣту примѣръ, како гордость, неправда и неблагодарность Имъ укротимы бывають. Упоминаете о завидующихъ намъ; на сіе скажу: съ ними жить и умереть. Но я не зла. Участіе, которое вы въ благополучномъ для отечества происшествіи берете, доказываетъ вашу ненарушенную привязанность къ опому. Письмо ваше ко мнѣ, писанное съ поздравленіемъ, сіе засвидѣтельствуетъ. Мнѣ оно весьма пріятно. Въ каждой строкѣ вижу непремѣнную вашу любовь ко мнѣ. Вы присвоиваете ваши чувства и мужу, и детямъ вашимъ. Пусть будутъ съ вами одного мнѣнія, а я къ вамъ навсегда доброжелательна

Екатерина.

Изъ Царскаго Села.
29 Іюля 1790 г.

10.

Графиня Александра Васильевна! За поздравлениe ваше съ предварительными мирными статьями благодарствую. О расположениi вашемъ ко мнѣ никакъ не сумнѣваюсь. Теперь всѣ наши беспокойствiя кончились. Тревожить меня одно: болѣзнь дядюшки вашего князя Григорья Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мнѣ, каковъ онъ и постарайтесь, чтобы онъ берегся какъ возможно отъ рецидивы, коя хуже всего, когда кто отъ болѣзни уже слабъ. Я знаю, какъ онъ безпеченъ о своемъ здоровьѣ. Прощайте. Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Сентября 16
1791 г.

11.

Графиня Александра Васильевна! Изъ письма¹ вашего отъ 27 Сент. вижу я, что князю есть полегче; но совсѣмъ тѣмъ я весьма беспокойна о его состояніи. Пожалуй, останься съ нимъ; а пуще всего, чтобы во время продолжительного выздоровленiя поберегся. Прощай, душа, Богъ съ тобою.

Октября 3 ч.
1791 г.

12.

Графиня Александра Васильевна! Раздѣляя съ вами общую нашу горесть, прошу васъ несумнѣнную надежду положить сначала па Бога, потомъ увѣриться, что я непремѣнно, пока жива, пребуду къ вамъ отлично доброжелательна.

Екатерина.

Октября 19 ч.
1791 г.

13.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше отъ 19
Октября до моихъ рукъ доставлено. Я надѣюсь, что вы никакъ
не сумнѣваетесь о моемъ благомъ и искреннемъ расположе-
ніи къ вамъ. И всегда и когда вздумашь ко мнѣ пріѣхать,
вы найдете во мнѣ тотъ же пріемъ, котораго всегда имѣли.
Графу Браницкому прошу поклониться и сказать ему, что
я получила его письмо, писанное изъ Варшавы, и отвѣтъ
на оное посланъ къ Булгакову, по съ графомъ разъѣхался,
знатно. Прощайте. Пребываю къ вамъ обѣимъ доброжелательна

Екатерина.

Дошло до меня разговоръ вашего гр. съ кор. при отъѣздѣ.

Ноября 11 ч.

1791 г.

Донесеніе графа Ю. Ю. Броуна о крестьянскихъ волненіяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Allergnädigste Kaiserin und grosse Frau.

Ew. Kaiserl. Majesté habe ich unterm 11 und 13-ten dieses Monats rapportiret, wie es hier um den Bauer-
aufruhr stehet. Gegenwärtig kann ich berichten, dass
der Aufruhr im ganzen Gouvernement so allgemein ist,
dass ich fast kein Gut kenne, welches davon befreit wä-
re, und wann auch einige wenige noch nicht öffentliche
Bewegungen gemacht haben, so warten sie nur darauf,
dass der allgemeine Ausbruch seinen Anfang nehme.
Die Richterstühle werden angegriffen, die Befehlshaber
auf eine schimpfliche Art begegnet und der mehreste
Theil der Bauern verlangt von allem Gehorche frei zu
sein. Einige wollen ihre Kopfgelder selbst in den Rent-
tereien abliefern und jeder für seine Person vom Rent-
meister Quittung haben. Dies kann aber auf keine
Weise statt finden, weil von jedem Gute und nicht
von jedem Bauer eine Quittung an den Cammeral-Hof
geliefert werden muss. Andere wollen mehr Kopfgelder
bezahlen als verlangt wird. Viele wollen ihre Gelder
in Riga und nicht in den Kreisstädten abliefern; kurz,
sie haben hundertsache Praetensionen die hier zu weit-

läufig zu beschreiben wären. Alles geht nun zu einem allgemeinen Aufruhr. Im vorigen Türkenkriege haben Ew. Kaiserl. Majesté Türkensteuer aufgelegt. Der Edelmann hat sie mit der grössten Bereitwilligkeit bezahlt und dem Bauer dafür keine Arbeiten aufgelegt. Hätten Ew. Kaiserl. Majesté statt Kopfgeld soviel Abgaben auf publique und adliche Güter gelegt, so wäre alles ohne Aufstand entrichtet und kein Anlass zu einem Aufruhr entstanden als der gegenwärtige ist.

Vier und siebenzig Jahre hat diese Provinz einer allgemeinen Ruhe genossen und sich nie gegen obrichkeitliche Befehle aufgelehnt. Wann Ew. Kaiserl. Majesté auf meine unterm 25 Mai untertänigste eingesandte Vorstellung eine Imaennoy Ukase allergnädigst ergehen zu lassen geruhet hätten, „dass die Bauern, sowohl publique als private, ihre Kopfgelder selbst bezahlen, aber nach wie vor erbunterfährig verbleiben sollten“: so hätte dieses damals vielleicht helfen können. Ich habe zwar die beiden lettischen Kreise mit zwei Escadrons des Pleskauschen Carabinier Regiments drei Wochen von Mord und Brand abgehalten, ohngeachtet sie alle in grösster Bewegung sind: gegenwärtig sehe ich, dass keine Imaennoy Ukase mehr helfen kann, sondern ich muss mit Strenge und schwerer Strafe gegen sie verfahren, sobald; die Regimenter einrücken werden. Da ich aber bis dato noch keine Trouppen einrücken sehe, so will ich mich, bis den 24-sten dieses Monats hier aufzuhalten suchen; alsdann aber bleibt mir kein Mittel mehr übrig als mich nach Riga zu retiriren und für die Sicherheit meines Lebens zu sorgen, das Land aber mit Edelleuten und Beamten dem Mord und der Discretion des rebellischen Pöbels überlassen. Die kleinen Kreisstädte drohen sie zu

überfallen und zu verbrennen, auch ihre Einwohner zu ermorden, weil sie mit ihnen nicht gemeinschaftliche Sache machen. In jeder Kreisstadt hat der Gorodnitschi nur 6 elende Menschen, welche hier Garnison-Soldaten genannt werden, da sie nach Ew. Kaiserl. Majesté Verfügung 28 haben sollten. Ich habe jetzt die auf den Vorposten stehende Mannschaft, welche nur irgend tauglich ist, zurückziehen lassen müssen, um nur den Kreisstädten etwas Schutz zu schaffen. Dem Plesskauschen Carabinier Regemente, welches hier im Lande stehet, habe ich, ob solches gleich Ordre hat nach Petersbourg zu gehen, verboten abzumarschiren, ehe und bevor die drei Regimenter einrücken. Dieses Carabinier Regiment aber ist gewiss nichtzureichend, allen Unglücksfällen vorzübeugen, welche man hier zu befürchten hat.

Unsern Nachbarn können alle diese Umstände nicht verborgen bleiben, und solche werden den Gazzettiers vortreffliche Gelegenheit geben von Ließland eine gute Beschreibung zu machen.

Ich ersterbe in tiefster Erfurcht Ew. Kaiserl. Majesté unterthänigster Knecht

G. Browne.

Smilten, den 15 Juni 1784.

Письма о кончинѣ Шведскаго короля Густава Третьяго *).

1.

Ce 17 mars 1792.

Monsieur le comte.

Je me hâte de vous annoncer le trop triste événement de la nuit passée. Le roi de Suède a été assassiné au bal masqué de l'opéra d'un coup de pistolet qu'une main traîtresse lui a lâché par derrière à bout-portant dans les reins, un peu au-dessus de la hanche gauche. Le comte de Ludolf revient dans ce moment de la cour. L'on venoit d'ôter le premier appareil et de faire une incision à la playe profonde d'environ d'un doigt. Elle n'a servi jusqu'ici qu'à en tirer la tête d'un petit clou. Le pistolet a été chargé de mitraille de trois balles, de huit dragées et de quelques clous. Les chirurgiens n'ont osé jusqu'ici prononcer, mais il y a des circonstances qui font trembler pour la vie de ce prince. Le roi avoit été prévenu de cet attentat contre sa vie par une lettre anonyme quelques heures auparavant, et l'on ne sait par quelle inconcevable sécurité il avoit méprisé cet avis. Le roi blessé s'appuya sur m-r d'Essen et fut transporté dans les chambres au haut de la salle de l'opéra, et vers le matin au châ-

---

*) Иисашъ иѣкимъ Свитецкииъ (суда по 6-му письму, Австрійскимъ подданимъ), кажется къ графу Маркову. Сохранились въ современномъ спискѣ. II. Б.

teau. L'assassin est connu aujourd'hui et arrêté. C'est un gentilhomme nommé Ankarström. Il étoit armé de deux pistolets et d'un poignard, et laissa tomber toutes ces armes en se retirant dans la foule; mais c'est le poignard qui l'a fait reconnoître, l'armurier ayant désigné Ankarström comme celui qui le lui avoit commandé il y a peu de tems. Ce scélérat avoue tout, déclare qu'il avoit couvé ce détestable projet depuis deux mois qu'il avoit conçu dans l'intention de rendre un service signalé à sa patrie et qu'il n'avoit pas de complice.

2.

Ce 18, à 9 heures du matin.

Les médecins n'ont pas encore osé prononcer sur le sort du roi. Il avoit dormi hier à plusieurs reprises. Comme il ne se plaint pas de fortes douleurs, on n'a pas jugé à propos d'ôter le second appareil. En ôtant hier le premier, on a fait une incision à la playe, mais celle n'a servi qu'à en tirer une tête de clou; car le malheureux avoit chargé son pistolet à mitraille, c'est à dire à deux balles, huit dragées et quelques clous. Le roi perd du sang par les voies urinaires; mais sa majesté conserve une tranquillité d'esprit, qui étonne tous ceux qui l'approchent. La lettre anonyme qu'il reçut avant que d'aller au bal, est à peu près de la teneur suivante: „De grâce, sire, daignez écouter les avis d'un homme qui n'étant pas attaché à votre service, ne recherchant point vos faveurs et ne flattant point vos défauts, désire conjurer le péril qui menace vos jours. Il existe, et n'en doutez pas, un projet de vous assassiner. On a été au désespoir de le voir manquer

la semaine dernière lors que le bal fut dédit; l'on est résolu de le tenter aujourd'hui. Demeurez chez vous, et évitez même tous les bals masqués suivants, du moins cette année. Laissez évaporer le fanatisme du crime, évitez aussi les rez-de-chaussée de Haga; en un mot, prenez vos précautions au moins un seul mois. Ne vous donnez pas la peine de découvrir l'auteur de cette lettre. Le projet funeste qui menace vos jours lui est parvenu par hazard; croyez qu'il n'a aucun intérêt d'écartier le coup qu'on vous prépare. Si vos troupes mercenaires à Gelfe eussent tenté des violences envers les citoyens, l'auteur de cette lettre auroit combattu contre vous l'épée à la main; mais il déteste l'assassinat."

On vient d'arrêter, je ne sais sur quel indice, le lieutenant-colonel aux gardes nommé Pontus Lilienhorn qu'on soupçonne être l'auteur de cette lettre. On remarque déjà une espèce d'effervescence parmi le peuple qui soupçonne un complot des nobles. Le gouvernement d'ailleurs a pris toutes les précautions propres à empêcher tout mouvement quelconque. Les patrouilles sont redoublées, les portes de la ville fermées, la police en mouvement. Une régence a été établie à la tête de laquelle est le duc de Sudermanie, et qui est composée de messieurs d'Arnsfeld, Wachtmeister, Ruth, Oxenstierna. Nous ne savons pas encore, quand il nous sera permis de faire partir nos courriers.

3.

Ce 18, à 9 heures du soir.

Le roi est plus mal que jamais. L'estomac commence à s'enfler. On craint l'inflammation; je suis ob-

ligé de finir, le courrier qui portera cette lettre à Copenague étant sur le point de partir. J'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Swietczky.

4.

Ce 21 mars.

Comme enfin on permet aux postes de partir pour l'étranger, je m'empresse, monsieur le comte, de vous communiquer les détails et les suites de l'horrible catastrophe du 16. Sa majesté le roi de Suède étoit à peine entré dans la salle de l'opéra que la main traîtresse d'un scélérat lui lâcha à bout portant un coup de pistolet dans les reins un peu au-dessus de la hanche gauche. Comme dans le même moment on entendit à l'autre bout du parterre crier au feu, une grande foule des masques se sauva par la porte, et l'assassin étoit du nombre; il laissa choir en se retirant le malheureux instrument de son crime—un pistolet chargé et un poignard. Le roi blessé et appuyé sur m-r d'Essen se retira dans ses appartemens au haut de la salle. On visita les masques ils mesure qu'ils en sortoient, et ce fut après, qu'on trouva les armes meurtrières. On mit à la hâte à sa majesté le premier appareil, et l'on vit à cette occasion déployer à ce prince infortuné un courage et une tranquillité sans exemple. Il s'entretenoit après, avec le même calme, avec plusieurs membres du corps diplomatique et donnoit les ordres nécessaires dans ces sortes d'occasions à m-rs de Wachtmeister et d'Armfeld. A quatre heures du matin il se fit porter au château; à 9 heures on

ôta le premier appareil, et l'on fit une incision à la playe, qui cependant ne servit qu'à en tirer la tête d'un clou. L'assassin fut saisi peu de tems après; il fut trahi par le poignard laissé, que l'armurier reconnut; déposa que le pistolet dont il s'étoit servi, avoit été chargé de deux balles, de douze dragées et de sept têtes de clous. Il avoua son crime d'abord en disant de l'avoir commis, pour rendre un service signalé à sa patrie, excuse commune de tous les régicides. Le malheureux est un gentilhomme, nommé Ankarström, autrefois lieutenant aux gardes, marié, ayant cinq enfants et une fortune aisée. Peu de tems après on arrêta le jeune comte de Horn, le comte de Ribbing et le baron Kurk, tous de jeunes gens, et hier on mit en prison le négociant Biorkmann, un conseiller de ville nommé Ahlgren, et le syndic Hornstadt.

On ne sait pas sur quels indices le gouvernement a fait effectuer ces arrestations, les dépositions d'Ankarström étant tenues très-cachées; et l'on ne sait pas non plus au juste, par la même raison, si l'attentat commis tient à quelque conspiration ou plan de révolution dont les récits courrent la ville, et qu'on prétend s'étendre jusque dans les provinces. Ce qu'il y a de bien sûr, c'est que la régence nommée tout de suite et composée du duc de Sudermanie et de mes-rs de Wachtmeister, Armfeld, Taube et Oxenstierna, a pris incessamment des mesures qui annoncent une pareille appréhension. On a arrêté les postes, on a fermé les portes de la ville, on s'est assuré de la fidélité d'une partie de la garnison qu'on suspectoit un peu. On a armé de nouveau la bourgeoisie, on a fait entrer du militaire des environs, redoublé les patrouilles, fortifié avec des canons les avenues du château, distribué des pompes à

feu, promis de grandes récompenses aux dénonciateurs véridiques, et l'on a enfin envoyé des ordres nécessaires pour maintenir la tranquillité dans le plat pays. Là aussi on a ordonné, à ce qu'on dit, des arrestations, ayant trouvé dans des lettres, qui devoient partir par la poste quelques heures avant la catastrophe, des avis de ce qu'on alloit faire, adressés à des personnes de marque. Bref, le gouvernement ne néglige rien pour arrêter les progrès possibles de cet abominable projet.

Peu d'heures avant que de se rendre au bal, sa majesté reçut une lettre anonyme qui l'avertissait du danger que courroient ses jours; mais ce prince par une inconcevable sécurité méprisa cet avis. On en découvrit l'auteur. C'est m-r Liliehorn, lieutenant-colonel aux gardes, mais on ne sait rien encore de positif de ses dépositions.

Déjà le lendemain de ce triste événement on remarquoit une effervescence parmi le peuple, qui se permettoit de dire des horreurs de la noblesse, collectivement, et bientôt elle éclata. La canaille assiégea l'hôtel de Horn, où le père infortuné du jeune homme se tenoit enfermé; on cassa les vitres, et l'on menaça de raser la maison. Le roi, pour sauver ce vieillard, se vit obligé de lui envoyer sa voiture et de le faire loger au château. La police, pour arrêter ce torrent, qu'on ne peut pas toujours faire rentrer dans son lit, quand une fois il est débordé, publia, bientôt après, une ordonnance portant défense au peuple de s'attrouper, de maltraieter ceux qu'on pourroit arrêter encore, et d'attendre avec patience la punition des coupables, prononcée par les loix. A l'heure qu'il est tout est assez tranquille, et l'on n'entend pas de nouvelles arrestations. S. m. le roi continue à déployer du fond de son lit

cette activité et ce courage, qui ont toujours caractérisé ce prince, malgré les douleurs aigües dont il est tourmenté, et l'incertitude de son sort. Il a fait appeler m-r de Fersen, le maréchal, et le comte de Brahe, les embrassa tendrement, et leur dit en pleurant que cet accident étoit heureux pour lui, parce qu'il lui fait connoître ses vrais amis. Les médecins et les chirurgiens assurent qu'aucune partie noble n'a été atteinte. Ils sont très-contents de l'espèce du pus, qui sort de la blessure; mais ils n'osent pas encore prononcer définitivement, toute la charge étant encore dans le bas-ventre, et les muscles empêchant de l'approcher. En attendant la playe coule. S. m. peut prendre un peu de nourriture, et jouit de tems en tems d'un sommeil tranquille. On n'a pas jugé à propos de l'informer de la mort subite de l'empereur *), dont l'avis fatal nous est parvenu hier. Toutes les églises sont remplies de monde, qui redemandent à Dieu la vie et la conservation de ce prince. On attend avec inquiétude des nouvelles des provinces.

5.

Ce 22 mars.

Le roi a beaucoup souffert cette nuit, mais au reste, dit on, les apparences sont bonnes. On est enfin parvenu, et par un simple hasard, au dernier chaînon de la trop vaste conspiration. C'est un baron de Bielke. Hier matin, en arrêtant Ahlgren, on le trouva tête à tête avec ce gentilhomme, ce qui fit naître des soupçons, et l'on cru devoir s'assurer de sa personne. En entendant, ce matin, le bruit des gens qui venoient le saisir, Bielke avala une forte dose de poison, et se fit conduire dans cet état devant la cour suprême de

*) Германский императоръ Леопольдъ II-й умеръ въезжаню 1-го Марта (в. ст.) этого года. Н. Б.

justice. „Il est inutile“ dit-il, d'abord en entrant, „de dissimuler davantage. C'est moi qui suis l'auteur, le moteur, et le chef de cette conspiration. J'ai voulu vous éviter la peine de me juger, et je viens de m'emponsonner. Ma mort doit vous tranquilliser. Il n'y aura plus de révolution, mais ne m'en demandez pas davantage; car je suis résolu à ne rien dire.“ Les juges ont été étonnés du calme et du sang-froid avec lequel il prononça ces mots. On a voulu lui donner des contre-poisons, qu'il refuse. Le prêtre le menaçait de lui refuser l'absolution; il a mieux aimé de s'en passer, que de révéler son secret; il expira quelques heures après. Bielke est un homme de plus de 50 ans, connu par sa tête, sa vaste capacité, son énergie, et son patriottisme. Depuis 25 ans, il menoit, en refusant tout emploi, une vie retirée à la campagne. Il parcoursoit seulement aux diètes, et se rendit fameux par son éloquence, ses vues, son désintéressement; il a joué un rôle à la dernière, et c'étoit de lui, qu'on s'est servi pour porter aux membres de son ordre des propositions conciliaires: tel étoit son ascendant dans la maison des nobles. Bielke laisse quelques filles, et est le dernier de cette famille célèbre dans les annales de la Suède, et qui a donné des rois à ce royaume. Vous ne sauriez croire, monsieur le comte, avec quel degré de persuasion on se permet ici de soupçonner un certain club de deux grands événements en Europe, qui viennent de se suivre de près, et il est difficile de décider à quel point on puisse avoir raison; sûr est-il, que la détestable doctrine, que les membres de ce club n'ont pas rougi en différentes occasion de prêcher, autorisent presque les âmes sensibles et aimant l'ordre, à se livrer à de pareils soupçons. Cependant on ne voit jusqu'ici aucun indice positif d'une telle influence, et

la justice exige qu'on attende avant que de pronoicer des éclaircissemens ultérieurs, que peut-être le tems amènera. Je dois vous avertir, mons. le comte, que le Bielke en question n'est pas le sénateur comte de Bielke, que vous avez vu ici, qui n'est pas descendant des anciens Bielke, et qui n'ajamais été en relation avec celui qui vient de finir sa carrière.

6.

23 mars.

On a sondé ce matin la playe du roi aussi profondément que possible, mais sans pouvoir parvenir à toucher les corps étrangers qui y sont. Le roi souffre beaucoup depuis, la fièvre diminue, de même que la tumeur, qu'hier on disoit de bon augure. On vient d'arrêter le vieux Pechlin, et de mettre la sentinelle aux portes de deux autres gentilhommes, nommés Pal-pizky et Wallenstierna.

Je ne vous dirai rien, mons. le comte, de la consternation et l'inquiétude qu'on remarque sur toutes les phisionomies. Rien de plus tragique que l'antichambre du roi: on y voit à toute heure nombre de monde de toute classe, de tout âge, de tout sexe, et de tout parti, empressé d'écrire leur noms; force de visages, qu'on n'y voyoit jamais auparavant, même ceux, auxquels la cour a été défendue, s'y trouvent régulièrement. Plusieurs personnes établies à la campagne accourent à Stockholm pour se mettre à l'abri de tout événement. Toutes vos connaissances ici m'ont chargé de vous marquer leur satisfaction, Mons. et madame de St.-Priest sont très-forts du nombre. Jugez, de grâce, de leur affliction; la mort subite de notre maître et l'accident terrible du 16 semblent avoir atterré toutes

leurs espérances. Enfin, nous sommes tous plongés dans la tristesse, et méritons d'être plaints de vous, monsieur le comte. Je finis ici, en me réservant de remplir l'autre page de cette feuille en cas, qu'avant le départ de la poste, il y aura quelque nouvelle scène.

Swietezky.

7.

Ce 29 mars 1792.

Je profite d'un courrier qu'envoye le ministre de Dammare à sa cour, pour vous faire part, monsieur le comte, du trop triste événement de ce matin. Le roi de Suède Gustave III n'est plus. C'étoit à onze heures que ce prince infortuné a fini sa carrière. Il étoit à peine mort, que le duc de Sudermanie, sorti de la chambre à coucher du roi défunt, publia dans la chambre à manger la succession au trône de son fils Gustave Adolphe, et lui fit prêter le serment de fidélité par tous les Suédois qui s'y trouvèrent. Quoique l'acte de sûreté faisoit pour ainsi dire la base de ce serment, et qu'elle y fut expressément nommée et lue dans toute sa teneur, personne de l'ordre equestre n'a osé s'y refuser. Messieurs de Brahe et de Geer étoient du nombre. Tous les officiers de la garnison furent mandés sur-le-champ, et prêtèrent ce serment ainsi que tous les employés dans les différents dicastères. Les mêmes ordres ont été envoyés dans les provinces, et nous savons déjà que dans les villes les proches de la capitale ils ont été exécutés de la meilleure grâce du monde.

C'est donc ainsi, que cette fameuse acte de sûreté tant de fois rejetée par la noblesse qui, à Gelse encore, vouloit se laisser plutôt hacher en pièces que d'en souffrir l'insertion dans le recès de la diète, est enfin parvenue à être adoptée par les quatre ordres comme une loi fondamentale de ce royaume. C'est ainsi que Gustave III a su jusqu'au dernier moment de sa vie travailler à l'affermissement de sa constitution et à l'augmentation de son pouvoir, et profiter même de son assassinat, de sa mort, pour régner du fond de sa tombe sur une classe de ses sujets, qui paroisoient ne pas aimer sa domination, et qui tâchoient de diminuer son autorité. Il y a cependant lieu à croire, que cette adhésion inattendue des nobles à l'acte de sûreté étoit le seul parti qui leur restoit à prendre dans les circonstances présentes; car cela seul peut soustraire cet ordre à la persécution de trois autres, aigris on ne peut pas plus par l'accident du 16. On a ouvert le testament de Gustave III. Il met son jeune successeur sous la tutelle du prince Charles seul, fixe sa majorité à l'âge de 18 ans et défend de convoquer les états avant cette époque. On raconte les particularités suivantes des derniers momens de ce prince. A 9 heures, il avait encore signé différentes ordonnances, nommé le baron d'Armfeld grand gouverneur de la ville de Stockholm, et dit à ce favori chéri en lui serrant la main: „Soyez fidèle à mon fils comme vous l'avez toujours été à moi“. Son confesseur l'évêque Wallquist s'approchant de son chevet, ce prince lui dit: „Je ne crois pas avoir de grandes mérites devant Dieu, mais je sais que je n'ai jamais de mal de propos délibéré“, et ses dernières paroles étoit: „Paix, paix, messieurs, je vais m'endormir“. Il se tourna, et en s'ad-

dressant à monsieur de Borgenstierna qui soutenoit l'oreiller, il lui dit: „Adieu“, ferma les yeux, et expira.

Ainsi mourut Gustave III, princé, qui assurément avait de grandes qualités, et dont la fin tragique efface certainement dans le souvenir de ses sujets les foiblesses dont on l'accusoit, et qu'il pouvoit avoir eues, étant homme fragile comme tout autre.

J'ai l'honneur d'être etc.

J'ai oublié de dire que monsieur de Taube a été nommé par le feu roi ministre des affaires étrangères.

8.

Stockholm, 13 avril 1792.

Au reste, nous sommes ici plus heureux que nous n'osions espérer il y a trois semaines. Tout est tranquille, et dans la capitale et dans les provinces, grâce à l'humeur pacifique de cette nation, et à la sagesse du gouvernement. Après avoir pris toutes les précautions pour faire avorter les plans possibles des conjurés, nous le voyons occupé à retrablier la confiance, en dirigeant par des édits modérés l'opinion publique sur le régicide, sur des auteurs, sur leur nombre et sur leurs projets. Moyennant ce langage tenu à propos, la justice du nouveau régent a su distinguer les innocents des coupables, et soustraire pour ainsi dire à la rage du peuple et à la persécution des trois ordres inférieurs, le premier ordre du royaume, innocemment compromis par le crime de quelques jeunes sous. En sauvant ainsi la noblesse, le gouvernement a en même tems pourvu à sa propre tranquillité, qui auroit pu courir quelque risque, si l'on avait continué à ameuter la canaille, cette bête n'aimant pas à rentrer dans

31*

ies chaînes, quand une fois elle a goûté la douceur de la licence et du débordement. Le début du nouveau règne se distingue aussi par des réformes utiles faites et à faire, et par une conduite ferme, noble et juste. Aussi voit-on dès à présent disparaître ce qu'on appelle parti d'opposition, et tout le monde se promet un avenir assez heureux. S'il est vrai, que la guerre n'est pas faite pour le procurer, la Suède en jouira; car le gouvernement vient d'ordonner à ses ministres en cours étrangères de déclarer discoursivement, que la Suède est bien résolue de vivre en paix avec tout le monde. Le jeune Bouillé est parti pour Berlin, et d'Escarf se prépare pour son voyage de Pétersbourg. M-r et mad-e de St.-Priest nous restent. Ils sont bien à plaindre voyant leurs biens confisqués et ne pouvant rien faire pour les revendiquer. J'admire beaucoup le courage avec lequel ils savent supporter leur infortune.

Je vous ai déjà mandé, mons-r le comte, qu'Ankarström, Ribbing, Horn et Liliehorn ont tout avoué; plusieurs personnes se trouvant chargées par leurs dépositions, on les a arrêtées, et mons-r d'Engeström, conseiller de la chancellerie, et son frère le sécrétaire du roi, sont du nombre. Le premier doit avoir projeté la nouvelle forme du gouvernement, qu'on auroit introduit, si la révolution n'avait pas manqué. C'auroit été à peu près la constitution de 1720. Liliehorn, auteur de la fameuse lettre anonyme, dont je vous ci-joins la copie, s'est laissé séduire par la perspective de jouer ici le rôle de Lafayette. On dit que le plan étoit de le mettre à la tête du régiment des gardes, dont il étoit lieutenant-colonel et généralement aimé, et de le faire agir, sous prétexte de venger la mort du roi. Horn, entousiaste patriotique, s'est jeté dans le comp-

lot sans aucun intérêt particulier de même que Ribbing, quoiqu'on soupçonne celui-ci d'avoir voulu se venger personnellement, et l'on raconte ses projets de mariage avec madame de Geer, dérangés par le feu roi. Il n'a donné jusqu'ici aucune marque de repentir, et s'amusant dans sa prison à dessiner, il a fait le tableau de son dernier supplice qu'il ne perd jamais de vue. Le général Pechlin persiste à tout nier; le vieux Horn et le négociant Biorkman viennent d'être relachés, ainsi que les deux Stael, et plusieurs autres personnes. Mons. de Hael, ambassadeur à Paris, est ici depuis quelques jours. Nous allons enterrer ce soir Gustave III à l'église de Kidderholm.

Lettre anonyme de Liliehorn.

Il est étonnant que cette lettre n'ait pas pu détourner le roi de son dessein d'aller au bal masqué. En y entrant ce prince dit à m-r d'Essen, qui a lu la lettre, et qui l'avoit conjuré de ne pas s'y rendre: „Ceci n'a pas l'air d'une conspiration“. Mais il avoit à peine gagné la seconde coulisse à gauche qu'il a vu et senti son erreur, car c'est là que le comte Ribbing masqué en domino s'approcha de lui, et tandis qu'Ankarströmi par derrière arrangeoit ses armes meurtrières et appuyoit même le bout de son pistolet sur les reins de sa victime, il le frappa sur l'épaule avec un: „comment vous va, beau masque?“ Et dans le même moment le coup partit. Le roi porta la main sur le front. „Je suis blessé“, dit-il, „faitez-moi sortir d'ici et arrêtez-le“. Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que ce prince avait toujours une aversion pour un habit rouge; effectivement Ribbing en portoit ici et à Gelse, et on dit, que Gustave a bien souvent fait sentir que Ribbing le tueroit. Il craignoit depuis longtems le mois de mars. Il en a

parlé souvent comme d'une prophétie qu'il avoit tirée d'une vieille sibylle suédoise nommée Arvedson. C'est en partie par cette raison, à ce qu'on dit, qu'il a fini sitôt la dernière diète, et lorsque peu de tems après la scène les ministres étrangers vinrent lui parler, „vous voyez“ dit-il au e-te de Stackelberg, „le mois de mars“. Il est sûr qu'il est difficile de citer un plus grand concours de hazards capables d'accréditer ces sortes de superstition.

Le corps du roi ne sera pas inhumé aujourd'hui comme j'ai dit dans ma lettre; il sera déposé seulement en attendant l'enterrement en règle. On est parvenu à en tirer toute la charge telle qu'Ankarström l'avoit indiquée. Les boyaux quoiqu'intactes étoient gangrenés de la contusion; l'os qui tient au vertèbre étoit brisé, et l'on ne conçoit pas, comment ce prince a pu vivre si longtems.

9.

Je profite d'un courrier, que réexpédie monsieur de Reventlaw pour vous faire parvenir plusicurs informations relatives à l'état des choses d'ici, que je n'avois pas osé confier à notre poste, d'autant moins, que dans la bagarre où nous nous trouvons, elle croit pouvoir se tout permettre vis à vis du public, qui, comme vous savez, est très peu respecté dans ce pays. Elle paraît avoir déjà exercé ce despotisme pendant la dernière diète, car je vois par les lettres de Bozenhard, et par votre dernière, monsieur le comte, que plusieurs des feuilles par lesquelles j'ai voulu, quoique superficiellement, vous informer de ses opérations, ont été égarées. Sans cette licence politique, vous connoitriez, à l'heure qu'il est, assez bien l'histoire de cette fameuse assemblée nationale si pompeusement écrite par quelques

gazettiers soudoyés ou mal instruits, mais qui dans le fond se réduit à fort peu de choses. Je vais vous causer l'ennui d'en récapituler ici avec brièveté les principaux événemens, et vous verrez que les complimens dictés et extorqués à part, Gustave III, malgré son art de mener les assemblées, et nonobstant la complaisance des personnes dont il a su composer la sienne, a eu plus de refus qu'il n'avoit supposés. D'abord il vouloit, que les états se chargeassent de la garantie de 12 millions et demi de viksdalers, dépensés pendant la dernière campagne, en billets de commissariat. Il a fallu qu'il se chargeat lui-même du tiers de cette somme avant que le comité secret voulut plaider sa cause pour le reste près de ses commettans. La seconde proposition, et qui paroît avoir été la principale, a été encore plus mal reçue. Le roi souhaitoit que moyennant une somme de 10 millions à lever tout de suite sur le pays, ou bien à emprunter dans l'étranger, on le mit en état de retrablier la grande flotte pour être à même de défendre le royaume, et de satisfaire, en tout cas, aux engagements contractés avec sa nouvelle alliée. Il eut un refus parfait, et l'on se contenta de lui donner une lettre de crédit d'un million, pour s'en servir dans le cas d'un besoin pressant, ce qui a été d'usage depuis plusieurs diètes. La continuation des contributions extraordinaires, *bewillning*, qu'on peut évaluer à 70 tonneaux d'or par an, lui a été, à la vérité, accordée sans difficulté, et même avec l'avantage, que le 5-me en seroit acquitté en billets de banque (complaisance à laquelle les états ayant garanti la dette ne pouvoient pas se refuser sans injustice); mais par contre, ils ont décliné deux autres propositions: celle d'ordonner à la banque de verser

dans le *riksgald's comptoir*, six cent mille riksdalers par an, à 2% d'intérêt; et celle de lever incessamment sur le pays une contribution de 21 tonnes d'or, qui seroient destinées à fournir aux frais du mariage du prince royale, si le roi jugeoit à propos de le conclure avant la convocation d'une nouvelle diète. On a accordé ce dernier point d'assez bonne grâce, mais on s'est réservé de ne l'exécuter que dès le lendemain de la nôce. Ce en quoi Gustave a réussi du moins auprès des trois ordres inférieurs consiste en ce que ceux-ci ont approuvé une nouvelle loi, imaginée par ce prince, et qui porte: Qu'un particulier, qui a prêté, il y a trois ou quatre ans, à un autre particulier un capital en billets de banque, s'il s'avise de le redemander, doit se contenter, que son debiteur le paie en billets de riksgald, avec 6% d'intérêt. Vous ne sauriez croire, monsieur le comte, combien on se plaint ici de cette ordonnance, et combien on la trouve injuste et propre à miner les fortunes, et à nourrir la haine et la division. On avoit espéré que le roi, vu la sensation qu'elle faisoit à Gelfe, ne la publieroit pas; mais elle parût trois jours après l'assassinat, quoiqu'on avoit dit, que ce prince avoit hésité encore dans la matinée même de ce funeste jour. Je reviens à la diète. Vous savez que la trop fameuse acte de sûreté n'avoit pas été insérée dans le recès de la diète de 1789, qui l'avoit enfantée. Elle devoit donc recevoir cette sanction à celle de Gelfe; toutes les mesures étoient prises pour cela. Le roi se fit prier par une députation des trois ordres de ne pas oublier de mentionner cette loi bienfaisante dans le testament des états qu'il alloit écrire, et ce prince étoit sur le point d'exaucer cette prière, lorsqu'il apprit par monsieur de Ruth, que dans

ce cas-là il ne pouvoit plus répondre des jours de s.m., l'ordre équestre ne respirant à cet egard que la rage et le désespoir. Une telle disposition à la maison des nobles, un certain esprit, qui avoit gagné les clubbs des paysans depuis l'arrivée de monsieur de Bouillé, et enfin la peur du mois de mars, avoit accéléré la clôture de la diète et le retour du roi dans sa capitale, où cependant il n'a pas échappé à sa destinée malheureuse.

Vous connoissez, monsieurs le comte, avec assez d'exactitude les détails de l'affreuse catastrophe qui a arrêté ce prince infortuné dans sa carrière bruyante. Il paroît qu'il a été sur le point de là rendre plus bruyante encore; car le régent son frère vient de contremander tous les ordres, qui étoient déjà donnés au militaire et à la marine et de faire déclarer à monsieur de Stachelberg, que la Suède, vu sa situation présente, se voyoit absolument hors du cas de prendre une part active aux affaires de la France, quels que puissent être les plans concertés sous le règne passé entre les deux cours. Cet aveu d'impuissance, sans humilier le nouveau règne, est certainement une preuve de sa sagesse, et salutaire, on ne peut pas plus, à ce pauvre pays qui a assez de malheurs domestiques à réparer, pour n'avoir pas besoin de s'occuper de ceux des autres royaumes, quelque louable et quelqu'utile au genre humain qu'auroit été, au reste, le dessein du feu roi de contribuer à faire cesser le scandale français. Un autre signe de bon augure est ce qu'on dit ici de 100 tonnes d'or appartenantes au roi défunt, qu'on a trouvées entre les mains de monsieur D'Uglas, et que le duc se propose, à ce qu'on dit, de verser dans la caisse d'amortissement des états, ainsi que d'autres sommes

placées, par ci par là, dans l'étranger. L'abolition du théâtre français et d'autres réformes sont aussi très, goûtables par le public raisonnable. Mais ce même public ne paroît pas approuver la rigueur, avec laquelle on a repris, depuis quelques jours, les interrogatoires des gens impliqués dans le régicide, et des personnes simplement suspectes. Il l'est encore moins de la manière illégale, dont se font toutes ces perquisitions par un tribunal incompétent, et qui ne paroît pas trop consulter le code. On arrête tous les jours des innocents sur des simples dénonciations des délateurs attirés par la récompense d'une forte somme, et après les avoir maltraités, diffamés, après avoir plongé leurs familles et leurs connaissances dans la frayeur et dans la tristesse, et après avoir motivé de fausses couches, des apoplexies, des maladies et des saignées, on les relâche, sans la moindre excuse, et sans punir les faux délateurs et les faux témoins. Les gens, amis de la tranquillité s'étoient flattés de voir finir toutes ces horreurs, comme il y avoit un moment d'apparence. Onn croyoit que le gouvernement se contenteroit de punir les plus coupables, et qu'il jetteroit plutôt un voile sur le reste, que de chercher des vérités redoutables, qu'il vaut mieux ignorer que de savoir; mais on s'est trompé là-dessus. La police est plus en mouvement que jamais; tout le monde craint de tomber entre ses griffes. On ne voit que la consternation sur les visages, et Dieu sait où cela va finir. Pechlin, que les criminels nomment leur chef, à ce qu'on nous dit, mais qui jusqu'ici a tout nié, a été mis ces jours-ci à la torture abolie par Gustave III même. Ankarström aura la main et la tête coupée, mais auparavant il sera fouetté publiquement à plusieurs reprises-prélude, dont la loi

n'e dit pas le mot. Les autres attendent encore leurs sentences. On prévoit aisément qu'elle ne sera pas douce. La noblesse qui apparémmment croyoit de mériter la protection du gouvernement en prêtant serment sur l'acte de sûreté, se voit méprisée, pérsecutée, insultée. La canaille triomphe, et il me paroît de voir de loin la tête hideuse de la democratie la plus effrénée, qui se lève pour établir sa domination d'abord sur cet ordre infortuné, et puis sur le gouvernement. Il est inconcevable que l'exemple de la France ne frappe pas ceux, qui, par des raisons momentanées, s'avisen de remuer et d'armer une classe d'êtres, qui ne peuvent jamais trop ignorer leur pouvoir. Pour comble des malheurs, voilà le comte de Munk disgracié, arrêté chez lui, et dépouillé de tous ses ordres et de tous ses emplois, furieux, faisant le méchant, et disant des choses qui ne peuvent pas être redites impunément.

Je vous raconterai l'histoire de ce gentilhomme, telle comme la compte ici. Il a acheté une grande terre en Finlande nommée Jockis; pour la payer il avoit envoyé un Juif à Abo, chargé de la somme en billets de commissariat, connus sous le nom de *Jahnhjelmar*. On les trouva tous faux: ils étoient si neufs, que par l'encre ils tenoient encore les uns aux autres. On arrêta le juif, et l'on denonça la chose au gouverneur de la Finlande, m-r de Klingspore, qui alors se trouvoit ici, commandant de la ville, pendant que le roi étoit à Gelfe. Klingspore en parla à Munk, que le Juif avoit nommé comme celui à qui appartenoient les billets faux. Munk ne nia pas de les avoir donnés au Juif; mais il ajouta, qu'il les a reçus en payement l'une dette de la part d'un homme, qu'il ne pourroit amais nommer, dût-il être haché en pièces. On parla

beaucoup de cette affaire pendant quelques jours; mais la dictée de Gellé, et puis l'assassinat du roi, sa mort, son enterrement, enfin des affaires d'un intérêt majeur, nous l'avoient fait perdre de vue et oublier. Elle vient de reparoître et avec des détails, qui ne peuvent absolument pas être confiés au papier. Le comte de Munk, accusé d'avoir enfin nommé son homme, a été obligé de se retracter en présence du régent et de mrs d'Armsfeld et Taube, et condamné à payer les 60 milles riksdalers, nécessaires pour anéantir les billets, qu'il étoit sur le point de mettre en circulation. On dit qu'il va sortir du pays, et d'autres prétendent qu'il n'en aura pas la permission.

Il me reste encore à vous parler, mons. le comte, du fameux testament du feu roi, et de son codicille. Je vais vous le communiquer en extrait, et d'abord je vous dirai que l'un est du 19 mai 1780 et l'autre du 1 juin 1789. Par les deux instrumens le duc Charles a été constitué tuteur du jeune roi, et seul régent pendant sa minorité. Le § 2 du testament porte que toutes les expéditions se feroient au nom du roi, mais qu'elles seroient signées par le régent. Le § 3 enferme la formule du serment du régent; il s'y engage de maintenir la constitution de 1772. et l'acte de sûreté de 1789. Par le § 4 du codicille la majorité du roi est fixée à l'âge de 18 ans, tandis que le testament la remettoit à celui de 21 ans. S. a. r. le duc est prié par l'article 5 du codicille, de marier le nouveau roi à l'âge de 17 ans avec une princesse d'extraction royale. Les 4 et 5 § du testament enjouinent au jeune roi d'assister à tems aux délibérations et aux séances des conseils et des collèges, sans cependant avoir une voix décisive. Le 14 § du même testament exhorte le

régent de ne convoquer les états que dans les cas de la plus grande nécessité, et lui recommande de ne pas permettre qu'on empiète sur les jura majestatis, et de ne jamais consentir à ce qui pourroit mener à une diminution ou à un partage du pouvoir royal.

„Et nous nous réservons“ continue sa m., „de la manière „la plus forte, et en notre qualité d'avocat naturel de „notre fils, que tout ce qui pourra déranger, diminuer „et partager ses droits légitimement hérités doit être „regardé comme non-avenu, et le roi mineur pourra „et devra le reprendre de toute manière, aussitôt qu'il „sera parvenu au trône. Il doit en attendant ne pas „cesser de réclamer cette notre protestation, comme „nous la réclamons dès à présent aux yeux du Tout- „Puissant et de tous les habitans de la Suède“. Mais le codicille porte défense expresse au régent de convoquer les états pendant la minorité du roi, „parce que“, écrit „sa majesté, „dans les circonstances présentes du royaume, ou par l'ambition de quelques grands, et par „les intrigues secrètes de nos ennemis, l'esprit de désunion a été reproduit, la convocation des états pourroit ammener les suites les plus dangereuses pour „l'indépendance du royaume, pour l'autorité royale et „pour cette balance que nous avons établi entre les „quatre ordres, et pourroit donner une occasion favorable à l'ambition aristocratique de reparoître aux „dépenses du citoyen“. Le douaire de la reine est fixée dans le testament à la somme annuelle de 6666 riksdalers et 32 schelins.

Je suis persuadé, qu'étant si bien instruit de la situation de ce pays et n'ayant pas de peine de prévoir son sort à venir, vous ne pourrez pas vous empêcher de plaindre ceux de vos amis, qui ont eu pour leur

partage la nécessité d'y vivre. Vous plaidrez surtout ceux, à qui un long séjour a fait former des liaisons, et qui ne peuvent pas voir avec l'indifférence d'un simple spectateur les événemens funestes et lugubres qui se passent et qui vont se passer ici. Nous savez ce que c'est que de vivre à Stockholm. Cependant nous sommes parvenus à regretter les tems que vous avez vus, et qui certainement n'étoient pas agréables à aucun égard. Je ne veux pas anticiper sur votre imagination; elle vous peindra, aidée de votre coeur sensible, la misère, la tristesse, le désespoir qui nous entourent, et auxquels avec un peu d'humanité on ne peut pas s'empêcher de prendre part, surtout si l'on a été assez à portée, pour voir les vraies causes des calamités, qui afflignent ce pauvre pays et la saine partie de ses habitans.

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА БАРОНА ИГЕЛЬТРОМА.

(1794).

Объясненіе положенія генераль-аншефа барона Игельштрома въ Варшавѣ и случившихся при бывшей тамъ революціи несчастныхъ приключений и погрѣшностей со стороны подчиненнаго ему войска.

Положеніе генераль-аншефа барона Игельштрома въ Варшавѣ было столь критично, что чего бы онъ ни предпринялъ сжели неудачливо кончилъ бы оное, всегдабы подвергнуться могъ осужденію и нареакцію. Что онъ совершило предувѣренъ быть въ томъ, что въ Варшавѣ воспослѣдуетъ революція, то свѣдомо кабинету Ея Императорскаго Величества изъ многихъ ево донесеній; но поелику самъ король Польской, и съ нимъ почти всѣ изъ первѣйшихъ въ государствѣ особъ имѣли участіе въ семъ злонамѣреніи, онъ не былъ и никогда не могъ быть въ состояніи знать день открытія революціи, и кто въ оной будетъ первыми дѣйствующими лицами. Къ сохраненію же сего въ тайнѣ наиболѣе способствовало, что полиція Варшавская и находившаяся тамъ воинскія команды состояли въ заговорѣ. Вѣдавъ однако неминуемое событие возмущенія, онъ не оставилъ благовременно обмыслить и опредѣлить предположенія, способомъ

коихъ бы удержать спокойствие. Судилъ онъ тогда, да и теперь по минованиі же всего несчастнаго приключенія, утверждается въ мнѣніи, что предложали ему три предохранительныя средства, изъ коихъ слѣдовало одно избрать. Были они:

Первое. Чтобы овладѣть арсеналомъ, обезоружить Польскія войска, въ Варшавѣ бывшія, и раззорить ретраншементъ, состоящій окружъ порохового погреба, существующаго быть при томъ на воздухъ взорваннымъ. Дабы все сіе удачливо совершиТЬ, нужно было съ одно времѧ предпринять пять атакъ, а сверхъ того занять войсками всѣ главныя улицы въ Варшавѣ, для возбраненія черни стекаться и составлять многочисленныя толпы. Также слѣдовало бы увѣриться въ королевской особѣ, подъ предлогомъ охраненія ея; ибо достовѣрно извѣстно было, что его величество есть скрытный устроитель всего зла. Не было возможности собрать столько войска, дабы на все то покушаться. Ко взятию арсенала нужно было бы употребить не менѣе двухъ баталіоновъ; для порохового погреба одинъ; противу коронной гвардіи имѣвшей, по показаніямъ гетмана Ожаровскаго, подъ ружьемъ двѣ тысячи человѣкъ—три баталіона; къ атакѣ артилерійскихъ казармъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до шести сотъ человѣкъ—два баталіона; противу полка. Джалинскаго состоявшаго въ тысячу пяти стахъ человѣкахъ—три баталіона; по разнымъ мѣстамъ города—шесть предъ королевскимъ замкомъ—два. Всего для предпріятія сего потребно было бы девятнадцать баталіоновъ. Ихъ скопить не было средства. Конницы и артилеріи имѣлось достаточное число. Положимъ, что обстоятельства позволили бы приступить къ сему мѣропріятію и совершиТЬ оно счастливо: тогда король, всѣ чужестранные министры и всѣ вообще Варшавскіе обыватели обвинили бы барона Игельштрома предъ высочайшимъ престоломъ Ея Импера-

торского Величества въ томъ, что онъ употребилъ насилие безъ малъйшей надобности, удостовѣряя при томъ, что всѣ Варшавскіе жители были совершенно спокойны и одни лишь пустыя разглашенія дѣлали ихъ подозрительными. Сіи отзывы и безъ того уже ежедневно были преподаваемы отъ короля, министровъ Польскихъ и полиціи Варшавской. И такъ бы и при счастливомъ дѣла окончаніи остался бы баронъ Игельштромъ виновнымъ.

Второе. Вывести изъ Варшавы всѣ наши войска и расположить ихъ лагеремъ близъ города. Намѣреніе было сіе сдѣлать, однако не прѣдѣле какъ въ то время, когда изъ поднѣчаства Костюшки приближится къ Варшавѣ часть па мятежъ уклонившагося Польскаго войска; ибо полагали и предвидѣли мы себя довольно сильными сохранить внутри Варшавы порядокъ и тишину тогда, когда подступятъ къ оной мятежники. А чтобы прежде того вывести наши войски, суждено было не только неумѣстнымъ, но и опаснымъ и вреднымъ, бывъ несомнѣнно предувѣренъ, что лишь только выступятъ наши войска въ тотъ же часъ революція въ Варшавѣ воспріиметъ начало; поелику всѣ непремѣнного совѣта и другихъ разныхъ судебныхъ мѣстъ члены, къ намъ приверженные, разъѣхались бы, правленіе всякое разрушилось бы, и злонамѣренные, одержавъ поверхность и учинясь властителями, начали бѣ безвозбранно основывать и утверждать пагубную систему свою, чему изъ лагеря нельзѧ бы было воспротивиться, и тогда баронъ Игельштромъ былъ бы укоряемъ, что чрезъ выводъ нашихъ войскъ далъ Варшавскимъ жителямъ свободу возмутиться.

Третье. Оставить наши войска внутри Варшавы и ими, доколѣ возможность позволить и не подойдутъ мятежныя

Архивъ Князя Боронцова ХХV.

Польскія войска, возбранить жителямъ имѣть удачу въ начинаніи революціи.

Придержался баронъ Игельштромъ послѣдняго его способа преимущественнѣе прочихъ, имѣвъ во вышнеизъясненному въ предметѣ, дабы непремѣнныи совѣтъ и прочія комиссіи разъѣздомъ ихъ членовъ не разстроились, и чтобы теченіе установленнаго правленія до самой крайности продолжалось. При томъ ожидалъ онъ ежечасно извѣщенія, чтобы Прусскій генераль-поручикъ Шверинъ, согласно съ данными обѣщаніемъ и многими сильными увѣреніями, при содѣствіи пашихъ войскъ, предпринялъ на Костюшку наступленіе и паничесь ему пораженіе. Могъ бы генераль-маіоръ Денисовъ и безъ помощи Прускихъ войскъ въ томъ успѣть, имѣя въ командѣ своей достаточно воинскихъ силъ; но не хотѣль баронъ Игельштромъ совершеніе сего важнаго предпріятія подвергнуть хотя малому сомнѣнію, и потому предложено отъ него было генераль-маіору Денисову не вступать въ бой безъ дѣйствія Прускихъ войскъ. А когдаѣль случилось, какъ упоминали, что Костюшка быль бы разбитъ, тогда въ Варшавѣ не осмѣлились бы ничего предпринять. При сихъ видахъ генераль баронъ Игельштромъ, имѣя въ Варшавѣ девять баталіоновъ пѣхотнаго войска, шесть ескадроновъ коннicy и тридцать восемь орудій полевой и полковой артиллеріи, а близъ Варшавы въ двухъ баталіонахъ Прусской пѣхоты и осми ескадронахъ коннicy полагая до двухъ тысячъ войска (хсты послѣ и обнаружилось, что не болѣе семи сотъ человѣкъ ихъ было), онъ считалъ себя довольно могущественнымъ удержать въ Варшавѣ тишину и порядокъ. Да успѣль бы въ томъ безъ сомнѣнія, есть ли бы въ день открытія революціи не случились разныя ошибки и несчастливыя приключенія, разстроившія движенія и дѣйствія подчиненнаго

ему войска. Признать должно несчастливыми приключениями:

Первымъ, что баталіонъ гренадеръ, при коемъ находился артиллеріи генераль-маіоръ Тицевъ, вскорѣ по смерти его (при самомъ почти началѣ мятежа отъ пушечнаго ядра ему причинившійся) сдался весь безъ остатка военнопленнымъ. Вторымъ, что господа генераль-маіоры Милашевичъ и Фанть-Сухтеленъ были ранены, а полковникъ князь Гагаринъ убитъ, по случаю чего командуемые ими баталіоны, оставшиесь о продолженіи боя въ первоимости, отступили за городъ.

Погрѣшности послѣдовали слѣдующія:

Первая. Господа командиры баталіоновъ, при коихъ не находился никто изъ генераловъ, хотя и стали въ свое время по сборнымъ мѣстамъ, а имѣли генеральныя приказанія при случайнѣ тревоги атаковать мятежныхъ толпы на нась стремящіяся и стараться очищать улицы и проходить къ срединѣ города, гдѣ была квартира главнокомандующаго (а онъ предоставилъ себѣ начальство) не рѣшились безъ подтверждительнаго повелѣнія вступить въ дѣйствіе, а послали лишь нарочныхъ съ рапортами, что они по сборнымъ мѣстамъ стоять въ готовности и ожидаютъ повелѣнія чтò имъ дѣлать. Изъ сихъ посланныхъ ни одинъ не доѣхалъ до кого-либо изъ генераловъ. Не получая отвѣта, неотложный они имѣли долгъ сами собою поступить къ дѣйствіямъ, открыть себѣ дорогу и домогаться соединенія съ главнымъ начальникомъ, чтѣ и сдѣлали маіоры Титовъ и Вимпфентъ, безъ всякаго позыва до главнокомандующаго пробившіеся, но прѣткіе не разсудили выполнить сюю обязанность.

Вторая. Въ самое то время, когда полковникъ князь Гагаринъ съ баталіономъ наступалъ на Польскій полкъ Джалинского, порывающійся пройти въ средину города, въ тылу сего полка на-

ходился баталіонъ егерей подъ начальствомъ подполковника Клюгена. Сей, слышавъ и видѣвъ ведомую на Польское войско атаку, оставилъ напасть на оное съ тылу, ожидая все повелѣнія о томъ отъ начальства, съ коимъ не былъ въ связи; а паконецъ, когда Поляки на него уже начали наступать, вышелъ за-городъ, имѣвъ не болѣе двухъ егерей раненыхъ. Сей образъ мыслей, чтобы ничего не предпринимать безъ наставлениія начальства, довѣръ паконѣцъ, какъ помянутый егерскій баталіонъ, такъ и еще три баталіона Сибирскаго и одинъ Кіевскаго греко-католическихъ полковъ, четыре эскадрона легкой конницы и двадцать шесть орудій полевой и полковой артиллеріи до того поступка, что они въ самый первый день революціи, по простояніи пѣсколькоихъ часовъ неподвижно, вышли за городъ.

Третіе. Двѣ тысячи семь сотъ человѣкъ войска, и при нихъ двадцать шесть пушекъ, по отступленіи въ поле, слышавъ, что послѣ ихъ выхода изъ города еще двадцать четыре часа безпрерывно продолжалась тамъ стрѣльба и знала, что главной ихъ начальникъ съ четырьмя баталіонами находится въ бою (ибо не могло имъ быть закрыто сіе, поелику въ противномъ случаѣ сраженіе въ городѣ прекратилось бы и изъ недостающихъ четырехъ баталіоновъ кто ни есть присоединился бы къ нимъ же) не только не возвратились всѣ вообще въ городъ, но напослѣдокъ совсѣмъ удалились изъ онаго. Прускія войска, бывъ равномѣрно подъ самыми городомъ и слышавъ и видѣвъ пропеходящее тамъ сраженіе, по несчастію также ни разу не покушались занять хотя бы единую внутри Варшавы улицу. А паконецъ, въ постыдное пашихъ войскъ упреканіе, должно признаться, что изъ тѣхъ баталіоновъ, кои при главнокомандующемъ находились, знатное чи-

ело людей бросились на грабежъ ослабили тѣмъ фронтъ и
своевольно, наконецъ, сами погибли.

Смѣло увѣрять можно, когда бы не случилось все здѣсь
изображенное, спокойствіе и порядокъ въ Варшавѣ безсомнѣни-
но были бы возстановлены, и мы бы устояли тамъ. Хотя же
войскъ нашихъ было бы тамъ и болѣе, но случились бы по-
добныя же погрѣшности, и дѣло кончилось бы столько же не-
счастливо.

Когда бы предметъ барона Игельштрома въ Варшавѣ былъ
только тотъ, чтобы сохранить цѣлость войскъ нашихъ, всѣ же
прочія заботы и наиболѣе ту, дабы вредная всему свѣту Яко-
бинская система не укоренилась тамъ, могъ бы отложить и
не вступать для сего въ сраженіе, онъ бы безпрѣсловно
поступилъ лутче, еслибы съ подчиненными ему войсками
выступилъ благовременно. Но его желаніе и стремленіе кло-
нилось къ тому, чтобы до самой крайности удержаться въ
Варшавѣ, и устоять, доколѣ возможность позволить въ томъ,
дабы порядокъ и тишина не были бы совсѣмъ тамъ опро-
вергнуты.

Показанія сіи основаны на истинѣ; предметъ ихъ отнюдь
не тотъ, дабы оправдывать во всякомъ случаѣ предосторож-
ности придерживающагося и многими знаменитыми услугами
отечеству отличившагося мужа, но чтобы публикѣ, его осу-
ждающей, преподать только нѣкоторое познаніе, что онъ болѣе
несчастливъ нежели виновенъ, и достопримѣръ сожалѣнія, вмѣсто
пониженія.

Свободныя мысли гражданина Пожилаго и отечество свое любящаго.

Вообще жалуются у насъ на форму суда; по сія жалобы, кажется, цесправедливы, и форма суда сама по себѣ хороша и написана съ великимъ размышленіемъ, а дурное употребленіе ея въ частяхъ, по безконечнымъ справкамъ; дурнѣ же и того безразборное вездѣ и на всякихъ случаи присвоеніе.

Чтò, напримѣръ, можетъ быть святѣе порядка, установленного въ судѣ для обезпеченія тѣхъ, кои чѣмъ ни есть владѣютъ по наслѣдству или другому какому праву, дошедшему до нихъ извѣстною дорогою? Чтò же предосудительнѣе и несноснѣе для обиженнаго, какъ присвоивать форму суда тамъ, гдѣ соперникъ похитилъ у меня наглостю и насилиствомъ все мое владѣніе или часть онаго?

Весьма часто отнимаютъ у насъ по соображенію другъ у друга земли. Къ возвращенію ихъ тому, кто ими владѣлъ, не надобна форма суда, а надобны тутъ: 1) немедленное правительству на срокъ объявление о захватѣ; 2) немедленное же отъ правительства освидѣтельствованіе чрезъ понятыхъ, подлинно ли такой захватъ учиненъ; 3) безпосредственно за

гъмъ отдача прежнему владѣтелю всего у него отнятаго; а напослѣдокъ 4) дѣйствительное и въ законахъ опредѣленное наказаніе обидчику за его самовластный и дерзкій поступокъ, съ предоставлѣніемъ ему однакожъ свободы искать въ судѣ обыкновенною формою того, на что онъ право имѣть можетъ или думать.

Собственность должна быть неприкасновенна вездѣ и во всякое время. А какъ дѣйствительное владѣніе изъявляетъ право собственности, то и требуетъ уже общее блаженство, чтобы оно не ишако могло быть отмѣнямо или уничтожаемо, какъ по точномъ и ясномъ въ судѣ доказательствѣ установленною формою, что владѣтель пользовался чужимъ, а не своимъ добромъ, слѣдовательно же что и право его собственности было не законное, а похищенное.

Впрочемъ не то общество прямо благоденствуетъ, которое имѣть мудрые и хорошия законы, но то, въ которомъ единожды установленные, хотя бы въ сравненіи и гораздо посредственнѣе были, вѣрно, скоро и точно исполняются.

Свидѣтельствуетъ о сей истинѣ неоспоримымъ образомъ республика Польская. Законы ея были сами по себѣ и по словесному своему гласу очень хороши; но какъ не было при нихъ точнаго и строгаго исполненія по причинѣ неустройства въ законодательной власти, то-есть въ самомъ источнике государственного зданія, то и видѣли мы донынѣ сю, отъ естества всѣми благами щедро одаренную, обширную и отчасти многолюдную землю во всегдашней бѣдности, во всегдашихъ внутреннихъ волненіяхъ и во всегдашнемъ порабощеніи отъ окрестныхъ державъ, кои напослѣдокъ лучшія ея провинціи между собою раздѣлили, безъ всякаго отъ республики сопротивленія, не потому чтобъ въ духѣ Поля-

ковъ не было мужества и истинной храбрости, но потому что множество рукъ безъ головы ничего не значать.

Многіе у насъ называютъ Польшу богатою, потому что нѣкоторые изъ тамошнихъ вельможъ имѣютъ чрезвычайно великіе доходы и что сверхъ того видали они еще въ Варшавѣ знатнѣе дейженное обращеніе; но сія мечта скоро изчезнетъ, если посмотрѣть разсудительнымъ окомъ.

А^ЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГИ
АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Абазадце 182.
Аблай-салтанъ 295.
Августинъ король Польскій 78.
Августъ принцъ 321.
АвгустъIII-й 430.
Аврамовъ Мих. 149—159.
Ададуровъ 423.
Аксаковъ 139, 142, 143.
Александръ I-й 454.
Алексѣй Михайловичъ царь 7,
340.
Алексѣй Петровичъ царевичъ
11, 12.
Алексѣй Федоровичъ царь 181.
Альгренъ 476, 478.
Альценгеймъ 72.
Амилахоровъ князъ 178, 179.
Амурсананъ 293.
Андреевъ Михей 386.
Андреевъ Як. 388.
Анкарстремъ 473—490.
Анна Іоанновна императрица 25,
26, 28, 33, 35, 48, 59, 63, 81—
120, 346, 348, 362, 363.

Анна Іоанновна царевна 11, 20,
21, 23, 24.
Анна Леопольдовна 23, 26—29,
31, 33—37, 40, 44—47, 49, 71,
72, 79—120, 415.
Анна Петровна герцогиня Гол-
штинская 49.
Анна Петровна царевна 12, 16,
17, 19.
Антонъ-Ульрихъ принцъ Браун-
швейгъ-Вольфенбютельскій-Бевери-
скій 26, 29, 33—35, 46, 47, 60,
81—120, 123—136.
Апостолъ гетманъ 348.
Апраксина Мареа Матвѣевна 8.
Апраксинъ графъ Федоръ Матвѣ-
евичъ 8, 78, 126 128, 129, 132.
Арбузовъ Филип. Семен. 385.
Арведеонъ 486.
Арихельдъ бар. 474—492.
Аргамаковъ 86.
Ашъ баронъ 429.
Асанасій митропол. Грузинскій
178—182.

- Санаровичъ Грузинскій принцъ
Ал—дръ 175.
- Баумансъ
Бауманъ
Бе
Бенгтъ маркзъ 416, 423.
- Бассевичъ графъ 17, 61.
- Батый 351.
- Безбордко графъ 464.
- Безобразовъ Мих. Вас. 140, 141,
- 147
- Безпалый 356.
- Бейсъ 72.
- Бекерсъ баронъ 401, 403—405,
- 413.
- Бель-Иль (де) маршалъ 68, 73.
- Бергельмъ ятагъ 62.
- Бергсма 264.
- Берки кардиналъ 401.
- Бернсдорфъ баронъ 320.
- Бестужева графиня Аниа 49.
- Бестужева графини 163, 168.
- Бестужевъ-Рюминъ графъ Алек.
- Петр. 33, 50, 89, 90, 93, 98,
104, 111, 114, 118, 119, 184,
182, 192, 200, 262, 340—350,
392—399.
- Бестужевъ Мих. Пётр. 65, 68,
71, 77, 78, 160—169.
- Бибиковъ 268.
- Біелне 66, 77, 478—480.
- Бюркманъ 476, 485.
- Бисмаркъ 90, 109.
- Биронъ герцогъ Курляндскій 23,
26—34, 60, 61, 79—120, 266.
- Биронъ Густавъ 61.
- Биронъ Карлъ 90, 93.
- Бишингъ З.
- Бокумъ 66.
- Боргенштирина 483.
- Боркъ 320.
- Ботта (де) маркизъ 36, 61, 71,
72, 104, 111, 133, 163, 170—172.
- Бранхель баронъ 69, 70.
- Браге бар. 478, 481.
- Брауништакая графиня А. В. (пись-
ма Екатеринѣ II къ Ал—дръ 478
- Браунишвейгская принцесса 27.
- Браунишвейгскій герцогъ 75, 76.
- Браунишвейгъ-Люнебургскій гер-
цогъ 71.
- Бревернъ (фонъ) 75.
- Бриль графъ 71.
- Бройдорфъ 226.
- Бруховецкій 356.
- Брунъ гр. Ю. Ю. 469—471
- Брюммеръ 113, 114.
- Брюсь графъ 75.
- Брюсъ графиня Н. А. 425.
- Буденеръ 264.
- Булгаковъ Я. И. 463.
- Булгаковъ Никол. 390, 391.
- Булье 484, 489.
- Бутлеръ 70.
- Бутурлинъ Ал—дръ Борис. 200,
- 382.
- Бутурлинъ Ив. Ив. 15.
- Бюренъ Густавъ 98, 102, 109.
- Валленштирина 480.
- Вальквистъ чинск. 132.
- Басильевъ Прокоф. 386.
- Васильчиковъ 455.
- Васютка 356.
- Вахтенданъ баронъ 403.
- Вантмейстеръ 474—476.
- Вешняковъ 77.
- Виговскій Ив. 355, 356.
- Виллеборнъ 137, 138.
- Вилленевъ (де) маркизъ 72, 74,
- Вильбуа 257, 260.
- Вильямъ 274.
- Вумифенъ 499.
- Владиміръ великий князь 350,
353.
- Владиславъ королевичъ 4.

Волковъ Д. В. 200, 201, 265, 271.
Волконская княгиня Аграфена Петровна (рожд. Бестужева) 59.
Волконский князь Никита 59.
Волконский князь 260.
Волконский князь 416.
Волконский кн. М. И. 424.
Елизавета Вас. Григ. 385.
Больтеръ 423, 431.
Волынский 73, 74.
Воронцова графиня Елис. Ром. 260, 268, 271, 414, 419, 422.
Воронцовъ гр. А. Р. 432—436.
Воронцовъ графъ Ив. Лар. 213.
Воронцовъ графъ Мих. Лар. 43, 44, 101, 104, 114, 115, 166, 170, 181, 214, 216, 231, 251, 272—312, 334, 400, 418 (28 Юля 1762 г.).
Воронцовъ графъ Ром. Лар. 212, 215.
Вратиславъ графъ 77.
Вреденъ баронъ 401, 403.

*

Гагаринъ князь Вас. 391.
Гагаринъ кн. Ф. С. 499.
Гакстгаузенъ графъ 286.
Гакъ баронъ 406.
Галданъ-Черень 142.
Гальба 264.
Гатлей 71.
Гауфельдъ графъ 406.
Гедеминъ 351.
Гейкинъ баронъ 65.
Гейсонъ 69.
Гейнцельманъ 69, 72.
Геловановъ князь 182.
Гель 485.
Гереншурнъ 236.
Горъ 481, 485.
Гессенъ - Гомбургская принцесса 103.

Гессенъ-Гомбургскій принцъ 46.
Гайдамаштеръ Кондратій 62.
Гльюовъ 268, 312.
Гнѣзенскій 356.
Гобиль 72.
Гоголь Останъ 356.
Годуновъ-Борисъ царь 5.
Голицъ 71.
Голицынъ кн. А. М. 418.
Голицынъ князь Василій Васильевичъ 6.
Голицынъ кн. Мих. 21, 66, 77,
Голицынъ князь Пётръ 233, 284, 382.
Головинъ Григор. 201.
Головкинъ графъ Мих. 33, 35, 36, 43, 48, 49.
Головкинъ графъ Ал-дръ Гавриловичъ 64, 69, 70, 102, 104, 107, 109.
Голохвастовъ Ал-тъ 388, 389.
Голштинскій герцогъ епископъ Любекскій 18, 34, 36.
Гольцъ баронъ 128, 135, 268, 336.
Гольштейнъ-Венкъ принцъ 259.
Гонзети 69.
Гордтъ 266.
Горнштадтъ 476.
Гарнъ графъ 476—485.
Гослангъ графъ 405.
Гохгольцеръ 27.
Гошпье 264.
Гриневъ Ал-тъ Стап. 384.
Гринштейнъ 42.
Грушевская Агафья Семеновна 7.
Гудовичъ Андр. Вас. 419.
Гудовичъ 271, 464.
Густавъ III-й 455. 472—494.
Густавъ Адольфъ 481.

*

Дараганъ 222.
Даревскій 66.

- Дашкова княгиня Ек. Р. 260, 268, 422, 423.
Деаверь графъ 17, 262, 423.
Делатуръ 220.
Де-ла-Сонче 236.
Денисовъ ген. М. 498.
Депинъ Конст. Ив. 384.
Дещинъ 356.
Джалинскій 496, 499.
Диреронъ капитанъ 103.
Дидерстъ 443, 459, 460
Дильботъ 72.
Дискау 72.
Долгорукая княжна Екатерина Алексѣевна 19.
Долгорукая княжна Марія Владімировна 7.
Долгорукіе 108.
Долгорукій князь Василій Лукичъ 19, 21.
Дондукъ-Омы 297.
Дорошенко Вас. 356, 358.
Драгиничъ 356.
Дубровинъ Маркъ 63.
Дугласъ 489.
- *
- Евдокія Александровна княжна Суздальская 5.
Екатерина-я 12—17, 33, 85, 150.
Екатерина II-я 48—50, 112, 113, 229—238, 255—271, 313—349, 382—399, 414—437—464, 471.
Екатерина Антоновна принцесса 45, 99.
Екатерина Ивановна царевна 11, 23.
Елагинъ Ив. Шерф. 425.
Елизавета Антоновна принцесса 47.
Елизавета принцесса Ангальтъ-Цербская (мать Екатерины II-й) 112, 229—238.
Елизавета Петровна императрица 12, 17, 18, 34, 36—58, 40—46, 48—50, 79—120, 123—136, 139, 170, 172, 177, 178, 181, 183—200, 203, 206—211, 215—247, 259, 272—312, 332, 342, 343, 392, 398, 415, 454.
Ермоловъ 455.
Есиповъ Никол. Афанас. 384.
- Жоржъ принцъ Голштинскій 255, 259, 414.
- Завадовскій графъ П. В. 455.
Завишъ графъ 77.
Захаринъ Романъ Юрьевичъ 5.
Зоринъ 455.
Зубовъ 455.
Зюдерманскій герц. 474, 476.
- Ивановъ Семенъ 69.
Игельштромъ баронъ 495—501.
Игнатовичъ Демьянъ 356.
Измаиловъ Мих. 418, 419.
Ираклій 178.
Искра 356.
- *
- Іоанна Елизавета принцесса Ангальтъ-Цербская 229—238.
Іоаннъ Алексѣевичъ царь 9, 11, 20.
Іоаннъ Васильевичъ царь 5.
Іоаннъ III-й императоръ 29—30, 32, 34, 44, 45, 47—49, 70—120, 141.
Іонісъ 491.
Іосифъ II-й 450.
- *

Казимир IV-й 352, 353, 357.
Каніоній 70, 71, 76.
Кантемиръ князь Антіохъ 70,
71, 78.
Карлъ принцъ 482, 492.
Карлъ герцогъ Вальфенбютель-
скій 60, 72.
Карлъ Петръ Ульрихъ герцогъ
Голштинскій (Петръ Федоровичъ)
40, 49.
Карлъ Фридрихъ герцогъ Голш-
тинскій 16, 19.
Карлъ VII-й 39, 403.
Карлъ XII-й 62.
Карлъ принцъ Цвейбрюгскій
402, 411.
Карлъ Филиппъ принцъ Швед-
скій 5.
Науминъ графъ 404.
Каширинъ Вас. 386.
Кейзерлингъ баронъ 66, 70—72,
76.
Кейзерлингъ графъ 414, 425—
428.
Кейтъ 68—70, 78, 103, 284,
335, 393.
Кетлеръ баронъ 167.
Климентъ·Францискъ 411.
Клопманъ 66.
Клингспоръ 491.
Клюгенъ, подп. 500.
Нозловскій князь Петръ 391.
Козыревъ Ив. 433, 435.
Кокенъ графъ 75.
Коливанъ 120.
Колчакъ 72.
Кондыревъ Ив. 62.
Контешъ 120.
Корсаковъ 455.
Корфъ 66—68, 259.
Костюшко 497, 498.
Крамъ 60.
Кристина Луїза 60.
Крыжановскій 217.
Куницкій 356.
Курачинъ кн. 84, 111, 420.

Куринъ, бар. 476.
Кутузовъ Петръ 386, 387.
Кушелева Екат. Ив. 462.
Кушелева Елисав. Дмитр. 462.
Кушелевъ Ив. Ив. 462.

Лагерфліртъ 75.
Лангъ 78.
Ланская Авд. Дм. 464.
Ланской 455, 461—464.
Ланчинскій 68, 71.
Лафайстъ 484.
Лафонъ 206, 207.
Левандаль 70.
Левашовъ 69, 78.
Левенвольде графъ 23, 24, 26,
29, 36—38, 49, 77, 84, 91, 96,
102, 107, 109.
Левенгауптъ графъ 100, 103.
Леонтьевъ 70.
Леопольдъ II-й 478.
Лессій графъ 46, 67, 68, 70.
Лестокъ графъ Германъ 18,
38—46, 101, 104—106, 110, 111,
114, (арестъ) 121—136.
Лефортъ 69, 76.
Лещинскій Станиславъ 67.
Лжедмитрій первый 4, 6.
Ливенъ 66.
Лизогубъ 348.
Лілленгорнъ, Понтусь, 474,
484, 485.
Лінтаръ графъ 36, 65, 71, 102,
226.
Лопухина Евдокія Феодоровна 10,
11.
Лопухина Наталья 49.
Лопухинъ Степанъ 49, 88, 102.
Лоуджанджанъ 283.
Лунинъ Мих. Купріян. 215.
Лутовиновъ Ал—'й 390.
Лутовиновъ Петръ 387, 388,
389, 390.
Любомирскій 68.

Любрасъ 71, 72, 78.
Людовинъ XIV-й 438.
Людовикъ герцогъ Брауншвейг-
скій 72.
Людовикъ король Французскій
62.
Людольфъ гр. 472.
Людвигъ принцъ Брауншвейг-
скій 286.
Людвигъ принцъ 98—100, 102,
103, 105, 107, 109.

Мадонисъ 105.
Мазепа 347, 355, 356.
Макаровъ 63.
Макеевъ князь Семенъ 178,
179, 182.
Мамоновъ 455.
Манзей 265.
Манштейнъ 34, 88, 92, 93.
Мардефельдъ баронъ 65, 72,
75, 76, 173.
Марія Алексѣвна царевна 7.
Масловъ Ал—ѣй Ант. 385.
Матюшинъ Дмитр. 146.
Махмудъ I-й 307.
Мацневъ Семенъ 76.
Мезецкій князь 6.
Мекленбургскій герцогъ 71.
Мелесино 257.
Мельгуковъ 271.
Менгденъ баронесса Аниа Ав-
рора 38.
Менгденъ баронесса Юліада 45,
46, 84.
Менгденъ баронъ 31, 99, 102,
107, 109.
Меншикова княжна Марья Алекс-
андровна 18.
Меншиковъ князь Ал—дръ Да-
нил. 11, 14—19, 108.
Мехмедъ-ефенди 187.
Милашевскій Семенъ 391.
Милашевичъ ген. М. 499.

Милославская Марія Ильиниш-
на 7.
Милославскій Ал—дръ Мих. 8.
Милославскій Ив. Мих. 8.
Минихъ графъ 15, 19, 22, 29—
31, 33—36, 43, 60, 61, 65, 76—
78, 81, 89, 90, 96, 102, 107,
108, 111, 261, 266, 423.
Миралемъ 68.
Михайловъ Григ. 358.
Михаилъ Феодоровичъ царь 5,
6, 62.
Могила 356.
Монруа 110.
Монсъ Анна 11.
Мункъ графъ 491, 492.
Мустафа султанъ 308.

*

Надыръ-шахъ 291.
Нарышкина Наталья Кирилловна
7, 10.
Нарышкинъ Ал—ѣй 388.
Наталья Алексѣвна царевна 7,
10, 12, 17, 18.
Негельдорфъ 64.
Нейгаузъ баронъ 114.
Некишинъ Федотъ 386.
Неплюевъ 64, 70, 73, 77, 78,
143, 214, 216.
Никитинъ Мартынъ 384.
Нольменъ 40, 75, 78.
Ностицъ 430.
Нуралы-ханъ 214, 295.

*

Обрѣзовъ 183, 303.
Огинскій графъ 66, 72.
Одаръ 268.
Омаровскій гетманъ 496.
Озеровъ 8.
Оксенштирина 474, 476.
Оленинъ Никол. 384.

Олеуфьевъ А. В. 217—225,
32—391.
Опара 356.
Орловы графы 419, 421, 422.
Орловъ графъ Алѣкѣй Гр. 415,
416.
Орловъ князь Гр. Гр. 388, 415,
416, 455.
Орловъ графъ Федоръ Гр. 415.
Орловы графы 260, 268, 269.
Османъ III-й 307.
Остейнъ графъ 27, 73, 74, 77.
Остенъ-Сакенъ графъ 415.
Остерманъ баронъ 19, 22, 23,
24.
Остерманъ графъ А. И. 25, 26,
28—31, 33, 35, 36, 43, 48, 60—
78, 81, 94, 97, 102, 107, 108.
Остроградскій 218, 222.

*

Павелъ I-й 257, 258, 260, 268,
315, 415, 459.
Пальмерини аббатъ 77.
Пальпіцкій 480.
Панинъ графъ Н. Ив. 257, 260,
268, 428, 429.
Панинъ графъ Н. П. 415, 416.
Пановъ Ниль 391.
Паскаль 207.
Пассенъ Петръ Богд. 268, 269,
415, 416, 421, 422.
Пассиковъ 261.
Понклеръ баронъ 187, 191.
Петровъ Семенъ 58.
Петръ Алекѣевичъ вел. князь
12, 15, 16, 17.
Петръ Петровичъ царевичъ 12.
Петръ I-й 7—16, 25, 29, 33,
43, 48, 63, 64, 101, 103, 119,
150, 157, 166—168, 206, 226,
243, 349, 356, 364, 380, 438,
439, 450, 458.

Петръ II-й 11, 18, 20, 40, 55,
343, 347.
Петръ III-й 50, 106, 109, 110,
112, 226—228, 248—271, 414,
415, 417—425.
Петръ принцъ Курляндскій 26.
Пехлинъ баронъ Іоганнъ 40,
480, 485, 490.
Пій VI-й 458.
Линій 184, 186, 191, 192, 194,
195, 196, 197.
Питъ 40¹, 406.
Подвильсь графъ 173.
Понятовскій Станиславъ (два
письма Екатерины II-й) 414, 417—
431 (Записки).
Попъ Францъ 64.
Портрѣтъ 187, 189.
Потемкинъ князь Гр. Ал. 447,
455, 464, 423, 467.
Потемкинъ графъ Павелъ Серг.
461.
Прасковья Ивановна царевна 11.
Прокоповичъ архіепископъ Фео-
фанъ 13, 25.
Прокофьевъ Гавр. 389.
Пугачевъ 432—436.
Пуговишиновъ Ив. Осип. 217.
Путятинъ 86.
Пушкинъ 356.

*

Рагузинскій Сава 63.
Радзивіль князь 403.
Радзивілы князя 329.
Разумовскій графъ Алѣкѣй Григ.
217, 391.
Разумовскій графъ Кирил. Григ.
114, 166, 217—225, 257, 260,
268, 340—349, 416.
Рахмановъ Андр. 391.
Рейсъ-ефенди 184, 186, 187,
Ревентловъ гр. 486.
194, 196, 197.
Репнина княгиня Клеопатра 52.

- Репнина княгиня Марея 52.
Репнина княгиня Праск. Ди. 55,
56.
Репнина княгиня Татьяна Алексеевна 55.
Репнинъ князь Амадръ Юрьев.
53.
Репнинъ князь Андр. Ив. 55.
Репнинъ князь Борисъ Александрович 57.
Репнинъ князь Вас. Никит. 51,
56, 58.
Репнинъ князь Ив. Никит. 51,
54—58.
Репнинъ князь Никит. Ив. (духовное завещание) 51—58.
Репнинъ князь Петръ Ив. 52,
72, 212, 336, 395.
Репнинъ князь Серг. Ив. 52.
Репнинъ князь Юр. Никит. 51,
54, 56—58.
Ржеускій 426.
Риббингъ гр. 476, 484, 485.
Ринальди 220 221.
Риттеръ 404.
Роденгаузъ баронъ 406.
Родіоновъ Анисій 436.
Розенгардъ 486.
Романовъ Федоръ Никитичъ 5,
6.
Ромоншаковъ Ив. Данилов. 86.
Рондо 67.
Рудомінѣ 66.
Румянцовъ графъ Петръ Александр. 68, 70, 72, 75, 78, 463.
Руть 474, 488.
Рычковъ 163.
Рюльтеръ 437—443, 459, 460.
- *
- Сабуровъ Андр. 389.
Сакенъ 66.
Салтыкова Прасковья Федоровна
11.
Самуйловичъ Григ. 356.
- Самуйловичъ Як. 356.
Свитецій 472—494.
Сегюръ графъ 460.
Сенека де-Меланъ 443.
Сенъ-При гр. 480, 484.
Сигизмундъ король Польскій 4.
6.
Сигизмундъ I-й 352, 357.
Сигизмундъ III-й 335, 371.
Симоновъ Андр. 385.
Синцендорфъ графъ 65.
Синявичъ 69.
Сицкая княжна Ксения Ивановна
6.
Сицкій князь Ив. Петровичъ 6.
Скавронская 104.
Скоропадскій 349, 356, 358,
360, 361, 374.
Собакинъ 69, 843.
Соймоновъ 139—140.
Соловковъ 191.
Сольмсъ графъ 68.
Софія Алексеевна царевна 11.
Сталь 485.
Стефанъ Баторій 353, 357, 365.
Станиславъ 67.
Стражнинъ княгиня 428.
Стакельбергъ гр. 486, 489.
Строгановъ графъ 268.
Стрѣшнева Евдокія Лук'яновна
7.
Стрѣшневы 102.
Сухтеленъ 499.
Сулбудовъ Алла Верди 143.
Суховей 356.
- Талызинъ 262, 418.
Тамасъ-Кули-ханъ 120.
Таубе баронъ 67, 476—492.
Тей-Мурза 178.
Текнели 215, 216.
Тепловъ 220, 257, 425.
Теренинъ Гавр. Осип. 385.
Тетеря 356.

Титовъ кайоръ 499.
Тищевъ ген. м. 499.
Толстой Ив 8, 17, 63.
Толстой Савел. Емельян. 385.
Тотлебенъ 266.
Третьяковъ 66.
Трояновскій 429.
Трубецкой князь Иванъ Юрьевичъ 21, 32.
Трубецкой кн. Н. Ю. генер.-прокуроръ 83, 95, 418, 419.
Туртаксійская графиня 406.

*

Убashi 297.
Ульфельдъ графъ 167.
Ураковъ Кель-Магомедъ 139—148.
Ушаковъ Андр. Ив. 139—143, 145—147, 173.

*

Фалькенгагенъ 66.
Фарафоновъ 139, 147.
Фердинандъ императоръ 407.
Фердинандъ V-й 273.
Ферзенъ 478.
Фермуръ 201.
Филаретъ митрополитъ Ростовский 6.
Филларъ 75.
Филооей архієписк. Халкідонский 176.
Финкенштейнъ графъ 135.
Финкъ 37.
Финшъ 75.
Фиренъ графъ 406.
Флері (де) кардиналъ 74.
Форбахъ (де) графъ 402.
Форбесъ 67.
Фридрихъ Великій 134, 276, 277, 280, 282, 283, 287, 392, 394—398.

Фридрихъ герцогъ 402.
Фридрихъ V-й 407.

Ханенко 356.
Хитровъ 423.
Хитровъ Ап-ть Андр. 212, 213.
Хмельницкій Богданъ 348, 353, 355, 357, 359, 361, 362, 372.
Хмельницкій Юрій 355, 356.
Хованецая қнягиня Анна Никит. 53.
Хованська қняжна Дар'я Федор. 53.
Хованська қняжна Праск. Федор. 53.
Хованський князь Ив. Федор. 53.
Хованський князь Серг. Федор. 53.
Хованський князь Федоръ Петр. 53.
Хорватъ 193.
Хризодонулей 70—72.
Христіанъ IV-й 402.

Центровія 66.
Цетвицъ баронъ 403, 405.
Циклеръ 8.

Чаплинецкій 355.
Чарторижскій қнязь Адамъ 414, 425, 426.
Чекалевскій 70.
Челтевъ Мих. 383.
Черкаскій князь Ап-ть Мих. 21, 22, 31, 33, 35.
Чернышовъ графъ П. Г. 170, 251, 336, 395.
Чернышовъ князь А. Н. 464.

Шавкаль 298.
Шакъ баронъ 62.
Шапизо 125, 129, 131.
Шарлота-Христина-Софія принцесса Брауншвейгъ - Вольфенбютельская 12.
Шарухъ-мирза 291.
Шафировъ 73.
Шаховской князь Ал-Фій Ив. 348, 363.
Шахъ-Надиръ 120.
Шварцъ 42, 101, 104, 105.
Шверинъ Пруссій ген. 498.
Шендель 72, 75.
Шеренъ 293.
Шетарді (де) маркизъ 38, 41, 42, 45, 74—76, 103, 119.
Шетнєвъ Никол. 391.
Шеферъ баронъ 234.
Шмидтъ 89, 430.
Шовелинъ 77.
Шуваловъ графъ Ал-дръ Ив. 201, 212.
Шуваловъ Ив. Ив. 212, 226, 260, 418, 422.
Шуваловъ 129, 140, 146.
Шуйскій князь Василій Ивановичъ 4.

Щегловитый 10.
Щербатовъ князь 66.

Эбернштейнъ баронъ 402.
Эммануилъ донъ инфантъ португалійскій 23.
Энгестремъ 484.
Эрдманъ 77.
Эскаръ 484.
Эрнстъ-Іоганъ 331.
Эссенъ 472—485.
Этамадъ-ханъ 70.

Юрьева Анастасія Романовна 5.
Юрьевъ Никита Романовичъ 5.
Юрьевъ 217, 218.
Юковъ 30.

*

Яга-паша 69.
Ягужинскій 15, 64, 65, 75, 102.
Яковлевъ 85.
Яковлевъ Макс. 385.
Яненко 356.
Яжельманъ 491.
Ясоль-паша 72.

Ѳеодоръ Алексѣевъ царевичъ 7.
Ѳеодоръ Іоанновичъ царь 5.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНЬЙШАЯ СТАТЬИ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елизаветы.—Дневная записка Коллегіи Иностр. дѣлъ 1742 г.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Юанны Елизаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ). *Со снимками.*

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюминна съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елизаветѣ.—Бумага о побѣгѣ въ чужіе края Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова.—Письма Ф. Д. Бехтѣева къ гр. М. Л. Воронцову.—Коржавины.—Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головиннымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елизаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ.—Секретная посылка Веймарпа и Ширингера 1752.—Записка гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностр. дѣлъ съ отзывами имп. Елизаветы.—Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинского къ Елизавѣтѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностр. дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ф. Д. Бехтѣвымъ, И. И. Шуваловымъ и пр. — О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планомъ*.

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елизаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елизаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ перв. полугодіе при Екатеринѣ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериной II-ю.—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

КНИГА ВОСЬМАЯ. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну графа Ф. В. Ростопчина.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ 1783—1796. *Съ портретомъ графа С. Р. Воронцова.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ, при Павлѣ и Александрѣ I-мъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ. Письма князя А. А. Безбородки.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу и къ другимъ лицамъ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

КНИГА ОСМНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, Татищева и Новосильцова.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Переписка съ Чичаговымъ и Грейгами.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ. Переписка съ графомъ Морковымъ, Тамарою, Италийскимъ, барономъ Гриммомъ, Лизакевичемъ и Смирновымъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Записки кн. Е. Р. Дацковой. *Со снимками.*

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Письма Н. М. Лопгинова къ графу С. Р. Воронцову.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Бумаги разнаго содержанія.

ЦѣНА ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГѢ
ТРИ РУБЛЯ.

Предъидущія книги имѣются въ продажѣ. Содержаніе ихъ см. на внутренней сторонѣ обертки.

Цѣна первой книги 2 р. 50 к.; книгамъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по два р.; остальнымъ книгамъ каждой по **три** рубля, съ пересылкою.

Каждая книга продается отдельно.

Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ № 104.
въ Главной Конторѣ Князя Воронцова.

